4
А43

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Актуальные проблемы культуры речи

1970

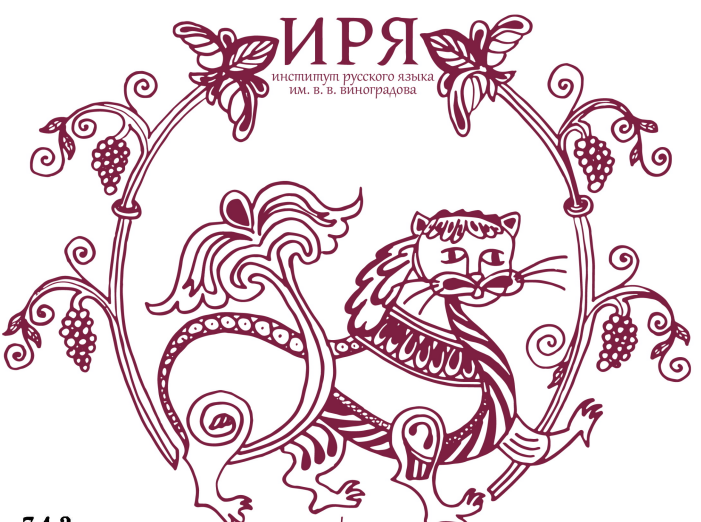
Издательство «Наука»
Москва

Сборник представляет собой теоретическое осмысление опыта работы в области культуры речи и включает статьи, рассматривающие теоретические, практические и историографические вопросы культуры речи как языковедческой дисциплины: понятие языковой нормы и ее аспекты; литературный язык и его взаимоотношение с диалектами; синтаксическая синонимия и культура речи; норма склонения имен собственных; терминология и культура речи и пр.

4
А43

Под редакцией
В. Г. КОСТОМАРОВА и Л. И. СКВОРЦОВА

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
64942

7-1-2
184—70(I)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Контуры учения о культуре речи как особого раздела науки о языке, тесно взаимодействующего с психологией и социологией, а главное, его возможности и методы действия только еще вырисовываются (Г. О. Винокур, 1925—1930; С. П. Обнорский, 1944—1948; Е. С. Истрина, 1948; С. И. Ожегов, 1955—1964; В. В. Виноградов, 1961—1964 и др.).

Главной задачей пока что можно признать поисковые работы: отыскание убедительных основ для культурно-регулятивной деятельности в области языка, разведку в различных областях языкознания и смежных дисциплин с целью обнаружения твердой почвы для фундамента такого учения — как серии теоретических изысканий, так и комплекса практических мероприятий.

Трудно найти общество, полностью удовлетворенное данным состоянием своего языка и своей речевой практики. Единодушное требование повышать качество всех видов общественной и индивидуальной речи зачастую связано с пестротой и разнобоем в понимании «высокого качества» речи и «совершенства» языка. Зыбкость этих понятий порождает вкусовой субъективизм, не считающийся с процессами развития языка и, естественно, оказывающийся беспомощным в проведении разумной языковой политики.

Эффективная культурно-речевая деятельность не может опираться на вкусовые оценки или исключительно на предшествующий опыт, а также пусть и на весьма стройные, но односторонние и предвзятые концепции. Оценочное отношение к языку в принципе возможно и правомерно лишь с учетом социо-психологических и культурно-исторических факторов и законов. Первая и необходимая пред-

посылка научного подхода к проблемам правильности и культуры языка — в осознании различия между «объективной» и «нормативной» точками зрения на язык (А. М. Пешковский, 1925).

Культура речи, теоретическое ее обоснование естественно увязывается с сознательным вмешательством в развитие самого языка, с познанием и регулированием его исторического движения. Учение о культуре речи во всех его аспектах подчинено языковой политике данного общества — принятым в нем взглядам на объединяющее его и необходимое для его существования средство общения. Только научно обоснованная теория поможет превратить нашу культурно-речевую деятельность из простого «запретительства» в позитивную программу лингвистического воспитания, выработки языкового чутья, умения наилучшим образом пользоваться языком в каждом данном речевом задании в соответствии с познанными законами функционирования языка в обществе.

Теория культуры речи обязана, «опираясь на прямое и подлинное знание языка и путей его движения, указывать истинные тенденции или способы насаждения лингвистической культурности и развития языкового самосознания и отметать все то, что противоречит нормам языка и развитому лингвистическому вкусу» (В. В. Виноградов, 1964).

Не подлежит сомнению, что недостаточна, хотя, конечно, необходима для выработки теории культуры речи опора на внутриструктурные закономерности самого языка. Учение о культуре речи не может совпасть с синхронно-описательной (даже ставящей перед собой нормативные цели) грамматикой, лексикологией или стилистикой. Для него главной является проблема функционирования языковых средств в современной речи; оно должно представить конкретизацию, связанную с живым, в первую очередь, конечно, образцовым употреблением (С. И. Ожегов, И. А. Оссовецкий, 1960); оно должно показать физиологию языка, а не его «нормальную анатомию».

В предлагаемом сборнике предпринимается попытка очертить круг вопросов, входящих в качестве слагаемых в проблематику культуры речи, актуальную для последнего десятилетия развития русского литературного языка.

Этот сборник — первый опыт теоретического осмысления работы сектора культуры русской речи по нормализации современного литературного языка. В основе

практической деятельности сектора — рекомендациях различным учреждениям и лицам, в ответах на многочисленные вопросы, в разъяснениях и консультациях — лежала и лежит борьба на два фронта: с пуризмом и с антинормализаторством. В сборнике широко используются материалы «Службы языка» сектора культуры речи, его картотек, обширной переписки, а также ответов на специальную анкету журнала «Русская речь». Мы старались характеризовать наиболее актуальный материал, с которым практически имеет дело учение о культуре речи.

Сборник охватывает широкий круг вопросов. Две статьи посвящены теоретическим проблемам, связанным с разграничением нормы и кодификации, правильности речи и культуры языка, выяснением соотношения структуры, нормы и употребления в процессе функционирования нормы и ее эволюции. В ряду иных подходов к норме предлагается динамический аспект ее понимания и объективной оценки. Одна из статей сборника посвящена проблеме литературного языка в ряду других разновидностей национального русского языка. В нем рассматриваются вопросы диалектного двуязычия, полудиалекта и другие в связи с общей темой регионального варьирования современного литературного языка. В трех статьях рассматривается литературная норма в ее современном состоянии на разных языковых уровнях — фразеологическом, синтаксическом и морфологическом (разряды собственных имен). Две статьи специально посвящены сложной и пока еще мало разработанной проблеме принятия новых слов и их нормативной оценки в плане общественно-групповых и индивидуальных оценок говорящими фактов языка. В сборнике также представлены статьи, посвященные специальным проблемам культуры речи: нормализации в области терминологии и статистическому методу как инструменту исследования и принципу нормативной оценки языкового материала (в особенности в сфере вариантов). Заключает книгу исторический очерк — обзор развития теоретических взглядов на норму в советском языкознании.

Все статьи проникают идеи развития и функционально-стилистической дифференциации литературной нормы, ее соотнесенности с системой и структурой языка, варьирования нормы в процессе речевой деятельности. Вариантность нормы рассматривается в последовательном разграничении плана нормативного (литературность — нелите-

ратурность) и плана стилистического (уместность — неуместность в разных типах и видах высказывания). Особым видом вариантности оказывается разграничение общелитературных и профессиональных единиц.

Книгу характеризует неизбежная неполнота и местами обзорность в изложении проблематики. Авторы шли на это сознательно, понимая сложность и неразработанность стоящих перед ними вопросов, а также ответственность предпринимаемой ими первой обобщающей работы. Ведь «разработка проблем культуры речи — важнейшего элемента социалистической культуры — означает внедрение достижений языкознания в народные массы» (С. И. Ожегов).

В сборник не вошли такие важные и актуальные в плане культуры речи проблемы, как писатель и норма, развитие и дифференциация современных норм в связи с развитием стилей художественной литературы, роль и место языка массовой коммуникации (печати, радио, телевидения и т. п.) в становлении и развитии современных литературных норм, проблемы языковой политики на разных этапах развития общества и мн. др.

Частично эти пробелы предполагается восполнить в дальнейшей работе сектора культуры речи и подготавливаемых в нем публикациях по конкретным вопросам культуры речи, кодификации литературных норм на разных языковых уровнях, актуальным аспектам языковой политики и языкового строительства наших дней. Соответствующая проблематика серии сборников под общим названием «Культура русской речи» разработана в секторе, и исследования начинают развертываться.

Выход первого сборника, как надеются на это авторы и редакторы, поможет объединению сил специалистов разных научных учреждений страны в разработке теоретических и практических проблем культуры русской речи, настоятельно необходимой для дальнейшего повышения языковой культуры социалистического общества.

Авторы и редакторы приносят глубокую благодарность рецензентам сборника — доценту МГУ В. П. Вомперскому, старшим научным сотрудникам Института русского языка АН СССР И. С. Ильинской и В. М. Филипповой, а также докторам филологических наук В. Д. Левину, Н. Ю. Шведовой, кандидатам филологических наук Л. П. Жуковской, В. Л. Воронцовой и О. Н. Мораховской, прочитавшим отдельные статьи и сделавшим ряд ценных замечаний.

НОРМА И ЕЕ КОДИФИКАЦИЯ

В. А. Ицкович

§ 1. Культуру речи можно было бы определить как мотивированное употребление языкового материала, как использование в данной языковой ситуации оптимальных для этой ситуации языковых средств. Культура речи — это использование средств и возможностей языка, адекватных содержанию, обстановке и цели высказывания. В этом смысле понятие культуры речи значительно шире понятия языковой нормы: в определенной ситуации не только оправданным, но и необходимым может быть то, что считается неправильным с точки зрения норм литературного языка[1].

Так, например, при соединении форм местоимения *никто*, *ничто* с предлогами последние помещаются после частицы *ни* (*ни у кого*, *ни у чего*, *ни к кому*, *ни к чему*, *ни с кем*, *ни с чем* и т. п.). Построения «у никого», «с никем», «с ничем» и под. находятся за пределами норм русского языка. Но возможна ситуация, в которой необходимо употребить именно такие построения. В русских пересказах античных мифов говорится, что Одиссей на вопрос циклопа Полифема об имени ответил, что его зовут *Никто*. С кем говорил Полифем в пещере? Ответ «Ни с кем» будет, очевидно, неправильным.

[1] См. об этом: Л. В. Щ е р б а. Спорные вопросы русской грамматики.— РЯШ, 1939, № 1, стр. 10.

Превратившись в собственное имя, Никто — омоним местоимения [2] — становится морфологически неразложимым. «Правильный», требуемый ситуацией ответ: *Полифем говорил с Никем*. Но в данном случае неприемлемость формы *с никем* объясняется единичностью, нерегулярностью употребления названного местоимения в значении собственного имени.

Несколько иной характер имеет случай, когда подобное местоимение, относясь к человеку, имеет апеллятивное значение. В следующем примере с противоречием между формой, которая требуется ситуацией, и формой, которая определяется литературной нормой, столкнулся журналист в корреспонденции, рассказывающей о встрече с невозвращенцем, о котором в тексте сказано, что он *ничто*. Корреспонденция озаглавлена «Разговор с *ничто*» («Известия», 1 июля 1967 г.). Очевидно, превращение в этом заголовке местоимения *ничто* в неизменяемое слово (употребленная здесь форма творительного падежа омонимична форме именительного падежа) вызвано тем, что автор чувствовал невозможность формы *ни с чем* в данном контексте, однако не решился употребить и противоречащую литературной норме, но необходимую в описываемой им ситуации форму «с ничем». Ср. несклоняемость рассматриваемого слова в следующем примере: ... небесное тело, сотворенное из пустоты, из «*ничто*», по терминологии древних (С. С н е г о в. Люди как боги. Сб.: «Эллинский секрет». Л., 1966, стр. 96) [3].

С другой стороны, правильная речь может не соответствовать языковой ситуации, в которой оказался говорящий [4].

Все же основой культуры речи является понятие литературной нормы. Во-первых, при определении целесообразности неправильностей они оцениваются с точки зрения «правильного», на фоне литературной нормы, выступающей в данном случае в качестве нулевой точки на шкале отсчета. В наиболее распространенных ситуациях (может быть, точнее будет сказать — в общественно наиболее значимых ситуациях) мы пользуемся (или по крайней мере стремимся пользоваться, считаем, что пользуемся) нейтральной (стилистически немаркированной) литературной «правильной» речью. По этой причине понять

[2] См.: А. А. Р е ф о р м а т с к и й. Топономастика как лингвистический факт. «Топономастика и транскрипция». М., 1964, стр. 19.

[3] Ср., правда, высказывание А. А. Зализняка относительно отсутствия всех словоформ, кроме форм именительного и винительного падежа единственного числа, у субстантивированного слова *ничто*, например: *Он совершенное ничто*, *Он превратился в ничто* (А. А. З а л и з н я к. Русское именное словоизменение. М., 1967, стр. 100).

[4] См.: В. Г. К о с т о м а р о в, А. А. Л е о н т ь е в. Некоторые теоретические вопросы культуры речи.— ВЯ, 1966, № 5, стр. 5,

литературной нормы и является одним из основных в сфере культуры речи. У некоторых авторов наблюдается даже отождествление этих понятий. Достаточно напомнить многие популярные брошюры о правильности речи, которые носят название «Культура речи», «О культуре речи» и т. д. Такого рода колебания встречаются и в лингвистической литературе [5].

Термин «норма» в лингвистике употребляется в двух значениях: во-первых, нормой называют общепринятое употребление, регулярно повторяющееся в речи говорящих (воспроизводимое говорящими); во-вторых, нормой называют предписания, правила, указания к употреблению, зафиксированные учебником, словарем, справочником. Некоторые авторы не различают эти два понимания нормы, недифференцированно употребляя названный термин одновременно в двух отмеченных выше значениях; например: «Нормы языка — это стихийно возникшие языковые категории, они утверждаются людьми (последние слова показывают, что термин «норма» употреблен во втором из отмеченных выше значений.— *В. И.*). Однако люди не могут создавать их в соответствии со своими субъективными пожеланиями. Нормализация предполагает обобщение закономерных процессов языка и учет направления развития отдельных его звеньев» [6] (это высказывание, очевидно, соотносится с пониманием термина «норма» в первом из названных значений.— *В. И.*).

Признание объективности существования языка, с одной стороны, и относительного характера человеческого познания, с другой стороны, неизбежно приводит к необходимости различать два явления: объективно действующие в данное время в данном языковом коллективе законы языка и их воплощение в языковом материале, с одной стороны, и отражение (с разной степенью адекватности) этого объективно данного в сознании тех, кто рассуждает о языке,— с другой [7]. Это различие впервые было прове-

[5] Ср.: «В пособии ставятся только вопросы культуры речи, т. е. владения языковыми нормами» (Е. А. Бахмутова. Культура речи. Изд-во Казанского ун-та, 1960, стр. 7), но: «Соответствие нормам языка еще не исчерпывает понятия культуры речи» (Там же, Изд. 2. Изд-во Казанского ун-та, 1964, стр. 7).

[6] Н. К. Пирогова. О нормах и колебаниях в ударении. «Филол. науки», 1967, № 3, стр. 21.

[7] Имеется в виду не практическое пользование языком, а научное (или претендующее на научное) изучение фактов языка, рассуж-

дено в трудах Пражского лингвистического кружка, прежде всего — в работах Б. Гавранка [8]. После этих работ стала очевидной необходимость разграничивать названные понятия, разграничивать объективно существующую языковую норму и отражение этой нормы в лингвистических трудах, т. е. ее кодификацию.

«Каждый член определенного общественного целого, территориального или рабочего (т. е. профессионального.— *В. И.*),— пишет Б. Гавранек в резюме одной из своих последних работ,— подчиняет бессознательно или сознательно свои высказывания языковым навыкам соответствующего целого, ибо в ином случае он исключал бы себя из него» [9]. Это обязательное в данное время в данном языковом коллективе и представляет собой языковую норму (норму литературного языка, норму того или иного территориального диалекта и т. п.).

В соответствии со сказанным, под нормой языка здесь понимаются объективно существующие в данное время в данном языковом коллективе матрицы фонем и их вариантов, законы сочетаемости фонем, значения морфем и слов, модели словообразования и словоизменения и их реальное наполнение, модели синтаксических единиц — словосочетаний, предложений — и их реальное наполнение [10]. Короче говоря, норма — это существующие в данное время в данном языковом коллективе и обязательные для всех членов коллектива языковые единицы и закономерности их употребления, причем эти обязательные единицы могут

дения о языке, т. е. те случаи, когда говорящий или пишущий выступает как лингвист. Смешение этих двух сторон приводит к тому, что в сознании неспециалистов практическое владение языком отождествляется с научным познанием его, считается достаточным для утверждений относительно правомерности или неправомерности тех или иных языковых фактов, в результате чего и появляются весьма распространенные в быту лингвистически несостоятельные утверждения.

[8] См. сборник «Spisovná čeština a jazyková kultura» (Praha, 1932). Значительная часть работ Б. Гавранка перепечатана в кн.: B. H a v r á n e k. Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963. Там же указание на принадлежность Б. Гавранку тезисов «Obecné zásady pro kulturu jazyka», опубликованных в сборнике 1932 г. (см. стр. 118). Русские переводы ряда работ помещены в сборнике «Пражский лингвистический кружок» (М., 1967; далее — ПЛК).

[9] B. H a v r á n e k. Studie o spisovném jazyce, стр. 86—87.

[10] Ср.: В. А. И ц к о в и ч. Языковая норма. М., 1968, стр. 5.

либо быть единственно возможными, либо выступать в виде сосуществующих вариантов.

Норма, как правило, выступает в сознании говорящих несформулированной, лишь как навык. Об этом свидетельствует часто встречающееся неумение говорящих сформулировать возражения против того, что им представляется неправильным («не звучит», «нехорошо», «некрасиво», «так нельзя» и т. п. свидетельствуют об интуитивном неприятии факта и одновременно о неосознавании, неосмыслении законов языка, действующих в данном круге явлений), неправильное обоснование правильных по существу возражений. Неосознанность нормы — факт, давно известный диалектологам; именно этой неосознанностью об'ясняется запрет задавать информанту вопрос: «Как ты говоришь?», так как ответ на такой вопрос нередко отражает не реальную речевую практику информанта, а его представление о том, как надо говорить,— представление, которое может резко расходиться с его собственной речевой практикой.

Имплицитно норма выступает в виде образца, или, точнее, текстов, считаемых образцовыми (не будем касаться здесь сложной проблемы субъективного и объективного в представлениях о языковом идеале). В этой своей ипостаси норма проявляется в неявной, несформулированной, неописанной форме, представляет собой, так сказать, вещь в себе. При этом влияние подобных текстов поддерживается общим употреблением, индивидуальные отступления отдельных авторов могут даже вызывать протесты, что и является базой для ссылки говорящих, при утверждении нормативности языкового явления, не на отдельного писателя, а на то, что «так все говорят».

Эксплицитно, в явном виде, сформулированной, норма предстает перед носителями языка в кодификации, отражающей представление авторов грамматических пособий и словарей о языковой норме,— представление, более или менее точно отражающее норму, но, как правило, не адекватное объективной норме[11].

---

[11] Синонимичным принятому здесь термину Пражского лингвистического кружка «кодификация» является термин «нормализация», широко распространенный в нашей лингвистической литературе. Этот термин неудачен с точки зрения системности терминологии, так как словообразовательные связи вызывают ложные ассоциации с термином «норма», скрывают, затушевывают противопостав-

Неадекватность кодификации литературной норме объясняется (если оставить в стороне как внешнее, случайное субъективизм некоторых авторов или просто их недостаточную лингвистическую квалификацию) ретроспективностью кодификации, ее ориентацией на образцы, хронологически удаленные от современности [12]. Медленность языковых изменений и в связи с этим внешняя неразличимость, мнимая языковая идентичность текстов, разделенных пятидесяти-столетним интервалом, поддерживаемая к тому же употреблением в жанрах художественной литературы слов, форм и конструкций, отсутствующих в современном живом употреблении, но зафиксированных в художественных текстах прошлого,— все это создает иллюзию «современности», с точки зрения языка, текстов, значительно удаленных хронологически от настоящего времени, и ведет к извлечению из этих текстов образцов и иллюстраций в современных грамматиках и словарях не только в той (большей) части случаев, когда иллюстрируемое такими примерами употребление не отличается от современного, но и тогда, когда в современном языке произошли в данном случае изменения, когда со старой нормой сосуществует новая или даже старая норма вытеснена новой. «Иллюзия современности» поддерживается в сознании носителей языка и тем, что темп изменений различен для разных уровней языка. Поэтому, например, текст, «современный» с точки зрения грамматики, может казаться не отличающимся вообще от современного, несмотря на различия в лексике. Вообще говоря, со сказанным связана трудность определения границ с о в р е м е н н о г о языка. По-видимому, хронологические рамки «современного» должны быть различными для разных уровней языка (что связано с разным темпом изменений на разных уровнях).

ление объективно данного (норма) и его отражения в правилах (кодификация).

Под н о р м а л и з а ц и е й следует понимать, исходя из системных отношений этого термина, не описание нормы (ее кодификацию), а активное вмешательство в языковой процесс, например введение определенных терминов и отказ от других, как нежелательных по каким-нибудь причинам. Но если терминология в большой степени подчиняется такому активному вмешательству, то в сфере литературного языка оно эффективно лишь в той мере, в какой кодифицирует (вопреки грамматической традиции) закрепившееся в литературном употреблении.

[12] См.: В. Г. К о с т о м а р о в. О ретроспективности учения о культуре речи. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1966, т. XXV, вып. 2.

В общем виде можно сказать, что величина временно́го отрезка, в пределах которого можно пренебречь диахроническими изменениями, для каждого уровня обратно пропорциональна темпам изменений, происходящих в явлениях этого уровня.

Ретроспективность предписаний настолько распространена, что история запретов отражает в некоторой степени историю изменений в языке. Как писал В. Матезиус, «развитие языков вообще складывается прежде всего из изменений, которые вначале с точки зрения действующей нормы воспринимаются как ошибки» [13]. Естественно, запрещается то, что уже встречается в узусе, входит в употребление, а вследствие этого — и в поле зрения грамматиста. «Говорят и пишут *дома́*, но лучше употреблять в сем случае окончание правильное: *домы*» [14]. Можно напомнить и возражения против употребления *закрыть дверь*: *закрыть* — значит «наложить крышку, покров», «заслонить предмет другим»; но дверь, ворота, окна, выдвижные ящики *затворяют* [15]. Ср. также запреты употреблять конструкции типа *по нему*, как «противные духу языка» [16] и т. п.

Приведенные здесь (и многие подобные) слова и формы попали в поле зрения запрещающих тогда, когда они,

[13] В. Матезиус. О необходимости стабильности литературного языка.— ПЛК, стр. 380.

[14] Н. И. Греч. Пространная русская грамматика. Изд. 2. СПб., 1834, стр. 62.— Как отмечает В. А. Плотникова-Робинсон, форма *дома́* зарегистрирована в XVIII в. у Карамзина, Фонвизина, Суворова. А. Х. Востоков (1831) называет *дом* в числе слов, от которых образуются формы именительного множественного на *-а* и на *-ы* (см.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного». Под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. М., 1964, стр. 208—210).

[15] «Отчего? Зачем? и почему? Оскуденье и искаженье русской речи. Наблюдения А. Б.» СПб., 1889, стр. 31.— См. запоздалое повторение этих протестов в наши дни: «Обычно предметы, имеющие к р ы ш к у, открываются и закрываются, а предметы, имеющие с т в о р к и, отворяются и затворяются. Вот почему сундук, шкатулка, коробка — з а к р ы в а ю т с я, а дверь, окно, шкаф — з а т в о р я ю т с я» (Б. Тимофеев. Правильно ли мы говорим? Л., 1960, стр. 60). Ср. у Пушкина: *закрытые окна*; *закрытые ставни* («Словарь языка Пушкина», т. II, М., 1957, стр. 58); *открыла дверь*; *открой ставни*; *открой окно* (Там же, т. III, М., 1959, стр. 213).

[16] Я. К. Грот. Филологические разыскания. Изд. 4. СПб., 1899, стр. 917; ср.: В. Долопчев. Опыт словаря неправильностей русской разговорной речи. Изд. 2. Варшава, 1909, стр. 184.

по-видимому, были уже достаточно широко распространены, когда начинали становиться нормой [17].

§ 2. Понятие нормы соотносится с понятиями системы языка, структуры языка и употребления.

Система языка — это система возможностей, решетка с заполненными и пустыми клетками, схема, которая «охватывает идеальные формы реализации определенного языка, то есть технику и эталоны для соответствующей языковой деятельности» [18]. Система языка — это система существующих в языке моделей, типов. Система обязательно содержит пустые клетки. Как писал Л. А. Булаховский, «никогда, ни в какую эпоху не были и не могли быть использованы до конца все формальные возможности, предоставляемые языком» [19]. На протяжении развития языка некоторые возможности, заложенные в системе, реализуются, некоторые пустые клетки заполняются, другие же возможности так и остаются нереализованными (ср., например, отсутствие в русском литературном языке страдательных причастий будущего времени и сослагательного наклонения, отсутствие в современном литературном языке кратких действительных причастий — хотя, как показывает следующая схема, для них есть место в системе глагольных форм).

Причастия	Полные	Краткие
Страдательные	+ (*написанный*)	+ (*написан*)
Действительные	+ (*написавший*)	—

Приведенная схема, кстати, показывает, как происходит перераспределение отношений в системе. Нечленные действительные причастия, утратив изменяемость, образовали особую категорию деепричастий. С другой стороны, в соответствии с историческими не-

[17] Показательно следующее примечание к противопоставлению «правильного» *ставень* «неправильному» *ставня*: «*Ставня* ж. почти вытесняет *ставень* м.» (В. Д о л о п ч е в. Указ. соч., стр. 263). Это наблюдение не мешает автору считать единственно правильной только «почти вытесненную», по его мнению, форму.

[18] Э. К о с е р и у. Синхрония, диахрония и история. «Новое в лингвистике», вып. 3. М., 1963, стр. 175.

[19] Л. А. Б у л а х о в с к и й. Курс русского литературного языка, т. I. Изд. 5. Киев, 1952, стр. 130.

членными формами на *-л* в современном языке отсутствуют членные формы (ср. генетически связанные с глаголом прилагательные типа *былой*, *гнилой*, *постылый*, *усталый*).

Наличие родовых предикативных форм на *-л*, функционально сходных с краткими страдательными причастиями, привело к своеобразному грамматическому супплетивизму: *писал — писавший*, подобно *написан — написанный*. Правда, нельзя не учитывать и принципиального различия между *писал*, употребляемым только без связки, в значении прошедшего времени, и *написан*, имеющим формы всех трех времен и употребляемым только со связкой (в настоящем времени — с нулевой связкой).

Под структурой языка понимаются реализованные возможности системы [20]. Так как не все возможности системы реализуются в языке, то структура, кроме моделей, включает в себя и списки единиц, объединяемые той или иной моделью, подчиняющихся в своем образовании данной модели. Например, если система языка содержит существующие в современном языке модели словообразования, то структура языка включает в себя эти модели в ином виде — в виде открытых или закрытых списков слов, образуемых по той или иной модели. Система русского языка содержит три класса существительных, имеющих формы единственного числа,— существительные мужского, женского и среднего рода. Но если род части существительных определяется моделью (склоняемые существительные на *-а*, не обозначающие лиц мужского пола,— женского рода; склоняемые существительные на твердый нешипящий согласный — мужского рода, склоняемые существительные на *-о*, *-е* и несклоняемые существительные неодушевленные — среднего рода и т. д.), то род существительных на мягкий нешипящий согласный и на шипящий фиксируется списком: *нож*, *день*, *кулеш*, *хвощ*, *миндаль*, *горбыль*, *перечень* и т. п. мужского рода, а *рожь*, *тень*, *плешь*, *мощь*, *медаль*, *прибыль*, *печень* и т. п.— женского рода. Списки (словарь) регистрируют распределение образований между моделями, языковое наполнение моделей.

www.ruslang.ru

[20] Т. е. то, что Э. Косериу называет нормой. Ср.: «... норма соответствует не тому, что «можно сказать», а тому, что уже «сказано» и что по традиции «говорится» в рассматриваемом обществе»; «Система охватывает *идеальные формы* реализации определенного языка, технику и эталоны для соответствующей языковой деятельности; норма же включает *модели*, исторически *уже реализованные* с помощью этой техники и по этим шаблонам» (Э. К о с е р и у. Синхрония, диахрония и история, стр. 175).

64942

Таким образом, понятие структры включается в более широкое понятие системы. Структура — это система в ее реализации, структура — это заполненные клетки системной решетки [21].

Понятию системы противостоит понятие употребления, охватывающего всю совокупность речевой деятельности и ее результатов — сумму всех текстов, письменных и устных, все написанное и произнесенное на современном русском литературном языке [22]. Естественно, лингвистам чисто технически не под силу охватить все употребление: какие-то факты могут случайно оказаться вне поля зрения исследователя или так же случайно попасться на глаза (поэтому такое большое значение в лингвистическом анализе приобретает наблюдательность и интуиция исследователя). Употребление — это живая речь (устная и письменная) во всех ее проявлениях, именно здесь формируются новые явления в языке. Употребление опирается на систему, но оно и расшатывает ее, являясь той сферой, в которой возникают, через которую проникают в норму (а через нее и в систему) внесистемные образования. Как отмечал Л. В. Щерба, литературная речь «не дает отступлений от нормы или дает их крайне мало». Разговорная же речь «соткана из всяких изменений нормы. Можно сказать, что все изменения языка, которые потом проявляются и в монологической речи, куются и накопляются в кузнице разговорной речи» [23].

Источником, из которого приходят в литературный язык новые модели, может быть и профессиональное употребление. Например, в системе современного русского языка

---

[21] Как видно, характеристика структуры отличается от данной в нашей книге «Языковая норма» (см., в частности, стр. 16 и сл.) тем, что здесь в понятие структуры не включаются внемодельные явления — грамматические и словообразовательные архаизмы, заимствования и т. п.

[22] Л. В. Щерба назвал это явление «языковым материалом», который, по его определению, «не деятельность отдельных индивидов, а совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы (Л. В. Щ е р б а. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании.— В кн.: В. А. З в е г и н ц е в. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960, стр. 303).

[23] Л. В. Щ е р б а. Современный русский литературный язык. «Избр. работы по русскому языку». М., 1957, стр. 116 (ср. и стр. 128).

есть модель существительных на *-ость*, обозначающих «признак, отвлеченный от предмета, или свойство чего-нибудь» [24], например: *бодрость*, *вялость*, *гибкость*, *гордость*, *грубость*, *дикость* и т. п. Все эти существительные образуются от основ качественных и качественно-относительных прилагательных. Наряду с этим в терминологической речи появляются слова на *-ость*, соотносительные не с прилагательными, а с существительными,— слова типа *рядность*, *этажность*, *сортность* и под. Эти слова образованы вразрез с существующей в системе языка моделью, хотя, так сказать, на фоне этой модели (ср.: *бодрый — бодрость* и *двухрядный*, *трехрядный — рядность*). Но в современной специальной речи это уже не единичные аномалии, а «самостоятельный словообразовательный тип в пределах общей модели имен на *-ость*» [25]. Таким образом, на периферии литературного языка появляется в словообразовательной системе новый тип, изменяющий, пусть пока в специальной речи, характер словообразовательной модели «основа прилагательного + *-ость*».

Система языка содержит в себе самой внутреннее противоречие, являющееся движущей силой, пружиной ее исторического изменения,— противоречие между синхронической замкнутостью, закрытостью и диахронической открытостью, размытостью границ системы, противоречие между системностью и эволюцией языка [26]. Само понятие системы предполагает фиксированность позиции одного элемента системы относительно других ее элементов. Но система языка не есть нечто неподвижное, «в каждом языке в любой момент его развития должны быть представлены как уже развившиеся элементы, так и, наоборот, элемен-

[24] «Грамматика русского языка», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 254.

[25] В. П. Даниленко, В. Н. Хохлачева. О словах типа *этажность* (соотношение общелитературного и терминологического словообразования).— ВКР, вып. VII. М., 1966, стр. 74.

[26] Ср.: «... Языки непрестанно изменяются, но функционировать они могут только не меняясь. В любой момент своего существования они представляют собой продукт временного равновесия. Следовательно, это равновесие является равнодействующей двух противоположных сил: с одной стороны, традиции, задерживающей изменение, которое несовместимо с нормальным употреблением языка, а с другой — активных тенденций, толкающих этот язык в противоположном направлении» (Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, стр. 29).

ты, переживающие самое начало своего становления»[27], а также, добавим, реликтовые элементы, оставшиеся от прошлого. Следовательно, отдельные элементы структуры все время находятся в движении, в ней происходит медленная, но непрерывная перестройка, заключающаяся в исчезновении одних элементов и в появлении других, а в связи с этим — в изменении взаимоотношений между элементами системы, перестройка, заключающаяся в исчезновении одних моделей и в появлении других, в изменении реального наполнения моделей.

Начало этих изменений лежит в употреблении, именно там возникают образования, недопустимые с точки зрения сложившейся к моменту их появления системы, но нередко представляющие собою зерно элементов или моделей системы на последующих этапах ее изменения. «Связь между языковой системой, языковой нормой и употреблением,— как писал Э. А. Макаев,— является двусторонней, ибо в употреблении могут возникать варианты, вовсе не предусмотренные ни языковой системой, ни нормой. Эти варианты могут либо быть отброшены системой и нормой, либо могут закрепиться и войти в систему»[28].

Субъективно все хотят говорить «как говорят все»[29] (намеренные отклонения от обычного употребления только подчеркивают это стремление. В большинстве случаев использование отступлений от общепринятого связано со специальным стилистическим заданием; ср. употребление иносистемных — диалектных, иноязычных единиц в качестве средства речевой характеристики персонажа).

---

[27] Ф. Данеш, И. Вахек. Пражские исследования в области структурной грамматики на современном этапе.— ПЛК, стр. 331.

[28] Э. А. Макаев. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц.— ВЯ, 1962, № 5, стр. 48.

[29] Стремление «говорить как все» очень четко проявляется в речи выходцев из диалектной среды, владеющих литературным языком. У них может быть своего рода двуязычие: диалект, которым они пользуются при общении с носителями диалекта, и литературный язык — для общения с носителями литературного языка — факт, хорошо известный диалектологам. Любопытно в связи с этим высказывание одной крестьянки, приведенное Е. В. Ухмылиной: Ф Кӳйбышывш я ӷыварю «тибе́», а дамо́й прие́ду — «табе́» (Е. В. Ухмылина. О языковой сознательности носителей говора. «Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», 1967, вып. 76, стр. 169). Ср. и употребление гиперизмов вроде *Очень вами благодарны* (вместо *вам*); *зафати́ть* (вместо *захвати́ть*) и под.

Как писал А. Мартине, «язык каждого отдельного человека быстро «испортился бы» (т. е. стал бы непонятным для других), если бы не осуществлялось непрерывное социальное влияние, направленное на сохранение языковых условностей, и если бы не существовало той постоянной регламентации, которая связана с необходимостью взаимопонимания. Регламентация существует как в лексике и грамматике, так и в фонологии. Мы говорим правильно для того, чтобы нас поняли (или, по крайней мере, как если бы мы хотели именно этого)» [30].

Объективно у каждого из говорящих встречаются те или иные отклонения от того усредненного идеала, который называется языковой нормой. В сумме таких индивидуальных отклонений от обычного в данную эпоху — отклонений, как правило не осознаваемых носителями языка, проявляются некоторые тенденции развития языка, факторы, «грызущие норму» (по выражению Л. В. Щербы). Например, в отклонение от принятой, оставшейся от старой системы формы, образованной по непродуктивной модели, может распространиться форма, образованная по продуктивной модели (например, *двигает* вместо *движет*), в чем проявляется тенденция к регулярности образований.

Разумеется, не все явления, возникающие в употреблении, включаются позднее в систему. Наряду с перспективными образованиями в речи могут появляться и нежизнеспособные (или недостаточно жизнеспособные), вступающие в противоречие с тенденциями изменения языка; могут появляться и окказиональные образования, не противоречащие системе, но не входящие по той или иной причине в общее употребление.

Итак, в языке выделяются, в рассматриваемом аспекте, три уровня: система («система возможностей»), структура (материально заполненная часть системы), употребление («языковой материал», по Л. В. Щербе). Норму нельзя рассматривать как один из уровней этой схемы, связь нормы с названными уровнями имеет иной, более сложный характер. Норма включает в себя, во-первых, структуру (т. е., как было сказано, материально заполненную часть системы), во-вторых, то из употребления, что, хотя и про-

[30] А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, стр. 62—63.

тиворечит старой системе (и, следовательно, не входит в старую структуру), но закрепилось в традиции литературной речи, соответствует тенденциям развития языка и поэтому является основой развития новых элементов системы. «Все то новое, развивающееся,— писал В. В. Виноградов,— что оправдано внутренними законами развития языка, соответствует его структуре, опирается на живые тенденции народного творчества, на активные процессы в области грамматики, семантики, словоупотребления, словообразования и т. п., не может считаться «неправильным», не может отвергаться на основе индивидуальных вкусов и привычек: оно входит или может войти в язык независимо от этих вкусов» [31].

§ 3. Система, структура, употребление накладывает на норму определенные ограничения. В синхроническом аспекте норма в том, что касается моделей, не может выходить за пределы языковой системы, за пределы того, что возможно. Нарушение этого ограничения означало бы появление образований не только отсутствующих, но и невозможных в данной языковой системе.

Ранее было сказано об изменениях языковой системы. За пределами нормы могут возникать образования, противоречащие существующей в данный момент системе, но включаясь в норму, они таким образом входят — через структуру — и в систему. Точнее говоря, включение в норму сопутствует (с некоторым опережением) включению в систему языка (на ее новом этапе).

Например, системой русского языка определяется обязательное согласование прилагательного с существительным в падеже, числе и (в формах единственного числа) в роде. Такое согласование отличает систему русского языка, например, от тюркских, в которых присубстантивное прилагательное не принимает падежных аффиксов и аффикса множественного числа. Ср. русск. *белый дом*, *белого дома*, *белому дому*, *белые дома* и соответствующие казахск. *ақ үй*, *ақ үйден*, *ақ үйге*, *ақ үйлер*. Но в современном русском языке «очень интенсивно формируется... группа аналитических прилагательных» [32] типа *беж*, *хаки*, *электрик*,

---

[31] В. В. Виноградов. Задачи советского языкознания... ВЯ, 1952, № 1, стр. 26.

[32] «Русский язык и советское общество (проспект)». Алма-Ата, 1962, стр. 54.

маренго, *бордо* и т. д. Эти постпозитивные прилагательные неизменяемы (*цвет хаки*), их наличие, следовательно, противоречит старой системе литературного языка, но сам факт их существования в пределах литературной нормы свидетельствует о том, что происходит процесс включения в систему современного литературного языка типа неизменяемых прилагательных. Ср. и препозитивные прилагательные типа *горе-исследователь*, *коми-писатель*, *радиофельетон*, *фотолаборатория* и др. [33]

Таким образом, ограничение нормы возможностями системы означает недопустимость в современной норме образований по моделям, отсутствующим в современной системе. Оценка соответствия новых моделей норме должна исходить из адекватной характеристики современной системы языка, должна исследовать, входят ли данные модели в современную систему. Это требует специального анализа потому, что рассмотрению подвергаются образования, для которых не было места в системе предшествующего периода, и значит, упоминавшаяся ранее ретроспективность оценок может привести к субъективному протесту против таких явлений на том основании, что «подобного в языке не было».

Такие возражения — следствие естественного стремления к стабильности литературного языка. Чем более развит литературный язык, чем дольше литературная традиция, чем шире сфера употребления и функции литературного языка, тем сильнее, с одной стороны, тенденция к стабильности, ориентация на образцы прошлого, на кодифицированную норму, а с другой стороны — потребность (особенно в периферийных зонах, например в профессиональной речи) выхода за пределы существующего, необходимость (в связи с изменениями в производстве, в общественных отношениях) в новых образованиях [34]. Ср., например, в синтаксисе, с одной стороны, распространение формул, устойчивых, закрепленных употреблением распространенных словосочетаний, а с другой стороны — эл-

---

[33] Там же, стр. 54.

[34] «Развитие языка постоянно определяется стремлением сохранить установившееся употребление языковых единиц и невозможностью его сохранить» («Лексика современного русского литературного языка». Под ред. М. В. Панова. М., 1968, стр. 25).

липтизацию распространенных словосочетаний, формирование на их основе новых, более коротких соединений слов, изменяющее словосочетательные способности слова [35].

Второе ограничение, накладываемое на норму,— ограничение нормы структурой языка.

Выходом за пределы структурных ограничений являются образования по не реализованным в структуре моделям системы и выход за пределы списков.

Структура языка ограничена реализацией возможностей системы, и выход за пределы этой реализации означает выход за пределы современной нормы. Например, параллелизм парадигм настоящего и будущего простого времени создает в системе языка возможность образования причастий будущего времени (совершенного вида). В структуре языка такие образования отсутствуют — это пустая клетка системы.

Вид	Форма	Настоящее (будущее простое) время	Прошедшее время
Несовершенный	Спрягаемая	+	+
	Причастие	+	+
Совершенный	Спрягаемая	+	+
	Причастие	—	+

Наличие в системе современного языка возможности образования причастий будущего времени подтверждается тем, что спорадически подобные формы появляются в печати, например: ...показано также, как днем дежурный встречает поезд, *проследующий* станцию без остановки («Наука и жизнь», 1966, № 8, стр. 33); Дорогие мои друзья, большие и малые, писавшие и еще *напишущие*... («Комс. правда», 2 февр. 1966 г.); Голые, но вот-вот *зазеленеющие*, стояли кругом серые кусты акаций... («Наш современник», 1967, № 5, стр. 70); ... трудно сказать, чья пуля быстрее найдет *заинтересующий* ее лоб — ваша или моя («Октябрь», 1967, № 11, стр. 86). Редкость и нерегулярность подобных

[35] См. об этом: Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966.

образований — при внешней их неограниченности — говорит о том, что они находятся за пределами структуры современного литературного языка, за пределами его современной нормы.

Свидетельством ненормативности образования является и выход его за пределы списка, который, как говорилось, является одним из компонентов структуры. В тех случаях, когда в языке существуют разные модели для выражения одинаковых явлений, распределение образований между моделями определяется списками. При этом обычно списки бывают закрытыми, замкнутыми только для образований по непродуктивным моделям. Образования по продуктивным моделям представляют собой открытый список, в котором, как правило, отсутствуют построения, соотносительные с непродуктивными образованиями. Однако продуктивность модели приводит к тому, что она вовлекает в сферу своего влияния основы непродуктивных типов, в результате чего в литературном языке появляются параллельные образования. См., например, образования по продуктивной модели *-ать — -ают* у глаголов непродуктивной группы *-ать — -ут* (без *а* в формах настоящего времени), например *двигать — двигает*, при старом *двигать — движет*; ср.: Затем *полоскает* рот дистиллированной водой («Неделя», № 51, 1967, стр. 18).

Важное ограничение нормы — реальная употребительность/неупотребительность языкового явления. Собственно говоря, при неупотребительности какого-нибудь явления нельзя говорить о норме. Необходимо только, говоря об употребительности как показателе нормативности, учитывать сферу употребления: как употребительность явления в литературном языке ничего не дает для суждения, например, о его нормативности или ненормативности в каком-нибудь говоре, так и употребительность, например, в просторечии, может свидетельствовать лишь о том, что данное явление является нормой для просторечия, но не позволяет переносить этот вывод на литературный язык. Именно так, думается, следует понимать А. А. Шахматова, писавшего, что «главный и единственный авторитет в языке — это обычай, употребление. То, что вышло в языке из употребления, как бы оно ни было правильно или согласно с духом языка, не может быть насильно вновь навязано; обратно, борьба с узаконенною употреблением неправильностью (пользуясь этим термином вполне

условно) бесплодна» [36]. Ср. и известное высказывание Е. С. Истриной: «Норма определяется степенью употребления при условии авторитетности источников» [37].

В эти характеристики значения употребительности следует, однако, ввести ограничения, связанные (по крайней мере для некоторых уровней языка) с соответствием образований языковым моделям, с их системностью. Н. Ю. Шведова так определяет соотношение употребительности и «модельности» языковых явлений: «Грамматическая норма — это такое образование и употребление форм и категорий, которое, характеризуясь регулярной воспроизводимостью в коллективной языковой практике носителей литературного языка, вводит соответствующие языковые единицы в системные соотношения и связи с другими единицами языкового строя» [38].

Существует, правда, и иная точка зрения. Например, по мнению Б. Н. Головина, «употребительно не то, что распространено, а то, что обязательно, что соответствует требованиям и рекомендациям, извлекаемым из "языка" образцовой художественной и иной литературы» [39]. Но непонятно противопоставление «распространенного» языку образцовой литературы. Если явление употребительно («распространено») в письменной форме литературного языка, это противопоставление оказывается мнимым, нормой будет распространенное, а не редкое, хотя бы это редкое и встретилось в образцовой литературе. Например, вряд ли нормой конца XIX в. было не *ковш*, а употребленное Л. Толстым в «Анне Карениной» диалектное *корец*. Если употребленное в образцовой литературе противопоставляется распространенному в устной литературной речи, то здесь смешаны нормы письменной формы литературного языка и его устной формы (причем многие нормы устной формы литературного языка со временем могут закрепиться и в его письменной форме). Точно так же необоснованно

---

[36] А. А. Шахматов. Несколько слов по поводу записки И. Х. Пахмана.— Сб. ОРЯС, т. 67, № 1. СПб., 1899.

[37] Е. С. Истрина. Нормы русского литературного языка и культура речи. М.— Л., 1948, стр. 19.

[38] Н. Ю. Шведова. О понятии синтаксического ряда. «Историко-филол. исследования. Сб. статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада». М., 1967, стр. 211.

[39] Б. Н. Головин. О качествах хорошей речи.— РЯШ, 1964, № 2, стр. 19.

противопоставление литературного употребления распространенности в нелитературных формах речи.

В сфере употребления можно наблюдать как отсутствие образований, допускаемых моделями, так и появление образований, вступающих в противоречие с той частью структуры, которая является наследием предшествующего периода развития языка.

Так, с одной стороны, можно привести примеры регулярных (следовательно, соответствующих моделям, реализованным в структуре языка) образований, которые оказываются за пределами языковой нормы только потому, что отсутствуют в реальном употреблении. См., например, глаголы «садоводствовать» («садовничать»), «доярничать» («доярить» — ср. *столярничать*, разг. *столярить*), существительные «черность», «белость» и т. п.

С другой стороны, фактор употребительности важен потому, что именно в употреблении складываются — в результате взаимодействия разнообразных, иногда противоречащих друг другу факторов — тенденции языковых изменений. Ср., например, действующие нередко в противоположных направлениях тенденцию к стабильности литературного языка, под влиянием которой сохраняются архаичные формы, например, тв. мн. *людьми*, *детьми*, личные глагольные формы *пеку — печешь*, *печет*, *стерегу — стережешь*, *стережет*, и тенденцию к регулярности образований, которая вызывает к жизни формы *людями*, *детями*, *пекешь*, *пекет*, *стерегешь*, *стерегет*; под влиянием продуктивной модели с неизменяемой при склонении основой в литературное употребление вторгаются формы дательного, творительного, предложного падежа множественного числа *церквям*, *церквями*, *церквях* — при образцовом *церквам*, *церквами*, *церквах* [40]. В отдельном, индивидуальном употреблении сильнее могут быть одни или другие факторы. Но для того, чтобы установить тенденции, направление изменений, важны не столько отдельные казусы, явные индивидуальные отклонения от общего употребления[41]

[40] Ср. замечание А. А. Зализняка: «В современном разговорном языке, а также в литературе достаточно часто встречаются и словоформы... *церквям*, *церквями*, *церквях*. Таким образом, принятую сейчас норму можно считать устаревающей» (А. А. Зализняк. Указ. соч., стр. 239).

[41] «Все подлинно индивидуальное, не вытекающее из языковой системы, не заложенное в ней потенциально, не находя себе отклика и даже понимания, безвозвратно гибнет» (Л. В. Щер-

(хотя и их исследование может быть небесполезным), сколько, так сказать, равнодействующая этих отклонений.

§ 4. Существенной чертой развитого литературного языка (главным образом в основной письменной форме его существования) является кодифицированность его норм, их письменная фиксация в руководствах.

Положительные стороны кодификации очевидны: она позволяет заменить интуитивные представления о норме знанием нормы, помогает найти правильное решение в трудных или сомнительных случаях, создает условия для преподавания единой формы литературного языка, способствует единству и стабильности литературного языка на всей территории его распространения.

Но кодификация страдает и недостатками — как внешними, так и внутренне присущими ей.

К внешним, не зависящим от самой кодификации недостаткам ее относится типичный для многих нормативных описаний ригоризм, представление в них языка «в окаменелом виде», по выражению Л. В. Щербы [42], отсутствие в них указаний на варианты и на сферы функционирования вариантов (в пределах литературного языка).

Внешним недостатком кодификации является и ее несоответствие (разумеется, только в отдельных случаях) современной норме, ориентация на старую норму. В результате кодификация в некоторых аспектах отстает от нормы, что «неминуемо создает конфликты между грамматическими, произносительным или лексикографическим сводом «законодательных установлений» и новыми явлениями, еще не узаконенными, но уже достаточно прочно укоренившимися в практике литературной речи» [43].

Некоторые исследователи, правда, считают ретроспективность имманентным признаком кодификации, отражающей всегда «вчерашний день языка» [44]. Однако с таким мнением трудно согласиться. Кодификация, опирающаяся на объективное описание современного языка, своевремен-

---

б а. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании, стр. 305).

[42] Л. В. Щ е р б а. Очередные проблемы языковедения.— Избр. работы по языкознанию и фонетике, т. I. Изд-во ЛГУ, 1958, стр. 15.

[43] Р. Р. Г е л ь г а р д т. О языковой норме.— ВКР, вып. III. М., 1961, стр. 24.

[44] См.: Ю. М. С к р е б н е в. К вопросу об ортологии.— ВЯ, 1961, № 1, стр. 141.

но отражающая изменения нормы, может избавиться от этого недостатка (см. об этом далее).

Внутренним недостатком кодификации является, собственно говоря, сам факт ее существования [45]. Авторитетное пособие, кодифицирующее языковую норму, нередко становится образцом для следующих пособий и справочников, закрепляя на многие годы норму того времени, когда это пособие создавалось. Эту тенденцию поддерживает и тенденция к стабильности литературного языка. Показательно в этом плане, что пуристы, протестуя против нового, ссылаются на авторитет классиков предшествующего периода: во времена Пушкина — на Ломоносова и Державина, в шестидесятые-девяностые годы — на Пушкина, в наши дни — на Горького и т. д. Так, один из пуристов раздраженно писал в конце 70-х годов XIX в. о наречиях *вопрошающе*, *умоляюще* и под.: «Сколько могу припомнить, в произведениях нашей изящной литературы из эпохи карамзинской и пушкинской подобных наречий... мне встречать не приводилось» [46].

Таким образом, кодифицированная норма, ориентируя на литературное употребление прошлого и отвергая как ошибки то, что закрепляется в современном литературном употреблении, может препятствовать включению инноваций в письменную речь. Так как устная речь продолжает изменяться независимо от кодифицирующих предписаний, то детально разработанная кодификация, запрещающая отступления от нормы в письменной речи, способствует увеличению разрыва между письменной и устной речью.

К такой ситуации применимо то, что Ж. Марузо говорит о последствиях понимания нормативной грамматики не как описания реальных аспектов языка, а как собрания правил, сформулированных в учебных пособиях: «...Язык будет осужден на неподвижность до того времени, пока общество не примет иного решения; он быстро станет мерт-

---

[45] Ср. высказывание Я. К. Грота о грамматике Греча, «получившей на целые десятилетия законодательную силу»: «Авторитет этой, во многом произвольной и условной, грамматики имел свою вредную сторону, задержав развитие литературной речи, скованной ее стеснительными правилами» (Я. К. Грот. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. «Филол. разыскания». Изд. 4. СПб., 1899, стр. 5).

[46] Е. Николич. Неправильности в выражениях, допускаемые в современной печати. «Филол. записки», вып. I. Воронеж, 1877, стр. 3.

вым языком» [47]. В тенденции к стабильности литературного языка таится опасность перерастания в тенденцию к неизменности его письменной формы, к превращению ее в неподвижный, мертвый язык. Абсурдность подобной ситуации свидетельствует о важности «гибкой стабильности» (pružna stabilita) кодификации, на что в свое время указывал и Б. Гавранек [48] и В. Матезиус [49].

Развитие науки о языке приводит к более четкому разграничению синхронии и диахронии, к исследованию строго ограниченных синхронных срезов, а значит, и к более четкому осознанию понятия современного состояния языка [50]. Следствием все более широкого и разностороннего описания языковых явлений выступает все более детализированная кодификация литературной нормы. В этих условиях разрыв между предписаниями кодификации и современной языковой практикой может быть сведен к минимуму, если, во-первых, кодификация будет опираться на описание современного литературного языка (что требует исследования и обоснования языкового понятия современности для различных языковых уровней), если, во-вторых, кодификация будет указывать диахроническую перспективу, шире регистрировать и оценивать варианты нормы — не только «нейтральную» норму, но и, с одной стороны, новое, закрепившееся по крайней мере в периферийных сферах литературного языка, а с другой стороны, уходящее, еще общепонятное, широко распространенное в массиве читаемой литературы, но уже отсутствующее в современной письменной форме литературного языка.

---

[47] J. Marouzeau. Aspects du français. Paris, 1950, стр. 42; ср.: Л. А. Булаховський. Виникнення і розвиток літературних мов, ч. II. «Мовознавство», т. II—III. Київ, 1946, стр. 140.

[48] B. Havránek. Zásady Pražského linguistického kroužku a nová kodifikace spisovné češtiny. «Slovo a slovesnost», 1947, t. X, № 1, стр. 14.

[49] В. Матезиус. О необходимости стабильности литературного языка. — ПЛК, стр. 381.

[50] См. высказывания Ф. П. Филина о необходимости разграничения этих аспектов в лексикографии и о недостатках толковых словарей русского языка, в которых объединяются в одном издании стремление к описанию современных норм и «показ отживших норм литературного языка» (Ф. П. Филин. О новом толковом словаре русского языка. «Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка», 1963, т. XXII, вып. 3).

§ 5. Не все сферы литературного языка в равной мере подчиняются кодификации. В наибольшей мере соответствует кодифицированной норме язык печатных произведений.

Печатные издания (книги, газеты, журналы), тексты, передаваемые по радио, по телевидению, киносценарии подвергаются более или менее последовательному и строгому литературному редактированию, их язык правится с точки зрения соответствия норме (в художественной литературе — с учетом допущения оправданных замыслом автора отступлений от нормы). «Именно в печатном языке закреплена, объективирована норма национального языка» [51]. Несоответствие перечисленных видов текстов кодифицированной норме отражает (если исключить упомянутые случаи сознательного отступления от нормы) расхождения между кодификацией и речевой практикой автора (редактора, корректора), что в ряде случаев может быть свидетельством расхождений между современной нормой и ее кодификацией.

Вообще говоря, всякая письменная речь есть речь обработанная, и значит, пишущий правит свой текст в соответствии со своим представлением о правильности. Но, в отличие от печатных изданий, где существует еще и внешняя по отношению к автору «языковая цензура», ведомственная переписка в значительно меньшей мере подвергается языковой правке с точки зрения соответствия кодифицированной норме (хотя и здесь существуют инструкции, регламентирующие употребление стабильных формул, употребление прописных букв и т. п.). Еще более слабо воздействие кодификации на значительную часть деловой переписки (в частности, переписка отдельных лиц с учреждениями), на частную переписку.

Таким образом, «главной скрепой литературной нормы является письмо — значит, то, что осуществляется вне прямого контроля на письме, подвергается в литературном языке сравнительно большим колебаниям» [52].

Разные явления нормы по-разному отражаются в кодификации. Первый и основной разряд составляют однозначно кодифицируемые явления. К ним относится, нап-

[51] А. М. Иванов, Л. П. Якубинский. Очерки по языку. Л.— М., 1932, стр. 152.

[52] Л. А. Булаховський. Виникнення і розвиток літературних мов, ч. II, стр. 140.

ример, распределение звуков (реализаций фонем) между фонемами, распределение по родам большей части существительных (имеются в виду случаи, когда род однозначно определяется флексией существительного), парадигмы склонения и спряжения, структура значительной части словосочетаний, ядерные модели предложения (и их словесное наполнение) и т. д.

Это главным образом нормы, определяемые системой языка. Здесь нет вариантов, нет колебаний, они обязательны для всех носителей языка, отступление от них означает, что человек не владеет данной языковой системой.

Второй разряд объединяет вариантные явления, т. е. случаи, когда в пределах нормы существуют два средства выражения одного и того же содержания. Сюда относятся, например: словообразовательные варианты [53]; варианты падежных окончаний (*сахара — сахару*, *в отпуске — в отпуску*, *профессоры — профессорá*); варианты родовых форм (здесь можно различать, во-первых, случаи разного морфологического оформления слова, например *рельс — рельса*, *желатин — желатина*, и случаи, когда форма именительного падежа не позволяет сделать выбор между мужским и женским родом — как в существительных с основой на мягкий нешипящий согласный или на шипящий согласный с нулевым окончанием в именительном падеже, например, *рояль* м. р. или ж. р., *овощ — овощь* и т. п.) [54]; варианты личных или родовых форм глагола (например, *брызгает — брызжет*, *пахнули — пахли* и под.); варианты синтаксических конструкций (например, личная и безличная конструкция, в зависимости от отрицания при сказуемом: Это *различие не существовало — Этого различия не существовало*; родительный или винительный падеж в конструкциях с отрицанием в сказуемом, например: *Не следует принимать такие работы — Не следует принимать таких работ*; соотношение родительного и винительного падежей в партитивном значении, например: *Ку-*

[53] См., например: В. П. Даниленко. О словообразовании глаголов на *-ничать* в русском языке советского периода. «Развитие современного русского языка». М., 1963.

[54] См.: И. П. Мучник. Категория рода и ее развитие в современном русском литературном языке. «Развитие современного русского языка». — Большой материал о морфологических и словообразовательных вариантах собран и систематизирован в кн.: Р. П. Рогожникова. Варианты слов в русском языке. М., 1966.

пил сахара/-у, молока — купил сахар, молоко и т. п.). В названном круге явлений кодификация играет очень важную роль, регулируя употребление тех или иных явлений в письменной речи в формах массовой коммуникации (радио, телевидение, кино) и таким путем (а отчасти и непосредственно) воздействуя и на некодифицируемые сферы литературного языка.

Третий разряд представляют собой образования, используемые очень редко или вообще не встречающиеся в повседневном употреблении. Это касается неупотребительных в практике форм (например, 1-е лицо единственного числа настоящего времени от глагола *колыхаться — колыхаюсь* или *колышусь*), ударения в формах, неупотребительных в устной речи, управления при новых заимствованиях и т. п. В этих случаях, как и в предыдущем разряде, можно встретиться с «вариантами», с расхождениями в рекомендациях (ср., например, в прилагательном от названия города *Зóлочев*, Львовской области: *золóчевский* [55] и *зóлочевский* [56] — во Львовской области это слово произносят, как и название города, с ударением на начальном слоге: *Зóлочівський*). Но если варианты кодификации, отмеченные ранее, отражают существующие в литературном употреблении варианты нормы, то в данном случае расхождения в рекомендациях объясняются невозможностью для кодификаторов опереться на употребление (в последнем примере надо было, ввиду отсутствия русской традиции, исходить из местного употребления, как сделала А. В. Суперанская). Наличие подобных вариантов некоторых форм существительных Р. П. Рогожникова справедливо объясняет тем, что «слово чаще употребляется во множественном числе, а в единственном, из-за редкого употребления, нет устоявшейся формы рода, хотя словари литературного языка, как правило, рекомендуют какую-нибудь одну» [57].

---

[55] К. И. Былинский, Н. Н. Никольский. Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. М., 1957, стр. 306; Ф. Агеенко, М. Зарва. Словарь ударений для работников радио и телевидения. М., 1960, стр. 195.— Эта ошибка повторена и во втором издании словаря (М., 1967), где указано ударение *Золóчев* (стр. 185).

[56] А. В. Суперанская. Ударение в собственных именах в современном русском языке. М., 1966, стр. 272.

[57] Р. П. Рогожникова. Указ. соч., стр. 82.

Наконец, особую сферу представляет собой правописание, где норма и кодификация тождественны, где нормой является то, что кодифицировано. Это, естественно, относится к тем ступеням развития литературных языков, на которых в этих языках существуют своды орфографических правил, орфографические словари, т. е. существует кодифицированное правописание. В иных случаях выбор написания диктуется традицией, употреблением.

Но при наличии орфографических правил они и представляют собой норму правописания. Так, если до утверждения Орфографического свода 1956 г. нормой было слитное написание *повидимому*, закрепленное еще «Русским правописанием» Я. К. Грота, то с сентября 1956 г. такое написание оказалось за пределами нормы, а нормой стало кодифицированное в новом своде написание *по-видимому*. Однако сила привычки, приверженность к традиции здесь оказывается нередко сильнее тенденции к совершенствованию правописания — об этом убедительно свидетельствуют протесты против орфографического проекта 1964 г. «Когда речь идет,— писал Л. А. Булаховский,— о таких вещах, как правописание, требующих для критического отношения к ним определенного кругозора и широкого исторического аспекта, самые прогрессивные люди часто проявляют себя самыми близорукими и фанатичными консерваторами. Существует, как известно, масса людей, готовых на радикальные общественные сдвиги, потому что они представляют себе их социальную пользу, но этим самым людям часто кажется, что отказ от буквы, к которой они привыкли в письменном употреблении, может потрясти основы их собственной и общественной психологии» [58]. Поэтому орфографические реформы, предлагаемые и поддерживаемые лингвистами и методистами, встречают нередко сопротивление пишущих. Влиянием традиции объясняется практическая сложность коренных изменений орфографии. Но в целом орфографическая норма выражается полностью в орфографии, в своде правил правописания. То, что записано в правилах,— норма; то, что противоречит правилам,— за пределами нормы. При этом орфографические, условные нормы соблюдаются значительно строже, чем лексические или грамматические, вследствие их большей очевидности и их строго регламентированной однозначности.

[58] Л. А. Булаховський. Виникнення і розвиток літературних мов, ч. II, стр. 145.

§ 6. Задачи кодификации тесно связаны с проблемой языковых прогнозов, с проблемой предсказуемости, т. е. использования известных данных о прошедшем и современном состоянии языка для того, чтобы определить его будущее состояние. В. Г. Костомаров считает, что «самая идея нормализации (т. е. кодификации.— *В. И.*) — уже взгляд в будущее, попытка предугадать дальнейшее развитие; ибо обоснование нормы только прошлой традицией безрезультативно в общеисторическом плане» [59].

На каждом этапе развития языка выделяются более или менее устойчивые уровни, а на разных уровнях—стабильные и нестабильные участки (показателем нестабильности является вариантность явления). Например, лексика, как известно, подвергается более быстрым изменениям, чем морфология. Внутри устойчивого морфологического уровня нестабильным участком, т. е. участком, на котором происходят изменения, является, например, форма родительного падежа единственного числа вещественных существительных мужского рода — здесь формы на *-у* (типа *сахару*) вытесняются (но еще не вытеснены окончательно) формами на *-а*.

Проблема прогнозирования касается, естественно, только нестабильных участков и, разумеется, является проблемой для тех случаев, когда еще продолжается «борьба» двух форм, а не для таких случаев, как приведенный пример *сахара/-у*, где процесс вытеснения форм на *-у* (если не считать ограниченной группы слов типа *табачку*, *сахарку*) уже близится к своему завершению.

Очевидно, решая вопрос о кодификации нормы, следует учитывать не только современную употребительность лексемы, формы, конструкции, соответствие данного явления системе языка, но и — при несоответствии явления современной системе — его перспективу, его дальнейшую судьбу в языке, возможность его вхождения в литературный язык и закрепления в языке. Иначе явление, узаконенное авторитетом грамматик, в лучшем случае останется на периферии литературного языка, а может быть, вообще окажется фактически за его пределами, станет еще одним свидетельством расхождения нормы и кодификации.

---

[59] В. Г. Костомаров. О ретроспективности учения о культуре речи. «Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка», 1966, т. XXV, вып. 2, стр. 86.

Закрепление того или иного явления в норме зависит как от языковых, так и от неязыковых условий [60]. К первым относится системная обусловленность явления, его соответствие тенденциям развития языка, ко вторым — влияние школьной традиции, общественная необходимость лексемы, языковые вкусы общества и т. д. К неязыковым, внешним, факторам относится и влияние орфографии на произношение [61]. Ср., например, различие безударного окончания 3-го лица множественного числа глаголов I и II спряжения: *пи́ш* [ут], но *хо́д'* [ът], при старом *пи́ш* [ут], *ход'* [ут]; произношение [ша]*ры́*, при старом [шэ^{ы}] *ры*; *гро́м* [к'ьй] при старом *гро́м* [къй] и т. д.

Промежуточное положение занимает влияние иных языков — внешнее по отношению к данному языку, зависящее от внеязыковых факторов (например, от степени культурных, политических и экономических связей с данной страной), но обусловленное и внутриязыковыми условиями (например, степенью системной близости языков). Следует при этом учесть рост знания языков в современном мире, развитие научных связей, что приводит, с одной стороны, к распространению интернациональных слов и аффиксов, особенно в терминологии, а с другой, как отмечал А. Мартине, к проникновению в язык значений слов, свойственных другому языку [62], и в некоторой степени иноязычных конструкций (не противоречащих синтаксической системе данного языка).

Прогнозирование тех явлений, которые связаны в основном с внутриязыковыми тенденциями, представляется возможным, однако лишь в том случае, если это явление получило уже некоторое распространение по крайней мере в некодифицируемых сферах литературного языка (например, в разговорно-бытовой речи).

---

[60] Ср.: а) «Перспективность той или иной произносительной нормы надо оценивать исходя из динамических тенденций русского языка» (М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1967, стр. 298); б) «Сбудется это предсказание или нет, в значительной степени зависит от социальных факторов развития языка» (Там же, стр. 299). См. также: В. П. Григорьев. Культура языка и языковая политика.— ВКР, вып. IV. М., 1963.

[61] См.: J. Vachek. On the international and external determination of sound-lows.— «Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego, 1965, XXIII, стр. 55 и сл.

[62] A. Martinet. Les langues dans le monde de demain. «Linguistique», 1967, № 1, стр. 10.

Но воздействие внеязыковых факторов на речевую практику настолько сильно, сами эти факторы настолько многообразны, что, по крайней мере при современном состоянии науки, прогнозы представляются недостаточно обоснованными, или, точнее говоря, мы не можем дать достаточно обоснованный прогноз [63]. Например, и в устной и в письменной форме литературного языка распространен глагол *одеть* в значении 'надеть' (наряду со старым значением 'одеть кого-нибудь'). Никаких внутриязыковых препятствий к такому употреблению нет [64]. Ср., например, значения глагола *обуть*, сопоставимые со значениями глаголов *одеть* (например, *обуть ребенка*) и *надеть* (например, *обуть сапоги*). Между тем такое употребление, под влиянием традиции, до сих пор воспринимается как нелитературное, «неправильное». То же происходит и с глаголами *одолжить* 'дать взаймы' и *занять* 'взять взаймы'. Первый из них употребляется в разговорной речи и в первом, и во втором значении, вытесняя глагол *занять*, но и здесь воспоминания школьных лет о неправильности подобного употребления препятствуют закреплению его в качестве литературной нормы.

Устойчивость отрицательной общественной оценки мешает закреплению в современном литературном языке глаголов *одеть*, *одолжить* с теми двумя значениями у каждого, в которых они употребляются в разговорной речи.

Значительные трудности представляет собой прогноз перспективности явления, которое только начинает свою жизнь в языке. Например, в современной разговорной речи происходит перераспределение функций родительного и винительного падежа. При глаголах без отрицания вместо старых двух падежей — винительного (полного охвата) и родительного (партитивного) начинает употребляться один — винительный падеж: *купил молоко*, *хлеб*, *сахар* (вместо образцового *купил молока*, *хлеба*, *сахару*). Вытесняется родительный винительным и в отложительно-достигательном значении, например: ... *надо ждать зеле-*

---

[63] Видимо, этим, в частности, вызвано утверждение Э. Косериу, что «мысль о возможности предвидеть языковые изменения лишена основания», что «можно утверждать лишь, что в определенных известных нам условиях могут произойти изменения тех или иных типов» (Э. К о с е р и у. Указ. соч., стр. 305).

[64] См.: Р. М. Ц е й т л и н. Об одной старой ошибке в словоупотреблении (*одеть* и *надеть*).— ВКР, вып. IV. М., 1963.

ный огонек светофора («Веч. Москва», 17 мая 1967 г.) [65]; *опасность, которую* должен избегать лексикограф (Х. Касарес. Введение в современную лексикографию. Перевод с испанского. М., 1958, стр. 52) и т. п. Параллельно с закреплением в этой функции (по разным причинам) винительного падежа, он начинает вытесняться родительным из разного рода отрицательных конструкций (не только с приглагольным отрицанием), например: ... Никто не уходил обедать, *пока* вместе с Нонной Сергеевной *не откопали* толстого *бревна* («Правда», 11 окт. 1965 г.); Никогда еще мне *не приходилось*, как артисту, *переживать* такого *подъема* («Веч. Москва», 5 мая 1964 г.); Не зная экономики, в наше время конструктор, к примеру, *не в состоянии создать* самого экономичного *изделия* («Веч. Москва», 24 февр. 1967 г.) и т. д.

Независимо от различия языковых факторов, лежащих в основе этих процессов, они поддерживаются общей тенденцией к дифференциации значений разных падежей, к унификации значений каждого падежа, и поэтому отмеченное употребление может, при соответствующих условиях, стать нормой.

Но пока это — лишь одна из возможностей. Может быть, развитие языка пойдет иным путем, победят иные тенденции и, например, в конструкциях с отрицанием сохранится современное распределение форм родительного и винительного. Пока данных для прогноза недостаточно.

Но даже установление тенденций развития, позволяющее утверждать, что данное явление победит в языке, не означает необходимости немедленной его кодификации. В этом плане показательна полемика З. Клеменсевича с М. Схабовской, утверждавшей, что при кодификации «необходим не жесткий консерватизм, а предусмотрительный либерализм, учитывающий более широкие перспективы в рамках общего процесса развития языка» [66]. Возражая автору, З. Клеменсевич в примечании к этой статье писал: «Собственно культура языка заключается в том, чтобы сознательно противостоять новаторским устремлениям, имеющим свое начало в массовой речи. Другое дело, что порой эти устремления в конце концов одерживают победу;

[65] См.: К. С. Горбачевич. *Жду поезда* или *жду поезд*? «Русская речь», 1967, № 5.

[66] M. Schabowska. O formalnej numeralizacji rzeczowników. «Język polski», 1962, t. XVII, 2, стр. 122.

на этом ведь основано языковое развитие. Другое дело, что ученый языковед может предвидеть, даже предсказать эту победу. Но пока он не только ученый наблюдатель языковых явлений и процессов, но чувствует также общественную ответственность за состояние современного ему языка, он не должен быть проповедником либерализма, а должен учить, предостерегать и напоминать. Разумный консерватизм языковеда и каждого сознательного говорящего объясняется и оправдывается природой и функцией языка как средства общественного взаимопонимания» [67].

Понятие «предусмотрительного либерализма» нуждается в толковании. И все же эта точка зрения представляется более соответствующей тенденциям развития литературного языка, чем призыв виднейшего польского лингвиста «сознательно противостоять новаторским устремлениям», «предостерегать и напоминать».

Кодификация должна быть адекватна современной ей норме — это основной принцип, лежащий в основе научной кодификации литературного языка. И в этом плане бо́льшую опасность скрывает не преждевременная кодификация того, что еще не стало нормой, не закрепилось (хотя бы как один из сосуществующих вариантов) в литературном употреблении — такие случаи встречаются редко, а отказ от признания прав литературной нормы за теми явлениями, которые по существу уже стали нормой, опасна ориентация на старую норму. Вряд ли, например, запрет употреблять конструкцию *по пять книг* вместо старой *по пяти книг* может что-нибудь изменить в экспансии первой из названных конструкций. Объективно она уже стала одним из двух вариантов литературной нормы [68].

Соблюдение разумной середины — сочетание умеренного консерватизма, «защищающего язык от чрезмерного наплыва новшеств и обеспечивающего его историческую преемственность и устойчивость», [69] и «предусмотрительного либерализма», своевременно подмечающего и фиксирующего то новое, что стало современной нормой (сосуществующей со старой или функционирующей, вопреки ретроспективной кодификации, как единственно возможное),— пожалуй, наиболее трудное и сложное требование, стоящее перед лингвистом.

[67] «Język polski», 1962, t. XVII, 2, стр. 124.
[68] См. об этом: В. И ц к о в и ч. Указ. соч., стр. 51—54.
[69] В. Г. К о с т о м а р о в. Указ. соч., стр. 82.

НОРМА. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК. КУЛЬТУРА РЕЧИ

Л. И. Скворцов

Норма

§ 1. Норма языка — центральное понятие теории культуры речи. Вместе с тем это одна из сложнейших проблем, многомерность которой определяется фактами историческими, культурно-социологическими и собственно лингвистическими. Неизученность ее отражается прежде всего в неустойчивости терминологии, в неочерченности и разноплановости определения «языковая норма». В популярных работах по культуре речи и в специальных научных статьях нормы определялись внешними по отношению к языку признаками: традиционность, степень употребления, авторитетность источника и т. п. Недифференцированно употребляются понятия «норма» и «нормализация», нередко они понимаются как простые синонимы.

Сложное явление объективной нормы требовало идентичного определения, отвечающего диалектичности, историчности, психологической осознанности. «Устойчивая неустойчивость», «изменяющаяся неизменность», «необязательная обязательность», «повседневность образца» и «обра-

зец повседневности» — эти и многие другие парадоксы и противоречия должны были найти обоснование и собственно языковое толкование и осмысление.

Каково соотношение нормы и узуса (т. е. языкового обычая)? Считать ли норму постоянным продуктом речевой деятельности, неизменно творимым в ней, или данностью, лишь в ней воспроизводимой вновь и вновь? Куда помещать норму — в язык или в речь и как соотнести понятие нормы-образца с развитием и совершенствованием языка как средства общения.

Заслугой представителей Пражского лингвистического кружка явилось пристальное изучение нормы как понятия лингвосоциологического и конкретно-исторического. Норма определялась как совокупность структурных средств, регулярно употребляемых определенным языковым коллективом. Наблюдения над изменчивостью нормы во времени и ее функциональной вариативностью позволили осмыслить ее диалектическую сущность и собственно языковую природу. Б. Гавранек (1938) предложил рассматривать норму как обязательность в сфере д е я т е л ь н о с т и, направленную на то, чтобы достигать наилучших результатов в сфере реальности [1].

Дальнейшие уточнения понятия нормы чешскими лингвистами проходили в плане более четкого разграничения понятий «узус» и «литературный язык» и в условиях строгого различения понятий «норма» (объективные правила, осуществляемые в речевой деятельности) и «кодификация» (т. е. установление и описание этих правил, закрепление их в языковедческих пособиях).

Современная лингвистика выдвинула на первый план соотношение нормы и системы (или структуры) языка. Наиболее ярко это проявилось в теоретических построениях Л. Ельмслева и Э. Косериу.

В работе «Язык и речь» (1942) Л. Ельмслев предложил три подхода к языку (langue): а) на уровне с х е м ы, когда язык рассматривается как чистая форма; б) на уровне н о р м ы, где язык предстает как материальная форма и в) на уровне у з у с а, где язык выступает как сово-

---

[1] B. H a v r á n e k. Zum Problem der Norm in der heutigen Sprachwissenschaft und Sprachkultur. «Actes du Quatrième Congrès international de linguistes». Copenhague, 1938.

купность навыков, принятых в данном обществе [2]. Эти три подхода Ельмслев демонстрирует на конкретном примере французского *r*: на уровне с х е м ы *r* рассматривается в сетке синтагматических и парадигматических отношений, характеризуясь чисто негативно и независимо от реального воплощения; на уровне н о р м ы *r* манифестируется в речи, это — звук, отличный от других звуков, но характеризующийся при этом и позитивными свойствами (минимум дифференциации); наконец, на уровне у з у с а *r* характеризуется чисто позитивно через детальное описание артикуляционной базы.

Согласно построению Л. Ельмслева, норма рождается из узуса и акта речи; норма предполагает (детерминирует) существование взаимосвязанных явлений узуса и акта речи, но не наоборот. В свою очередь на другой ступени абстракции норма и узус в совокупности предполагают (детерминируют) существование схемы. Схема в этом построении является постоянным, т. е. детерминируемым членом; по отношению к ней норма, узус и акт речи — переменные, т. е. детерминирующие члены.

Уточняя (и преодолевая) дихотомию Ф. де Соссюра «язык — речь», Л. Ельмслев предлагает считать основным семиологическим подразделением различие между с х е м о й и у з у с о м.

Стремлением преодолеть соссюровскую дихотомию проникнута и схема, предложенная Э. Косериу (1952), в которой различаются также три уровня: с и с т е м а — как возможность, как техника и эталоны; н о р м а — как реализация возможностей, заложенных в системе, как модели, исторически уже реализованные; р е ч ь — свободная коммуникативная деятельность, имеющая двустороннюю направленность: подравнивание к традиции и подравнивание к собеседнику [3]. Система уровней, разработанная Э. Косериу, генетически связана с системой Л. Ельмслева.

---

[2] L. H j e l m s l e v. Langue et parole.— «Cahiers F. de Saussure», v. II, 1942; русский перев. см. в кн.: В. А. З в е г и н ц е в. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1960, стр. 56 и сл.

[3] E. C o s e r i u. Sistema, norma y habla. Montevideo, 1952; О н ж е. Sincronia, diacronia e historia. El problema del cambio lingüistico. Montevideo, 1958 (русский перев.: Э. К о с е р и у. Синхрония, диахрония и история. Проблема языкового изменения. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 143 и сл.).

В современном языкознании, зарубежном и отечественном, схема Косериу приобретает все большую популярность. Необходимо поэтому остановиться на ней подробнее, уяснить ее сильные и слабые стороны, указать на ее достоинства и противоречия.

В структурах, составляющих язык, важно, по мнению автора, различать то, что является нормальным или всеобщим (н о р м а), и то, что является функциональным и дается в противопоставлении (с и с т е м а).

Норма определяется Косериу как система обязательных реализаций, принятых в данном коллективе и данной культурой.

В этом определении обращают на себя внимание следующие параметры: а) системность, б) связь с языком-структурой, в) социальность и г) историчность.

Можно сказать, что в сущности здесь перечислены необходимые и достаточные признаки нормы-явления, связанного как с собственно лингвистическими, так и с внелингвистическими факторами. Норма по этому определению оказывается собственно языковым понятием: она находится в самом языке и выводится из него, а не предписывается ему извне, не переносится из установлений словарей и грамматик. Иными словами, в нем утверждается и закрепляется предложенное пражцами разграничение нормы и кодификации.

Главное противоречие в теоретической схеме Косериу состоит в том, что уровень нормы включает у него лишь «обязательные реализации», т. е. характеризуется статичностью, хотя, по его же словам, «язык создается посредством изменения и «умирает» как таковой, когда он перестает изменяться».

Понятие нормы у Косериу исключает возможность, потенциальность, т. е. реализации нетрадиционные. Норма у него соответствует не тому, что «можно сказать», а тому, что уже «сказано» и что по традиции «говорится» в рассматриваемом обществе.

Динамичность языка выявляется лишь через систему, в которой только и возможен выход за пределы уже реализованного.

Перефразируя Соссюра, Э. Косериу утверждает мысль о том, что «в системе не появляется ничего такого, что до этого не существовало бы в норме». Вместе с тем, любой сдвиг в норме (реализованном языке) происходит лишь как

историческая конкретизация определенной возможности, уже существующей в системе.

Вместе с тем Э. Косериу как будто понимает, что в речи возможны реализации, не предусмотренные системой: «...норма зачастую требует избыточных реализаций или же реализаций, оправданных с точки зрения парадигматики и бесполезных в синтагматическом плане. В силу стремления к парадигматическому единообразию норма может даже требовать реализаций, п р о т и в о р е ч а щ и х с и с т е м е».

§2. Как видим, Косериу не смог преодолеть противоречия устойчивости и подвижности, объективно заложенного в норме, в угоду схеме распределив эти свойства по разным уровням.

Между тем, высказывания по поводу этого (во многом мнимого) противоречия можно найти в работах советских языковедов и философов 20—30-х годов. Понятие нормативного тождества лежит в основе рассуждений В. Н. Волошинова (1929) о соотношении языка с индивидуальной речью говорящего. Каждое высказывание, по Волошинову, индивидуально и неповторимо, но в каждом есть элементы, тождественные с элементами других высказываний данной речевой группы. «Именно эти, т о ж д е с т в е н н ы е и поэтому н о р м а т и в н ы е для всех высказываний моменты — фонетические, грамматические, лексические — и обеспечивают единство данного языка и его понимания всеми членами данного коллектива» [4].

В речевой деятельности языковое сознание говорящих имеет дело не с абстрактной системой нормативно-тождественных форм языка, а с языком-речью, «в смысле совокупности возможных контекстов употребления данной языковой формы... Поэтому-то член языкового коллектива нормально никогда не чувствует гнета непререкаемых для него языковых норм. Свое нормативное значение форма языка осуществляет лишь в редчайшие моменты конфликта, нехарактерные для речевой жизни (для современного человека — почти исключительно в связи с письменной речью)» [5].

[4] В. Н. В о л о ш и н о в. Марксизм и философия языка (основные проблемы социологического метода в науке о языке). Л., 1929, стр. 64.

[5] Там же, стр. 83—84.

О творческом характере речевой деятельности, о постоянном создании в процессе говорения новых слов и форм (наряду с использованием готовых) писал Л. В. Щерба (1931): «Совершенно очевидно, что хотя в процессах говорения мы часто просто повторяем нами раньше говорившееся (или слышанное) в аналогичных условиях, однако нельзя этого утверждать про все нами говоримое. Несомненно, что при говорении мы часто употребляем формы, которых никогда не слышали от данных слов, производим слова, не предусмотренные никакими словарями... не только употребляем слышанные сочетания, но постоянно делаем новые» [6].

В современном отечественном языкознании делаются попытки конкретизировать схему Э. Косериу применительно к разным уровням — фонетическому (В. В. Иванов, И. Г. Милославский, 1966), словообразовательному (М. В. Черепанов, 1966) и др. [7] Вместе с тем предпринимаются шаги к преодолению противоречий этой схемы. Исследователи предлагают ввести широкое и узкое понимание нормы, узаконить понятие вариантности в пределах нормы, осмыслить диалектическое единство нормы через параметр ее «эластичности» и т. п. Крайние мнения приводят к отказу от нормативного подхода к норме (абсолютизация «амплитуды колебания», а также к выдвижению функционального по своей природе «принципа коммуникативной целесообразности» и т. п.).

Сущность всех этих уточнений сводится к тому, чтобы в общей схеме уровней дать более адекватное описание явления, выделяемого в качестве н о р м ы. Простая заданность нормы, реализация уже установленного, статичность и неизменность ее не удовлетворяют уже никого. Известно, во-первых, что «крепость» нормы различна на разных языковых уровнях и что, во-вторых, независимо от уровней языка нормы характеризуются разной степенью «обязательности».

Ю. С. Степанов (1965) предлагает подразделить уровень нормы (совокупность общепринятых, или традиционных, реализаций) на собственно норму и на отклонения

---

[6] Л. В. Щ е р б а. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1931, стр. 113.

[7] См.: «Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию», ч. II. Самарканд, 1966.

от нее: «Он (уровень нормы) подразделяется ... на общепризнанные правильные реализации фонем, морфем, слов и типов предложений,— это норма речи в собственном, или узком, смысле слова (или просто «норма») и не менее общепризнанные ошибки против того, что считается правильным, ошибки, которые по одному тому, что они общепризнанные, следует называть скорее отклонениями от нормы» [8].

Такое подразделение, строго говоря, также приводит к ненормативности во взглядах на норму (так как в норму включается и отклонение от нее), хотя истоки его вполне понятны и объяснимы — они идут от попыток уразуметь историческую изменчивость норм, узаконение в их системе многих «отклонений», идущих естественным путем олитературивания прежних просторечных, диалектных и т. п. элементов. Схематическая статичность нормы таким путем, однако, не преодолевается.

§ 3. Преодолеть эту статичность можно лишь созданием динамической теории нормы. Все прежние теоретические описания нормы в основе своей были таксономическими — классификационными, описательными. Свойства нормы задавались конечным набором фактов (предельно расширенным их списком). Оговорки по поводу исторической изменчивости норм не спасали положения, поскольку эволюция нормы механически выводилась из эволюции языка и никак более не конкретизировалась. Не учитывались и принципиально разные отношения к норме «потребителя» и «наблюдателя». Стихийное следование нормативности, стремление говорить так, как говорят другие (или все),— необходимое условие естественного и свободного владения языком. Однако как только «потребитель» становится на позицию «наблюдателя», перед ним возникают большие трудности преодоления самодовлеющей силы языковых норм.

Различие этих двух аспектов отмечено Д. Н. Шмелевым (1964). Картина загадочности нормированного языка возникает «только тогда, когда мы задумываемся над чуждыми, непривычными для нас языковыми нормами. Обычно же нас вполне удовлетворяет ответ, что так сказать можно или так сказать нельзя, если этот ответ исходит из того, что речь мы считаем именно образцовой.

[8] Ю. С. Степанов. Французская стилистика. М., 1965, стр. 11.

Ведь владение языком — это по существу о в л а д е н и е им» [9].

Владение языком предполагает в принципе (в двустороннем акте коммуникации) п о н и м а н и е и возможность п р о и з в о д с т в а любого количества фраз и конструкций. «Любая грамматика языка,— писал Н. Хомский,— проецирует конечную и в известной мере случайную совокупность наблюденных высказываний на множество (предположительно бесконечное) грамматически правильных высказываний. В этом отношении грамматика отражает поведение носителя языка, который на базе своего конечного и случайного языкового опыта в состоянии п р о и з в е с т и и п о н я т ь бесконечное число новых предложений» [10]. В применении к владению языком на уровне нормы вполне справедливым оказывается общее положение теории распознавания о том, что «данный класс объектов, свойств, действий или отношений определяется не каким-то абстрактным образцом, а набором свойств» [11]. Кстати, согласно той же теории, п о н и м а н и е выражается в способности делать новое, создавать, а не просто повторять [12].

Мнимый конфликт статики и динамики в норме во многом порожден традиционно сложившимся распределением этих свойств в синхронии и диахронии языка. Преодолеть этот конфликт позволяет предложенная С. К. Шаумяном схема, включающая в синхронию и статику (сеть таксономических отношений), и динамику (порождение единиц языка из первичных элементов). «Для изучения динамического аспекта синхронии языка необходимо представить грамматику в виде гипотетического порождающего устройства» [13].

На уровне речевой деятельности, или уровне нормы, можно говорить, по-видимому, о норме воплощенной (реализованной) и невоплощенной (потенциальной, реализуемой). Вторая творится с учетом первой, с оглядкой на нее и подравниваясь под нее; обе они, находясь на одном

---

[9] Д. Н. Ш м е л е в. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, стр. 52.
[10] Н. Х о м с к и й. Синтаксические структуры. «Новое в лингвистике», II. М., 1962, стр. 418.
[11] Дж. П и р о. Символы, сигналы, шумы. М., 1967, стр. 146.
[12] Там же, стр. 149.
[13] С. К. Ш а у м я н. Структурная лингвистика. М., 1965, стр. 17.

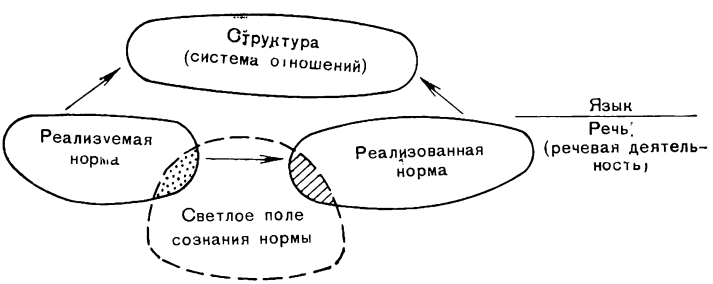
уровне, противопоставлены другому уровню (на иной ступени абстракции) — языку-структуре или языку-схеме.

Реализованная норма состоит из двух частей: 1) актуализованная часть (современная, активно действующая, осознаваемая и практически кодифицированная) и 2) неактуализованная часть (куда включаются уходящие архаизмы, редко встречающиеся варианты, дублеты и т. п.).

Реализуемая норма в свою очередь также распадается на две части: 1) становящиеся нормой неологизмы и новообразования на разных уровнях языка и 2) принципиально некодифицируемая область речевой деятельности (окказионализмы или создаваемые к случаю необходимые в процессе общения образования).

Каждая из двух частей подтипов нормы противопоставлена в принципе по степени актуализованности, осознанности говорящими. Актуализованные части реализованной и реализуемой нормы и составляют «светлое поле сознания нормы» — ядро динамически понимаемой структуры нормы.

Схематически это может быть представлено следующим образом:

Стрелки указывают отношения обусловленности (детерминированности); штриховка — актуализованные области норм.

Из этой схемы можно вывести ряд принципиальных следствий.

1. Понятие нормы не может быть ограничено реализованной частью, оно необходимо включает потенциальную сферу.

2. Реализованная норма является односторонне обусловленной (детерминирующей) сферой; реализуемая норма — двусторонне обусловленной (детерминирующей) сферой.

3. Принцип коммуникативной целесообразности (соответствие ситуации и цели общения) одинаково применим в обеих сферах, но для реализуемой он оказывается конструирующим.

4. Норма не может быть задана конечным набором фактов, а неминуемо выступает в виде двух списков — обязательного и допустимого (дополнительного). Это — источник нормативной вариантности, т. е. вариантов в пределах нормы.

5. Независимо от уровней языка нормы обладают разной степенью обязательности, что обусловлено их распределением по разным сферам.

Предлагаемая схема снимает возможность представить норму в качестве некоего недостижимого образца или идеала. Она справедлива для всех случаев нормы — устоявшегося узуса, которая возможна и вне пределов собственно литературной речи (с ее понятиями авторитета, образцовости, традиционности и т. п.).

Норма языка становится в ряд любой другой нормы, приобретает свойства научного понятия, определяясь не абстрактным образцом, а необходимым набором реальных признаков или симптомов.

«В повседневной работе медиков и ботаников идеализированную болезнь или идеальное растение сомнительно брать в качестве надежного критерия, потому что таковых просто не существует. Вместо них мы имеем списки свойств или признаков, частью решающих, а частью вспомогательных» [14].

§ 4. Подобно тому, как описание или систематизация действующего законодательства подразделяется на инкорпорацию (т. е. объективное описание, простое упорядочение без каких-либо оценок) и кодификацию (имеющую цель систематизировать и регламентировать более или менее строго существующие законодательные акты), можно говорить о научном описании языка и нормативном его описании. Принципиально это разные подходы к явлениям языковых

[14] Дж. Пиро. Указ. соч., стр. 144—145.

отношений и реализаций, и их строго следует различать в теории и практике [15].

Понятие языковой кодификации (в отличие от описания структуры) становится все более популярным в научном обиходе и превращается в лингвистический термин.

Терминология нормы права дает и другое полезное для языкознания разграничение — деление кодифицируемых норм на императивные (обязательные) и диспозитивные (восполнительные, применяемые в тех случаях, когда вопрос не урегулирован соглашением сторон).

Императивные нормы в языке — это обязательные реализации, вытекающие из возможностей структуры; нарушение их выводит говорящего за пределы родного языка (ср. нарушения норм спряжения, склонения, смешения в принадлежностях имен к роду и т. п.). Диспозитивные нормы в языке — это те рекомендации, которые даются с оглядкой на структуру или выступают как следствия тех или иных теоретических предпосылок (часто с сознательными допущениями и схематизациями). Императивные нормы меняются вместе с языком; диспозитивные — уточняются, видоизменяются или отменяются при очередных попытках нормализации (кодификации).

Предложенное понимание динамической нормы позволяет уточнить и дифференцировать нормативные оценки языковых явлений. По отношению к реализованной норме можно содержательно говорить об «отклонении — неотклонении», так же как по отношению к норме реализуемой — о «соответствии — несоответствии» явления нормативным требованиям. К «синонимичным» элементам реализованной нормы применима оценка по отклонению, к разного рода «неологизмам» применяется оценка по соответствию.

Интересно отметить, что в обобщенном виде идея динамичности нормы присутствует уже у Л. В. Щербы в его описании структуры восточнолужицкого наречия (1915).

---

[15] Едва ли не первым у нас обратил внимание на необходимость такой дифференциации А. М. Пешковский (см.: А. М. Пешковский. Объективная и нормативная точка зрения на язык. «Русский язык в школе. Труды постоянной комиссии преподавателей русского языка и лит-ры». Сб. статей под ред. Д. Н. Ушакова, вып. 1. М.— Пг., 1923).

Детализируя и уточняя синхронный принцип описания живого говора, Л. В. Щерба замечал: «Вообще я старался схватить язык в его движении: выдвинуть на первый план твердые нормы, находящиеся в светлой точке языкового сознания, а затем показать, с одной стороны, умирающие, а с другой стороны — нарождающиеся нормы, находящиеся в бессознательном состоянии и лишь воспроизводимые или творимые в отдельных случаях» [16].

Нетрудно заметить, что в этом щербовском замечании в неявном виде присутствует понятие о системном и нормативном уровнях языка; вместе с тем весьма продуктивное в лингвистическом отношении представление о светлом поле сознания неправомерно сужено до чисто психологического аспекта.

Элементами динамизма характеризуется известное определение нормы, предложенное С. И. Ожеговым в статье «Очередные вопросы культуры речи» (ВКР, вып. I. М., 1955, стр. 14—15): «...Норма — это совокупность наиболее пригодных («правильных», «предпочитаемых») для обслуживания общества средств языка, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов» (разрядка моя.— *Л. С.*).

§ 5. В современных исследованиях динамическое понимание нормы выступает в более расчлененном и явном виде.

Н. Ю. Шведова в качестве нормативной оценки синтаксических новообразований выдвигает два момента или фактора: 1) массовая и регулярная воспроизводимость и 2) активное взаимодействие с другими звеньями системы языка. При этом определяющим фактором называется второй [17].

Автор иллюстрирует это положение синтаксическим новообразованием *заявить, заявление на кого*, возникшим по аналогии с *жаловаться, жалоба на кого* рядом со старым

[16] Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие, т. I.— Пг., 1915, стр. 8—9.

[17] Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966, стр. 12.

глагольным управлением *заявить, заявление о ком*. С точки зрения старой нормы такое новообразование может показаться неправильным. Однако оно приобрело массовую употребительность и регулярно воспроизводится в различных жанрах письменной и устной речи. Кроме того (и это оказывается решающим), оно характеризуется развитием новых связей: под влиянием *заявление на кого* (только с одушевленными существительными) появилось *заявление на что*: *заявление на площадь, заявление на развод* и т. п.

«Таким образом,— делает вывод исследователь,— грамматическая норма — это не обязательно старое, закрепленное традицией употребление. Грамматическая норма — это такое образование и употребление форм и категорий, которое, во-первых, последовательно воспроизводится в коллективной языковой практике носителей литературной речи — в определенных условиях ограничения (функционально-стилевых) или вне всяких ограничений — и, во-вторых, обнаруживает тенденцию к живому взаимодействию с другими звеньями системы» [18].

В этом определении, как нетрудно заметить, перечисляются основные элементы предложенной нами схемы: фиксированность реализованной нормы, двоякая ориентированность реализуемой, создаваемой вновь нормы — зависимость не от старой нормы, с одной стороны, построение по системным отношениям, с другой. Интересно, что негативная оценка новообразования с позиций старой нормы согласно нашей схеме может быть интерпретирована как неправомерное ограничение нормативности лишь фиксированной, «сотворенной» ее частью, без учета объективно существующей «творимой», создаваемой в процессе речевой деятельности нормативной сферы [19].

---

[18] Н. Ю. Шведова. Указ. соч., стр. 12—13.

[19] По-видимому, здесь и находится выход из «порочного круга», устанавливаемого Ю. М. Скребневым при определении границ между ошибкой и новообразованием: «Граница между „ошибками“ и многими из рассматриваемых в статье новообразований лингвистически не определима... Новообразование есть ошибка, легализованная употребительностью. Чем шире употребительность языкового факта, тем больше оснований для оценочных суждений. Этот порочный круг вполне преодолим в популярных пособиях по культуре речи, однако не в теории» (Ю. М. Скребнев. К вопросу об «ортологии».— ВЯ, 1961, № 1).— Как видим, ошибки и новообразования могут быть разграничены по

Интересное определение нормы предложено Г. В. Степановым (1966), рассматривающим это понятие в социально-историческом аспекте. Может быть, понимая ограниченность такого подхода, автор называет свое определение «рабочим»: «Языковая норма, понятие нормативности есть социально-историческая категория в том смысле, что самое ее возникновение, формирование и признание за таковую есть история превращения потенциальных возможностей языка как системы выразительных средств в факт осознанных, принятых образцов речевого общения в определенном языковом коллективе в тот или иной период истории» [20].

В этом определении отчетливо выступает членение языка по двум уровням — системному и нормативному (последний дается нерасчлененно). Понимание нормы как исторической категории позволяет автору перенести динамику нормы в общественные условия функционирования языка, т. е. лишает ее собственно лингвистического содержания. На наш взгляд, это — существенный недостаток определения.

Исходя из всего сказанного выше, можно предложить следующее определение нормы: языковая норма, понимаемая в ее динамическом аспекте, есть обусловленный социально-исторический результат речевой деятельности, закрепляющей традиционные реализации системы или творящей новые языковые факты в условиях их связи как с потенциальными возможностями системы языка, с одной стороны, так и с реализованными образцами, с другой. Иными словами, уровень нормы, детерминирующий уровень системы (выразительных средств языка) в аспекте порождения предполагает обязательное включение детерминированной части. В этом, собственно, и состоит существо динамического понимания нормы — не только как воспроизведения реализованных возможностей системы, возведенных общественной практикой в ранг образца, но и как постоянного в процессе живой коммуникации порождения языковых фактов, ориенти-

---

чисто лингвистическим основаниям, а «легализация» и употребительность новых фактов по тем же основаниям может быть предопределена.

[20] Г. В. Степанов. Испанский язык Америки в системе единого испанского языка (автореф. докт. дисс.). Л., 1966, стр. 9.

рованных одновременно и на систему, и на реализованный «образец».

§ 6. С позиций такого понимания нормы может быть решен вопрос о реальном ее воплощении.

Как уже было сказано, динамическое понимание нормы отвергает взгляд на нее как на идеал, недостижимый в индивидуальной речевой практике.

По-видимому, взгляд на норму как на идеал субъективно вытекает из следующих причин и предпосылок: 1) затруднения, встречающиеся в своей и чужой речи; 2) признание авторитета словарей и пособий, совмещающих синхронический и диахронический подходы в научном анализе; 3) признание коллективного опыта (традиций) как недосягаемого по объему и 4) признание художественного опыта (совокупность литературного творчества прошлого и настоящего).

Норма языка — воплощенная (и воплощаемая) реальность. Подобно тому, как языковая система (т. е. словарь и грамматика данного языка) выводится из языкового материала — текстов, норма (т. е. осознание этой системы в существенных ее частях) выводится из соответствующих воплощений, реализаций. Для словаря и грамматики — это «образцовые» тексты, для орфоэпии — устная традиция, принятая за образец.

«Лингвисты глубоко правы в том, что, разыскивая норму данного языка, обращаются к произведениям хороших писателей, обладающих, очевидно, в максимальной степени тем оценочным чувством («чутьем языка»), о котором говорилось выше...» [21].

В принципе тексты хороших писателей не содержат языковых неправильностей или ляпсусов (впрочем, в отдельных случаях они могут встретиться) и уж во всяком случае не включают элементов групповых языков, стоящих за пределами литературного языка. Предпочтительность монологической формы речи, воплощенной в книжном тексте, для изучения синхронной нормы языка специально оговорена Л. В. Щербой в его исследовании «Восточнолужицкое наречие» («Приложения», стр. 4).

Л. П. Якубинский предлагал искать объективный критерий современного национального языка в печатном

[21] Л. В. Щ е р б а. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании.

слове — языке газет, журналов, книг и т. п. (с оговоркой, что это должны быть лучшие газеты и лучшие авторы). Якубинский прекрасно понимал, что для периода конца 20— начала 30-х годов, в который он писал, устное говорение характеризовалось заметным колебанием нормы, которое отчасти сказывалось и на печатном языке. И тем не менее он не без основания полагал, что «недостатки», которые имеет... печатный язык, относятся скорее к стилю, чем к норме [22].

Наконец, интересные мысли по поводу реального воплощения литературной нормы находим у Г. О. Винокура. В статье «Культура языка. Задачи современного языкознания» (1923) Винокур предлагал в качестве объекта нормализаторской практики и источника выявления нормы найти такую языковую систему, которая по своей функции не отличалась бы от практического языка и вместе с тем осознавалась бы именно как система. «Такая область есть. Это — нехудожественная литература в самом широком смысле этого слова, т. е. литература газетная, журнальная, научная, язык канцелярии, писем, наконец, язык рекламы» [23]. Другими словами, Г. О. Винокур видел воплощенную норму в языке науки и делопроизводства, в языке прессы, т. е. в том, что мы теперь называем языком «массовой коммуникации».

Во всех этих высказываниях, сделанных в разное время и в общем-то по разным поводам, нам важно подчеркнуть глубокую убежденность авторов в реальном существовании и объективном воплощении норм литературного языка того или иного периода его развития.

§ 7. В связи со сказанным встает следующий вопрос — о возможности прогнозирования в становлении и изменении норм литературного языка.

Этот вопрос связан с рядом других: проблема ретроспективности — перспективности нормализаторской деятельности, прогрессивность — консервативность конкретных рекомендаций, степень осознанности и объективного учета языковедами-нормализаторами живых, развивающихся тенденций в системе языка и множество других.

---

[22] Л. П. Якубинский, А. Иванов. Очерки по языку. М., 1932, стр. 152 и сл.

[23] Г. О. Винокур. Культура языка. Задачи современного языкознания. «Печать и революция», 1923, кн. 5, стр. 107.

Можно ли предсказать (определить с известной степенью достоверности), какой из сосуществующих вариантов победит, будет ли освоено то или иное заимствование или новообразование, когда завершится тенденция к изменению, проявляющаяся на разных языковых уровнях?

Ошибки пуристов XIX в. в оценке входящих в литературное употребление фактов и неудачные попытки лингвистического прогнозирования в начале XX в. иллюстрируются следующими разнородными примерами.

Неологизмы первой трети XIX в. объявлялись «нерусскими» и на этой основе отвергались: «В русском языке нет глагола *вдохновил*»,— заявляла «Северная пчела», возражая против фразы «Русь *не вдохновила* его» («Сев. пчела», 1833, № 129). Ср. также: «Старые писатели сказали бы: «в этом городе, или стране, повсюду наблюдаются порядок и спокойствие», а нынешние говорят: «все, что вы в этом городе видите, *носит на себе* (как-будто какое платье) *отпечаток* порядка и спокойствия». Выражение сие переведено с французского porter l'empreinte» («Отечеств. записки», 1828, ч. 34, № 96, стр. 77).

В 70-е годы протесты против новообразований и складывающихся новых норм подкреплялись обращениями к «духу» русского языка: «Нельзя говорить *панихида по усопшим*, ибо это безграмотно, а нужно: по *усопших*,— вопил пурист 70-х годов прошлого века Н. М. Николич,— нельзя говорить *репетировать учеников*, *приготовлять уроки*, *перевести фразу*, *вопрошающе взглянула*, ибо это безграмотные нововведения, противные «духу» языка. Но эти нововведения закономерно вошли в язык и стали «грамотными»» (В. Гофман.— «Звезда», 1934, № 1).

И. Покровский, ведший в 50-х годах прошлого века специальный «Листок ошибок» в журнале «Москвитянин», возражал против употребления слов *жизнь* и *миндаль* во мн. числе: ««Лучшим днем в его карьере был тот, когда он убедился, что его изобретение спасет *много человеческих жизней*»... Да ведь *жизнь* не имеет множественного числа; почему бы не сказать: *спасет жизнь многим*» (1853, № 23); «Масло из *миндалей*» ... Странное дело! Неужели г. фельетонисту неизвестно, что слово *миндаль* не имеет множ. числа?» (1852, № 24).

Н. Греч в свое время возражал против формы *сплетня* (в ед. числе): ««Все это должна быть *сплетня*» ... Слово *сплетни* в единств. числе не употребляется» («Лит. пояснения», 1838).

Ср. с этим возникающие время от времени в наши дни протесты людей старшего поколения против формы *подонок* (в ед. числе), широко распространившейся в устной и письменной речи.

И. Огиенко, автор известного дореволюционного словаря «неправильностей», полагал, ссылаясь на пушкинское «Не ваксил царских сапогов», что «*сапогов* следует уже признать литературной формой» [24]. Он же считал допустимыми оба варианта формы род. падежа мн. числа — *чулок* и *чулков*, замечая, что «последняя форма правиль-

[24] «Филологические записки», вып. III, 1912, стр. 400.

нее» [25]. Современная норма не восприняла форму *сапогов* и остановилась на форме *чулок* (ср. *носков*), хотя в системном отношении для отвергнутых форм никаких препятствий не было.

Прогнозирование в области языка в смысле точности и строгости носит особый характер, который следовало бы назвать лингвистическим.

Дело в том, что прогнозирование в собственном смысле возможно лишь там, где наблюдатель и исследователь имеет дело с полностью детерминированными системами. «Орбиты планет и свойства цепей,— отмечает Дж. Пиро,— представляют собой примеры идеализированных *детерминированных* систем, т. е. систем, поведение которых вполне предсказуемо, подобно тому, как мы обычно предсказываем поведение машин» [26]. В связи с этим можно полагать, что лингвистическая предсказуемость ограничена в возможностях так же, как и предсказуемость общесоциальная, поведенческая: «детерминистская модель совсем не подойдет для описания... поведения человека при общении его с другими людьми, а модель случайных событий, или статистическая модель, все же могла подойти» [27].

Будущее языка создается в настоящем, в процессе функционирования речевых средств, в живом общении. Именно поэтому вопрос лингвистической предсказуемости тесно переплетается с общей проблемой эволюционного механизма живого языка.

«Жизнь языка не останавливается ни на минуту, и потому в каждом данном состоянии языка есть такие факты, которые с точки зрения более позднего состояния языка представляются его зародышем»,— отмечал Г. О. Винокур в начале 40-х гг. [28]

Несколько ранее Л. В. Щерба убежденно говорил о том, что «на самом деле хорошее психологическое (мы бы сказали теперь с и н х р о н н о е.— *Л. С.*) описание данного языка в данный момент времени само по себе дает понятие о ближайшем его прошлом и возможном будущем» [29].

[25] Там же, стр. 407.
[26] Дж. П и р о. Указ. соч., стр. 61.
[27] Там же, стр. 62.
[28] Г. О. В и н о к у р. О задачах истории языка. «Уч. зап. МГПИ», 1941, т. V, вып. 1.
[29] Л. В. Щ е р б а. Восточнолужицкое наречие, стр. XIX, сноска.

В обоих этих высказываниях присутствует преднамеренная осторожность в оценках языкового будущего. Но не только это их объединяет. И Винокур, и Щерба говорят о будущем с позиций настоящего. Современное учение о социальном прогнозировании знает несколько методов определения будущего из настоящего: моделирование, экстраполяция и др.[30]

В сущности именно методу моделирования следуют Щерба и Винокур в приведенных выше высказываниях. Ср. с этим рассуждения Щербы о постоянно существующих факторах, которые «грызут» норму [31] и обычные в лингвистических работах выводы о господствующих тенденциях, выводимых из анализа конкретного материала. Наиболее обычным в самом общем плане оказывается процесс «демократизации» речи, изменения литературного языка под влиянием внелитературных фактов. Ср., например: «Кстати, для изучения тенденций у их истоков целесообразно обратить внимание на исследование профессиональных жаргонов — учитывая их влияние на литературный язык» [32].

Однако возможен и другой вид прогнозирования — будущее из будущего. Социологи называют метод такого прогнозирования н о р м а т и в н ы м: «Мы ставим себе некую большую ц е л ь, которую можно назвать рациональной (например, достижение Луны). От этой цели мы идем назад — в наше время — и по дороге отмечаем те открытия, которые должны быть сделаны для того, чтобы ее достичь» [33]. Понимая несколько шире ц е л ь, можно говорить о лингвистическом прогнозировании будущего из будущего же. В этом плане следует расценивать высказывания советских языковедов, разрабатывавших в 30-е годы проблемы «технологии» языка и языковой политики, в частности мысль Е. Д. Поливанова о том, что лингвист слагается, между прочим, и «из языкового

---

[30] См. высказывания социологов-прогнозистов Р. Юнга и И. Бестужева-Лады в публикации еженедельника «Неделя» (1967, № 47).

[31] Л. В. Щ е р б а. Очередные проблемы языковедения.— Избр. работы по языкознанию и фонетике, т. I. Л., 1958, стр. 15.

[32] Ю. М. С к р е б н е в. К вопросу об «ортологии».— ВЯ, 1961, № 1, стр. 142.— Гораздо раньше об этом же говорил В. В. Виноградов («О задачах истории русского лит. яз., преимущественно XVII—XIX вв.» — «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1946, т. V, вып. 3, стр. 223).

[33] Р. Ю н г. Указ. соч.

политика, владеющего (хоть и в ограниченных размерах) прогнозом языкового будущего, опять-таки в интересах утилитарного языкового строительства (одной из разновидностей «социальной инженерии» будущего)» [34].

В пределах нормативного метода (определение будущего из будущего) можно говорить о ряде явлений, связанных с языком и его функционированием, становящихся уже теперь во многом нормативными. Это прежде всего «терминологический вал», связанный с дифференциацией наук и специальностей и находящийся в общем ряду «информационного вала» будущего; затем — научное развитие мышления и связанный с ним логизм формы выражения, возводимый если не в абсолют, то в принцип; наконец, экспрессивный «голод» в связи с развитием поэзии — вот далеко не полный перечень проблем, встающих перед языковедами-нормализаторами в связи с лингвистическим прогнозированием.

С этих широких социальных позиций становится ясной бесперспективность рассуждений о судьбе конкретных языковых явлений, частных норм и т. п., которые выдаются их авторами за попытки внести ясность в вопросы лингвистической предсказуемости [35].

§ 9. Изменения норм происходят вместе с общими изменениями языка, но обладают специфическими свойствами. Специфика эта вытекает, в частности, из шкалы переходных ступеней между нормативным и ненормативным в пределах литературного языка, а также зависит от «крепости» нормы в разных ярусах системы, от степени осознанности ее носителями литературного языка и ряда других факторов.

В условиях литературного (нормативного) общения мы можем не замечать ошибок в своей и чужой речи, если эти ошибки социально обоснованы и их возможности, по словам Щербы, заложены в данной языковой системе [36]. Ощущение нормы, отмечал Щерба, как и сама

[34] Е. Д. Поливанов. Историческое языкознание и языковая политика. «За марксистское языкознание». М., 1931, стр. 26.

[35] Ср. мнение Ю. М. Скребнева о «ретроспективном плане» констатации норм и попытки поставить под сомнение абсолютную ретроспективность нормализации (см.: В. Г. Костомаров. О ретроспективности учения о культуре речи. «Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка», 1966, т. XXV, вып. 2, стр. 81 и сл.).

[36] Л. В. Щерба. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании.

норма, может быть и слабее и сильнее в зависимости от разных условий: наличия сосуществующих вариантов, возможности их сравнения и оценки, от практической важности нормы для носителей языка и т. п. В ряде случаев нормативными являются колебания, объективно существующие в языке. В этом случае нормой оказывается граница этих колебаний [37].

Нормы различаются по степени «крепости» в разных ярусах языка и варьируются в разных условиях общения (ситуациях речи).

Что касается различия по степени «крепости», то здесь определяющим оказывается отношение норма—система. В области орфоэпии система практически целиком определяет норму. Отсюда возникает понятие образца, идеала для сферы произношения. Очень часто такой идеал оказывается в прошлом (старомосковское произношение).

В области лексики система (наличие ее становится под сомнение) не находится в таком тождественном отношении к норме. Отсюда понятие правильности, точности, смысловой и стилистической уместности слова в высказывании. Содержательный план здесь превалирует над планом выражения.

В области грамматики отношения системы и нормы строятся иначе. На первый план выступают критерии моделей и образцов и соответствия им сомнительных реализаций.

Немотивированность фразеологических сращений приводит к жесткому условию воспроизводимости и т. п.

Что же касается варьирования нормы в разных условиях общения, то общий принцип «коммуникативной целесообразности», выдвигаемый рядом исследователей [38], нуждается в существенных уточнениях и оговорках. Главные из них состоят в том, что этика перекрывает правильность в общении незнакомых людей, в то время как для тесно контактных коллективов характерна строгость и беспощадность к языковым ошибкам и неточностям.

---

[37] Л. В. Щ е р б а. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании.

[38] См., например: В. Г. К о с т о м а р о в и А. А. Л е о н т ь е в. Некоторые теоретические вопросы культуры речи.— ВЯ, 1966, № 5.

§ 10. Следует подчеркнуть, что и различие по крепости, и характер варьирования норм в разных условиях общения определяют в целом состояние нормативной системы в данный исторический период развития литературного языка. Различия эти — двоякого плана — не выходят за пределы литературности, определяя полностью нормативную ситуацию национального языка данной эпохи.

«Проблема литературно-языковой нормы и ее внутреннего содержания, степени охвата этой нормой в разные исторические периоды разных ярусов или уровней литературного языка, раскрытие социально-исторических условий и структурных качеств разных видов или типов нормы — все это также является одной из основ структурно-исторической дифференциации разных периодов и эпох истории литературного языка» [39]. В этом высказывании В. В. Виноградова отчетливо выражена важность изучения и описания норм для собственно лингвистической характеристики литературного языка и его исторической периодизации. Понятие нормы — важнейшее и существеннейшее понятие при описании и характеристике литературного языка, к рассмотрению которой в аспекте культуры речи мы подходим в следующем разделе.

Литературный язык

§ 1. С понятием литературной нормы тесно связано понятие литературного языка.

Литературный язык — явление историческое. Сущность его определяется сложными соотношениями общенационального и литературного в пределах единого национального языка, динамическим взаимодействием с внелитературными сферами речи на разных этапах его развития. Однако основополагающим оказывается структура норм литературного языка на разных его уровнях, определяющая его границы и в историко-хронологическом, и в собственно языковом (функциональном) отношениях.

Литературный язык — высшая форма национального языка, признак национальной самобытности, носитель и посредник культуры и цивилизации. От других разно-

[39] В. В. Виноградов. Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпоху. М., 1963, стр. 8.

видностей национального языка литературный язык отличается тем, что его функциональное и стилистическое расслоение гораздо сложнее и богаче. Это вытекает из более широких задач литературного языка (по сравнению, скажем, с диалектной речью), большей осознанности и обязательности его норм, преобладания публичных и письменных форм проявления и т. п.

§ 2. Понятно, что существование языковых норм не ограничивается сферой исключительно литературного языка. И в диалектах, и в просторечии есть свои «нормы». Однако нормы диалекта не осознаются как обязательные и осуществляются только косвенными средствами — негативно (сопровождаясь оценками «так не говорят», «мы так не скажем» и т. п.). По мнению Б. Гавранка, в принципе нормы литературного языка отличаются от норм народного (диалектного) языка не по существу, т. е. качественно, а лишь по степени обязательности и осознанности, т. е. количественно [40]. Стремление к стабильности, устойчивости — имманентный признак любой нормы. Но лишь в литературном языке эта стабильность и обязательность норм подкрепляется их кодификацией (фиксацией, описанием) в соответствующих авторитетных руководствах — словарях, грамматиках и разного рода справочниках.

«Термин «литературный язык» в том смысле, как он употребляется, обозначает не особый, самостоятельный язык, противостоящий общенародному, а только определенный слой языка, управляемый особыми нормами. ...Мы приписываем нормам литературного языка качества особой «правильности» и «общеобязательности», в противоположность нормам (естественным.— *Л. С.*), господствующим в диалектах и просторечии» [41].

А. М. Пешковский (1923) считал наличие языкового идеала у говорящих главной отличительной чертой литературного знака, формирующей и созидающей его. С точки зрения естественного процесса речи, «с точки зрения, так сказать, физиологии и биологии языка, эта черта совершенно неестественна. Но эта-то неестественность и оказывается как раз условием существования литератур-

[40] B. Havránek. Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963.
[41] Б. В. Томашевский. Язык и стиль. «Стих и язык». М.—Л., 1959, стр. 326.

ного наречия»[42]. В литературном языке, отмечал Пешковский, в отличие от естественных языков и наречий, конституирующим является стремление нормализовать свою речь, говорить не просто (понятно), а к а к - т о. Языковой идеал, по Пешковскому, характеризуется консерватизмом (устойчивостью во времени) и прикрепленностью к определенной местности (социальный престиж местного говора, возведенного в ранг нормы). «Если для общения людей вообще необходим язык, то для культурного общения необходим как бы язык в квадрате, язык, культивируемый как особое искусство, язык н о р м и р у е м ы й»[43].

О повышенных требованиях к литературному языку писали представители Пражского лингвистического кружка. С такого рода требованиями связан и более упорядоченный и нормативный характер литературного языка (по сравнению с другими формами национального языка, в первую очередь народным языком — диалектами). «Литературный язык характеризуется более широким функциональным употреблением лексических и грамматических элементов (...) и изобилием социальных лингвистических норм»[44].

§ 3. Абсолютизация функционального подхода к литературному языку приводит некоторых современных исследователей к категоричному выводу о том, что «определяющей чертой литературного языка является преодоление в нем нефункционального различия единиц»[45]. Разграничивая две формы существования национального языка — литературный язык и территориальные говоры, М. В. Панов полагает, что для последних в целом характерно нефункциональное разнообразие, которому литературный знак противопоставляет единство: он существует для всей территории русской речи; его взаимодействие с диалектами и обогащение за счет диалектов ведет не к увеличению синонимии внутри литературного языка, а к функциональному размежеванию и к усложнению системы языковых единиц. Полагая далее, что нормы диалект-

---

[42] Цит. по кн.: А. М. П е ш к о в с к и й. Избр. труды. М., 1959, стр. 54.
[43] Там же, стр. 59.
[44] Тезисы ПЛК.— Цит. по кн.: «Пражский лингвистический кружок». М., 1967.
[45] М. В. П а н о в. Русский язык. «Языки народов СССР», т. I. М., 1966, стр. 55—56.

ной речи построены конъюнктивно (допускается и то и другое), М. В. Панов противопоставляет им нормы литературного языка, построенные не конъюнктивно, а дизъюнктивно (допускается или то, или другое; в одних условиях — одно, в других другое). Наличие двух единиц, функционально тождественных, не различающихся,— уродливость и исключение для литературного языка [46].

Основная черта литературного языка — преодоление нефункционального различия единиц — противопоставляется автором всем другим его чертам как не существенным, не определяющим. К таким не определяющим чертам литературного языка отнесены: а) нормированность (ибо нормы есть и в диалектах), б) стилистическая дифференциация, в) общеобязательность и г) «поливалентность». Признавая, что каждая из этих черт не определяет сущности литературного языка, можно, однако, думать, что определяющей оказывается их совокупность (в которой присутствует определенная иерархия), тогда как попытки ограничиться единственной чертой при всей их видимой стройности оказываются во многом противоречивыми.

Действительно, если рассматривать преодоление нефункциональности в литературном языке как стремление к упорядоченности (нормативной, стилистической), то в сущности выделяемая в качестве основной черта сводится к нормативности, нормированности. К тому же, как было сказано выше, здесь речь идет не о нормах вообще, а о нормах особого качества — л и т е р а т у р н ы х нормах.

Функциональное размежевание и усложнение языковой системы может быть сведено к стилистической дифференциации литературного языка. Синонимические средства в этом случае играют значительную роль и не могут рассматриваться как «уродливость» или «исключение». Ср. мнение Л. В. Щербы по поводу создания настоящей и полной стилистики русского литературного языка: «В этой стилистике русский литературный язык должен быть представлен в виде концентрических кругов — основного и целого ряда дополнительных, каждый из которых должен заключать в себе обозначения (поскольку они имеются) тех же понятий, что и в основном круге,

[46] М. В. П а н о в. Русский язык, стр. 56.

но с тем или другим дополнительным оттенком, а также обозначения таких понятий, которых нет в основном круге, но которые имеют данный дополнительный оттенок. Из всего сказанного ясно, что развитой литературный язык представляет собой весьма сложную систему более или менее синонимичных средств выражения, так или иначе соотнесенных друг с другом» [47].

Противопоставление конъюнктивности диалектных норм дизъюнктивности норм литературных также оказывается во многом искусственным: оговорка, что выбор средств может зависеть от условий, сводит дизъюнкцию к конъюнкции (с наложением на последнюю определенных стилистических ограничений). Таким образом, подтверждается вывод представителей Пражской школы о том, что нормы литературного языка и диалектов не различаются в качественном отношении, а противопоставлены лишь количественно (см. выше). Наконец, к общеобязательности, отвергаемой М. В. Пановым, сводится его утверждение о единстве литературного языка, о том, что он существует для всей территории русской речи [48].

Кстати, это общее положение требует определенных уточнений. Единство литературного языка «на всей территории» не исключает некоторого варьирования его норм в отдельных участках этой территории.

§ 4. Проблема местных (региональных) вариантов в русском языкознании пока еще остается не до конца решенной. Где пределы членимости, дробления единства, за которыми нельзя уже говорить о единстве, и как объединить «всеобщность» литературного языка и его норм с объективными разновидностями на разных территориях?

Е. Ф. Будде (1926) не признавал «диалектных» отличий в пределах литературного языка. Современные исследователи орфоэпии допускают местные разновидности литературного произношения, возникающие под влиянием диалектов [49].

---

[47] Л. В. Щ е р б а. Современный русский литературный язык.— РЯШ, 1939, № 4.

[48] Сущность «поливалентности» будет разъяснена ниже.

[49] См. об этом: М. В. П а н о в. Русская фонетика. М., 1967, стр. 294.

«Местные варианты русского литературного языка,— отмечает Р. Р. Гельгардт,— создавались в результате сложных исторических процессов, которые не приводили к возникновению новой языковой единицы, существенно отличной от системы языка литературного, но которые вызывали в отдельных моментах сближение литературного языка с областными диалектами» [50].

Рассматривая проблему местных разновидностей литературного языка, исследователь исходит из общих закономерностей распространения литературного языка в условиях диалектов, «экспансии» литературности в говорах. «В настоящее время города утрачивают свою роль единственных центров распространения норм русского литературного языка, и близость той или иной сельской местности к городу уже не является непременным условием воздействия литературного языка образованных горожан на речь носителей местных диалектов. Литературный язык распространяется через различные каналы, и под его воздействием возникают разные ступени приближения местной диалектной речи к общелитературной норме» [51].

Помимо «диалектных» разновидностей литературного языка (или разновидностей на диалектном субстрате) существуют «национальные» разновидности (на субстрате национального языка). В последнем случае следует разграничивать речь русских в условиях иноязычного окружения, с одной стороны, и русскую речь людей, для которых русский язык неродной, с другой. Национальные разновидности русского литературного языка также остаются предметом дискуссионным, существование их оспаривается рядом исследователей. «Вызывает возражения распространенная точка зрения, согласно которой безоговорочно оправдываются национальные варианты русского литературного языка. Нормы правильной русской речи, распространяемые печатью, радио и другими средствами массовой коммуникации, должны быть еди-

---

[50] Р. Р. Гельгардт. Литературный язык в географической проекции.— ВЯ, 1959, № 3 (цит. по кн.: Р. Р. Гельгардт. Избр. статьи. Калинин, 1967, стр. 249).

[51] Р. Р. Гельгардт. Избр. статьи, стр. 250—251.— Подробнее о взаимодействии литературного языка с диалектной речью см. в настоящем сборнике: Т. С. Коготкова. Литературный язык и диалекты.

ными для всех, кто пользуется русским языком»,— пишут В. П. Григорьев и М. И. Исаев в статье «О культуре русской речи у нерусского населения» [52]. Авторы делают, правда, оговорку, что общая задача «по-русски произносить так, как произносят сами русские, говорящие на русском литературном языке» (А. А. Реформатский, 1961), «остается необходимым, хотя и идеальным, предельным требованием» (стр. 10).

В многосторонней и сложной проблеме региональных разновидностей (вариантов) литературного языка следует, по-видимому, разграничивать следующие вопросы: 1) степень освоения литературного языка (варианты строятся по линии «литературность» — «нелитературность»), 2) варианты в пределах литературного языка, и, наконец, выделяемые с учетом предыдущего разграничения,— 3) варианты литературного языка (собственно, литературный язык с более или менее отчетливой окраской «иноязычия» или «диалектности»).

Важность такого рода разграничения четко осознавали представители Пражской лингвистической школы, обращавшиеся к проблемам территориальных вариантов литературного языка: «Какие проблемы стоят перед чешской теорией литературного языка в связи с существованием в литературной норме территориальных вариантов? Во-первых, проблема отграничения региональных вариантов, которые уже принадлежат норме литературного языка или во всяком случае обнаруживают тенденцию стать ее составной частью, от нелитературных региональных вариантов. Особенно существенна проблема объективного определения этой границы, а также проблема оценки территориальных вариантов, уже включенных в литературную норму»,— писал А. Едличка [53].

Возникновение региональных вариантов может быть связано с осуществлением двух характерных тенденций в развитии литературного языка: тенденции к распространению, стремления играть роль койнэ (общего языка), с одной стороны, и тенденции к монопольному положению как отличительной черте господствующего класса,—с другой [54].

---

[52] «Русская речь», 1967, № 6, стр. 15.
[53] А. Едличка. О пражской теории литературного языка.— ПЛК, стр. 555.
[54] Тезисы ПЛК.

§ 5. В исследованиях последнего времени проблема вариантности литературного языка и вариантов литературных норм приобретает широкое значение. К ней обращаются специалисты разных языков, решение ее не ограничивается конкретными историческими условиями и имеет часто общеязыковой характер.

В монографии, посвященной формированию норм немецкого литературного языка, Н. Н. Семенюк предлагает различать два аспекта, из которых складывается функциональная характеристика литературного языка,— внешний и внутренний [55].

К внешнему аспекту относятся следующие вопросы: формы реализации литературного языка (устная, письменная), территориальные и социальные сферы его использования, соотношение литературного языка с другими формами существования данного национального языка.

Внутренний аспект включает характеристику конкретных способов реализации структурных потенций данной языковой системы, характеристику стабильности и — соответственно — диапазона их варьирования для разных уровней языка.

Вся совокупность внешних и внутренних функциональных характеристик языка включается исследователем в понятие нормы, «которое является для современного языкознания одним из необходимых общелингвистических понятий, использующихся при изучении языка» [56].

Действительно, если внешний аспект изучает структуру литературных норм в ее отношении к внелитературным воздействиям, то внутренний аспект характеризует норму в собственно языковом отношении, «изнутри» и преимущественно в плане функциональной вариативности.

Норма определяет характер реализаций тех структурных потенций, которые заложены в системе. Она ограничивает и регулирует использование в языке различных изофункциональных средств. Иными словами, она выполняет две взаимосвязанные функции: функцию реализации и функцию распределения.

[55] Н. Н. Семенюк. Проблема формирования норм немецкого литературного языка XVIII столетия. М., 1967, стр. 7 и сл.
[56] Там же, стр. 7.

С этой точки зрения литературный язык характеризуется тремя существенными признаками: 1) участием в его формировании нескольких языковых систем (территориальные диалекты, региональные варианты); 2) распространением на значительной территории и 3) полифункциональностью (по терминологии В. В. Виноградова,— «поливалентностью»), порождающей сложную коммуникативную и экспрессивную структуру.

При этом характеристика вариантности становится одним из необходимых признаков, из которых складывается понятие литературной нормы.

Проблема вариантов, обусловленных развитием языка (или исторически обусловленных вариантов), была выдвинута чешскими языковедами в тот период, когда они выступили против кодификации архаического состояния языка, против сильной акцентировки консервативных черт литературного языка, характерной для старой теории [57]. Допустимость исторически обусловленных вариантов была связана с попытками чешских ученых выявить динамический характер нормы, признать эволюцию процессов, совершающихся в литературном языке: «Развитие нормы совершается именно благодаря вариантам, они являются, как правило, переходными формами от одного качества к другому; вместе с тем их позитивная роль состоит в том, что они весьма часто служат средством стилистической дифференциации» [58].

§ 6. Проблема структурных и хронологических рамок современного литературного языка связана непосредственно с оценкой внешнего и внутреннего аспектов его функциональной характеристики.

Нормированная (литературная) и ненормированная формы национального общения в новых социальных условиях советского периода взаимно проницаемы и во времени относительны. «Включение в норму ненормированных явлений — дело времени, необходимого на преобразование стилистических традиций литературной речи» [59].

Учение о культуре речи не ограничивается описанием установившейся структуры (даже с учетом ее «слабых», развивающихся точек или областей). Для того чтобы

[57] См. об этом: А. Едличка. Указ. соч., стр. 549.
[58] Там же, стр. 553.
[59] С. И. Ожегов. Лексика. «Русский язык и советское общество (проспект)». Алма-Ата, 1962.

быть перспективным, оно должно учитывать внешние, нелитературные воздействия на традиционную норму, опираться на объективную картину эволюции литературного языка, стимулированной социально. Именно в этой связи следует понимать утверждение В. В. Виноградова о том, что учение о культуре речи «распространяется и на те социально-стилистические сферы речевого общения, которые в данный момент еще не включены в канон литературной речи и в систему литературных норм» [60].

Сферы речевого общения, имеющие перспективы войти в литературный обиход и утвердиться в нем, располагаются на периферии литературного языка, в точках и областях его взаимодействия с городским просторечием, социально-групповыми диалектами, территориальными говорами, профессиональной внелитературной речью и т. п. При этом важно выделить системные образования — виды и сферы речи, обслуживающие определенные группировки людей, связанных общим занятием, профессией или территорией, местом жительства, т. е. оформленных социально. «Можно сказать,— писал Л. В. Щерба,— что все изменения языка, которые потом проявляются и в монологической речи, куются и накопляются в кузнице разговорной речи ... Я думаю вообще, что литературный язык меньше сам создает, чем берет созданное жизнью, а языковая жизнь бьется и кипит главным образом в разговорном языке отдельных человеческих группировок» [61].

Анализ взаимодействия литературного языка с просторечием позволяет выделить два типа (или направления) этого процесса:

1) «выравнивание» и «подтягивание» просторечия до литературности;

2) ассимиляция, поглощение просторечия литературным языком.

Полюсами этого взаимодействия являются, с одной стороны, иноструктурные элементы в системе просторечия (например, книжная, деловая, иноязычная и т. п. лексика, своеобразно «обработанная» и освоенная) и, с другой стороны,— литературная речь с установкой на «разговорность». Примеры того и другого в языке художественной литературы нередко оказываются отражением

[60] В. В. Виноградов. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания.— ВЯ, 1964, № 3.

[61] Л. В. Щерба. Современный русский литературный язык.

объективных речевых мозаик. Ср., например, язык персонажей М. Зощенко, идущих в своем «речестрое» от имманентной просторечной стихии к показателям («сигналам») литературности, с языком персонажей В. Аксенова, где наряду с той же функцией присутствует прямо противоположное языковое задание: к просторечности от литературной основы (или на фоне ее). Этим, по-видимому, объясняется сближение стилей этих разных писателей, проводимое В. Кавериным и К. Паустовским [62].

Взаимодействие территориальных говоров с литературным языком (называемое очень неточно «нивелировкой» говоров) начинается практически со времени оформления нормализованного типа речи. Этот процесс, протекавший весьма неравномерно в дореволюционное время, получил всеобщий характер в новых условиях существования русского языка как языка социалистической нации, поскольку именно в это время воздействие литературных норм «все более распространяется на говоры любых территорий, приобретает повседневный, систематический характер, непрерывно представляя в распоряжение носителей диалекта необходимый материал для сравнения их речевой практики с практикой носителей нормализованного типа языка» [63]. Теоретическое и практическое изучение этого процесса, его детализация и конкретизация заставляют критически рассмотреть и оценить принимаемый традиционно термин «нивелировка» в его содержательном плане [64]. Дело в том, что в новых условиях существования русского национального языка влияние литературных норм на говоры осложняется встречным процессом влияния народных говоров на систему литературных норм.

Взаимное влияние и взаимное обогащение русских народных говоров и литературного языка проходит по различным каналам. Между литературным языком в его функционально-стилевых ответвлениях, письменной и устной формах и диалектным языком в его территориальном варьировании располагаются «разнообразные формы

[62] См.: «Новый мир», 1965, № 9.

[63] В. Г. Орлова, Т. Ю. Строганова. Закономерности развития диалектов русского национального языка. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1961, т. XX, вып. 5.

[64] И. А. Оссовецкий. Влияние литературного языка на говоры. «Русский язык и советское общество (проспект)».

народно-разговорного языка, просторечия, «полудиалекта», одни из которых в большей или меньшей степени приближаются к литературному языку, другие — к диалектному» [65]. Освоение диалектных элементов общей речью осуществляется через городское и диалектное просторечие («полудиалект»), интердиалекты, профессионально-терминологическую речь, книжные источники разных типов.

Элементы социально-групповых диалектов старых формаций приходят в литературный язык через диалектное просторечие, элементы новых жаргонных формаций — обычным путем, через экспрессивное просторечие и обиходно-разговорную речь.

§ 7. Процессы усвоения литературным языком внелитературных элементов имеют внешнюю (социальную) и внутреннюю (структурно-грамматическую) обусловленность.

Социально-исторические процессы оказывают значительное и непосредственное влияние на языковую эволюцию, на интенсивность внутриязыковых перераспределений. Новые функциональные задания литературного языка в революционную эпоху (необходимость говорить с революционными массами доступным им языком) привели к быстрому усвоению новых речевых особенностей традиционной литературной нормой. «Обыкновенно говорят,— писал Л. В. Щерба,— что изменение языковой системы происходит при смене поколений. Это отчасти так, но опыт нашей революции показал, что резкое изменение языкового материала неминуемо влечет изменение речевых норм даже у пожилых людей: масса слов и оборотов, несколько лет назад казавшихся дикими и нелепыми, теперь вошла в повседневное употребление» [66]. Эволюция языкового развития и смена литературных норм осложнены драматической, напряженной борьбой вкусов, традиций, социально-групповых и индивидуальных оценок фактов языка в нормативном плане.

Собственно внутриязыковые условия определяют характер взаимоотношения литературного и нелитературного в языке и самый механизм «олитературивания».

[65] Р. И. Аванесов.—Русская диалектология (введение). М., 1964, стр. 7.

[66] Л. В. Щерба. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании.

Известно, например, что одни элементы разговорного стиля олитературиваются легко и непринужденно в пределах одного поколения говорящих, другие же так и остаются на уровне разговорных и не идут дальше пополнения традиционных средств художественной литературы в передаче диалектно-просторечной стихии (ср., с одной стороны: *запросто* и *просто*, *легко*, *задаром* и *даром*, *простыть* и *простудиться*, *днями* и *на днях*, *случаем* и т. п., а с другой: *скипятить* и *вскипятить*, *зачать* и *начать*, *убечь* и *убежать*, *аванец* и *аванс* и др.).

Одним из важнейших условий усвоения нормой нелитературных по происхождению элементов является степень их соответствия (α) или контрастности (β) системе литературного языка и нормы.

В связи с этим можно выделить два типа (точнее, две стадии) олитературивания: 1) полная ассимиляция нелитературных по происхождению средств (при α) и 2) пополнение стилистических ресурсов литературного языка (при β).

Литературный язык,— отмечал Л. В. Щерба,— «принимает многое, навязываемое ему разговорным языком и диалектами..., но лишь тогда, когда он (т. е. литературный язык.— *Л. С.*) приспособил новое к своей системе, подправив и переделав его соответствующим образом» [67].

Наряду с каналами непосредственного взаимодействия литературного языка с внелитературными сферами речи существуют области переходные между литературным и нелитературным, где происходит «приспособление» инноваций к системе норм, олитературивание. Для территориальных говоров — это интердиалект (а в функциональном отношении — литературно-диалектное «двуязычие» говорящих), для социально-групповых разновидностей национального языка — это интержаргон (т. е. перекрещивающиеся части общебытового словаря разных жаргонов), в котором происходит относительная нейтрализация социально прикрепленных по происхождению элементов.

Исследователи эволюции русских народных говоров подчеркивают важность фактора структурной близости при усвоении литературных норм носителями диалектного субстрата и приходят к выводу, что литературный

[67] Л. В. Щ е р б а. Современный русский литературный язык.

язык и диалекты находятся в состоянии динамического равновесия, которое непрерывно нарушается процессом их сближения [68].

Общее соотношение литературности и нелитературности в пределах национального языка оказывается исторически изменчивым и зависит от разных факторов: смены носителей литературной речи и самого эталона нормы (литературного «образца») в различные периоды, наличия (преобладания) установки речевой деятельности на «книжность» или «разговорность» в ту или иную эпоху, изменений в структуре национального языка, роста интенсивности информации, ее «количества», характера общественных дискуссий о языке, отражающих реальные языковые процессы в их оценочном восприятии, и т. п.

Что считать современным литературным языком? Где его хронологические и функциональные границы? Можно ли удовлетвориться абсолютизовавшейся некогда формулой «от Пушкина до Горького»?

«Лексические и грамматические нормы, установленные Пушкиным, в основном сохранились до настоящего времени, однако было бы грубой ошибкой утверждать их полную тождественность с современными литературными нормами» [69].

§ 8. Вопрос о границах современного в литературном языке решается по-разному. Особенно актуален этот вопрос для лексикографов — составителей современных толковых словарей; им его приходится решать практически, определяя круг источников для выборки материала.

С. И. Ожегов предложил рассматривать язык советской эпохи как новый этап в историческом развитии русского литературного языка (по сравнению с языком XIX и даже начала XX в.) [70].

Условные границы для нового нормативно-стилистического словаря устанавливаются современными исследователями несколько иначе: началом «современного этапа» предлагается считать конец 30-х — начало 40-х годов нашего века, поскольку на этот период падает окончание

---

[68] См.: В. Г. Орлова и Т. Ю. Строганова. Указ. соч.; И. А. Оссовецкий. Указ. соч.

[69] Л. Барсукевич. Становление и развитие нормы в русском литературном языке. «Język rosyjski», 1961, № 4, стр. 12.

[70] См. предисловие к «Словарю русского языка» С. И. Ожегова (М., 1963, стр. 3).

культурной революции, формирование новой по социальному составу советской интеллигенции, общее укрепление языковых норм, начало их кодификации на новой основе[71].

В рассуждениях и спорах по поводу хронологических рамок литературного языка нередко независимо от спорящих происходит подмена задач нормативной характеристики задачами исторического его описания. Об этом напомнил недавно Ю. С. Сорокин в статье «О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка»[72]. В случае нормативного словаря,— пишет он,— нас интересует не то, как, когда и при каких условиях сложились современные нормы, а то, что они есть, существуют, действуют. Подход к определению современности литературного языка должен был функциональным, качественным, а не формально-временным: «Сложность определения границ лексической системы особенно увеличивается при обращении к литературному языку, сочетающему нормы и особенности живого актуального словоупотребления с исторической традицией»[73].

Итак, речь должна идти о литературном языке в его современных границах — функциональных, а не хронологических. Интересно отметить, однако, что период в 40—50 лет для современного этапа литературного языка называется исследователями разных стран; с этим периодом связывают и смену поколений, и реальное ощущение преемственности, и актуальность традиционно сложившихся и закрепленных в лучших образцах художественной прозы литературных норм. По-видимому, окончательное решение этого вопроса может быть связано с узким (в только что описанном смысле) и широким (с привлечением активного классического наследия) пониманием сферы современных литературных норм и границ современного литературного языка.

§ 9. Структурно-функциональная характеристика литературного языка на широком историческом фоне дана в брошюре В. В. Виноградова «Различия между законо-

---

[71] См. об этом: К. С. Горбачевич. Границы современного в толковых словарях. «Русская речь», 1967, № 2.

[72] Ю. С. Сорокин. О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка.— ВЯ, 1967, № 5.

[73] Там же, стр. 26.

мерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпоху» (1963).

В разные периоды развития общенародного языка литературный язык занимает разное место в его системе. В ранние периоды образования буржуазных наций литературным языком владеют сравнительно ограниченные социальные группировки. «Только в эпоху существования развитых национальных языков, особенно в социалистическом обществе, литературный язык как высший нормированный тип общенародного языка (разрядка моя.— *Л. С.*) постепенно вытесняет диалекты и интердиалекты и становится как в устном, так и в письменном общении выразителем подлинной общенациональной нормы»[74].

В идеале литературный язык рассчитан на общенародное употребление. В связи с этим для него характерна генерализация форм и категорий, даже если эти формы по своему происхождению — местные, локальные. Таким образом, выявляются две основные, конституирующие черты развитого литературного языка: 1) стремление к общенародности и 2) нормативность. «Понятие нормы — центральное в определении национального литературного языка (как в его письменной, так и разговорной форме»)[75]. Этим двум чертам сопутствуют и подчиняются им другие характеристики национального литературного языка, в частности поливалентность, т. е. степень охвата им разных областей общественно-речевой практики, зависящая во многом от специфики социально-исторических условий его развития.

В книге «Проблемы литературных языков и закономерности их образования и развития» (1967) В. В. Виноградов углубляет структурно-функциональную характеристику литературного языка национального периода и определяет место литературного языка в системе национального языка нового периода:

«Литературно-письменный язык, подчиняясь общим тенденциям национально-языкового развития, питаясь живыми соками народно-разговорной речи, вбирая в себя наиболее ценные и наиболее целесообразные для нужд

[74] В. В. Виноградов. Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпоху. М., 1963, стр. 15.

[75] Там же, стр. 26.

тех или иных сфер речевого общения диалектные средства, формируется в своеобразную, стилистически дифференцированную, семантически развитую нормализованную систему внутри национального языка (разрядка моя.— *Л. С.*). Диалекты же как бы приспособляются к национальному языку, постепенно оттесняемые или вытесняемые и преобразуемые им. Они относятся к качественно иному уровню того же языка, так как кишат пережитками прошлого.

При таком понимании национальный язык рассматривается не как «мешок», куда втискиваются наряду с литературным и общенародным разговорным языком развитые социальные диалекты донациональной эпохи, но как сложная, динамическая и целенаправленная система, в которой — при ее глубоком внутреннем структурном единстве — происходит взаимодействие и взаимовлияние разных функциональных частей неравноправных по своей общественной природе и историческому назначению»[76].

§ 10. С практической точки зрения полезным оказывается дополнение структурно-функциональной характеристики литературного языка характеристикой «хронологической», вычленяющей важные периоды его развития в связи с особенностями внутриязыкового и внеязыкового (социального) порядка в каждом из них. Исследователь лексики русского языка послеоктябрьского периода С. И. Ожегов предложил, например, следующую периодизацию ее развития в конкретных общественных условиях:

Первый этап. Первые годы революции и 20-е годы. В общем виде характеризуется появлением новой общественно-политической терминологии и выпадением старой; наплывом в литературное употребление лексики просторечия, жаргонов и т. п.; относительной расшатанностью, неустойчивостью литературной нормы в связи с потерей языкового «идеала».

Второй этап. Период 30-х годов. Характерны следующие явления: бурный рост новой лексики, идущей из разных источников; известная стабилизация лексических норм; общественная борьба против «вульгар-

[76] В. В. Виноградов. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967, стр. 43.

ности» и загрязнения литературного языка, приведшая наряду с другими причинами к общей стилистической сглаженности языка художественной литературы и публицистики.

Третий этап. Период 40—60-х годов. Отмечен следующими чертами: широким усвоением новой научно-терминологической и общественно-политической лексики; возрождением в разных функциях лексических элементов, ушедших в первые годы революции в пассивный запас языка; усвоением литературным языком многих элементов лексического просторечия, жаргонов, профессионального словоупотребления. Языковая политика этого периода определяется борьбой за чистоту языка, главным образом против речевых штампов и жаргонного словоупотребления[77].

Периодизация истории русского литературного языка нового времени должна явиться закономерным итогом углубленного анализа характерных этапов становления и развития системы литературных норм.

Объективные критерии для определения границ литературного языка могут быть выработаны лишь при опоре на достаточно большой и объективный языковой материал, характеризующий соотношение и взаимодействие сосуществующих элементов, стилистические перегруппировки в пределах литературной речи, процессы нейтрализации в ней социально ограниченных по происхождению структурных единиц и т. п.

Выработка этих критериев поможет исследователям точнее определить тенденции развития литературной нормы и указать важнейшие направления разумной языковой политики наших дней.

Культура речи

§ 1. Подход к проблемам культуры речи, к кругу относящихся сюда вопросов предполагает историческое, социальное и собственно лингвистическое осознание явлений нормы и литературного языка в их функциональной связи и диахронической изменчивости. Молодость са-

---

[77] С. И. Ожегов. Лексика. «Русский язык и советское общество (проспект)».

мой дисциплины, называемой неустойчиво то «культурой речи», то «культурой языка», объясняется во многом неразработанностью предваряющих эту дисциплину разделов языкознания.

«Выделение литературной, или «правильной», речи,— писал Л. Блумфильд,— есть побочный продукт определенных социальных условий... Исследователь письма, литературы (...) или правильной речи, если только он достаточно настойчив и методичен, после напрасных усилий неизбежно приходит к выводу, что ему сначала надо изучить язык, а потом уж приниматься за эти проблемы»[78].

§ 2. Представители Пражского лингвистического кружка рассматривали проблемы культуры речи в тесной связи с основными функциями литературного языка и с практическими задачами нормализации (кодификации).

«Под культурой языка,— записано в тезисах ПЛК,— понимается четко выраженная тенденция к развитию в литературном языке (как разговорном, так и книжном) качеств, требуемых его специальной функцией»[79]. Таких качеств оказывается три: 1) устойчивость; 2) ясная, точная и легкая передача самых разнообразных оттенков; 3) оригинальность языка. В связи с этими выделенными качествами определяются следующие практические задачи в области культуры и критики славянских языков:

для произношения — преодоление нефункциональных различий (вариантов);

для орфографии — ясность, простота и устойчивость во времени;

для словаря — стремление к максимальному обогащению и стилистическому разнообразию, наряду с поисками смысловой точности словоупотребления;

для синтаксиса — стремление не только к индивидуальной экспрессивности, но и к богатству возможных дифференциаций значений;

для морфологии — устранение бесполезных архаизмов, увеличивающих расстояние между книжным и разговорным языками.

---

[78] Л. Блумфильд. Язык.— Цит. по кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях, ч. II, стр. 126.

[79] Тезисы ПЛК, стр. 39.

Культура речи означает использование языковых средств, оптимальных для данной речевой ситуации. Другими словами, она предполагает владение говорящим различными функциональными стилями. Так, например, жаргонные слова и выражения в принципе неприемлемы за пределами тех ситуаций, в которых они обычно бытуют, точно так же, как неприемлем стиль научной речи (или его признаки) в быту, литературная речь — в диалектной среде, нейтральные (ненамеренные) диалектизмы — в литературной речи и т. п.

§ 3. Функциональное осмысление культуры речи и связанных с нею практических проблем кодификации также восходит к деятельности чешских языковедов, представителей Пражского лингвистического кружка.

«Культура речи, кодификация,— отмечает Б. Гавранек,— появились как научные проблемы лишь тогда, когда язык начали рассматривать как средство для достижения определенной цели, когда провели различие между высказываниями и системой языка» [80].

Разграничивая норму как целиком внутриязыковое явление и кодификацию как явление внеязыковое (описание нормы в учебниках), Б. Гавранек определяет языковую норму как «систему языка, взятую в плане ее обязательности,— с задачей достичь намеченного в сфере функционирования языка».

Решая теоретические и практические вопросы нормализации, языковеды должны учитывать функциональность современного литературного языка и его структуру. Языковой пуризм (идущий обычно от охранительной тенденции) оказывается в противоречии с живыми потребностями литературного языка, с другой стороны, антинормализаторство — т. е. поощрение прогрессивных тенденций без учета внутриязыковых потребностей — не может служить теоретическим основанием нормализаторской деятельности языковедов.

В тезисах «Общие принципы культуры языка» (1932) пражские языковеды предложили ряд общих положений для теоретического нормативного вмешательства в языковую практику:

1. Подобное вмешательство должно поддерживать стабилизацию литературного языка.

---

[80] B. Havránek. Studie o spisovném jazyce.

2. Целью такого вмешательства является не архаизация и не насильственное сдерживание развития литературного языка, а стремление к стабилизации, которое определяется целесообразностью (функциональная точка зрения), вкусом данной эпохи (точка зрения общеэстетическая) и соответствием подлинному состоянию современного литературного языка (синхронная точка зрения).

3. Это вмешательство не должно насильственно углублять различия в грамматическом строе разговорного и книжного языка, если речь не идет о функциональном использовании именно этих различий.

4. Это вмешательство не должно устранять из литературного языка все колебания и все грамматические и лексические дублеты. Стремление к стабилизации литературного языка не должно приводить к его нивелировке [81].

В этих принципиальных положениях особенное внимание привлекает тезис о трех подходах к стабилизированной норме (функциональном, общеэстетическом и синхронном), а также тезис о колебаниях и вариантах (дублетах), представляющих существенную черту любого литературного языка.

§ 4. Действительно, целесообразность (функциональность) и дублетность представляют важнейшие стороны общей проблемы культуры речи, так сказать, ее сердцевину.

Между тем абсолютизация одной из этих сторон, рассмотрение ее в отрыве от другой, приводит современных исследователей к созданию особых дисциплин или «учений», претендующих на господствующее место в проблемах речевой культуры. С одной стороны, это так называемая ортология, с другой — принцип коммуникативной целесообразности.

«Ортология», или учение о «правильной» речи, строится, по замыслу ее создателей, как отрасль языкознания, основной категорией которой является категория вариантности, осмысливаемая и оцениваемая с точки зрения тенденций языкового развития [82]. Что касается

[81] См. тезисы «Общие принципы культуры языка».— ПЛК, стр. 397.

[82] См.: О. С. Ахманова, Ю. А. Бельчиков, В. В. Веселитский. К вопросу о «правильности» речи.— ВЯ, 1960,

принципа коммуникативной целесообразности, то он восходит в общем виде к функциональной лингвистике вообще и к функциональной стилистике в частности. Еще Ш. Балли отмечал, что «стиль — это языковое приспособление человека к общей обстановке». Функциональное понимание культуры языка в отечественном языкознании было предложено Г. О. Винокуром в книге «Культура языка» (1930): «... Культура языка в подлинном смысле невозможна без действительного и — в тенденции — исчерпывающего знания о языке, т. е. о тех его средствах, которые находят свое своеобразное применение в зависимости от внутренней телеологии того или иного социально-речевого задания. Именно так и распадается наша практическая стилистика: на учение о средствах языка и учение о языковых заданиях, с точки зрения разнообразного применения языковых средств в каждом из них» [83].

В последнее время принцип коммуникативной целесообразности был выдвинут в теоретическом плане В. Г. Костомаровым и А. А. Леонтьевым (1966) и в плане практическом — Б. Н. Головиным (1966).

По мнению В. Г. Костомарова и А. А. Леонтьева, «правильность литературного выражения выступает функцией коммуникативно-стилистической целесообразности и, так сказать, соразмерности данного высказывания (а также — с убывающей силой зависимости — каждой данной ситуации, речевого жанра, стиля, вообще более широкой и всеобщей сферы применения языка)» [84]. Критерий коммуникативной целесообразности, как полагают авторы, существен при определении нормативности явления и вообще культуры речи, ибо язык прежде всего — средство общения, а всякое общение целенаправлено.

Несмотря на последнюю оговорку, в целом точка зрения авторов сводится к тому (хотят или не хотят они этого субъективно), что понятие нормативности и правиль-

---

№ 2; О. С. Ахманова, В. Ф. Беляев, В. В. Веселитский. Об основных понятиях «нормы речи» (ортология). «Филол. науки», 1965, № 4. — Ср. критическую оценку этого направления в статье Ю. М. Скребнева (ВЯ, 1961, № 1).

[83] Г. О. Винокур. Культура языка. Изд. 2. М., 1930.

[84] В. Г. Костомаров, А. А. Леонтьев. Некоторые теоретические вопросы культуры речи, стр. 5—6.

ности поглощается понятием «коммуникативной целесообразности», растворяясь в нем без остатка. В этом случае, прояснив цель и ситуацию, культура речи как лингвистическая дисциплина теряет свой объект и свой существенный конструктивный элемент — литературную норму.

Б. Н. Головин соотносит целесообразность и норму, считая их двумя регуляторами человеческой речи, рассматриваемой в нормативно-стилистическом плане (в связи с этим вводится понятие «хорошей» речи и ее качеств). Если требования нормы жестки и узки, то требования целесообразности — мягче и шире. Проявление нормы не зависит от условий применения языка (содержание, цель, обстановка речи); проявление целесообразности целиком определяется этими условиями. Норма осуществляется в пределах языковой структуры; целесообразность выводит говорящего за ее пределы «в сложную область связей и отношений языка и действительности, языка и сознания». Наконец, «норма выбирает из немногих вариантов, лишь один из которых — литературный. Целесообразность может выбирать из очень большого ряда языковых фактов, и все они могут быть вполне литературными» [85].

Здесь не все ясно: непонятно, например, каким образом осуществляется литературное общение «за пределами языковой структуры». Кроме того, вызывает возражение двоякое понимание литературности — на «уровне» нормы и на «уровне» целесообразности. Вместе с тем попытка представить систему антиномий для разграничения речи «правильной» и речи «хорошей» не может не привлечь внимания и пристального изучения. По мнению Б. Н. Головина, норма (строгость, жесткость выбора, предписания) господствует в области произношения, ударения, морфологии, синтаксиса, орфографии и пунктуации. В лексике заметнее, чем в грамматике, скрещиваются жесткие предписания нормы и мягкие рекомендации целесообразности. Что касается стилистики, то в ней господствует целесообразность.

§ 5. Думается, что недостатки и противоречия описанных подходов (ортологических и коммуникативных)

---

[85] Б. Н. Головин. Как говорить правильно. Горький, 1966, стр. 44—45.

могут быть во многом сняты, если ввести членение в общее понятие «культура языка (речи)» и говорить о «правильности речи» и «культуре речи» как двух ступенях освоения литературного языка и двух способах владения им.

Первой, низшей, ступенью оказывается п р а в и л ь н о с т ь речи. О правильности мы говорим при овладении литературной речью и ее нормами. Оценки вариантов на уровне правильности речи: правильно — неправильно, по-русски — не по-русски и т. п. (ср. *орать на все горло* вместо *орать во все горло*, а также *хочут* вместо *хотят*, *суть да дело* вместо *суд да дело* и т. п.). Правильность речи является в сущности предметом школьного обучения. Программа средней школы и предполагает в общем виде привитие навыков правильной речи (преимущественно в области грамматики).

Второй, высшей, ступенью освоения литературного языка является к у л ь т у р а р е ч и в собственном смысле. О культуре речи можно говорить в условиях владения литературной речью, в условиях правильности (т. е. владения литературными нормами). Оценки вариантов на уровне культуры речи иные: лучше — хуже, точнее, уместнее и т. п. (ср. архаическое и книжное *от времени до времени* и современное нейтральное *время от времени*, которые вместе противопоставлены «неправильному» *от времени* в том же значении, скажем, в устах иностранца).

Собственно, за нерасчлененными определениями и категориями различных авторов — «выразительность», «образность», «богатство языка», «хорошая речь» и т. п.— и стоит, как нам кажется, попытка охарактеризовать культуру языка в отличие от «правильности» в предложенном выше смысле.

Идея разграничения двух принципиально различных аспектов культуры языка в отечественном языкознании принадлежит Г. О. Винокуру. Впервые она была высказана в общем виде в книге «Культура языка» (1930), а затем конкретизирована в более поздних работах и, в частности, в опубликованной посмертно статье 1945 г. «Из бесед по культуре речи».

«Понятие культуры речи,— пишет Г. О. Винокур,— можно толковать в двояком смысле, в зависимости от того, будем ли мы иметь в виду одну только п р а в и л ь-

н у ю речь или же также речь умелую, и с к у с н у ю»[86]. Искусная речь предполагает умение говорить не только правильно, но в принципе и мастерски, как пишут и говорят мастера художественной речи. Поэтому главная особенность такой мастерской речи заключается в ее активности, в ее творческом характере: «Мастер языкового употребления не только хорошо знает нормы языка, но и сам на них влияет и с а м и х с о з д а е т» (разрядка моя.— *Л. С.*)[87].

§ 6. Итак, мы видим, что выдвинутые в качестве основных культурно-речевых проблем вариативность и коммуникативная целесообразность могут рассматриваться соответственно как лингвистическая критика (проблема вариантов) — на уровне правильности, с одной стороны, и модель порождения высказывания (в зависимости от цели, используемых средств и т. п.) — на уровне культуры речи, с другой.

Недостаток принципа коммуникативной целесообразности в том виде, в каком он предложен В. Г. Костомаровым и А. А. Леонтьевым, состоит в том, что действие его распространяется и на уровень правильности, и на уровень культуры речи.

Между тем расчлененность указанных уровней позволяет определить более точно место принципа коммуникативной целесообразности в общей проблеме речевой культуры, не смазывая понятия нормативности. Принцип коммуникативной целесообразности, осуществляясь исключительно на уровне культуры речи (т. е. стилистическом, а не нормативном), предполагает вместе с тем в определенных случаях — в целях коммуникативных — оправдание осознанной ошибки в собственной речи[88].

Ср. форму *матеря́* вместо *ма́тери* в диалоге, осуществляемом в условиях диалектной речи:

— Я тут женщину одну хорошую встретила. Сына у нее убили. Хлопчика. Молоденького.— Да, *матеря* теперь плачут...— отозвался провожатый деловито и сухо.— *Матеря* плачут,— повторила за ним Ксана, стесняясь произнести это слово правильно (Е. С у-

[86] Г. О. В и н о к у р. Из бесед о культуре речи. «Русская речь», 1967, № 3, стр. 10.

[87] Там же, стр. 13.

[88] Это не та ошибка, которая составляет «прелесть», по Л. В. Щербе (у него — обыгрывание, осознаваемое обеими сторонами и осуществляемое на фоне одинаково понимаемой нормы).

в о р и н а. Ксана Муратова — фронтовая артистка.— «Юность», 1964, № 3, стр. 49).

Ср. также: Было мне хорошо и привольно. К тому времени я давно уже расстался с галстуком и дурацкой своей шляпой, ходил в картузе Севастьяна Васильевича и в распахнутой на груди рубашке.

Надо сказать, что и речь моя сильно стала меняться, все чаще в ней стал появляться уколовский распев, все чаще я стал употреблять слова *надысь*, *вечор*, *летось* (В. А к с е н о в. Дикой.— «Юность», 1964, № 12).

Уподобление, ассимиляция окружающей диалектной речи у людей, родившихся в ее стихии, со временем может осложняться явлением языкового «регресса», отмеченного современными диалектологами (см. работы Ф. Л. Скитовой, Л. И. Баранниковой).

По мнению Э. Косериу, в диалоге, который ведется на одном и том же языке, всегда неявно присутствуют четыре различных языка: 1) языковые навыки говорящего, 2) языковые навыки слушающего, 3) общая часть тех и других навыков, 4) новый язык, образующийся в процессе диалога. Э. Косериу ссылается на Монтэня, который полагал, что слово принадлежит наполовину говорящему и наполовину слушающему. «Этим объясняются постоянные усилия собеседников сделать обе «половины» как можно более тождественными, их стремление говорить, к а к д р у г о й. В силу приспособления к навыкам другого говорящий может даже отказываться в значительной части от собственных навыков, как это бывает при разговоре с иностранцами, и модифицировать в определенной степени реализацию своих моделей таким образом, ч т о б ы д р у г о й л у ч ш е п о н и м а л е г о»[89].

Изучение высказывания в связи с ситуацией речи начато было у нас в конце 20-х годов и связано в первую очередь с именами Л. П. Якубинского, Г. О. Винокура, Б. А. Ларина, В. Н. Волошинова. В книге «Марксизм и философия языка» (1929) В. Н. Волошинов ввел понятие б л и ж а й ш е й с о ц и а л ь н о й с и т у а ц и и.

Высказывание, по В. Н. Волошинову, строится между двумя социально организованными людьми, и если реального собеседника нет, то он предполагается в лице, так сказать, нормального представителя той социальной группы, к которой принадлежит говорящий. «С л о в о о р и е н т и р о в а н о н а с о б е с е д н и к а, ори-

[89] Э. К о с е р и у. Указ. соч., стр. 190.

ентировано на то, кто этот собеседник: человек той же социальной группы или нет, выше или ниже стоящий (иерархический ранг собеседника), связанный или не связанный с говорящим какими-либо более тесными узами (отец, брат, муж и т. п.). Абстрактного собеседника (...) не может быть; с ним действительно у нас не было бы общего языка ни в буквальном, ни в переносном смысле». И далее: «Ближайшая социальная ситуация и более широкая социальная среда всецело определяют — притом, так сказать, изнутри — структуру высказывания»[90].

В последние годы к идеям Л. П. Якубинского и др. вновь обратился А. А. Холодович, призвавший обсудить само понятие типологии речи в связи с развившимся у нас интересом к общим вопросам социологии языка. В статье «О типологии речи» (1967) А. А. Холодович выделяет пять признаков речевого поведения человека: 1) средство выражения речевого акта (звук, письменный знак, жест); 2) степень коммуникативности; 3) ориентированность речевого акта (предполагается ли реакция получателя или речь однонаправлена, как, например, речь диктора по радио); 4) квантификативность речевого акта (количество получателей — от одного до многих); 5) контактность или дистантность речевого акта. «Если все эти признаки являются логически независимыми,— отмечает А. А. Холодович,— то их можно считать дифференциальными признаками речевого акта и на их основе построить типологию речи. В этом случае мы будем иметь $2^5 = 32$ типа речевого поведения, каждый из которых будет характеризоваться своим набором дифференциальных признаков»[91].

Общесоциологические проблемы типологии речи не должны затемнять для нас, однако, собственно нормативный ее аспект. В обычных условиях мы легко и непринужденно (в разговорной речи — автоматически) приспосабливаемся к особенностям того или иного типа речи. «Член языкового коллектива,— писал В. Н. Волошинов,— нормально никогда не чувствует гнета непререкаемых для него языковых норм. Свое нормативное зна-

[90] В. Н. Волошинов. Указ. соч., стр. 101—103.

[91] А. А. Холодович. О типологии речи. «Историко-филол. исследования. Сб. статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада». М., 1967, стр. 208.— Критический разбор этой работы см.: Р. А. Будагов. О типологии речи. «Русская речь», 1967, № 6.

чение форма языка осуществляет лишь в редчайшие моменты конфликта, нехарактерные для речевой жизни (для современного человека — почти исключительно в связи с письменной речью)... Критерий правильности применяется нами к высказыванию лишь в ненормальных или специальных случаях (например, при обучении языку). Нормально критерий языковой правильности поглощен чисто идеологическим критерием: правильность высказывания поглощается истинностью данного высказывания или его ложностью, его поэтичностью или пошлостью и т. п.» [92].

Парадокс автоматизма — легкого владения сложным механизмом родного языка — отмечается языковедами. Ср., например, высказывание В. Матезиуса: «Обыкновенный говорящий в непринужденном разговоре бессознательно следует сложным языковым правилам, сущность которых языковеды с трудом постигают в своих теоретических исследованиях» [93].

§ 7. Вместе с тем оценочность, проявляющаяся в затруднениях выбора или в сопутствующих речи комментариях, пронизывает речевую деятельность. Правда, эта оценочность обычно не затрагивает механизма порождения речи и тем самым не мешает и не противодействует ее автоматичности.

Оценки языковых явлений возникают тогда, когда говорящий и пишущий стоит перед выбором из двух (или ряда) параллельных форм (например, синтаксических или вообще грамматических). Когда эти формы не связаны ни с какими различиями семантического или стилистического плана и являются по существу дублетами, одна из них постепенно перестает употребляться в литературном языке, уступая место другой (ср. *в адрес* и *по адресу*). Однако появление и сохранение параллельных грамматических форм может обусловливаться перекрещиванием противоречивых аналогий [94]. В связи с этим принципиально важно разграничивать позицию говорящего «спонтанно» и позицию исследователя-языковеда. С точки зрения

[92] В. Н. Волошинов. Указ. соч., стр. 83—84.
[93] В. Матезиус. Язык и стиль.— ПЛК, стр. 475.
[94] Многочисленные примеры, подтверждающие это, см.: Д. Н. Шмелев. Некоторые вопросы развития и нормализации современного русского языка. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1962, т. XXI, вып. 5, стр. 423 и сл.

первого, многочисленные случаи типа *два бе́лых ка́мня* (*два белые камня*) не представляют конфликта: он говорит так, как слышит от других, как ему привычнее и удобнее. Напротив, исследователь собирает и накапливает факты такого рода, выстраивает их в последовательный исторический ряд, анализирует стилистически в синхронном плане и т. п., другими словами, ищет языковую мотивированность в немотивированности речевой.

Наряду с различением позиций говорящего «стихийно» и исследователя речи следует различать уровень посылки (говорения) и уровень приема (слушания).

На «приеме» нормативная строгость выше, чем на «посылке» (это связано с анализом сообщения и в содержательном и в формальном плане). Различного рода поправки и возражения на уровне приема находят отражение в языке художественной литературы. Ср. разговор капитана с матросом:

— И я тебе *заорал*: «Эй, кто там ручки замарать боится?! Жизнь надоела?»

— Так точно, вы это *заорали*.

«Хамит,— отметил Басаргин. И поправился: Нет, дерзит».

— Ты хотел сказать, что я это *закричал*?

— Да, Павел Александрович, простите, вы *закричали*. И на марсе я снял перчатки (В. К о н е ц к и й. Кто смотрит на облака.—«Знамя», 1967, № 1).

Ср. также следующий диалог:

— Вчера—сто сорок *про́центов* по участку.

— *Проце́нты* — это не показатель, лучше моего знаешь. Ледяночку полить, снежок раскидать. Так они и набегают, процентики (А. К л е щ е н к о. Распутица кончается в апреле.— «Звезда», 1961, № 5).

§ 8. Среди вариантов, сосуществующих в языке, следует различать, с одной стороны, варианты в пределах нормы, а с другой,— варианты, из которых один нормативен, а другой (другие) — не нормативен. Поскольку накопление и исчезновение тех или иных языковых элементов происходит одновременно, то в языке допустимы и неизбежны нормативные колебания, когда одна и та же языковая единица может иметь две формы (например, в произношении: более новое *дв'ер'* наряду со старым *д'в'ер'* или более новое *сла́ткий* наряду со старым *сла́ткый* и т. п.). Обычно более новая форма вытесняет более старую. «Однако не всегда можно решить, какая форма является новой и прогрессивной, а какая — старой, отмирающей. При этом не следует забывать, что не всегда появление двояких форм бывает вызвано борьбой старого и нового.

Иногда эта двойственность возникает в результате искажения литературной нормы недостаточно грамотными людьми или в результате проникновения в язык тех или иных диалектных явлений и т. д.» [95]. Приведем некоторые примеры.

Забвение буквального смысла устойчивого выражения на русской почве может отражать естественный процесс языкового развития. Об «избыточности» и тавтологии здесь можно говорить, по-видимому, лишь с точки зрения наблюдателя и исследователя. Ср. *первое боевое крещение* (вместо традиционного *боевое крещение* ‘первое участие в бою’) в текстах, отражающих профессиональное военное употребление: Танковый экипаж братьев Григорьевых вскоре завоевал славу лучшего по боевой и политической подготовке... А вскоре Григорьевы получили *первое боевое крещение* («Красная звезда», 9 мая 1964 г.); Итак, в ту памятную ночь я получила свое *первое боевое крещение* (С. Александровская. Небо войны.— «Знамя», 1967, № 3).

Вряд ли может быть объяснено таким же избыточным распространением тавтологическое выражение *мемориал памяти кого-н.* (вместо *мемориал* кого или чей): В Гаване стартовал V *мемориал памяти* Хосе Рауля Капабланки («Веч. Москва», 28 авг. 1967 г.).

И, наконец, только неумеренной тягой к «обновлению» (на базе замены одного заимствования другим) можно объяснить устойчивое употребление слова *дилемма* не в обычном его смысле (выбор из двух взаимоисключающих возможностей), а в значениях ‘вопрос’, ‘проблема’ вообще и т. п. в газетных текстах конца 60-х годов: Конькобежная *дилемма*. Такого в Швеции не случалось лет 20: на два места в национальной конькобежной сборной претендуют сразу 4 скорохода («Сов. спорт», 14 янв. 1968); Ты или вы? У этой *дилеммы* миллионы решений, единую формулу вывести невозможно... («Неделя», 1968, № 4).

Ср. также *дилемма* в значении ‘трудная задача’, ‘проблема’ в статье М. Стуруа («Известия», 3 янв. 1968 г.) и в переводной статье еженедельника «За рубежом»: *Дилеммы* пересаженного сердца (1968, № 10). В статье под таким заголовком читаем: Первые трансплантации сердца поставили множество *вопросов* медицинского и морального характера, острая *проблема...*, *вопрос* (решили), моральные *проблемы* и т. п.

Н. И. Конрад в статье «О языковом существовании» («Японский лингвистический сборник». М., 1959) рассказывает о развитии в наши дни публичной речи и строгой терминированности разных видов международных дискуссий в западных странах.

«В специальных работах, посвященных этому виду публичной речи, различаются дискуссии типа лекций, так называемые round-table diskussion или, иначе, free-

[95] Л. Барсукевич. Указ. соч., стр. 7.

talking, а также panel discussion, forum discussion, symposium.

...Каждая из этих форм имеет свои отличительные признаки. Так, например, «форумом» именуется дискуссия, состоящая из выступления нескольких (обычно пяти—шести) специалистов по определенному вопросу с изложением каждым своей точки зрения и последующего обсуждения слушателями этого вопроса. «Симпозиумом» называют обмен мнениями по какому-нибудь вопросу, имеющий целью не вынесение того или иного решения или достижение какого-то общего мнения, а только ознакомление с разными точками зрения» (стр. 12).

Наша пресса, заимствовав слова *симпозиум* и *форум*, не восприняла их смысловой нагрузки и семантической обусловленности. *Симпозиумом* называют совещание и съезд — не только научные (при заимствовании это относилось лишь к международным научным встречам). Ср.: *симпозиум* кинематографистов Киргизии и Казахстана (Всесоюзное радио, 28 янв. 1966 г.); Вчера в здании Лиги арабских государств в Каире начал работу *симпозиум* по проблемам индустриального развития африканского континента («Известия», 28 янв. 1966 г.).

Что касается слова *форум*, то оно используется обычно как экспрессивный синоним (в заголовке статьи) к существительному *конференция* (употребляемому в тексте статьи, информации): *Форум молодых экономистов-аграрников*. Они приехали в Москву со всех концов страны... Это первая их *конференция*... («Эконом. газета», 1965, № 47); *Важный форум* (о первой конференции солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки) («Известия», 21 дек. 1965 г.).

Дальнейшая метафоризация слова *форум* приводит к его употреблению в совершенно несвойственных ему значениях — ‘чемпионат’: *Форум* европейских фигуристов («Правда», 2 февр. 1966 г.); ‘международный фестиваль’: ... 23 августа здесь (в Лужниках) открывается Международный фестиваль мод... Монетный двор в Ленинграде приготовит памятные медали для участников *форума* элегантности («Неделя», 1967, № 30).

Злоупотребление словом *форум* при расплывчатости его семантики и внешней экспрессии приводит к сатирическому его обыгрыванию в газетном фельетоне:

Предположим, завтра я хочу собрать совещание начальников и мастеров цехов. Если я объявлю, что назначено просто совещание, они мне там такого наговорят, что держись! Но я делаю умнее. Я вызываю художника и велю ему написать такое объявление: «Завтра, в четверг, в 14.00, в кабинете директора состоится общефабричный *форум* командиров производства. После *форума* — кино». И, знаете, это ставит людей в определенные рамки. *Форум* есть *форум*. Это уже почти праздник. А на празднике, сами знаете, не принято портить друг другу настроение (Э. Пархомовский. Строго между нами.— «Известия», 1966, № 20).

Практически «процент колебаний ... совсем невелик» (Е. С. Истрина), перечень колебаний и вариантов нормы в современном литературном языке достаточно определен: наиболее типичные из них рассматриваются грамматиками и словарями, справочной литературой по культуре речи. Однако в теоретическом отношении важно рассмотреть не только типовые, отстоявшиеся случаи вариативности, но и всякого рода случайности и частности, без которых невозможно охарактеризовать общую картину постепенного преодоления вариативности в литературном языке. Борьба двух норм (если она происходит[96]) «идет двумя путями: или одна из норм вытесняется, или они функционально размежевываются; часто эти два пути сочетаются друг с другом»[97].

Сложная ситуация преодоления «многонормативности» предполагает разные подходы к ее изучению и оценке. Определяющим, по-видимому, оказывается стилистический, функциональный подход. Вместе с тем в ряде случаев может быть применен метод математический: статистическая, частотная, вероятностная и т. п. оценка фактов вариантности, функционально незначимых (объективные дублеты, варианоиды и т. п.)[98]. И мы не можем согласиться с категорическими суждениями о том, что «при решении вопроса, какая из двух форм, наличествующих в языке в данный момент, является более прогрессивной, также ни в коем случае нельзя исходить из статистических данных»[99].

Что из нового считать отклонением от нормы? В общем виде этот вопрос принято решать так, как это было предложено Л. П. Якубинским еще в 30-е годы: «... Не все то новое, что появляется в национальном языке, в речевой практике носителей национального языка, является отклонением от его норм. Отклонением от норм является лишь то «новое», которое не дает ничего нового в области

---

[96] «Большинство минимальных искажений, остающихся в рамках нормы и не имеющих никакой функциональной значимости, не только не распространяется, но не имеет даже каких-либо шансов быть замеченными» (Э. Косериу. Указ. соч., стр. 196).

[97] М. В. Панов. Русская фонетика, стр. 297.

[98] Подробнее об этом см. в настоящем сборнике: Л. К. Граудина. Статистика и норма.

[99] Л. Барсукевич. Указ. соч., стр. 7.

смысловой, только по поводу дублетов можно говорить о колебаниях нормы»[100].

При языковедческом подходе (предполагающем научный анализ явления) вопрос этот может быть решен с позиций «творимой нормы» — соответствия новообразования структуре (системе) языка и системе традиционных норм (см. стр. 48). Однако на практике часто преобладает иной — стихийный подход, состоящий в подравнивании собственной речи к чужой, признаваемой авторитетной в нормативном отношении. «Поскольку язык есть «навык, умение», то языку научаются от тех, кто «говорит лучше», от тех, кто умеет (или считается умеющим), а не от тех, кто не умеет» [101].

§ 9. Реальное ощущение говорящими языковой нормы в конечном счете вытекает из их признания коллективного характера языка.

«В самом языке как системе нет ничего, что противоречило бы «литературности» определенных форм слова или слов или правил словосочетания. Однако если эти формы и слова кажутся нам неприемлемыми, то потому, что источник их распространения «не авторитетен» для нас в языковом отношении» [102].

Фактор социального престижа — важный внеязыковой стимулятор и «регулировщик» нормативных установлений и оценок. Для русского языка советской эпохи этот фактор приобретает решающее значение. Языковые нормы (и сам язык) развиваются у нас в условиях широкой доступности социально-авторитетных образцов, предоставляемых средствами массовой коммуникации,— печатью, центральным радиовещанием, кино, театром, публичными выступлениями и т. п. «Наша эпоха характеризуется известной централизацией языкового развития. При этом бурный рост экономики и культуры в большей степени способствует обновлению традиционных форм, чем их консервации»[103]. Этот вывод, имеющий непосредственное отношение к практике лингвистических рекоменда-

---

[100] А. Иванов, Л. Якубинский. Очерки по языку. Л.—М., 1932, стр. 155.
[101] Э. Косериу. Указ. соч., стр. 197.
[102] Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка, стр. 52.
[103] Ю. М. Скребнев. Указ. соч., стр. 141.

ций, к языковой политике наших дней, нельзя не признать справедливым.

§ 10. Если исходить из теоретической предпосылки о том, что язык является функциональной системой, то изменения в нем следует искать в слабых точках этой системы — там, где она не вполне соответствует потребностям говорящих. «Однако «необходимые» изменения ограничиваются устойчивостью традиции: сильная культурная норма может обусловить неограниченно долгое сохранение даже «несбалансированной» системы»[104]. Вместе с тем еще Л. В. Щерба отмечал, что «раз упростившись и избавившись от лишнего балласта, полученные системы держатся очень твердо и хорошо сохраняются (ср. склонения и спряжения)»[105].

В. В. Виноградов предложил при изучении нормы различать «степень ее обязательности и широту ее действия», учитывать неодинаковость ее «крепости» по отношению к разным сторонам языка, неоднородность нормализации в разных типах или стилях литературного языка: «Последовательный анализ норм современного русского литературного языка в этом плане может привести к выяснению типов и разновидностей норм и установлению их системы или иерархии»[106].

В этом смысле весьма интересны и ценны замечания Э. Косериу по поводу того, что «в различительном (фонетическом) преобладает система; в смысловом, и особенно грамматическом, преобладает норма»[107].

Действительно, исследователи современной русской фонетики предлагают оценивать перспективность той или иной произносительной нормы исходя из динамических тенденций русского языка. А эти динамические тенденции в свою очередь «определяются системными отношениями в фонетике, парадигматическими и синтагматическими»[108]. Зная синтагматические и парадигматические связи каждого орфоэпического дублета (*питак* и *пятак*, *шары* и *шэры*, *ходят* и *ходют*, *санет* и *сонет*, *зверь* и *зьверь*, *к кому* и *х кому* и т. п.), можно предполагать, какая нор-

---

[104] Э. Косериу. Указ. соч., стр. 231.
[105] Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие, т. I, стр. 193.
[106] В. В. Виноградов. Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР. М., 1955, стр. 57—58.
[107] Э. Косериу. Указ. соч., стр. 238.
[108] М. В. Панов. Русская фонетика, стр. 299.

ма выживет, победит. Сбудется это предположение или нет — зависит в значительной степени от социальных факторов развития языка. «Перспективность нормы,— по мнению М. В. Панова,— еще недостаточное условие, чтобы ее рекомендовать. Два условия нужны, чтобы рекомендовать одну из орфоэпических норм-соперниц: 1) системная обусловленность («фонетическая неслучайность»), 2) употребительность («широкая распространенность») [109].

Примером перспективной нормы, не подлежащей пока рекомендации, может служить аналогическое подравнивание существительных мужского рода и pluralia tantum к парадигме склонения существительных среднего и женского рода — с нулевым окончанием в родительном падеже множественного числа (*колец*, *окон*, *сосен* и т. п.). Форма род. п. мн. ч. *рельс* (*поезд сошел с рельс*) в пособиях и статьях по культуре речи рассматривается обычно как образование по старому слову *рельса* (жен. рода). Между тем эта форма может быть поставлена в ряд других образований существительных именно мужского рода, а также pluralia tantum: На руке не хватает двух *палец* (Из устной речи); Передайте там водителю: сзади нет *билет* (Из устной речи); Преступники не оставили ни следов, ни *отпечаток* пальцев (Из газет; «Известия», 18.XI 1967); Я ничего не вижу без *очок* (Из устной речи) и т. п.

Давние и по-разному системно обусловленные ошибки вроде *одеть* (вместо *надеть*), *крайний* (вместо *последний*), *крепкое кофе* (вместо *крепкий кофе*) и т. п. становятся (если уже не стали) нормами обиходно-разговорной речи и имеют перспективу со временем стать нормами литературного языка. Однако установившийся на них взгляд как на нелитературные, «ошибочные» формы — в условиях расширения и укрепления кодификации — преграждает им путь (по крайней мере в ближайшие десятилетия) в литературный язык. Ср. высказывания писателей по поводу глаголов *одеть* — *надеть*: «Уже давно не различают слов *одеть*, *надеть*...» (К. Федин.— «Звезда», 1929, № 9); «Алексей Максимович [Горький] подверг суровейшему разносу языковые неточности, «болтовню», попытки мои к афористичности... Пресловутая путаница с *одел* и *надел* вдруг вывела его из себя:— Если

---

[109] Там же, стр. 299—300.

вы литератор, даже и молодой, то будьте любезны в этих самых *одел* и *надел* навечно разобраться. Это основы ремесла. Или вы на редактора, может быть, надеялись? А редактор — на корректора?.. Я молчал» (Ю. Герман. О Горьком.— «Операция „С новым годом!“». М., 1964, стр. 384); «Я разделяю чувства преподавателя языка, пусть даже несколько педанта, который мучительно переносит те языковые неряшливости, искажения, мелькающие, к сожалению, даже и в большой нашей печати. Я сам, как песчинку в хлебе, попадающую на зуб, не выношу слова одел шапку, а так упорно почему-то пишется вместо надел...» (А. Твардовский. Речь на Всероссийском съезде учителей. «Лит. газета», 9 апр. 1960).

Эволюция языковых норм должна быть изучена в связи с процессами языковой эволюции. В их описании и осмыслении следует учитывать и некоторое «распадение» или видоизменение их (в смысле крепости, существующих тенденций, оценок и т. п.) по социальным и возрастным группам говорящих, а также движение норм во времени в пределах одного поколения (ср. явление «регресса», отмеченное Ф. Л. Скитовой для носителей диалектной речи). Все это— задачи будущих специальных исследований.

В настоящее время весьма ценными в нормативно-оценочном плане оказываются те исследования, которые на конкретном материале выявляют причины и основные движущие силы изменения и развития на разных уровнях языка. Так, говоря о лексико-семантических изменениях, Д. Н. Шмелев различает внеязыковые причины, к которым относит изменения в реальной действительности и изменения в составе носителей языка, а также собственно внутриязыковые причины[110]. Он выделяет основные движущие силы, которыми определяется развитие языка в целом: это, во-первых, стремление к мотивированности языкового знака (или тенденция к экспрессивности) и, во-вторых, стремление к автоматической воспроизводимости языкового знака (или тенденция к регулярности)[111].

---

[110] Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка, стр. 55.

[111] Там же, стр. 240.— См. также написанные Д. Н. Шмелевым главы в книге «Лексика современного русского литературного языка» (из серии «Русский язык и советское общество». М., 1968, стр. 92 и сл.).

В. В. Виноградов считает одной из характерных черт в развитии разных функциональных сфер русского устного речевого общения в советскую эпоху «наряду с широким распространением элементов канцелярского, официально-делового или документального стиля немотивированное применение письменно-книжных оборотов и конструкций, выходящих за границы своих стилистических норм» [112].

Такого рода анализы механизма эволюции языка на разных его уровнях позволяют конкретизировать и уточнять нормативные оценки, дают надежный критерий для разграничения «ошибочного» и нового, «отклонения» и естественного изменения.

«Что же касается изменений в языке,— писал Э. Косериу,— то это не «искажение» или «повреждение», как говорят, используя натуралистическую терминологию, а восстановление, обновление системы, которое обеспечивает ее непрерывность, ее функционирование. Язык создается посредством изменения и «умирает» как таковой, когда он перестает изменяться» [113].

§ 11. Подлинная культура речи предполагает владение формами и стилями современного литературного языка в соответствии с целями и задачами общения. «В основе всех разновидностей форм и стилей современной русской речи,— отмечает В. В. Виноградов,— лежит единая структура русского языка с ее функциональными вариациями» [114].

В понятие культуры речи входит знание реальной системы языка в ее историческом развитии и умение на этой основе давать нормативные оценки языковым явлениям, осуществлять научно обоснованную регулятивную лингвистическую функцию. «Понятие «культуры языка» (и «культуры речи»),— пишет В. В. Виноградов,— должно быть осмыслено в двух разных планах: объективно-историческом и нормативно-стилистическом, или инструктивно-регулятивном... Именно в плане научной теории и закономерностях развития системы того

---

[112] В. В. Виноградов. Проблемы культуры речи и некоторые задачи советского языкознания.
[113] Э. Косериу. Указ. соч., стр. 343.
[114] В. В. Виноградов. Проблемы культуры речи и некоторые задачи советского языкознания.

или иного живого языка и должны оцениваться новые явления в языке и отклонения от установившихся норм»[115].

В разграничении этих двух планов лежит, на наш взгляд, решение «парадокса» А. М. Пешковского о невозможности примирения объективной и нормативной точек зрения на язык.

§ 12. Культура речи предполагает также достаточно высокий уровень общей культуры человека. Знание исторических бытовых реалий, лежащих в основе крылатых слов и выражений, восходящих к античному миру, позволяет правильно и точно употреблять такие выражения, как *вернуться к своим пенатам*[116], *ахиллесова пята*, *нить Ариадны* и мн. др. Но дело не только в этом. «Очевидным условием возможности культуры языка,— писал Г. О. Винокур,— является, во-первых, высокая лингвистическая сознательность говорящих, а во-вторых, тесно связанная с этим любовь к языку... Сами по себе лингвистические знания не могут воспитать лингвистического вкуса и лингвистической дисциплины, если они не предваряются культурностью говорящего. Культурность в общем смысле этого слова и является необходимым предварительным условием сознательной любви к языку»[117].

В плане общей теории высказывания (в связи с понятием социальной аудитории — разной в разных условиях общения) сходные положения выдвигались В. Н. Волошиновым: «Внутренний мир и мышление человека имеет свою стабилизированную социальную аудиторию, в атмосфере которой строятся его внутренние доводы, внутренние мотивы, оценки и т. п. Чем культурнее человек, тем более эта аудитория приближается к нормальной аудитории идеологического творчества»[118].

Набор «ошибок» и «отклонений» на разных уровнях языка представляет собой сложную и расчлененную шкалу языковых фактов и их оценок говорящими с позиций литературности. Если внутренняя «градуировка» может быть зыбка и неопределенна, формируясь по-разному для разных групп говорящих, то погранич-

---

[115] В. В. Виноградов. Проблемы культуры речи.
[116] Г. О. Винокур. Из бесед по культуре речи. «Русская речь», 1967, № 3.
[117] Г. О. Винокур. Культура языка.
[118] В. Н. Волошинов. Указ. соч.

ные, предельные сигналы литературности — «лакмусовые бумажки нормы» [119] — осознаются обычно вполне отчетливо. Ср., например, признаки нелитературной речи на разных уровнях: *магази́н* (вм. *магази́н*), *обратно поел* (вм. *снова*, *еще раз*), *хочут*, *хочете* (вм. *хотят*, *хотите*), *лаболатория* (вм. *лаборатория*), оканье и «гэканье» (произношение фрикативного «г») и мн. др.

В теоретическом отношении весьма важно определить, что вызывает сопротивление и оценку говорящих, а что естественно входит в их языковую практику. Последовательный анализ таких «полей нормы» определит слабые точки в их системе, противоречия и столкновения объективного узуса и субъективной по своей природе нормализации (кодификации норм), выделит участки, не подвергаемые (или принципиально неподверженные в силу чисто практических причин) регламентации и нормализации.

Конфликт узуса и нормы, давление речевого обычая на нормативные предписания разрешаются, как правило, в пользу этих традиционно сложившихся предписаний — по закону социального престижа — принятого в данном обществе и в данную эпоху литературного употребления. Осознание этого лингвопсихологического конфликта отмечено Э. Сепиром и описано им в книге «Язык».

«Иной раз мы можем почувствовать, как захватывает нас процесс языкового движения, даже если мы с ним боремся. Вероятно, большинство из тех, кто прочтет такую английскую фразу, как «Who did you see? призна́ет ее «неправильной». Мы, люди начитанные, все еще стараемся говорить «Whom did you see? («Кого вы видели?»), но чувствуем при этом некоторую неловкость (быть может, неловкость, соединенную с гордостью)... Мы можем даже взять на себя смелость утверждать, что большинство из нас втайне желали бы употреблять оборот «Who did you see?» Большая тяжесть спала бы с наших плеч, если бы некий божественный авторитет, более властный, чем поднятый кверху перст педагога, предоставил нам в этом отношении полную свободу выбора. Но мы не можем с полной откровенностью предвосхищать движение языка и вместе с тем поддерживать престиж своей образованности. Мы должны притвориться находящимися в неведении, куда мы идем, и довольствоваться своим внут-

[119] Выражение С. И. Ожегова.

ренним противоречием — сознательным приятием претящей нам формы «whom» и бессознательным стремлением к «who» [120]. Ср. с этим выражения и формы современной русской разговорной речи: *я покушал*, *обоими частями*, *моя супруга*, *крепкое кофе*, *ты мне позвонишь* и т. п.

§ 13. Важнейшей задачей в кругу проблем, относящихся к культуре речи, является изучение языковых норм — на всех уровнях — в их отстоявшихся формах, противоречиях и вновь развивающихся тенденциях. Явления нормализации, по мнению В. В. Виноградова, должны исследоваться не только в историко-результативном, но и в динамическом аспекте [121].

При таком подходе к вопросам культуры речи можно отграничить круг теоретических проблем нормализации от проблем и задач смежных дисциплин (и в первую очередь стилистики), а также научно обосновать направление и формы разумной языковой политики наших дней. «Не надо думать,— отмечает В. В. Виноградов,— что проблема культуры языка... целиком совпадает с задачами и принципами стилистики литературной речи. Основная суть вопроса именно в том, что изучение культуры языка распространяется и на те социально-стилистические сферы речевого общения, которые в данный момент еще не включены в канон литературной речи и в систему литературных норм» [122]. Таким образом, выдвигается задача описания, изучения, теоретического обоснования форм и сфер языкового общения, традиционно не включаемых в круг литературной «языковой критики». В первую очередь это относится к нелитературным и окололитературным сферам — профессиональной речи, городскому просторечию, жаргонам и сленгу, разным видам полудиалектной и интердиалектной речи и т. п. Именно здесь мы вступаем в область формирования, утверждения, кристаллизации будущих литературных норм.

Позиция научной нормализации располагается между полярными точками зрения и оценками, одна из которых связана со стихийным, или «научным», пуризмом, а другая — с убежденным антинормализаторством, апеллирующим нередко к народным истокам языка, демократи-

[120] Э. Сепир. Язык. М.— Л., 1934, стр. 122—123.
[121] В. В. Виноградов. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания.
[122] Там же.

ческим его основам. Первая точка зрения у нас фактически сходит на нет [123], вторая поддерживается рядом писателей и в первую очередь А. К. Юговым [124]. Между тем еще А. М. Пешковский отмечал, что «для литературного наречия (т. е. для литературного языка.— *Л. С.*) наивный нормативизм интеллигента-обывателя, при всех его курьезах и крайностях, есть единственно жизненное отношение», а «выведенный из объективной точки зрения квиетизм был бы смертным приговором литературному наречию» [125].

Нигилистическое отношение А. А. Шахматова к нормализаторской деятельности языковедов в наше время можно считать окончательно преодоленным. В основе взглядов советских языковедов лежит признание принципиальной возможности регулировать социальную речевую деятельность, решать теоретические и практические вопросы культуры речи и языковой политики. Особенно много для этого сделано выдающимся советским языковедом Г. О. Винокуром [126]. Проблема культуры речи, языкового воспитания, по мнению Г. О. Винокура, «на практике будет разрешена тогда, когда каждому члену говорящего коллектива будет ясна разница между лингвистическими средствами, применяемыми в разных языковых жанрах». Культура языка осмыслялась Г. О. Винокуром как стилистика в широком смысле слова, включающая две взаимно связанных сферы: 1) учение о средствах языка и 2) учение о языковых заданиях, с точки зрения разнообразного применения языковых средств в каждом из них. Стилистические нормы — как цель и вершина речевой культуры — должны устанавливаться на основе обобщения закономерностей развития языка. Из этого вытекает сформулированная Г. О. Винокуром задача «правильно поставленного лингвистического воспитания» и «массового стилистического просвещения», которая продолжает оставаться актуальной и в наше время.

§ 14. Г. О. Винокур одним из первых сформулировал задачи языковой политики. «Языковая политика,— пи-

[123] Как на курьез можно указать на книгу А. В. Миртова «Говори правильно» (Горький, 1961).

[124] См.: А. К. Югов. Судьбы родного слова. М., 1962.

[125] А. М. Пешковский. Объективная и нормативная точка зрения на язык.

[126] Г. О. Винокур. Культура языка; см. также многочисленные статьи 30—40-х годов.

сал он в книге «Культура языка»,— есть не что иное, как основанное на точном научном понимании дела руководство социальными лингвистическими нуждами».

Вместе с Е. Д. Поливановым, Л. П. Якубинским, Л. В. Щербой, В. Н. Волошиновым и др. Г. О. Винокур заложил основы теоретического обоснования и осмысления языковой политики советского государства: «Средняя линия употребления письменного языка, с одной стороны, удерживающая язык на высоком уровне современной культуры, а с другой,— не допускающая отрыва его от народной почвы, и есть руководящая линия языковой политики Советской власти» [127].

Наука о культуре речи в собственно лингвистическом плане представляет собой теоретическую и практическую дисциплину, смежную со стилистикой языка и стилистикой речи, обобщающую их положения и выводы как с целью живого, оперативного воздействия на языковую практику, так и с целью «определения основных эстетических норм, форм и тенденций связи литературной речи с движением стилей художественной литературы» [128].

Дальнейшее развитие языкознания (в особенности его прикладных, практических областей) приводит в наши дни к новым подходам к проблемам нормативности и нормализации. Актуальными становятся следующие аспекты этих проблем: функциональная обусловленность нормы на разных языковых уровнях; прагматический аспект нормы и нормализации [129]; далее — соотношение языковой структуры (системы) и нормы как конфликт структурно обусловленного и узуально манифестированного в языке; более строгое разграничение культуры речи и культуры

---

[127] Г. О. Винокур. Русский язык (исторический очерк). М., 1963.

[128] В. В. Виноградов. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания, стр. 9.

[129] Именно в этом состоит смысл осуществленного японскими лингвистами исследования по «языковому существованию», целью которого была выработка принципов рационализации языка и языковой политики в практических областях коммуникации (см.: Н. И. Конрад. О «языковом существовании».— «Японский лингвистический сборник». М., 1959). О теоретических истоках этого прагматического направления, связанных во многом с исследованиями М. М. Бахтина и В. Н. Волошинова, см.: С. В. Неверов. Об истоках теории «языкового существования». «Историко-филол. исследования. Сб. статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада». М., 1967, стр. 120 и сл.

языка; разработка общей теории высказывания (речевого поведения) и типологии речи; разработка теории вариантности и связанной с ней проблемы границ допустимых колебаний нормы; наконец, поиски точных методов в изучении нормы — проблема статистического подхода к выявлению и утверждению современной нормы.

В кругу исследований в области культуры речи целесообразно сочетать «осуществление практических задач — подготовку словарей современного русского языка, нормативно-стилистических, синонимических, фразеологических, словообразовательно-инструктивных и т. п.— с разработкой широких теоретических проблем в области построения описательных грамматик нового типа, воспроизведения лексико-семантической системы современного языка, системы его стилей и т. д. Для решения этих задач должны быть использованы все живые и продуктивные методы современного языкознания,— качественные и количественные, структурные и внутренние семантические и др.» [130]

---

[130] В. В. Виноградов. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания, стр. 18.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И ДИАЛЕКТЫ

Т. С. Коготкова

Три категории носителей русского языка по отношению к наличию в их речи диалектных особенностей

Критерий коммуникативной целесообразности предусматривает такой выбор оптимальных языковых средств, которые подходили бы для разных видов речевой деятельности [1]. При этом, как правило, выступают такие речевые варианты, которые входят в систему нормализованного языка.

А каково же место при таком отборе тех языковых структур, которые, хотя и входят в национальный русский язык, но, по всеобщему признанию, находятся за пределами его литературной разновидности? Как принято обычно считать, за пределами литературно-нормализованного языка находятся территориальные диалекты, просторечие, разные виды социальных арго. Территориальные (местные) диалекты занимают в этом ряду особое место как по характеру самой языковой структуры (они вклю-

[1] В. Г. Костомаров, А. А. Леонтьев. Некоторые теоретические вопросы культуры речи.— ВЯ, 1966, № 5.

чают обычно все языковые уровни — фонетику, морфологию, лексику, синтаксис, в отличие, например, от просторечия, преимущественно ограниченного уровнем лексики), так и по культурно-историческим и социально-этнографическим связям с самим литературным языком. Известно, что языковая организация литературной разновидности русского языка, сложившейся на территориальной основе средневеликорусских говоров, представляет своеобразный сплав южно- и северновеликорусского наречий. Однако значительная часть местных особенностей русского языка, как структурно близких к своим параллелям в литературном языке, так и структурно неблизких, подступает к литературному языку, воздействуя на характер и изменяя направление развития его норм (чаще всего условия для такого соприкосновения создаются в сфере городской разговорной речи; об этом ниже).

Все население, родной язык которого русский, по отношению к наличию в речи диалектных особенностей, можно разделить на три группы.

Первую категорию составят лица, никоим образом не связанные с диалектной средой; в арсенале их языковых средств и навыков нет никаких следов местного субстрата. Это носители литературного языка, получившие его как наследство от предшествующего поколения (или поколений).

Этой группе прямо противопоставлена другая. Она объединяет лиц, говорящих исключительно на диалекте (для данной градации безразлично, на каком именно). Это в основном жители деревень и, как правило, старшего поколения. Рассматриваемая категория в настоящий момент менее других имеет перспективы к дальнейшему росту и расширению своего влияния.

Третья группа, по отношению к двум описанным, занимает среднее, промежуточное положение. Она составляется из лиц, речь которых содержит указание на диалектный характер ее происхождения. Эта наиболее многочисленная категория говорящих по-русски состоит из лиц, живущих преимущественно в городах (но возможны и жители деревень), и объемлет она лиц разной социальной принадлежности, неодинакового культурно-образовательного уровня. Сюда мы относим и литературную речь очень многих представителей современной советской интеллигенции, речь, подчас довольно искусную, но

в которой легко обнаруживаются некоторые (чаще фонетические) особенности родного говора (например, следы еканья, диссимилятивного аканья, «г» фрикативного) [2], и речь, в значительной мере диалектно окрашенную и только в каких-то звеньях отступающую от «чистого» диалекта [3] (это может быть речь младшего поколения в одной крестьянской семье, по сравнению, например, с речью деда и бабки). По объему диалектных особенностей третья категория охватывает такие речевые типы, которые в своем верхнем пределе граничат с речью литературно-нормированной, а в нижнем — с диалектной. При этом обнаруживается не только широкая амплитуда колебаний диалектных свойств, но и бесчисленное множество сочетаний их с литературно-нормированными особенностями речи, соответствующее речи больших и малых групп лиц, а также идиолектам.

Наиболее заметны языковые расхождения у лиц третьей группы, в зависимости от того, где они постоянно проживают — в деревне или в городе. (Для точности сравнения будем иметь в виду лиц с одинаковыми социальными показателями: одинаковое образование, возраст.) Для речевой деятельности тех и других неодинаков удельный вес и значимость как диалектной речи, так и литературно-нормированной. Если для первых (лиц, живущих в деревне) диалектная речь — не только основной языковый фон, но и основной резерв для общения (ею пользуются почти всюду, не только в семье), то для лиц, живущих в городе, сфера применения диалектной речи более узкая, чаще всего ограничивающаяся семейным общением. В свою очередь сфера влияния литературного языка также неодинакова в деревне и в городе. В деревне его роль более пассивна; ситуации речевого общения, где литературным языком пользуются активно, немногочисленны — школа, собрания и т. п. Чаще же всего он воспринимается пассивно — через радио, кино, телевидение и т. п. В городе же он является основным языковым материалом для непосредственного общения и контактов. (При этом

---

[2] Признание этого факта см.: Ф. П. Филин. Об изучении общественных функций языка. «Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка», 1968, т. XXVII, вып. 4, стр. 285.

[3] Р. И. Аванесов. О нормах русского литературного произношения.— РЯШ, 1961, № 6, стр. 8.

так же как и в деревне, он сохраняется и для пассивного восприятия).

Для лиц третьей категории местный говор обычно является родным языком, т. е. языком, усвоенным в самом раннем детстве.

Артикуляционная база и другие речевые навыки, приобретенные в раннем детстве путем подражания окружающим лицам, необычайно устойчивы [4]. Если в дальнейшем перед кем-либо встает необходимость перейти на другую артикуляционно-речевую базу, это удается далеко не всем и не всегда (многочисленны случаи сохранения черт говора-субстрата у специалистов-лингвистов, речь которых, надо полагать, подвергается максимальному самоконтролю и самонаблюдению).

Третья категория лиц и языковые структуры, ей соответствующие, в первую очередь и представляют для нас интерес.

Полудиалектный тип языковой структуры. Определение его в лингвистической литературе

В современной русской диалектологии основной единицей диалектного языка считается диалект. Определение термина диалект связывается с теми успехами, которые достигнуты в диалектологии благодаря широкому применению методов лингвистической географии, выработанных в процессе создания атласов русского языка. Само понятие диалекта определяется через «единство языковой системы» [5], хотя последнее и предусматривает определенный набор вариативных средств. Но такая «чистая» модель диалекта, сконструированная из архаического типа говора [6], является по существу языковой абстрак-

---

[4] Об огромной силе языковой привычки, в основе которой лежит «материнский язык», см.: Б. А. Ларин. О лингвистическом изучении города. «Русская речь». Новая серия, 3. Л., 1928, стр. 69.

[5] «Русская диалектология». М., изд-во «Наука», 1964, стр. 15.

[6] Ф. П. Филин. К проблеме социальной обусловленности языка.—ВЯ, 1966, № 4, стр. 37.—Представляется уместным привести здесь такое общее и бесспорное положение, без учета которого вряд ли возможно определить любую лингвистическую категорию, в том числе и территориальный диалект: «В человеческом

цией. В реальности же «система каждого отдельного говора является значительно поколебленной под влиянием нормализованного языка, причем влияние это в весьма разной степени сказывается как на отдельных говорах, взятых в целом, так и на речи тех или иных лиц — носителей говора» [7].

Процессы сближения языка территориальных диалектов с нормализованным, литературным языком, которые становятся теперь в центре внимания лингвистических исследований, являются встречными. Мощное воздействие, идущее из литературного языка в говор, скорее трансформирует исконную диалектную основу, чем приводит к ее полному исчезновению. Изучение собственно языковых изменений, происходящих теперь в диалекте, открывает новый аспект диалектологических исследований. Необходимость такого рода исследований теперь уже понимают многие[8], хотя всего лишь десятилетие тому назад горячий призыв С. И. Ожегова изучать городскую речь и полудиалекты не получил должной поддержки [9].

Изучение современного состояния диалектной речи было названо С. И. Ожеговым «перспективной диалектологией» в противоположность «ретроспективной», устремленной в прошлое языка, конечной целью которой являет-

---

обществе не существует ни идеальных носителей языка, ни идеально однородных языковых коллективов, ни, следовательно, идеально «системных», логически непротиворечивых естественных языков» (Ф. П. Филин. Об изучении общественных функций языка, стр. 282).

[7] «Вопросы теории лингвистической географии». М., 1962, стр. 184.

[8] И. А. Оссовецкий. Влияние литературного языка на говоры (лексика). «Русский язык и советское общество (проспект)». Алма-Ата, 1962; «Русская диалектология» (введение); В. М. Жирмунский. Проблемы социальной диалектологии. «Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка», 1964, т. XXIII, вып. 2; В. Г. Орлова, Т. Ю. Строганова. Закономерности развития диалектов русского национального языка. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1966, т. XX, вып. 5.

[9] Здесь мы имеем в виду прежде всего доклад С. И. Ожегова (к сожалению, оставшийся неопубликованным), прочитанный на Ученом совете Института языкознания АН СССР примерно в 1957 г. Наша попытка обратиться к архиву С. И. Ожегова, изучить рукопись этого доклада и использовать теоретические положения его в настоящей работе также, к сожалению, не увенчалась успехом (архив С. И. Ожегова в тот момент еще не был инвентаризован).

ся — установление достаточно «абстрактной модели диалекта» [10].

Нам представляется целесообразным в рамках настоящей работы возродить термин полудиалект (или полудиалекты) для обозначения трансформированной структуры территориальных диалектов.

Локализация полудиалектных языковых структур может быть обнаружена как в больших и малых городах, расположенных в диалектном окружении, так и в самих деревнях, если иметь в виду неодинаковый социально-образовательный уровень современного сельского населения [11]. Для определения носителей полудиалекта, так же как и диалектов, важно, чтобы это были коренные жители данной местности [12].

Термин «полудиалект» как нельзя лучше отражает половинчатую природу сложившейся языковой структуры. Полудиалекты русского языка изучались мало [13], если не считать исследований, сделанных в этом направлении еще в 20-е годы [14]. Описание материала в этих работах носит в известной мере эмпирический характер: в них еще не

[10] В. М. Жирмунский. Марксизм и проблемы социальной лингвистики (доклад, прочитанный на сессии Отделения языка и литературы, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции).

[11] Вот как описана речевая деятельность носителей современного говора Л. И. Баранниковой: «Сильное и все возрастающее влияние литературного языка приводит к тому, что значительная часть деревенского населения просто переходит на литературную речь, в которой прежние диалектные черты проявляются в виде своеобразного диалектного субстрата. Такое изменение не может не отразиться и на системе функционально-стилевых различий в диалектной речи. Особенно заметное литературное влияние сказывается на публичной речи, так как сами условия функционирования публичной речи способствуют более интенсивному воздействию литературного языка, в результате чего часто довольно трудно сказать, имеем ли дело с публичной формой диалектной речи или с речью литературной, но сохранившей очень сильные диалектные черты» («Русские народные говоры в советский период». Саратов, 1967, стр. 38).

[12] «Русская диалектология», стр. 7.

[13] В. В. Виноградов. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967, стр. 25.

[14] Н. М. Каринский. Язык образованной части населения г. Вятки и народные говоры. «Уч. зап. Ин-та языка и лит-ры Российской ассоциации научно-исследов. ин-тов обществ. наук», т. III. М., 1928; Е. П. Луппова. Из наблюдений над речью учащихся в школах II ступени Вятского края. «Труды Вятского научно-исследов. ин-та краеведения», т. III. Вятка, 1927.

выработана строгая методология исследования, что в большей степени объясняется общим уровнем развития диалектологической науки в те годы. Само собой разумеется, что эти работы по общему теоретическому уровню заметно проигрывают рядом с исследованиями по теории и практике лингвистической географии, написанными уже три десятилетия спустя, однако их нельзя обойти, если обратиться к изучению полудиалектной и городской разговорной речи. Повышенный интерес диалектологов прежде всего к таким проблемам, как моделирование системы говора на основе архаического типа речи его, накопление фактических материалов для диалектологических атласов, их составление, теоретическое осмысление всей совокупности вопросов, вытекающих из этой работы [15], на многие годы поглотили усилия диалектологов нашей страны. Именно этим и можно объяснить то забвение в изучении полудиалектов на протяжении трех с лишним десятилетий. Успехи лингвистической географии дали возможность теоретически осмыслить основные понятия диалектологической науки, придать им законченный терминологический вид (ср. определение понятий «диалект» и далее «диалектный язык», разработанные в трудах Р. И. Аванесова [16]). Насколько возможно использовать принцип «системности» в определении понятия «полудиалект», столь плодотворно применимый при терминологическом осмыслении понятия «диалекта»,— пока еще сказать трудно. Малая изученность полудиалектов, отсутствие фактических описаний их не способствуют терминологически точному определению этой языковой структуры. Именно поэтому в настоящей работе мы можем наметить лишь контуры в раскрытии понятия «полудиалект».

Полудиалект не может быть охарактеризован как проявление одной языковой системы, ибо он составляется из разносистемных, но в то же время сосуществующих языковых элементов. Так же как и диалектам, полудиалектам присущи временные критерии, а закрепление за ними немалых ареалов на обширной территории распро-

[15] Л. М. Орлов. О социальных типах современного территориального говора. «Язык и общество». М., 1968, стр. 155.

[16] Еще в первом издании учебника «Русская диалектология» П. С. Кузнецова термин диалект употребляется как в значении говора, так и в значении наречия (Учпедгиз, М., 1951, стр. 3).

странения русского языка позволяет видеть в них достойный объект собственно диалектологического изучения.

Обращение к полудиалектам (и возрождение данного термина) в работе с культурно-речевой направленностью нам представляется уместным потому, что именно в данной языковой структуре, расположенной в сфере территориальной разновидности русского языка, широко наблюдаются факты соприкосновения нормализованных (кодифицированных) вариантов общенародного языка и их территориальных аналогов. Эти тесные языковые контакты во многом объясняются и внеязыковыми факторами, в частности изменением состава носителей литературного языка, и в особенности сельского населения.

Имея в основе своей языковой организации какой-либо конкретный территориальный диалект, полудиалект оформляется в качественно иную языковую структуру под воздействием литературного языка:

$$\text{полудиалект} \begin{cases} \leftarrow \text{диалект} \\ \leftarrow \text{литературный язык} \end{cases}$$

Но в то же время в аспекте культурно-речевом сам полудиалект по отношению к литературному языку занимает столь же полярное положение, как и территориальный диалект [17]:

$$\text{полудиалект} \leftarrow \text{литературный язык} \rightarrow \text{диалект}$$

Данное противопоставление усиливается еще и тем фактом, что полудиалект (так же, как и территориальный диалект) существует в единственно возможной функциональной форме — форме устной (разговорной) речи. Противопоставление же литературного и разговорного языков Л. В. Щерба считал «самым глубоким».

Нам представляется, что в определении полудиалектной языковой структуры до сих пор не устарели те

[17] Как показали новейшие фонетические исследования процессов взаимодействия диалектов и литературного языка, в русском языке возникают такие фонетические инновации, которые, оставаясь за пределами литературного языка, в то же время не имеют территориальной прикрепленности, т. е. лишены основного признака диалектного сочетания *чн* > *шн*: моло́[шн]ый, серде́[шн]ый пе[шн]бй. См.: «Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры». М., 1958, стр. 186.

положения В. М. Жирмунского, которые приведены им в книге «Национальный язык и социальные диалекты»: «В основном мещанские говоры (в немецкой терминологии — Halbmundart: «полудиалект») утратили более резкие и заметные особенности местных крестьянских говоров, присутствие которых могло бы служить существенным препятствием для языкового общения, но в то же время сохранили менее резкие местные диалектологические черты: иными словами, мещанские говоры теряют «первичные» диалектологические признаки, но сохраняют „вторичные“» [18] (о понятии «первичных» диалектных признаков см. ниже, стр. 131), а также: «Промежуточное положение мещанских говоров обусловливает различную степень их приближения к национальной норме, связанную с большей или меньшей степенью утраты местных диалектологических особенностей» [19].

Как уже говорилось выше, термин полудиалект, идущий из немецкой диалектологии (Halbmundart), в русской диалектологии мало популярен; до сих пор нет сколько-нибудь определенного раскрытия его. Диалектная речь, видоизмененная в результате взаимодействия с литературным языком, получила в нашей литературе разные терминологические наименования: полудиалект, мещанские говоры, народно-разговорная форма языка, обиходная речь, койне, просторечно-диалектный язык, обиходная форма русского национального языка и др.

В нашей работе мы не будем устанавливать содержательного наполнения каждого из этих терминов и выяснять, налагаются ли понятия, стоящие за этими терминологическими наименованиями, полностью или частично друг на друга. Для целей нашей работы важно отметить лишь общность их понятийного объема. Общность эта отражает те языковые процессы, которые типичны для судьбы диалектов в их движении к нормализованному литературному языку.

60-е годы отмечены возрождением интереса к изучению социальной дифференциации русского языка. Оценка самой общей картины состояния современной диалектной речи и использование ее современным сельским и городским населением пока что характеризуется отсутствием единства взглядов. Это несовпадение мнений выражается не только в многообразии терминов (см. выше) и в расплывчатости (или даже отсутствии) их определений, но и в уста-

[18] В. М. Жирмунский. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936, стр. 90.
[19] Там же, стр. 91.

новлении удельного веса собственно диалектного субстрата в речевой деятельности разных лиц, проживающих теперь в деревне или переместившихся в города.

Приведем несколько мнений по этому поводу:

«В настоящее время многие местные говоры настолько сблизились (разрядка моя.— *Т.К.*) с общенародным языком, что некоторые их отличия сохранились только в виде еле заметных следов и могут быть обнаружены лишь в результате тщательных разысканий» [20].

В другом месте этот же автор говорит «о стирании диалектных различий и повсеместном утверждении единых норм литературного языка» [21].

К приведенному выше мнению близка и точка зрения Ф. П. Филина. Говоря о «сужении базы территориальных и социальных диалектов и старого городского просторечия», Ф. П. Филин отмечает «всеобщее распространение литературного языка, что обусловило его широкую демократизацию». Литературный язык — в недавнем прошлом принадлежность образованных горожан — непрерывным и мощным ходом двинулся в деревню, в результате чего «большинство современного сельского населения говорит или на литературном языке, или на своеобразном «койне», переходном «от прежних диалектных систем к литературному языку» [22]. Мысль об ослаблении коммуникативной роли диалектной речи в современных условиях высказана и Л. И. Баранниковой, по мнению которой сам процесс перехода «от диалекта, как основного средства коммуникации, к использованию в тех же целях литературного языка неизбежно приводит к появлению своеобразного двуязычия у носителей говора» [23].

---

[20] Г. Г. Мельниченко. Задачи изучения диалектной лексики и фразеологии. «Уч. зап. Московского обл. пед. ин-та», 1960, т. 160, стр. 327.

[21] Г. Г. Мельниченко. К вопросу о задачах и путях изучения процессов, наблюдаемых в лексике говоров русского языка на современном этапе их развития в советском обществе. «Тезисы докладов на X диалектологическом совещании 11—14 мая 1965 г.». Москва, 1965, стр. 22.

[22] Ф. П. Филин. К проблеме социальной обусловленности языка, стр. 37.

[23] Л. И. Баранникова. Русские народные говоры в советский период, стр 74.

Противоположное мнение содержится в работах тех диалектологов, в основе исследований которых лежит длительное пребывание в пределах одного говора. Углубленное проникновение в языковую систему говора позволяет увидеть, насколько весь речестрой диалекта, его фонетика и мелодика, лексика и структура фраз полны строевых и функциональных различий по сравнению с литературным языком. Эти различия, пока еще очень многочисленные, даже если они сосуществуют с другими, иносистемными элементами [24], компактно локализованные в едином языковом коллективе деревни, составляют, по образному выражению Л. В. Сахарного, «не отмирающую развалину, а функционирующую систему» [25]. Именно поэтому многие наблюдатели современных говоров весьма определенно говорят, что... «предсказывать сегодня стремительное исчезновение диалектов (как территориальной народно-разговорной разновидности языка), на наш взгляд несколько преждевременно» [26].

Проявление признаков полудиалекта в условиях современного говора

Для речевой деятельности современного говора весьма характерно сочетание диалектно-литературных форм языкового выражения. Сама же концентрация таких сочетающихся вариантов как в говоре в целом, так и в языке отдельного носителя диалекта настолько высока, а про-

---

[24] А. Б. Пеньковский. Об изучении процессов развития в живой диалектной речи. «Тезисы докладов на X диалектологическом совещании 11—14 мая 1965».

[25] Л. В. Сахарный. Некоторые проблемы изучения диалектного словообразования. «Тезисы докладов на IX диалектологическом совещании 15—18 мая 1965». М., 1963, стр. 51.— Яркий образец этого можно увидеть во всем иллюстративном (цитатном) материале, приведенном в «Словаре современного русского народного говора» (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.) (М., 1969). Картотека этого словаря создана методом фиксации непосредственно протекающей перед наблюдателем живой диалектной речи, отражает по своему содержанию бытовые хозяйственно-экономические сюжеты современной деревни.

[26] Л. А. Грузберг. К вопросу о взаимодействии литературно-письменного языка и народно-разговорной речи (о пределах влияния литературного языка на народные говоры). «Уч. зап. Пермского гос. ун-та», 1966, № 162, стр. 59.

цессы возникновения инноваций на основе взаимодействия исконной системы диалекта с литературным языком настолько активны, что пока еще преждевременно говорить о «повсеместном утверждении единых норм литературного языка».

Совмещение диалектных языковых явлений и их аналогов литературного языка характерно не только для языковой системы говора в целом, но и для языка отдельно взятого носителя говора. На эту «двудиалектность русского крестьянства» указывал Б. А. Ларин еще в 1928 г. В накоплении и расширении языковых (и, в частности, лексических) материалов (картотек), характеризующих билингвизм современного носителя диалекта, немалую роль играет работа по созданию региональных словарей русского языка, широко развернувшаяся в последние 10—12 лет.

Сам процесс сбора лексического материала в говоре, реализуемый обычно методами интенсивного наблюдения, привлекает внимание диалектолога-лексикографа и его деревенского собеседника к слову как таковому. Выгодная для наблюдателя диалектной лексики речевая ситуация — разговор о местном словоупотреблении нередко превращается в оригинальную лабораторию языкового сознания носителя говора[27].

Как показывают наши наблюдения, теперешний житель деревни признает образцовым для себя уже литературное словоупотребление. Поэтому для состояния языкового сознания его весьма показателен факт постоянного сравнения своего, местного, словоупотребления с возможным для данной речевой ситуации словоупотреблением литературным. В картотеке деулинского словаря зафиксированы многочисленные образцы живой речи, когда в присутствии собирателя диалектных слов один деревенский собеседник поправляет другого, указывая при этом, как надо, как правильно, как «культурно» говорить.

---

[27] В основе наших наблюдений лежит собственный опыт работы по собиранию материала и составлению «Словаря современного русского народного говора». См. также: Т. С. Коготкова. О картотеке «Словаря современного русского народного говора».—«Лингвистические источники. Фонды Ин-та русского языка». М., 1967; Она же. Некоторые наблюдения над лексикой современного говора (на материале русского языка). «Язык и общество». М., 1968.

(Кто-то назвал «качели» «релями», услышавшая это школьница с возмущением: — *Ре́ли*! *На́да каче́ли, а вы ре́ли* [28]).

Стремление к языковому идеалу, воплощенному в литературном языке (особенно в его словаре), наиболее заметно у молодого поколения современной деревни. Дифференциация речи по поколениям в говоре сегодняшнего дня является показателем радикальных изменений в самой языковой структуре диалекта, и это отмечают даже представители старшего поколения: *Щас уш мъладёшь ня так ста́ла гъвари́ть, а че́рис гадо́ф два́цать-три́цать фсе гъвари́ли на «цы»*. (В говоре д. Деулино предлог «через» может означать «тому назад»). *Во ядре́нал гляди́ ско́льки тащи́ть, здърави́щая... тяпе́рь-то так ня ка́жуть мъладыи* [29].

Лексическая дублетность современного говора высока, эквивалентные единицы ее распределяются по трем категориям: 1) гомогенные, внутридиалектные дублеты; 2) междиалектные дублеты, появившиеся в говоре вследствие взаимодействия соседствующих говоров и 3) диалектно-литературные дублеты — результат контактов говора и литературного языка. Они ярко характеризуют изменения языкового обычая и сознания у носителей диалекта. Некоторыми исследователями диалектной речи

---

[28] Подробнее об этом см.: Т. С. Коготкова. К вопросу о дублетно-синонимических отношениях в лексике современного говора. «Слово в русских народных говорах». Л., 1968; Л. И. Баранникова. К вопросу о диалектной синонимии. «Вопросы стилистики», вып. 1. Изд. Саратовского ун-та, 1962; Она же. О некоторых особенностях взаимодействия разносистемных диалектных лексических единиц в современных народных говорах. «Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та», 1963, т. 248; М. С. Тихомирова. О некоторых особенностях сближения южнорусского говора с русским литературным языком в иноязычной среде. «Вопросы русского языкознания», кн. 4. Львовский гос. ун-тимени Ивана Франко, 1960, стр. 167; Е. В. Ухмылина. О языковой сознательности носителей говора (на материале их высказываний о языке). «Уч. зап. Горьковского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского», 1967, вып. 79; Л. А. Грузберг. К вопросу об абсолютных синонимах и «избыточности» лексических систем. «Уч. зап. Пермского гос. ун-та», 1966, № 162, стр. 107.

[29] Для примеров, извлеченных из картотеки «Словаря современного русского народного говора», в настоящей статье принята упрощенная транскрипция, избегающая надстрочных знаков (кроме ударения) и не вводящая новых знаков (букв) по сравнению с обычным русским алфавитом.

оно не без оснований признается «одним из факторов развития говоров» [30]. Стремление к языковому идеалу, вырисовывающемуся в нормализованном, литературном варианте русского языка,— отличительная особенность языкового сознания современного носителя диалекта [31].

Внеязыковые причины формирования полудиалектов

В формировании полудиалектов основную роль играли внеязыковые факторы. Развитие капитализма, отмеченное интенсивным ростом населения городов за счет сельского населения, положило начало широкому миграционному движению русской нации [32].

Переселение жителей деревень в города осуществлялось прежде всего по территориальному принципу: деревенское население перемещалось в ближайшие города (районные, областные, до революции — уездные, губернские). Этот принцип, наиболее естественный и простой для человека, а потому и наиболее распространенный, существовал искони (к нему же следует отнести — превращение, особенно в советское время, деревень, сел в города и поселки, что имеет свои последствия и в языковом отношении).

Во-вторых, существовал и существует другой принцип переселения сельского населения в города — «семьями», а затем распространительнее — «деревнями» или даже еще более широкими территориальными объединениями. По этому принципу чаще заселялись большие города (например — столица). Для заселения таким способом не имела значения и территориальная отдаленность деревни от города, куда осуществлялось переселение. Вероятнее всего, сам процесс перемещения по такому принципу имел несколько этапов: вначале временная работа в большом городе (рязанские извозчики в Петербурге, строительные рабочие, специалисты разных видов отхожего промысла и др.) в целях временного, сезонного заработка, затем регулярная периодичность выездов тех же лиц в те же города, и только после этого окончательный переезд самого лица на постоянное жительство в город. За этим следовал переезд семьи, а в дальнейшем и «перетаскивание» в город «своих» вообще (родню — в самом широком смысле этого слова).

Этот принцип перемещения достаточно хорошо известен, примеры его многочисленны даже в художественной литературе (например, у А. Чехова, Л. Толстого и др.). Образцы подобного рода переселения в советское время: рязанские, калужские аборигены

---

[30] Е. В. Ухмылина. Указ. соч., стр. 161.

[31] В. Г. Орлова и Т. Ю. Строганова. Закономерности развития диалектов, стр. 411.

[32] В этих рассуждениях сознательно учитывается лишь перемещение сельского населения, хотя иные миграционные потоки весьма важны для других лингвистических проблем, в частности проблемы «языка города».

в новых, построенных в советское время промышленных городах Подмосковья (население Мытищ, Болшева, Подлипок — в огромном проценте выходцы из Рязанской, Калужской и Орловской областей).

И, наконец, в-третьих, в советское время все большее распространение получает принцип заселения городов по вербовке и призыву советских партийных и комсомольских организаций. Так заселяются города-новостройки, крупные объекты строительства, гидро- и электростанций, целина и т. п. В этом случае в тесные языковые контакты вступают выходцы из самых различных мест.

Для языковой проблемы полудиалекта особенно важен первый тип из рассмотренных трех типов миграционных потоков. Именно при нем образуются наиболее компактные языковые общности с единой (или очень близкой друг к другу) языковой основой. Полудиалект как языковую общность частично можно вычленить и при втором типе миграционных потоков.

Из других внеязыковых факторов процесса формирования полудиалекта как языковой структуры оказываются важными, например, интенсивность миграционных потоков, их периодичность и регулярность. Важно, безусловно, и общее количество деревенских жителей, переместившихся в города, и тот процент соотношения между коренным населением города и лицами, вновь прибывающими в данный город из деревень. Миграционные потоки с редкой периодичностью в языковом отношении создают лучшие условия для ассимиляционных процессов; здесь выступает большая степень подчинения диалектной речи языку города, а затем уже нормализованному языку.

В подтверждение своих рассуждений приведем одно очень яркое социолингвистическое заключение, сделанное Н. М. Каринским. Н. М. Каринский проводил, как известно, наблюдения в г. Вятке над речью образованных лиц старшего поколения. Почти одновременно с ним в этом же городе вела свои лингвистические наблюдения Е. П. Лупнова; объектом ее изучения была речь учащихся школ второй ступени. Языковая биография 93 «поднадзорных» Е. П. Лупповой связана по рождению либо с г. Вяткой, либо с окрестными, прилегающими к Вятке, деревнями. Сравнивая свои данные и данные Е. П. Лупповой, Н. М. Каринский делает вывод:

«По-видимому, подрастающее поколение, которому суждено сменить старое, говорит языком более близким

к деревенскому, чем образованные граждане старшего поколения. Мои наблюдения над говором студентов Вятского педагогического института показывают, что и говор студенчества иногда ближе к говору деревни, чем говор образованных людей старшего возраста» [33].

Почему могли получиться такие данные? По-видимому, языковые условия, в которых формировалась речь образованных лиц старшего поколения, были иными, хотя также связанные локально с г. Вяткой. Вывод этот должен очень насторожить как языковедов, так и всех тех, кто занимается культурно-речевой пропагандой.

Разумеется подобный эксперимент, объектом наблюдения в котором должна быть речь различных поколений, можно и нужно повторить в различных местных средах. В наше время (40 лет спустя после опубликования данных Н. М. Каринского) он мог бы дать иные результаты.

Изменение состава носителей литературного языка, демократизация его, рост миграционных потоков населения в советское время и, в частности, массовое заселение городов жителями деревень в языковом отношении очень часто означает механическое перемещение диалектной (местной) речи в города [34]. Диалектная речь привлекается, таким образом, для повседневного речевого общения в городах на равных правах с литературным языком (особенно в рамках разговорно-бытовой речи). Сам этот контакт, различный по времени продолжительности по отдельным местностям, оказывает свое влияние на структуру литературного языка. Современные наблюдения за речью образованных лиц, проживающих в городах с диалектным окружением, обнаруживают заметную тенденцию «ярко выраженного отхода от старомосковских произносительных норм» [35]. В городской речи всегда осущест-

---

[33] Н. М. Каринский. Указ. соч., стр. 63.

[34] Из числа активных информантов «Словаря современного русского народного говора» (д. Деулино) есть такие лица, которые на наших глазах переехали в г. Рязань, т. е. стали таким образом горожанами.

[35] Н. А. Леонова. О произношении современной молодежи. «Краткие очерки по русскому языку», кн. 2. Курск, 1967, стр. 157; Е. П. Танская. О сценическом произношении в Красноярском драматическом театре им. А. С. Пушкина. «Материалы и исследования по современному русскому языку и его истории». Красноярск, 1967.

влялось контактирование литературного языка с диалектами, но на разных этапах развития русского литературного языка оно было различным. Это различие проявлялось (и проявляется теперь) не только в том, какими «порциями» (или «дозами») диалектная речь вступила (и вступает теперь) в контакты с литературным языком, но также и в том, как и какими своими сферами литературный язык воспринимал (и воспринимает теперь) диалектные особенности речи, поступающие из местных говоров.

Общеизвестно, сколь велика и многообразна функциональная роль диалектных особенностей в языке художественной литературы. Легализировано место диалектной лексики в различных терминологических сферах (в последнем случае сыграла огромную роль прозрачная внутренняя форма исконно русского, или даже шире — славянского слова). Воздействие диалектной речи на эти сферы общепризнано и как бы узаконено как в самой речевой деятельности носителей литературного языка, так и в науке о русском языке. Результаты этого влияния отражены и закреплены в письменной форме литературного языка.

О региональном варьировании литературного языка

Обширность территориального распространения] русского языка приводит к тому, что литературный (нормализованный) язык не выступает в единой (московской) модели в условиях каждой, отдельно взятой местности. Изучение речевых особенностей, обособленных в городах и местностях, более или менее отдаленных от центра, все больше и больше привлекает внимание ученых и становится одной из актуальных проблем русского языкознания. Признание региональных вариантов русского литературного языка, равно как и категорическое отрицание их нам представляется преждевременным. Решение этой нелегкой лингвистической задачи может быть осуществлено лишь после того, как будут проведены специальные, посвященные ей исследования со своей многоаспектной методикой (выбор информантов, учет устной и письменной типов речи, разных речевых стилей, разных уровней языка и под.).

Наиболее определенно и решительно высказались противники идеи регионального варьирования русского литературного языка. Академик В. В. Виноградов, ставя русский литературный язык в один ряд с другими восточнославянскими современными национальными литературными, а также западнославянскими языками, говорит, что они «(в принципе) не знают этого явления» [36]. Отрицают существование областных вариантов литературного языка чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филин [37] и в ранних работах проф. В. Г. Орлова [38].

Теоретическое обоснование принципиальной возможности регионального варьирования русского литературного языка сделал в 1959 г. Р. Р. Гельгардт [39]. Объясняя условия такого варьирования причинами экстралингвистическими («обширность и прерывность территории распространения языка затрудняют и даже исключают постоянные связи между всеми членами данного национально-языкового коллектива»)[40], а также лингвистическими («природа разговорного стиля», «разговорный язык города»), Р. Р. Гельгардт видит региональный вариант применительно к русскому литературному языку не как «новую языковую единицу, существенно отличную от системы языка литературного», но как такую, в которой представлено «в отдельных моментах сближение литературного языка с областными диалектами» [41]. Влияние литературного языка, по его мнению, не всегда было непосредственным, оно шло еще и «от областных очагов культуры» как от «вторичных языковых центров» [42].

В последние годы подход к проблеме регионального варьирования русского литературного языка осуществляется на базе конкретных исследований. Наблюдая и изучая звуковой строй речи отдельных образованных лиц, уроженцев не Москвы, исследователи выдвигают мысль о

---

[36] В. В. Виноградов. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития, стр. 67.
[37] Ф. П. Филин. Об изучении общественных функций языка, стр. 285.
[38] В. Г. Орлова. Развитие русского языка и история народа.— ВЯ, 1953, № 1, стр. 68.
[39] Р. Р. Гельгардт. О литературном языке в географической проекции.— ВЯ, 1959, № 3.
[40] Там же, стр. 95.
[41] Там же, стр. 99.
[42] Там же.

наличии «произносительных вариантов русского литературного языка» [43].

Из числа диалектных признаков, которые последовательно и устойчиво сохраняются в речи образованных южнорусов, прежде всего следует назвать произношение фрикативного [γ], произношение билабиального [ω], неоглушение губнозубного [в] в позиции конца слова и перед глухими согласными, несмягчение согласных перед гласными переднего ряда (для носителей литературного языка г. Одессы) и ряд других [44]. Анализируя устойчивость произношения (γ) в речи образованных южнорусов, Н. Б. Парикова предположительно выдвигает несколько причин. В их числе в первую очередь она называет обширность территориального распространения [γ], вторую причину Н. Б. Парикова видит в физиолого-фонетических признаках образования задненёбного [г]: «способ образования з в о н к о г о (разрядка моя.— *Т. К.*) задненёбного не относится к числу сильных различительных признаков фонем, поскольку в языке среди задненёбных отсутствует противопоставление звуков по этому качеству» [45]. К изложенным двум причинам примыкает очень, на наш взгляд, интересное психосоциологическое наблюдение: «Произношение фрикативного [γ], хотя и является широко известной нелитературной особенностью русского языка, все же обычно защищается населением [γ] акающей зоны, даже является предметом своеобразной гордости: произносящих *г* взрывной считают чужими, не местными» [46].

[43] М. В. П а н о в. Русская фонетика. М., 1967, стр. 294; А. Б. П е н ь к о в с к и й. О некоторых закономерностях усвоения орфоэпических норм (*г* смычное и γ фрикативное).— ВКР, вып. VIII. М., 1967, стр. 63; «Развитие фонетики современного русского языка». М., 1966, стр. 4.— Наличие «диалектной окраски» в речи современной русской интеллигенции отмечает и Ф. П. Филин. Но разрозненных черт диалектного субстрата, по его мнению, еще недостаточно, чтобы говорить о территориальных или каких-либо иных разновидностях, вариантах литературного языка («Об изучении общественных функций языка», стр. 285).

[44] Н. Б. П а р и к о в а. О южнорусском варианте литературной речи. «Развитие фонетики современного русского языка». М., 1966; Т. А. Т у л и н а. Особенности произношения русских согласных у лиц, владеющих русским и украинским языками.— Там же; А. Б. П е н ь к о в с к и й. О некоторых закономерностях усвоения орфоэпических норм (*г* смычное и ɣ фрикативное).

[45] Н. Б. П а р и к о в а. Указ. соч., стр. 135.

[46] Там же, стр. 134—135.

Эта причина, на первый взгляд малозаметная, не может быть не принята во внимание при культурно-речевом анализе причин стабильности отдельных нелитературных явлений в речи литературно говорящих людей. Известны многочисленные примеры принципиального отстаивания преимуществ оканья, как произношения наиболее «правильного» (ориентируясь на орфографию) по сравнению с аканьем [47].

---

[47] Подобное же «сопротивление» нормализационным действиям языковедов, преподавателей русского языка и всех любителей родного слова действиям, за последние годы весьма активным, можно наблюдать в повсеместном и массовом употреблении слова *крайний* в значении 'последний' (в очереди). В ответе на анкету журнала «Русская речь» (1967, № 1) слесарь В. С. Коломийцев из г. Георгиевска в числе наиболее распространенных ошибок устной речи отмечает употребление вместо *кто последний—кто крайний*. «Это почти поголовно»,— пишет он в конце ответа. С таким статистическим заключением В. С. Коломийцева нельзя не согласиться. И хотя массовость этой ошибки порождает и столь же массовый протест у носителей языка, тем не менее языковед не может не задуматься над причинами ее распространения. Казалось бы, трудно что-нибудь возразить против алогичности употребления *«кто крайний»*: ведь в рассматриваемом значении, как подметил еще Б. Тимофеев, «края» у очереди два! И «крайним» является в ней в совершенно равной степени и «первый» и «последний» (Б. Тимофеев. Правильно ли мы говорим. Л., 1961, стр. 58). По-видимому, широта употребления выражения *кто крайний* вместо правильного *кто последний* объясняется семантической структурой слов *последний* и *крайний*. Полисемантичное *последний* в числе своих значений (словарь Д. Н. Ушакова отмечает их 8) содержит такие, которые порождают отрицательные ассоциации: *самое последнее дело* (т. е. плохое): *Рой подавленных и трепетных врагов завидовал житью последних барских псов* (Некрасов); *на последнем плане, изругать последними словами* и под. В применении к человеку *последний* — это 'самый плохой, самый ничтожный'. И напротив, в слове *крайний* (по словарю Д.Н. Ушакова) таких «отрицательных» значений не заложено. Использование слова *крайний* в контекстах типа *крайнее возмущение, крайнее напряжение, крайняя степень истощения* содержит лишь усиление при характеристике того или иного действия или состояния. Частотность вопроса, связанного с очередью, очень высока. Вопрос в форме *кто последний* у какой-то группы носителей русского языка невольно вызывает отрицательно-оценочные ассоциации, направленные к собеседнику. Во избежание этого и используется «нейтральный» вопрос *кто крайний*, тем более что по смыслу (в применении к очереди) к нему очень близко подходят сочетания *крайний дом, крайний в шеренге* и т. п. В активизации вопроса *кто крайний* проявляется известная «языковая деликатность», «языковая вежливость». Усиленные же рекомендации нормализаторов — не

Для осмысления всей проблемы регионального варьирования литературного языка, возможности существования региональных вариантов в современных условиях развития языка и общества важны данные не только фонетического, но и других уровней языка. Пока таких фронтальных и всеобъемлющих данных нет.

Обращаясь к лексическому уровню, можно найти такие факты, которые нетрудно интерпретировать в поддержку идеи регионального варьирования литературного языка.

Связанная с реальной жизнью больше чем какой-либо иной языковой уровень, местная лексика очень часто дифференцируется с лексикой литературной. (Здесь имеются в виду не только лексические и семантические диалектизмы.) Исследователи областной лексики отмечают закрепление областной лексики номинативного значения в письменном языке местной прессы, радио, телевидения[48], а это обстоятельство облегчает выход рассматриваемой лексики в общенародный, литературный язык. Особенно перспективны в этом направлении те диалектизмы номинативного значения, которым в литературном языке нет соответствующих эквивалентов. За счет такого рода лексических единиц всегда шло и идет теперь пополнение разных сфер литературного языка и прежде всего терминологических[49].

Перспективу обогащения литературного языка из областных лексических фондов видел еще Ф. И. Буслаев, который писал: «Не надобно жаловаться на то, будто у нас недостает многих слов для выражения некоторых понятий о природе, напр. горной или приморской. Они у нас есть, и прекрасные, только рассеяны по разным концам России. И безрассудно было бы требовать, чтобы в московском наречии нашли мы слова для выражения явлений

произносить *крайний*—этот психологический момент полностью игнорируют, что и производит обратное действие — употребление вопроса *кто крайний* вместо *кто последний* только расширяется.'

[48] О. А. Нечаева. Этнографическая лексика как источник обогащения русского литературного языка. «Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху». Улан-Удэ, 1965.

[49] См. об этом: Л. И. Балахонова. Диалектные по происхождению слова в современном литературном языке. «Слово в русских народных говорах». Л., 1968.

природы, бывающих на Урале или на берегах Охотского моря»[50].

Доминирование в экономической жизни отдельных областей тех видов сельскохозяйственного производства, ремесел, промыслов или даже целых промышленных отраслей, для которых нет природных условий в других местностях, является исходным внешним моментом для утверждения номинативной лексики, которая связана с этими сторонами хозяйственно-экономической жизни. Выдвинутые таким образом на поверхность, эти пласты лексики затем функционально обособляются как от близких по значению литературных слов, так и от диалектных, не имеющих такой социальной значимости. Активное использование подобной лексики на страницах местных газет и журналов, в устных обсуждениях на собраниях, конференциях, совещаниях, посвященных хозяйственно-экономическим вопросам, и т. п., способствует языковой актуализации ее. Закрепившись в письменном языке, местная номинативная лексика обретает известную самостоятельность и литературность [51].

Изучение словарного состава местной прессы, и прежде всего в плане выявления в ней лексики территориально ограниченной, может внести коррективы не только в разработку проблемы пополнения литературной лексики за счет диалектизмов, но и углубить изучение собственно культурно-речевых вопросов [52].

Выявление собственно языковых контуров региональных вариантов литературного языка еще впереди; по-видимому, изучение их будет идти рядом с исследованиями городской разговорной речи в целом. Как писал еще

---

[50] Ф. И. Буслаев. О преподавании отечественного языка. Л., 1941, стр. 179.

[51] В. Н. Богданов. Лексика мараловодства как составная часть лексической системы местного говора (на материале говора сел Талицкого сельсовета Усть-Канского р-на Горно-Алтайской авт. области). Автореф. канд. дисс. Горно-Алтайск, 1965; А. А. Маргулян. Обогащение словарного запаса русского литературного языка XIX—XX вв. областными словами. *Изюбр.* «Уч. зап. Пермского гос. ун-та», 1966, № 162.

[52] Уже сейчас достаточно фактических данных, которые позволяют внести поправку в мысль, сформулированную Р. А. Будаговым весьма категорически и определенно: «... у нас в СССР давно прекратился процесс пополнения русского литературного языка за счет диалектной лексики» (Р. А. Будагов, Литературные языки и языковые стили. М., 1967, стр. 305).

Б. А. Ларин «... языковое разнообразие города двояко: оно не только во встрече разноязычных коллективов (будем называть это многоязычием города), но еще и в многообразии языковых навыков каждой группы (спаянной каким-нибудь одним наречием), т. е. в двудиалектности и многодиалектности — в зачаточном или совершенном полиглотизме горожан» [53]. (Давнее, ставшее традиционным противопоставление речи Москвы и Петербурга могло бы быть стимулом для такого рода исследований. И хотя по этому вопросу имеется большая литература [54], тем не менее сравнительное изучение этих двух центров литературного языка, но на новом, более высоком уровне, с применением современных методов наблюдения и фиксации разговорной речи, могло бы явиться экспериментальной базой в разработке самой методологии исследования регионального варианта литературного языка в условиях большого города.)

Итак, в своем центробежном движении (от центра к периферии) литературно-нормализованный язык испытывает постоянное диалектное воздействие [55]. В условиях больших городов («очагов местной культуры») он вступает в контакты с такой формой литературной речи, материнской основой которой являются местные, близ прилегающие говоры. Так возникают «вторичные языковые центры».

Значимость этих «вторичных языковых центров» тем более возрастает, что в ряде случаев (в рассмотренных примерах с номинативной лексикой) от них исходит встречное центростремительное языковое движение. Оба эти процесса увеличивают языковый потенциал городов, областных и культурных центров. И хотя в речи местной интеллигенции и образованных лиц доминируют черты литературно-нормализованной речи, устойчивость и регулярность употребления некоторых свойств речи диалектной (например, фонетических) дает основание выдви-

---

[53] Б. А. Ларин. К лингвистической характеристике города. «Изв. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», 1928, вып. I, стр. 177.

[54] Библиографию по этому вопросу см.: М. В. Панов. Указ. соч., стр. 295.

[55] Не случайно Р. Р. Гельгардт свою статью, где дается многоаспектный анализ проблемы регионального варьирования литературного языка, называет «О литературном языке в географической проекции» (разрядка моя.— *Т. К.*).

гать гипотезу о возможности регионального варьирования литературного языка [56].

В таком случае образующиеся в результате ассимиляционных процессов языковые структуры можно квалифицировать или как полудиалект (если в них доминируют диалектные особенности), или как местные, региональные разновидности литературного языка (если доминируют литературные языковые черты).

Понятие диалектизации и олитературивания; противоположность языковых процессов, обозначаемых терминами «диалектизация» и «олитературивание»

Требование интенсификации культурно-речевой деятельности, разнообразие ее форм и направлений, которое со всей решительностью выдвигается отдельными учеными [57], во многом определяется характерной для нашего времени демократизацией литературного языка. Изменение состава носителей литературного языка и, в частности, наличие в их числе лиц, материнская основа речи которых связана с диалектом, является основным и в то же время очень широким каналом, по которому и направляется главный поток диалектных особенностей через посредство городской речи в литературный язык. Вся совокупность диалектных особенностей, дифференцирующаяся с литературным языком, подступает к нему и оказывает влияние (временное или постоянное) на характер и качество норм литературного языка. В работе по культуре речи мы считаем возможным ввести понятие д и а л е к т и з а ц и и, под которой следует понимать те языковые процессы, которые возникают под влиянием диалектных особенностей речи и в результате чего осуществляется воздействие этих черт на речевую деятельность носителей литературного языка. В принципе возможны три степени процесса диалектизации: а) неприятие, полный отвод диалектных особенностей литературным языком; б) различно-

[56] В. Г. О р л о в а, Т. Ю. С т р о г а н о в а. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры, стр. 190.

[57] Ф. П. Ф и л и н. К проблеме социальной обусловленности языка, стр. 38; Р. И. А в а н е с о в. Вопросы русского литературного произношения.— РЯШ, 1937, № 3; Б. Н. Г о л о в и н. О качествах хорошей речи.— РЯШ, 1964, № 2.

го рода ассимиляционные процессы между отдельными нормализованными явлениями и их параллелями из диалектов, в результате чего вырабатывается средний, «компромиссный» вариант, который входит в круг норм литературного языка (или приближается к ним); в) полное освоение диалектных явлений литературным языком без ассимиляционных процессов.

Диалектизация противостоит о л и т е р а т у р и в а н и ю в диалектной речи. Если понятие о л и т е р а т у р и в а н и я ассоциируется с нормализованным типом языка, в результате чего у носителей диалектной речи, т. е. носителей некодифицированного языка, появляется чувство языковой нормы («как надо», «как правильно», «как культурно» говорить), то, напротив, понятие д и а л е к т и з а ц и и идет вразрез с нормами литературного языка, вразрез с понятием языкового идеала.

Неоспоримость кодифицированной нормы, ее авторитет и влияние в обществе в целом играют свою решающую роль для усиления процессов олитературивания диалектной речи. Элемент сознательного отношения к своей речи и окружающих является главной пружиной интенсификации этих процессов; в основе же диалектизации лежит автоматизм речи.

Диалектизация содержит, таким образом, две стороны: изменение отдельных языковых черт литературного стандарта под влиянием диалектов и сохранение свойств говора-субстрата в речи литературно говорящих лиц; совокупность их воспринимается как отступление от литературных норм. Вторая особенность интенсифицирует первую.

Именно потому, что процессы диалектизации противоречат нормам литературного языка, в задачу культурно-речевой политики входит пропаганда норм литературного языка на широком диалектологическом фоне.

Шкала диалектизации. Языковые критерии шкалы диалектизации

Одной из актуальнейших задач современной диалектологии и культуры речи как разделов русского языкознания должна быть разработка шкалы-характеристики или таблицы диалектных черт, отражающей степень допустимости и недопустимости их в литературном языке.

Такое исследование не по силам одному лицу и потому, что объем диалектных особенностей, подлежащий сравнительному обследованию, велик чрезвычайно, и потому, что к его разработке должны быть привлечены специалисты по разным ярусам диалектного языка. Эта идея вписывается в задачу разработки типологии качеств речи, к которой призывал Б. Н. Головин и которая в культурно-речевом аспекте является едва ли не основной: «...наука должна найти достаточно строгие и обоснованные описания и определения главных качеств хорошей речи, таких, как правильность, точность, богатство (разнообразие), чистота, выразительность, красота, уместность и др. Должна быть обоснована разумная, опирающаяся на анализ речевой практики общества типология качеств речи» [58].

Составление указанной шкалы может быть достигнуто лишь в результате предварительных исследований всей совокупности диалектных черт, дифференцирующихся с литературным языком. Для разработки должны быть проведены предварительные исследования, показывающие степень материальной и структурной близости между диалектными чертами и их параллелями в литературном языке.

С позиций учения о культуре речи ее критерии должны быть: 1) собственно-языковые, 2) психо-социологические, 3) эстетические, вкусовые.

Например, если сравнить произношение слова *мето́дика* в двух диалектных огласовках — екающей (*м'ето́д'ика*) и якающей (*м'ато́д'ика*), нередко проявляющиеся как реликт говора-субстрата в речи образованных лиц, то более приемлемой и благозвучной будет, бесспорно, первая, екающая.

Впечатление наибольшего контраста и противоречия орфоэпической норме литературного языка создает якающее произношение, если оно встречается в словах отвлеченных, книжных, публицистических и под. Ср.: *д*[я]*жу́рный*, *колл*[я]*кти́в*, *м*[я]*то́дика*, советско-[γ'я]*рма́нские отношения*, *субъ*[я]*кти́вный*, [γя]*кза́мены* и т. п. [59]

---

[58] Б. Н. Головин. Указ. соч., стр. 16.

[59] Последние три примера взяты нами из выступления доц. Т. С. Жбанковой на V московской зональной конференции в октябре 1966 г., которые приводились ею как образец неправильного произношения у некоторых преподавателей Рязанского педагогического института.

Сопоставление свойств диалектной речи и их параллелей литературного языка и особенно анализ соседства и возможностей сочетаемости их в общем потоке разговорной речи,— на наш взгляд, не только перспективные проблемы лингвистических исследований, но и актуальная задача культуры речи как отдела языкознания.

В русской диалектологии в этом направлении пока еще сделано очень мало, хотя нельзя сказать, что не делалось совсем ничего. Поглощение отдельных диалектных черт литературным языком, механизм их трансформации освещался в диалектологических работах разных лиц, преимущественно в описаниях отдельных говоров. Наблюдения этого типа можно найти в работах В. Мансикки, Н. М. Киринского, Е. П. Лупповой, А. Н. Гвоздева, Ф. П. Филина, В. Г. Орловой и Т. Ю. Строгановой, Н. Б. Париковой, М. С. Тихомировой и мн. др.; к ним же примыкают многочисленные исследования и статьи учебно-методического характера, связанные с преодолением диалектных ошибок в устной и письменной речи учащихся.

О неразработанности и особой важности этой задачи вновь заговорили в последние годы, в результате чего уже появился ряд исследований [60].

Языковые критерии шкалы диалектизации должны предусматривать, таким образом, во-первых, способность отдельных диалектных черт при столкновении с литературным языком удовлетворять коммуникативной функции языка, во-вторых, структурную близость диалектных особенностей с своим аналогам в литературном языке и, в-третьих, проницаемость разных уровней языка.

Иллюстрация размещения отдельных языковых явлений на шкале диалектизации

Как показывают наблюдения исследователей, при взаимодействии диалектов с литературным языком (далее — диалектизации) в первую очередь «не выдерживают» такие диалектные признаки, которые «могут служить

---

[60] А. Б. Пеньковский. О некоторых закономерностях усвоения орфоэпических норм (*г* смычное и γ фрикативное).— Планомерное исследование взаимодействия диалектов и литературного языка на фонетическом уровне осуществлено В. Г. Орловой

препятствием для общения с людьми, не знающими диалекта» [61], т. е., по терминологии В. М. Жирмунского, примарные (первично-диалектные) особенности. Первично-диалектные особенности выделяются своим особым материальным оформлением, легко воспринимаются на слух и осознаются носителями литературного языка как противостоящие литературной норме. Первично-диалектные особенности теряют в настоящее время свою устойчивость в рамках диалекта, поэтому они, естественно, не могут оказать сколько-нибудь заметного влияния и в обратном направлении. В процессе диалектизации они «отводятся» литературным языком, а на шкале диалектизации займут место с нулевым потенциалом. Вот некоторые примеры этого ряда (воспроизводим их из диалектологических работ разных лет): [хв] и [х] вм. [ф]: *хв'éд'а*, *хамá*; непереходное смягчение [к]: *нал'ёйк'а*, *дáйк'а*, *кóл'к'а*, *п'ém'к'а*, *коп'ей'к'а* [62]; изменение [к] в [т] перед [и] и [е]: *т'úслый*, *т'úнул* [63]; произношение [е] вм. [а] между мягкими: *з'ет'*, *пе'т'*, *н'ён'а*, *пр'éник* [64]; произношение [и] на месте ударного [Ѣ]: *д'ид*, *бúлый*, *л'ис*; цоканье: *цáшка*, *цас* [65]; [с] вм. [ц]: *сар'*, *кýриса* [66]; мягкое *т* [т']в 3-м лице глаголов: *ид'ém'*, *н'ес'ém'*; формы типа *пекчи*, *пеком* или *пекем*, формы род. п. жен. рода: у *сестре*; местного: *на горы*; творительного *со старым друзьям* [67].

и Т. Ю. Строгановой в разделе «Народные говоры (фонетика)» в книге «Русский язык и советское общество».

[61] В. М. Жирмунский. Национальный язык и социальные диалекты, стр. 90.— Утрату наиболее «резких» (термин автора.— *Т. К.*) диалектных особенностей отмечает и Н. М. Каринский в речи образованных жителей г. Вятки, у которых другие (не столь «резкие») особенности местного говора сохраняются (указ. соч., стр. 51).

[62] Ф. П. Филин. Говор д. Селино Дубенского района Тульской области. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I. М.— Л., 1949, стр. 309, 303.

[63] Там же, стр. 310.

[64] Л. И. Баранникова. Русские народные говоры в советский период, стр. 123; В. Г. Орлова, Т. Ю. Строганова. Закономерности развития диалектов... стр. 411.

[65] Л. И. Баранникова. Русские народные говоры в советский период, стр. 123; В. Г. Орлова, Т. Ю. Строганова. Закономерности развития диалектов..., стр. 411.

[66] В. Г. Орлова, Т. Ю. Строганова. Закономерности развития диалектов..., стр. 411.

[67] Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. М., 1949, стр. 195—196.

Проведем более подробную иллюстрацию процессов диалектизации на лексическом уровне. Специфика диалектизации для лексики определяется не только индивидуализированной природой лексической единицы по сравнению с фонетическим и морфологическим уровнями, но и многофункциональной (смысловой и стилистической) ролью, которая выпадает на долю слова вообще. Лексическое богатство диалектов снабжает разные стилевые и функциональные сферы литературного языка, но осуществляется это в каждой отдельно взятой сфере неодинаково. По-разному соотносятся и функционально аналогичные пласты лексики в говоре и в литературном языке [68].

Исходя из этого, можно утверждать, что диалектизация литературного языка на уровне лексики содержит несколько аспектов, являющихся самостоятельными проблемами лингвистического исследования.

1. Общеизвестно, что весь словарный фонд диалектов составляется из лексических единиц, по своему материальному оформлению дифференцирующихся с литературным языком, и общих, совпадающих (в последнем случае может не совпадать семантический объем слова). В нашем изложении речь идет о той части словарного фонда говоров, которая дифференцируется с литературным языком лексически и семантически (о лексических и семантических диалектизмах). При взаимодействии литературного языка и диалектов нейтрально-номинативная лексика говоров, имеющая эквиваленты в литературном языке, не выдерживая конкуренции, выходит из употребления. Это связано, во-первых, с большей подвижностью лексического уровня по сравнению с другими уровнями языка [69], во-вторых, с особой значимостью лексики для ком-

[68] Т. С. Коготкова. К вопросу о диалектной стилистике. «Уч. зап. Московского обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской», 1967, т. 197.

[69] Очень интересные сведения приводятся А. Н. Гвоздевым. Наблюдая два противоположных говора (северновеликорусский и южновеликорусский), объединенных территориально в течение 150 лет в одном селе (с. Канаевка Городищенского р-на Пензенской обл.), А. Н. Гвоздев отмечает сохранение различий в фонетике и морфологии при полной ассимиляции словаря («Материалы и исследования по русской диалектологии», т. 1. М.— Л., 1949, стр. 86—87). В условиях двуязычия говора, где в настоящее время также весьма активна замена диалектных лексических единиц литературными эквивалентами, гарантия коммуникации нередко обеспечивается тем, что в рамках одного высказывания,

муникативной функции языка (сохранение диалектных лексем и использование их в речевой деятельности в рамках литературного языка не всегда бы могло обеспечить взаимопонимание).

По этой причине литературный язык не осваивает многие тысячи диалектных слов, слов, составляющих основу словников региональных словарей как уже составленных, так и современных, создающихся. Не выдержавшие конкуренции местные (областные) слова займут также на шкале диалектизации позицию с нулевым потенциалом.

Так характеризуется картина взаимодействия диалектной номинативной лексики с литературной в самом общем виде. По мере же поступательного развития русского языка в целом и отражения в нем всех экстралингвистических сдвигов, всегда во все времена словарный состав литературного языка обогащается за счет лексико-фразеологических единиц диалектной речи. Распространение кодифицированного, литературного словоупотребления от центра к периферии отнюдь не останавливает центростремительных процессов поступления диалектной лексики в литературный язык. Поэтому образное сравнение говоров с «запасным отделением великой сокровищницы нашего словарного фонда» [70] не утратило своей силы. Актуализация отдельных сторон реальной действительности в местных условиях и выход их (этих сторон) за пределы областного значения создает предпосылки для освоения диалектных слов литературным языком [71].

Совсем недавно в сравнительно короткий срок литературным языком ассимилированы сибирские слова-этнографизмы *падь*, *распадок*, *сопка*, *шуга* [72]. Освоенные лите-

---

одной фразы, попарно используются лексические дублеты, один из которых — диалектный, другой — литературный. См.: Т. С. Коготкова. Некоторые наблюдения над лексикой современного говора (на материале русского языка), стр. 194.

[70] Л. Успенский. Слово о словах. Л., 1962, стр. 225.

[71] В. В. Виноградов. Основные этапы истории русского языка.— РЯШ, 1940, № 5, стр. 5; Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.— Л., 1965, стр. 495; Ф. П. Филин. Некоторые проблемы диалектной лексикографии. «Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка», 1966, т. XXV, вып. 1, стр. 10; «Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 59—64.

[72] О. А. Нечаева. Этнографическая лексика..., стр. 189.

ратурным языком лексические единицы займут на шкале диалектизации наивысшее место.

Регулярное использование на страницах местной прессы областной предметно-номинативной лексики в ряде случаев является необходимым этапом на пути вхождения данных слов в литературный язык. Так, исследуя восточно-сибирскую лексику на территории Бурятии, О. А. Нечаева приводит многочисленные примеры употребления слов-этнографизмов на страницах местных газет: *гольцы* 'голые горы, не покрытые снегом'; *гурт* 'стадо скота или птицы, перегоняемых на продажу или убой', *зарóд* 'продолговатый, четырехугольный стог сена', *зелéнка* 'зеленая масса недозревшего овса и других зерновых, скошенная на корм скоту', *кошáра* 'зимнее помещение для овец' и мн. др. Слова этого типа являются единственным названием соответствующих реалий; всеобщее региональное применение их в различных функциональных стилях речи (устной и письменной; в языке публицистики и художественной литературы) [73] дает основание для особой языковедческой квалификации их. «По-видимому,— пишет О. А. Нечаева,— назрела необходимость в специальной лингвистической литературе выделить такую лексику и не считать ее обычной областной лексикой, которая носит на себе все же отпечаток «запрещенных» литературными нормами слов. Вероятно, такие слова есть не только в Сибири» [74]. Такая точка зрения представляется нам весьма убедительной, а фактическое установление слов этого типа, общего и относительного объема их в разной местной среде мы считаем весьма актуальным особенно для разработки проблемы регионального варьирования литературного языка. Утверждение этой лексики на страницах местной прессы создает все предпосылки для проникновения ее в центральные газеты, во всесоюзное радиовещание („Что же вышло? Васюринцы кормили свой скот *впритруску* и проиграли в продуктивности; ставропольцы, чтобы докормить животных, косили нынче весной хлеб на *зеленку* [75]").

---

[73] О. А. Нечаева. Сибирский колорит в языке современной прозы. «Уч. зап. Бурятского гос. пед. ин-та им. Д. Баизарова», 1961, вып. XXIII.

[74] О. А. Нечаева. Этнографическая лексика..., стр. 192.

[75] Г. Радов. В селах и около. «Лит. газета», 1 ноября 1966 г.

Рассматриваемая лексика на шкале диалектизации займет какое-то промежуточное положение между лексикой, занимающей на шкале диалектизации наивысшее место (стр. 133—134), и лексикой, отмеченной на этой шкале нулевым потенциалом (стр. 133).

2. Издавна существует и до сих пор регулярно действует канал для поступления диалектной лексики в литературный язык — это специализированные, терминологические сферы русского языка. Общеизвестна народная основа очень многих терминологических систем, зародившаяся еще в самые древние времена (например, терминология ткачества). Диалектный термин по своему распространению интердиалектен. Интердиалектный характер его обусловлен как экстралингвистическим, так и чисто языковыми причинами. Из неязыковых причин следует назвать прежде всего относительную общность и единство самих предметов материальной культуры, распространенных на русской (а иногда и всей славянской) территории, а из языковых — семантический способ терминотворчества (переосмысление бытовых слов, метафорическое и образное употребление и т. п.). Прозрачность внутренней формы, мотивированность словообразовательной структуры основной массы диалектных терминов апеллирует сразу же к понятийному содержанию и тем самым облегчает языковое общение [76]. Интердиалектный характер распространения местного термина предопределяет включение его во многие лексико-семантические системы, в том числе и в литературной язык, что в свою очередь способствует дальнейшему семантическому развитию его. Семантический способ терминотворчества — один из возможных, и в развитых формально-систематизированных терминосистемах литературного языка глубоко уходит своими корнями в народно-разговорную почву. Многочисленные метафорические образования, такие, как *баба*, *бабка*, *башмак*, *червяк*, *сапожок*, *шатун* и др., известны терминосферам как литературного языка, так и говоров. Закрепляются ли одни и те же термины-омонимы за совпадающими терминосферами литературного языка и гово-

[76] О специфике диалектного термина см.: Т. С. Коготкова. К вопросу о производственно-профессиональной лексике говора и соотношении ее с терминологической лексикой литературного языка (рукопись).

ров, адекватен их понятийно-смысловой объем полностью или частично, каковы аналоги диалектных терминов в литературном языке, если эти наименования не совпадают, — все эти вопросы требуют специального рассмотрения и в задачу данной статьи не входят.

В культурно-речевом аспекте интерес представляют те факты, которые демонстрируют конкуренцию между диалектными и литературными терминами.

Процессы технизации и специализации, которые сопровождают научную и производственную деятельность современного человека, ведут не только к расширению и обогащению терминологического фонда соответствующих сфер, но и к пересмотру первичных, исходных терминологических систем, и в их число попадают диалектные терминологии [77].

Даже в области сельского хозяйства, где естественна дробность специализированной терминологии, ибо местный фактор здесь особо актуален, заметны процессы отбора конкурирующих терминов. Складывающаяся терминология современного механизированного и агрономизированного сельского хозяйства вступает в соперничество со своими местными параллелями, и эта борьба уже подводит к необходимости строгих нормализирующих действий [78].

Сама же проблема функционального взаимодействия местной областной терминологии с терминологиями общенародного языка связана с исследованием профессионального просторечия, т. е. той сф ры речевой деятельности, изучение которой, может быть, и найдет место в ближайшем будущем в связи с активизацией научного внимания к изучению разговорной речи в целом.

3. Для изучения процессов поступления областных слов в литературный язык важно учитывать и те сложные связи, которыми отмечены аналогичные явления самой реальной действительности в условиях периферии и в ус-

---

[77] В редакционной статье журнала «Птицеводство» (1954, № 4) указывается на неправильное применение отдельными авторами местной терминологии: *квочка* вм. *наседка*, *лупка* вм. *вывод*, *пылевые ванны* вм. *песочно-зольные ванны*.

[78] См. выпуски «Комитета технической терминологии», специально посвященные упорядочению технических терминов разных отраслей техники и производства. В этих выпусках в ряду других конкурирующих терминов приводятся и диалектные, соответствующие одному понятию (или реалии).

ловиях центральных городов и областей распространения литературного языка.

Неодинаковая сегментация неязыковых (понятийных) категорий реальной действительности (что так возможно на обширной территории распространения русского языка) существенным образом влияет на характер протекания лексической диалектизации. В последние десятилетия из народных говоров в русский литературный язык вошло слово *буханка*[79]. В говорах, а также в соседних украинском и белорусском языках слово *буханка* (и его варианты *бу́ханец*, *бухоне́ц*, *бухáн*) может означать не только ‘целый выпеченный хлеб’, но и ‘ситный хлеб’, ‘круглый пшеничный или гречневый хлеб’, ‘небольшой белый хлебец из круто замешенного теста’, ‘один хлеб’[80]. Короткая история этого слова в рамках литературного языка не стерла в языковом сознании очень многих носителей литературного языка живых ассоциаций о диалектном характере происхождении слова *буханка* и в то же время явилась причиной известной неопределенности его семантического объема[81]. Наибольшее распространение это слово получило в годы войны (1941—1945 гг.). До сих пор еще окончательная принадлежность слова *буханка* к литературному языку вызывает сомнения у многих. Вот, например, что пишет товарищ М. Н. Гривюк из г. Одессы в Институт русского языка: «Почему я не встречала «*буханки*» у Горького, Толстого, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина? Ведь эти люди жили ближе к истории русского говора... писали они про жителей деревни»? (2 янв. 1967 г.) По мнению тов. М. Н. Гривюк, слово *буханка* — «летучее словцо, рожденное в стихийное или тревожное время». Именно поэтому оно и использовано В. Катаевым в «Сыне полка» «В. Катаев — неплохой

---

[79] Первая фиксация в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (М., 1935—1940), в дополнении, где значение сформулировано: «(разг.) Большой хлеб, обычно продолговатый или выпеченный в форме, а также самая такая форма и мера хлеба»; «Словарь русского языка» (в 4-х томах, М., 1961): «Целый выпеченный хлеб».

[80] По картотеке «Словаря русских народных говоров» и словарю Гринченко (Київ, 1958—1959).

[81] В приведенном определении в словаре Д. Н. Ушакова лексическое значение слова *буханка* имеет указание на то, что это: а) хлеб; б) штука хлеба; в) форма данного хлеба.

писатель, но он современный, и «Сын полка» написан в тяжелые годы, когда так и говорили, когда люди меньше заботились о правильности, красоте и звучании русского языка»,— пишет М. Н. Гривюк далее, оправдывая использование этого слова, но в то же время и подчеркивая его временный характер. На появление этого слова в годы войны указывают и другие (И. И. Котерев наблюдал распространение этого слова в период 1945—1946 гг. на территории от Владивостока до Москвы).

Для тяжелых времен войны, когда сам ассортимент хлебобулочных изделий был очень невелик, когда широкое и повсеместное распространение имел только черный хлеб, слово *буханка* было, действительно, очень в ходу, означая иногда просто хлеб (а не штуку хлеба) (М. С. Гуреева).

Однако если сейчас поставить вопрос, какой из видов хлебобулочных изделий будет называться словом *буханка*, то окажется, что на этот вопрос у носителей литературного языка нет единства в ответе. Самое общее, самое объединяющее, что можно извлечь из многочисленных показаний,— «штука, целый хлеб». Уточняющие же, но в то же время необходимые детали (из какой муки, какой формы, какого размера и т. п.) у разных носителей литературного языка (наш эксперимент проходил в основном среди москвичей) расходятся. Можно наметить несколько групп пониманий смыслового наполнения слова *буханка*:

1) большой круглый [82] хлеб из любой муки; 2) целый хлеб кирпичевидной формы из пшеничной или ржаной муки (преобладает в г. Москве); 3) большой, цельный хлеб любой формы из любой муки; 4) цельный хлеб любой формы из грубой муки; 5) целый килограмм черного хлеба кирпичевидной формы. В последнее время в г. Москве наблюдается и затухание в употреблении этого слова, что, по-видимому, можно объяснить наличием богатого ассортимента простого ржаного и пшеничного хлеба с разной технологией выпечки (а следовательно, и с разными вкусовыми данными) и использованием в речи назва-

[82] «Никогда не забыть мне запахов чисто вымытого пола, *круглых* (курсив мой.— *Т. К.*) свеженспеченных *буханок* ржаного хлеба, остывающего на столе под чистой холстиной, горячего печного духа борща или жаренного на сале картофеля» (С. Ф. Стародуб. Судьба отца.—Новый мир, 1966, № 9, стр. 127).

ния уже этих сортов хлеба [83]. Таким образом, не успев понятийно определиться в литературном языке, слово *буханка* в московской разговорной речи вновь теряет поддержку в самой реальной действительности.

Наполнение смыслового объема слова *буханка*, на наш взгляд, в ряде случаев отражает и диалектно-субстрактное понимание его тогда, когда в лексическом значении его заложено указание на круглую форму.

Слово буханка находится в одном ряду с такими, как *каравай*, *коврига*, *кирпич* [84], *булка*, *батон* и под.; между членами этого ряда возможны семантические взаимодействия как в лексико-семантической системе литературного языка, так и в говорах. Очень яркий пример такого взаимодействия — это конкуренция слов *буханка* — *булка*, когда ими означают одно и то же — ‘штука хлеба’ [85]. Таким образом, суммируя сказанное, следует подчеркнуть, что отсутствие единства в понимании слова *буханка*, а также нормативно-кодифицированные колебания в употреблении всех слов рассматриваемого тематического ряда объясняются факторами внеязыковыми, такими, как: а) дробная и варьирующаяся по местностям сегментация понятийных представлений о данных реалиях, б) разный характер самой хлебной торговли (на штуку, на вес) в разные отрезки времени, а из языковых — а) отсутствие в русском языке единого слова для обозна-

[83] Зина, солнышко,— крикнул он в коридор,— ты смотри же, завтра пойдешь в молочную, так не забудь Елене Сергеевне кефиру захватить. А хлеб какой предпочитаете? Круглый, рижский, заварной? (Викт. Драгунский. Сила искусства.— «Лит. газета», 17 янв. 1969 г.)

[84] Очень распространено это слово у старожилов-сибиряков (примеры из г. Томска); нами зафиксировано оно и в разговорной речи москвичей. «Словарь современного русского литературного языка» приводит в качестве иллюстрации ко 2-му знач. слова *кирпич* ‘о предмете, материале, имеющем форму кирпича’ фразу, взятую из авторской речи: В вещевом мешке Мересьева обнаружились колбаса... консервы и *кирпич* армейского хлеба (Б. Полевой, Повесть о настоящем человеке).

[85] См. об этом: Т. С. Коготкова. «Булка хлеба? Буханка хлеба?»—«Русский язык в национальной школе», 1967, № 6; см. также: Л. П. Крысин. Л. И. Скворцов. Правильность русской речи. Словарь — справочник. М., 1965, стр. 23. Особенно заметны факты смешения этих слов в некодифицированной диалектной речи: *щас, фсё завýть бýлка*: и *бýлка — бýлка*, и *буха́нка — бýлка. Хто бýлка нъзыва́ить: бýлку хлéба взяла́... а хто — буха́нку* (д. Деулино).

чения штуки хлеба и б) разное смысловое наполнение слов этого ряда по местностям и в литературном языке, в) разную частотность слова этого ряда в разных местностях. Таким образом, процесс освоения слова *буханка* литературным языком не доведен до конца. Поэтому слово *буханка* на шкале диалектизации займет промежуточное положение.

Возрастные явления возврата к материнской основе речи

Как уже говорилось выше, у лиц, материнская основа речи которых связана с диалектами, при контактировании с литературным языком наибольшей замене подвержена лексика. Результаты этих процессов особенно ощутимы в речи лиц, живущих продолжительное время в городах, получивших образование и утративших, таким образом, живую связь с диалектной основой речи. Применительно к этим лицам можно говорить о полном переходе с диалектного словоупотребления на литературное. Однако последовательность этих процессов имеет ограничение. И здесь мы имеем в виду ограничения, связанные с возрастом того или иного лица [86].

Впервые на подобные явления обратила внимание Ф. Л. Скитова, назвав их «регрессом в эволюции речевой практики поколения» [87]. Обрисовывая характер и напра-

[86] Надо иметь в виду, что сами результаты взаимодействия говоров с литературным языком (олитературивание, так же как, по-видимому, и диалектизация) нельзя считать необратимыми. Яркий пример такой обратимости приводит Ф. П. Филин. Противодействие, которое встречала литературная норма в говоре с. Селина, очень часто приводила к тому, что лица, «вернувшиеся из города или с военной службы, быстро теряли свое новое произношение. Во время империалистической войны одна семья, прожившая долгое время в Туле, вернулась в деревню. В скором времени члены этой семьи, в том числе и дети, родившиеся в Туле, стали говорить «как и все»» («Говор д. Селино Дубенского района Тульской области», стр. 303). То же самое и в городских условиях: «... некоторые из образованных вятчан, прожив в столице довольно продолжительное время, по возвращении на родину приближают свой язык к местному говору» (Н. М. Каринский. Указ. соч., стр. 44—45).

[87] Ф. Л. Скитова. Явления регресса в эволюции речевой практики поколений. «Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию», ч. II. Самарканд, 1966.

вленность явлений «регресса» (по терминологии Ф. Л. Скитовой) речи («люди, в молодости сознательно стремившиеся к овладению системой средств литературного языка и заменившие в своей речевой практике привычные с детства диалектные средства, с течением времени, приближаясь по возрасту к образу жизни к старшему поколению, теряют по ряду причин это стремление и в повседневной речевой практике возвращаются к средствам диалектного языка»), Ф. Л. Скитова подчеркивает, на наш взгляд, очень важный момент: — ...«возвращение это, обычно лишь частичное, не замыкается речевыми рамками и накладывает отпечаток на поступательное движение диалектного языка и в какой-то мере сдерживает (ограничивает) воздействие на него литературного языка»[88]. И хотя сам термин «регресс» для обозначения этого рода явлений может быть критически прокомментирован (это не «движение назад», «упадок в развитии», что прежде всего ассоциируется со словом «регресс», а возврат к старым, материнским формам языкового выражения), мы считаем возможным остановиться подробнее на явлениях этого рода. Мы располагаем собственным материалом, полученным в результате многолетних наблюдений за речью одной пожилой учительницы, уроженки г. Пронска Рязанской губернии. Не отступая от орфоэпических норм литературного языка (более 40 лет эта женщина живет в Подмосковье), к старости она стала вводить в свою речь довольно много рязанских слов, не сопровождая их соответствующим истолкованием. Этот факт привлек наше внимание и побудил к регулярной фиксации подобных словоупотреблений. Сам процесс записи отрывков живой непосредственно звучащей речи нередко переходит и в чисто лингвистическое обсуждение, что дает возможность накапливать факты и наблюдения, относящиеся к языковому сознанию нашего информанта[89].

Для примера приведем такой диалог: [— Вот Андрею, если бы копаться в земле, на огороде, он и пить бы бросил!][90]—*Конечно! Ведь м е щ а н с к а я работа надоедает.*

---

[88] Там же.

[89] Мы надеемся вернуться к рассматриваемому вопросу в специально посвященной этому работе. Здесь же мы останавливаемся на некоторых наблюдениях, связанных с автоматизмом речи.

[90] Так же как в «Словаре современного русского народного говора», квадратные скобки используются в двух функциях: 1) в них

[— Какая же она мещанская? Ведь он же слесарь!] — *Городская, не земляная! Раньше были м е щ а н е и крестьяне.* В другой раз: — *Я ведь не люблю жить так п о - м е щ а н с к и , без запасов.* [— Как это по-мещански?] — *Ну что ты не понимаешь? То по-деревенски, а то п о - м е щ а н с к и, ну как в городе.*

Автоматическое употребление диалектных значений слов *мещане, мещанский, по-мещански* в приведенных отрезках речи получает, однако, вполне сознательное и лексикологически точное объяснение.

В словарном запасе нашего информанта естественно сосуществуют лексические дублеты литературные и диалектные. При этом интересен переход в непосредственной речевой деятельности с одного эквивалента на другой с неосознанным и неуловимым для самого говорящего автоматизмом. Приведем такой яркий пример. [О собаке, которую перевели с жаркого, солнечного места в тень]. — *Там в́оду л о́ к ч е т , а тут нет. Наверное, жарко ему было на солнце!* [— Что стала делать собака!] — *Л о к т а́ т ь, в неопределенной форме если п̀оставить. Л о к т а́ и т, п о л о к т а́ л, по́ел, полиза́л, локтает, вот именно хлебает так.* Однако спустя некоторое время об этом же самом действии она говорит: — *Обыкнове́нно говоря́т про ко́шку или про соба́ку: все п о л а к а́ л.* [— Ну ведь ты только что перед этим говорила *локтать*?]. [Она, очень удивленно:] — *Л о к т а́ т ь? Ну это я не зна́ю, слов-то мно́го.*

Возврат, пусть даже частичный, к диалектной основе материнского языка не может быть не принят во внимание при разработке вопросов диалектизации литературного языка. Возрождение в речевой деятельности определенных возрастных групп диалектных средств выражения укрепляет процессы диалектизации, в конечном счете сдерживая поступательное развитие литературного языка. В связи с этим возникает вопрос, не является ли у лиц старшего поколения возврат к языковым средствам выражения, идущим из раннего детства, материальной основой для языкового консерватизма, столь характерного в позднем возрасте?

может заключаться реплика диалога, исходящая от наблюдателя речи; 2) они же содержат описание ситуации речи, необходимые пояснения к ней.

Оценки диалектных особенностей речи

Анализируя характер и природу языкового сознания говорящего, Э. Косериу приходит к такому бесспорному заключению: «Для каждого говорящего на родном языке знание этого языка является ясным и несомненным знанием»[90а]. Сознательное отношение к своей речи и стремление к языковому образцу присутствуют во всякой речевой практике. В настоящем разделе разбор диалектных особенностей их оценка и отношение к ним пойдет с позиций носителей литературного языка или полудиалектного типа речи.

Примеры диалектной речи как иносистемные всегда привлекали внимание горожан и среди них носителей литературного языка, ибо, по мнению Котсериу, «говорящий опознает как чужое все, не соответствующее его языку» (стр. 177—178). Характер и направленность подобных оценок, исторически изменчивых, отражает социально-психологическое восприятие речи у самих носителей языка. Отношение к диалектным особенностям речи трудно переоценить именно при культурно-речевом отборе языковых средств. Став с эпохи капитализма преимущественно языком деревни, крестьянства, диалектная речь, таким образом, социально обособилась[91]. Наиболее ярко это обособление проявлялось в досоветское время.

Дореволюционная деревня, безграмотная и отсталая, в глазах буржуазно-дворянского интеллигента — олицетворение бескультурья и серости. Проявляется это бескультурье прежде всего в речи, отсюда и пренебрежительное отношение к ней. Вот как описано в книге Н. Кузьмина «Круг царя Соломона» отношение гимназистов последнего класса к ярко выраженному местному колориту речи одного из своих учителей:

Провинциальный вятский говор Жмакина вызвал глумление, его то и дело поднимали насмех. Однажды он глубокомысленно обосновывал правило поведения, запрещавшее класть во время урока локти на парту: «Курточку *запа́чкаате*»[92]: парта-то *пы́льнаа* бываат

[90а] Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 177.

[91] «Русская диалектология», стр. 10.

[92] Формы *запа́чкаате*, *пы́льнаа* и под.— одна из стадий в живом процессе стяжения гласных вследствие утраты интервокального j, явления, присущего многим северновеликорусским говорам.

временами» ... Мы притворились, что не поняли: «Парта-то *пыльная бываат*?» На каком это языке? Он покраснел и ушел разозленный [93].

Здесь же, в этой же книге можно встретить и такие оценки, когда протест и насмешка в адрес диалектно говорящего лица проявляется у мастеровых-горожан, вчерашних выходцев из деревни.

Все в мастерской (портного.— *Т. К.*) разбрелись кто куда. Остался один Афоня. Он из дальней деревни, идти ему некуда. Приятелей он не завел, ребята на улице дразнили его «косоруким» Он был робок, выражался по-деревенски, его поднимали насмех. Он вздумал похвастать: «А у нас на селе девки тоже ходят нарядно. Платки носят по рублю, *а то и боле*».

— Эх ты, деревня: «*а то и боле*!»

Двинь его, Петька, наотмашь как чертей лупят!

Афоня пришел домой, утирая слезы, не столько от боли, сколько от обиды [94].

Социальная обоснованность «оценочного чувства», на которую указывал еще Л. В. Щерба, определяет резко отрицательное отношение со стороны носителей литературного языка к фактам местной речи и в наши дни.

Мы располагаем довольно большим и свежим фактическим материалом, где оценки диалектных особенностей речи получены от носителей языка методом прямого опроса. Журнал «Русская речь» (1967, № 1) поместил анкету, 5-й пункт которой спрашивает о наиболее распространенных ошибках устной и письменной речи. (Уже сама формулировка вопроса имеет культурно-речевую направленность). На анкету получено более 1300 ответов, из них 289 имеют указание на такие ошибки речи, происхождение которых связано с местным субстратом. Как правило, отвечали на анкету носители литературного языка: учителя-словесники, преподаватели высших учебных заведений, инженеры, врачи и др.

Обычно в ответе на анкету указание на наличие речевых ошибок местного происхождения дается в совокупности с другими речевыми ошибками (неправильная постановка ударения, многочисленные и разнообразные ошибки словоупотребления, скудость словарного запаса и т. п.).

Переплетчик со средним образованием из г. Ленинграда, (1937 г. рожд.) пишет: «Наиболее распространенные

См.: Т. С. К о г о т к о в а. Утрата интервокального *j* и стяжение гласных в русских говорах (автореф. канд. дисс.). Л., 1953, стр. 5—6.

[93] Н. К у з ь м и н. «Круг царя Соломона», М., Советский художник, 1966, стр. 184.

[94] Там же, стр. 30.

ошибки устной речи связаны с местными диалектами и неправильной постановкой ударений, а также частое употребление слов-паразитов». Но есть и такие ответы, авторы которых отмечают только одни диалектные ошибки. Журналист с высшим техническим образованием из Москвы: «Привычные областные выражения даже у вполне грамотных». Преподавательница русского языка из г. Тюмени (1922 г. рожд.) отмечает лишь одно: «диалектизмы». Студентка литфака Рязанского педагогического института (1948 г. рожд.): «В устной речи ошибки, связанные с диалектным произношением». Жительница г. Абинска Краснодарского края А. Н. Руденко: «В устной речи — смешивание местного диалекта с литературным языком». Учительница из Оренбургской области (1935 г. рожд.) пишет: «Наша местность отличается странным произношением глагольных форм: *пайдеть*, *вазьметь*, *пабег*. Все глаголы с [т'] и с [е] вм. [ё]. Заключая свой ответ, она указывает на тот ущерб, который наносят местные ошибки в обучении правописанию в школе.

По отношению к диалектному членению русского языка речевые ошибки, отмеченные корреспондентами «Русской речи», делятся на: а) ошибки, которые имеют точную территориальную локализацию — *т'* в 3-м лице глагола, яканье, совпадений флексий дат. и твор. пад. мн. числа существительных и прилагательных в форме дательного (*шли глухим тропам*), совпадение род. и дат. пад. ед. числа у сущ. жен. рода или в форме дательного (*у сестре*), или в форме родительного (*сказал Лиды*) и т. п. и б) ошибки, которые отражают живые тенденции развития народной речи, а посему не имеют строгой локализации, ибо отмечены они не только в диалектах, но и в просторечии (род. пад. мн. числа — *делов*, *местов*, выравнивание основ у некоторых глаголов — *хочу*, *хочем*, выравнивание супплетивных форм — *ложить*, *покласть* и под.). К этим двум группам речевых ошибок следует прибавить и те, которые связаны с влиянием украинского языка и которые в целом отражают южный вариант русского языка: *г* фрикативное [γ], несмягченные согласные перед *е* — [*зэр*]*кало*, с[эр]*дце*, *пио*[нэ]*р*, ударения в формах прошедшего времени *при́няла*, *по́няла*, *про́дала*; предложные конструкции *пришел со школы*, лексические — *дети играются*, *встаете*, *схо́дите* (в трамвае, автобусе и т. п.).

Каков же тот набор диалектно-просторечных особен-

ностей речи, в которых читатели журнала при заполнении анкеты выразили свое отрицательное отношение? [95]

В фонетике: [γ], [ў] *лáўка*, *удавá* и обратно *в н'éвб*; стяжение гласных (*играт*, *знат*, *холодну*, *хорошу*); диссимилятивное аканье (*выдá*); переход [а]>[е] между мягкими (*гр'ес'*, *пр'éн'ик*, *з'ет'*); произношение [хв] на месте [ф] (*хвáртук*); непереход [е] в [о] под ударением (*свéкла*, *пабéг*, *пайдéш*); оканье, еканье, цеканье (*цетя*), соканье (*куриса*), яканье (*няси*) и нек. др.

В морфологии. Очень распространенное в диалектах и полудиалекте выравнивание основы у глагола *хотеть* (всего 39 показаний); наиболее распространенный и последовательный вариант выравнивания основы *хотеть* идет по единственному числу: *хочу*, *хочешь*, *хочет*, *хочем*, *хочете*, *хочут*, реже и не во всех лицах идет выравнивание по множественному числу: *хотишь* (чаще — 10 показаний) и *хотит* (5 показаний). Чередующийся согласный основы (*ч/т*) в ненормированной речи диалекта или полудиалекта нередко закрепляется за иными лицами, чем в литературном языке: *хотишь*, *хочем*, *хочете* [96]. Следующей речевой ошибкой морфологического уровня читатели отмечают интенсификацию флексии *-ов* в форме род. п. мн. числа и оформление ею не только существительных мужского рода (как это имеет место в литературном языке), но женского и среднего (и особенно таких существительных среднего рода, как *местов*, *делов*,— 15 показаний). Формы *делов*, *местов* очень распространительны в полудиалектных сферах русского языка [97], и в то же время истоки этой интенсификации надо искать в диалектах [98]. Отрицательное отношение авторов ответов вызывают употребления отдельных существительных среднего рода в мужском или женском роде. Идущая из южнорусских акающе-якающих говоров утрата среднего рода в полудиалектных сферах русского языка особенно частотно представлена в лексемах *яблоко* (произносимое как *яблок* — муж. р.), *полотенце* (произносимое как *полотенец*), а также в согласовании некоторых слов среднего рода по женскому (*моя ведро*, *моя коромысло*) и по мужскому тоже (*новый*

[95] Перечень дается в порядке убывания ответов.
[96] Т. А. Дегтярева. Становление норм литературного языка. М., 1963, стр. 182.
[97] Там же.
[98] «Русская диалектология», стр. 114.

пальто, *красный платье*). Это наиболее активные морфологические особенности диалектной речи, которые, попадая в разговорные сферы общенародного языка, вызывают решительный протест у носителей литературного языка. Кроме того, читатели журнала отмечают употребление формы род. пад. ед. ч. существительных женского рода на *-а*, оканчивающиеся на *-е* (*у сестре*), а формы дательного пад. на *-ы* (*скажи Лиды*)[99], т' в 3-м л. глагола (*идеть*, *несуть*), род. пад. личного местоимения — *у мене* [100], форму им. пад. мн. ч. для слов *мать*, *дочь* — *матеря*, *дочеря*, форму тв. пад. мн. ч. существительных на *-амы* (*рукамы*), использование деепричастий прошедшего времени на *-ши*, *-вши* в значении глагола прошедшего времени [101] и единично некоторые другие особенности диалектной речи.

В лексике. Ответившие на вопросы анкеты решительно возражают против использования в речи таких диалектно-просторечных слов, как *булка хлеба*, *вертáть*, *вертáться*, *взáди*, *взáмуж*, *вчерáсь*, *где* в знач. ‘куда’, *евóный*, *éслив*, *закрыть* в знач. ‘запереть’, *задáром*, *замéсто*, *зазря́*, *застегáться*, *úхий*, *úхний*, *кáжный*, *лóжить*, *лячь*, *манéнько*, *мя́со* в знач. ‘говядина’, *навáлом*, *нá-вслух*, *нагинáться*, *нады́сь*, *напополáм*, *негóже*, *одéжа*, *оттéда*, *самá* в знач. ‘одна’, *сидáть*, *сколь*, *слáзить* (из автобуса), *тáма*, *тепéря*, *товáрка*, *тóжеть*, *упáнуть*, *упредúть*, *хужéе*, *чё*, *чевóй-та*.

Демонстрация речевых ошибок, связанных с влиянием диалектной речи, их количество и многообразие, ошибок, отмеченных самими носителями русского литературного языка, свидетельствует, с одной стороны, о строгости языкового вкуса и большой требовательности авторов

[99] Там же, стр. 99—100.

[100] Там же, стр. 103—105.

[101] Там же, стр. 116—117.— Об устойчивости этой диалектной особенности в речи, например исконных ленинградцев (в прошлом— петербуржцев), красноречиво говорят два таких свидетельства, одно из которых сделано в середине прошлого века, другое — в наши дни: «Самое резкое отличие, поражающее москвича с первого раза (в Петербурге),—это употребление деепричастий вместо (глаголов) прошедшего времени, например: *он вышедши* вм. *он вышел*, *он выпивши* или *он был выпивши* вм. *он выпил*». (Л. Л. Филологические наблюдения, «Сев. пчела», 1840, № 275); «В Ленинграде сплошь и рядом вместо: *она уехала в отпуск* говорят: *она уехавши в отпуск* (ответ на анкету № 1 журнала «Русская речь»,техник-конструктор, русский,1940 г.рожд.).

ответов на анкету к чистоте родного языка, с другой же они говорят о явной недостаточности культурно-речевой пропаганды, которая ведется в этом направлении всеми специалистами по русскому языку, начиная от учителей средней школы прежде всего.

Если попытаться разместить диалектные особенности, вызвавшие протест у корреспондентов «Русской речи», на шкале диалектизации, то большинство их займет место с нулевым потенциалом.

Наличие в диалектной речи таких языковых особенностей, которые есть и в литературно-нормализованном языке, пусть и в меньшем количестве, объясняет проникновение и их в разговорные и просторечные сферы русского языка. Примером этого может быть повсеместная экспансия флексии род. мн. *-ов*, в тех случаях, когда это не кодифицировано в литературном языке.

Наличие ее в просторечии и в разговорных сферах создает благоприятные условия для постоянного воздействия на литературные нормы. В лингвистической географии установлен авторитет одного из противопоставленных членов, являющегося принадлежностью нормализованного языка, в ряде иных противопоставленных диалектных различий [102]. Разработка подобных явлений составит основу языкового анализа шкалы диалектизации. Неодинаковая лексикализация флексии *-ов* в говорах и в литературном языке создает предпосылки для конкурирующего отбора [103], на шкале диалектизации эти явления займут среднее, промежуточное место.

Процессы сближения говоров с литературным языком сопровождаются интердиалектным распространением многих диалектных особенностей речи. В этой интердиалектной прикрепленности свойств местной речи выражается интенсивное развитие полудиалектных языковых структур, весьма характерных для речи современных городов и даже деревни.

---

[102] О. Н. Мораховская. Проблематика исследований, связанных с методом лингвистического картографирования. «Вопросы диалектологии восточнославянских языков». М., 1965, стр. 73.

[103] Очень интересные наблюдения и выводы по этому вопросу см.: Л. К. Граудина. *Носков* или *носок* (об одном приеме исследования).— ВКР, вып. VI. М., 1965; «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 66—85.

Что же касается лексических элементов, то интердиалектному распространению их способствует очень часто экспрессивный характер многих диалектных слов. (Эта экспрессивность заложена в самой прозрачной внутренней форме, в мотивированной словообразовательной структуре многих из них.) В свою очередь интердиалектное распространение многих местных слов значительно пополняет и укрепляет позиции просторечных сфер русского языка. Последние, как известно, хотя и не обладают прикрепленностью к ограниченной территории, тем не менее также противопоставлены нормализованному литературному языку.

Характерно, что 89 слов, получивших отрицательную оценку у читателей «Русской речи» (весь список),— либо просторечные, либо диалектные. Почти четвертая часть из них (21 слово) отмечена в словаре-справочнике «Правильность русской речи»; 34 слова в словаре говора д. Деулино и 21 в «Словаре русских старожильческих говоров по течению реки Оби» [104].

Таким образом, факты ставят исследователя перед проблемой миграции просторечных лексических элементов в некодифицированных разговорных, в том числе и диалектных, сферах русского языка. Наблюдения над диалектной стилистикой показывают многообразие и устойчивость так называемых просторечных слов в говоре, хотя не все из них и не всегда в системе говора можно квалифицировать как стилистически сниженные элементы словаря [105]. Экспрессивно-выразительные возможности говора всегда обновляются, ибо экспрессия всегда, как указывал еще Балли, обладает свойством утраты, свойством выветриваться [106]. Отсюда в говоре и постоянное стремление к обновлению эмоционально-экспрессивных средств выражения, постоянный поиск их и освоение, что является, на наш взгляд, одной из причин интердиалектного распространения диалектного просторечия.

Разбирая диалектные ошибки в ответах на анкету, мы обратили внимание на одно типичное и естественное обстоятельство: каждый автор ответа, высказавшийся против

---

[104] «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби», т. 1—3. Томск, 1964—1967.

[105] Более подробно об этом см.: Т. С. К о г о т к о в а. К вопросу о диалектной стилистике, стр. 318.

[106] Ш. Б а л л и. Французская стилистика. М., 1961, стр. 325 и сл.

одной (или ряда) ошибок местного происхождения, живет в той местности, в которой отмеченные им диалектные особенности локализуются.

Приведем отдельные примеры. Присущие многим курским говорам яканье (*нясú*), непереход [е] > [о] (*пабéг*), *т'* в 3-м л. глагола, южнорусский семантический диалектизм *где* (в знач. 'куда') отмечены преподавателем немецкого языка г. Курска (1924 г. рожд.) и учительницей русского языка из Щигровского р-на этой же области; характерное почти для всей территории северного наречия совпадение дат. и тв. пад. для существительных во множественном числе (*глухим тропам*, *заинтересовался новым книгам*) отмечено учительницей из Вологодской области; севернорусскую лексико-семантическую конструкцию *доходил до Шостакова* (в знач. 'был у Шестакова') отмечает киномеханик из г. Северодвинска; ленинградское *булка хлеба* вызывает протест у техника-технолога, проживающего в г. Ленинграде (1925 г. рожд.); стяжение гласных, интенсивно представленное в областях поздней колонизации в разных грамматических категориях, отмечается учителем (1909 г. рожд.) из Пензенской области: «Укорочение прилагательных *мы смотрели хорошу картину*, *пили холодну воду*; *отец работат на заводе* (укорочение в глаголе)»; указание на это же явление в глаголе *играт*, *читат*, *бегат* и т. п. сделано пенсионеркой (1903 года рождения) из Татарии.

К сожалению, в «биографической» части анкеты не содержатся такие очень важные для лингвосоциологического анализа вопросы, как «место рождения», «место, где прошло детство», «место наиболее продолжительного жительства», а имеется всего лишь один вопрос этого круга: «место жительства (область, район)».

Располагая лишь частичными сведениями, относящимися к языковой биографии автора ответа, мы не можем полностью судить ни о том, почему диалектные особенности речи квалифицируются им как речевые ошибки, ни о механизме восприятия диалектных явлений речи тем или иным носителем литературного языка. Ведь, как правило, данное восприятие осуществляется как бы «по контрасту» со своей собственной речью, при условии, если информант не уроженец данной местности (см. высказывание Э. Косериу, стр. 143). Но мы допускаем, что узнавание ярко выраженных особенностей речи возможно

и у самих выходцев данной диалектной среды. Сознательная и целенаправленная работа по преодолению первичных (т. е. наиболее контрастных литературному языку) диалектных признаков в собственной речи вырабатывает у диалектных по происхождению лиц своего рода рефлекс повышенного внимания к приметам родной местной речи. Этот рефлекс срабатывает и по отношению к речи другого лица, в речи которого обнаруживаются эти первичные диалектные особенности. По существу и в этом случае идет речь о восприятии фактов иной языковой системы. Разграничение двух категорий лиц, связанных происхождением с диалектом и не имеющих этой связи, имеет принципиальное значение для разработки проблемы восприятия речи и, в частности, в ее социопсихологическом аспекте.

Восприятие диалектной речи в целом и отдельных субстратных черт ее — одно из существенных звеньев культурно-речевой проблематики. Здесь не только много неизвестного и неизученного, но пока что нет достаточного количества наблюдений.

Одинаково ли воспринимаются черты диалектного субстрата в речи чужой и речи собственной? Как воспринимают остатки местного субстрата в собственной речи носители литературного языка и лица, не относящиеся к этой категории? Все ли диалектные особенности в собственной речи поддаются восприятию на слух? Каково взаимодействие между автоматизмом собственной речи и восприятием ее? Эти и многие другие вопросы пока что остаются открытыми. Нам доводилось, например, встречать такие факты языкового самосознания, когда остаточные явления оканья и еканья осознаются в собственной речи даже лицами, не относящимися к категории носителей литературного языка. И наоборот, известны русисты-языковеды (научные работники), которые в своей речи не слышат такой ярко выраженной диалектной черты, как диссимилятивное аканье [107].

Преодоление местных особенностей речи, даже если эта речь полностью подчинена самоконтролю и самонаблюдению,— процесс очень сложный и длительный.

---

[107] Об устойчивости диссимилятивного аканья см.: «Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского языка. Народные говоры», стр. 191.

Главной преградой в этом отношении является автоматизм, устойчивый и последовательный, присущий всякой родной речи. И мы не разделяем того оптимизма Э. Косериу, который полагает, что достаточно привлечь внимание «обучаемого» к местным особенностям своего произношения и «научить его артикулировать» нужные звуки, как за этим последует выправление речи [108]. Нельзя, например, не прислушаться к мнению А. Б. Пеньковского и не принять во внимание его аргументы. Пеньковский проделал большую исследовательскую работу, наблюдая на материале русского языка освоение литературного [г] в речи лиц, для которых материнским (исконным) является [γ] [109]. Для иллюстрации наших положений воспроизведем одно наблюдение А. Б. Пеньковского, в котором содержится прямое возражение Э. Косериу.

«На экзамене по диалектологии,— пишет А. Б. Пеньковский,— студентка-заочница Н., переехавшая в г. Владимир из Винницы, характеризуя севернорусские говоры, назвала «*г* взрывное» как черту, отличающую их от южнорусских говоров, где произносится «γ фрикативное». На вопрос экзаменатора о том, какой звук произносит она сама (в ее речи было отмечено преимущественно γ фрикативное при единичных случаях произношения взрывного *г*), Н. ответила: «Я произношу взрывное «*г*» по норме русского литературного языка».

Знание и осознание чуждых своей речи звуков — вещи далеко неодинаковые, именно поэтому весьма убедительным представляется и другое наблюдение А. Б. Пеньковского. Южнорусы, белорусы, украинцы, для которых исконен звук [γ] фрикативный, умеют артикулировать [г] взрывной, в частности, они легко справляются с ним в речи иностранной, и это тем не менее не влечет использование его последовательно и регулярно в речи русской.

---

[108] Э. К о с е р и у. Синхрония, диахрония и история. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 204 и сл.

[109] А. Б. П е н ь к о в с к и й. О некоторых закономерностях усвоения орфоэпических норм.— ВКР, вып. VIII. М., 1967, стр. 69.

ЕДИНИЦА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА ЯЗЫКА И НОРМА

Б. С. Шварцкопф

1. Рассматривая факты языка в плане культуры речи, мы, как правило, имеем дело не с понятием нормы вообще, а с конкретными нормами данного языка. Тем самым важное значение приобретает сложившееся разграничение и группировка норм соответственно иерархическим уровням языка, а понятие нормы (как общеупотребительного средства языка и закономерностей его употребления) неизбежно должно осложниться учетом специфических свойств рассматриваемой языковой единицы. Таким образом, на первый план выступает связь между понятием нормы и основными свойствами данных языковых единиц. Эта связь отчетливо сказывается, когда понятие нормы рассматривается применительно к фразеологическим единицам языка (далее — ФЕ) [1].

[1] Здесь будет рассмотрен нормативный аспект тех ФЕ, развитие которых обусловлено процессом фразеологизации устойчивых словосочетаний (т. е. параллельными процессами стабилизации формы и развития обобщенно-переносного значения словосочетания) и часть которых, с ослаблением и утратой мотивации, развивается — с разной степенью приближения — в сторону лексикализации. Таким образом, мы рассматриваем (в термино-

Фразеологическая единица (ФЕ) понимается нами как устойчивое сочетание двух или более полнозначных слов, обладающее в плане содержания фиксированным общим значением, не тождественным сумме значений всех составляющих, а в плане выражения — фиксированными компонентным составом и грамматическими (и орфоэпическими) характеристиками.

В силу сложности организации ФЕ, являясь органическим единством образующих ее разноярусных элементов, соотносительна с различными уровнями языковой иерархии [2]; тем самым ФЕ выступает как поле взаимодействия различных уровней языка. Это становится наиболее очевидным при нарушении норм ФЕ: отклонения от нормы могут касаться и значения (семантики), и компонентного состава (лексики), и грамматического оформления компонентов и всей ФЕ в целом (морфологии, синтаксиса), и произношения отдельных компонентов (фонетики), а также пересекающихся моментов — словообразовательного оформления какого-либо компонента (лексико-грамматического) и ударения (морфонологического) [3].

Фиксированный характер ФЕ и взаимосвязь разноярусны хэлементов ФЕ внутри нее позволяет уточнить понятие структуры нормы ФЕ в аспекте «отправителя

логии В. В. Виноградова) фразеологические единства и фразеологические сращения, оставляя в стороне класс фразеологических сочетаний: последним не свойствен процесс фразеологизации в указанном смысле, и по существу они являются результатом реализации единичной сочетаемости слова или фразеологически связанного значения слова, т. е. лексико-фразеологическими вариантами слова.

[2] Необходимо оговорить, что в дискуссии об автономном «фразеологическом уровне» мы стоим на точке зрения отрицания последнего. Такой взгляд основывается на понимании специфики фразеологии, сформулированном Е. Д. Поливановым («Введение в языкознание для языковедных вузов». Л., 1928, стр. 60—61). Достаточно аргументированную критику выделения автономного «фразеологического уровня» см.: В. Н. Телия. О термине «фразема».— «Проблемы лингвистического анализа (фонология, грамматика, лексикология)». М., 1966, стр. 190—192; Она же. Фразеология. «Теоретические проблемы советского языкознания». М., 1968, стр. 264, 268.

[3] Примеры соответствующих нарушений норм ФЕ см.: Б. С. Шварцкопф. Фразеологические единицы в отношении к языковой норме. «Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе». Вологда, 1967, стр. 51—52.

речи» [4]. В этом аспекте норма ФЕ регулирует воспроизведение данной ФЕ в речи с учетом всех ее характеристик:

1) в плане выражения:

А) воспроизведение компонентного состава ФЕ;

Б) воспроизведение грамматической организации ФЕ:

а) внутренней: морфологического оформления компонентов; синтаксической конструкции словосочетания (или предложения); порядка следования компонентов (если он является фиксированным, ср. *как пить дать*);

б) внешней: установление грамматических связей ФЕ с контекстом (в предложении) — изменение «грамматически стержневого» компонента [5] (если формы компонентов ФЕ не являются целиком фиксированными, ср. *от нечего делать*), морфолого-синтаксическое оформление слов — «спутников» ФЕ («окружение» ФЕ) [6];

В) воспроизведение орфоэпических и акцентологических особенностей компонентов ФЕ (в устной речи);

2) в плане содержания — воспроизведение семантических и стилистических характеристик ФЕ, условием чего является:

А) непротиворечие смыслового контекста общему (суммарному) значению ФЕ;

Б) непротиворечие стилистического контекста стилистической окраске данной ФЕ (отсутствие нежелательных стилистических эффектов).

Таким образом, организующий принцип нормы ФЕ обусловлен ее фиксированным характером: воспроизводятся в речи и компонентный состав, и внутренняя грамма-

[4] В аспекте «получателя речи» норма ФЕ может быть характеризована как процесс сопоставления данного в речи ФЕ с «нормативным образцом — эталоном» (по Л. В. Щербе — «самопроверка»), причем возможна бóльшая или меньшая сложность процесса сопоставления в зависимости от характера «образца» — системного или «индивидуального» (см.: Б. С. Шварцкопф. Фразеологические единицы в отношении к языковой норме, стр. 53—55).

[5] Ср.: Отдельные части ФЕ «могут грамматически изменяться, но это изменение лежит не в плане введения в речь каждой из них в отдельности, а в плане введения всей единицы в целом» (А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 208); для фразеологической единицы характерна принадлежность внешних связей «всему сочетанию как целому», см.: М. Т. Тагиев. Глагольная фразеология современного русского языка (опыт исследования фразеологических единиц по окружению). Баку, 1966, стр. 24.

[6] См.: М. Т. Тагиев. Указ. соч.

тическая организация ФЕ (ФЕ — словосочетание или предложение — не «строится» из лексем по готовому синтаксическому каркасу, а каркас дан говорящему или пишущему уже заполненным); даже варьирование внутри ФЕ не отменяет самого принципа — возможности варьирования заданы нормой данной ФЕ (см. об этом далее).

Усложнение принципа (не просто «воспроизведение») имеет место как результат необходимости осуществления связей ФЕ с контекстом. Так, в плане выражения внешняя грамматическая связь ФЕ — при вхождении ее в состав предложения — требует соответствующих изменений «грамматически стержневого» компонента: обычно последний представлен именем существительным в именных и глаголом в глагольных (и глагольно-именных) ФЕ, рассматриваемых в данном случае с точки зрения конструкции словосочетания; нулевая изменяемость форм компонентов характерна для ФЕ — словосочетаний, эквивалентных наречию [7].

Еще более усложнен принцип «воспроизведения» в плане содержания — многообразие семантико-стилистических отношений делает необходимым установление двусторонних связей между ФЕ и контекстом (что усиливается и мотивами выбора средств высказывания).

2. Выше говорилось о том, что нарушение нормы ФЕ всегда корреспондирует с одним из взаимодействующих в ФЕ уровней. И поскольку норма ФЕ органически включает в себя параметры функционирования образующих ФЕ разноярусных элементов, то с необходимостью встает вопрос о взаимоотношении нормы фразеологической единицы и норм единиц различных языковых уровней. Это взаимоотношение может рассматриваться в двух разных планах.

А. Соотношение нормы ФЕ и норм единиц различных уровней языка (норм «свободного» употребления).

По сравнению с последними норма ФЕ выступает как более сложная, многообразная структура. Нормы разных языковых уровней в принципе однопланны, они регулируют функционирование единиц одного какого-либо языкового уровня: орфоэпические нормы — только произношение слова, акцентологические нормы — только ударение слов и форм, грамматические (морфологические и синтаксические) — только морфологическую структуру

[7] См. общий обзор грамматического строения ФЕ в кн.: Н. М. Шанский. Фразеология современного русского языка. М., 1963, стр. 60—72.

слова (морфологические) и связь слов в словосочетании и предложении или структуру предложения (синтаксические); даже лексико-семантические нормы, регулируя употребление слова (его значение и отбор), не охватывают такого количества планов, как норма ФЕ.

Норма ФЕ многопланна, комплексна, включает в себя все те аспекты, которые по отдельности свойственны той или иной норме «свободного» употребления. Норма ФЕ, определяя параметры употребления всех разноярусных элементов ФЕ, выступает как бы сложением конкретных норм разных уровней.

Б. Соотношение нормы «свободного» употребления единицы определенного языкового уровня и нормы соответственного «одноуровневого» элемента структуры ФЕ.

И здесь налицо принципиальное различие между конкретной нормой единицы какого-либо уровня языка и соответствующим моментом нормы ФЕ. Конкретная лексическая норма регулирует реализацию лексемы во всех ее взаимосвязях с другими единицами лексики; конкретная грамматическая норма регулирует реализацию какого-либо элемента парадигмы, словосочетания или предложения в их системных отношениях с другими единицами рассматриваемого класса, и т. д. Но такие многообразные, присущие единицам разных языковых уровней, выявляемые в реализации системные связи оказываются в ФЕ ограниченными или сведенными к минимуму (иногда даже к нулю).

Исследования показывают, что слова в ФЕ не обладают собственным значением (ибо значение части здесь подчинено целому) и не реализуют свойственных им как лексемам отношений с другими словами (синонимических, антонимических и др.); соответственно морфологическая форма компонентов и синтаксическая конструкция ФЕ воспроизводят (или точнее — стремятся воспроизводить) системные грамматические отношения[8] .(Исключение состав-

[8] «В строгом смысле фразеологизм не представляет собой сочетания слов. Он лишь генетически, т. е. по своему происхождению, словосочетание или предложение. Слова в составе фразеологизма утрачивают (независимо от того, в какой степени) признаки слов: свое лексическое значение, формы изменения, грамматические категории, свою синтаксическую функцию. Связи и отношения между элементами (или компонентами) фразеологизма в силу этого перестают быть связями между словами. Значит, и структурная организация фразеологизма перестает быть собственно

ляют элементы внешней грамматической связи ФЕ с контекстом, но они реализуются не всегда в объеме регулярной парадигмы, а часто — по урезанной программе, соответственно накладываемым нормой ФЕ ограничениям.)

Ср. такие выводы: «В синтагматическом плане для составных элементов фразеологизма характерны следующие свойства: ограничение или полная утрата в составе фразеологизма потенциала сочетаемости; неспособность замещаться синонимами или местоименными словами; неспособность к логическому или аффективному выделению при помощи грамматических и фонетических средств. Изучение компонентов фразеологизма в парадигматическом плане выявляет ряд признаков, связанных с частичным или полным отрывом от системы соотносительных форм, утрату в известной мере формальных признаков соответствующих классов слов» [9].

Кроме того, следует обратить внимание на возможность наличия в составе ФЕ таких слов, значений и форм, которые не соответствуют современному состоянию системы данного языка и, будучи изолированы, уже отвергнуты конкретными нормами данного периода.

Таким образом, ФЕ представляется неким «микромиром», в пределах которого не происходит регулярная реализация системы языка: элементы ФЕ, как правило, имеют фиксированный характер, а парадигматика ФЕ ограничена (в различной степени для разных ФЕ). Эта картина делает ясной роль нормы ФЕ в развитии последней; это развитие представляет собой процесс стабилизации, закрепления в составе и форме ФЕ «ограничений» функционирования элементов ФЕ,— норма ФЕ, таким образом, уре-

---

структурной организацией словосочетания» (А. И. Молотков. Фразеологизм в его соотношении со словом и словосочетанием. «Исследования по грамматике и лексикологии. Республиканский межведомственный сборник». Киев, 1966, стр. 99). См. также: С. Г. Гаврин. О закономерностях функционирования и развития фразеологического состава русского языка (грамматический аспект). «Вопросы общего и русского языкознания. Материалы VI научно-методической конференции кафедр русского языка педвузов Уральской зоны». Оренбург, 1967, стр. 167.

[9] З. Н. Левит. Некоторые итоги изучения составных элементов фразеологических эквивалентов слова (на материале французского языка). «Координационное совещание по сравнительному и типологическому изучению романских языков. Тезисы докладов и сообщений» [Ин-т языкознания АН СССР]. Л., 1964, стр. 45.

зает возможности системы в этом «микромире» и фиксирует ограниченные параметры функционирования разноярусных элементов ФЕ (а также «консервирует» устаревшие элементы). И если функция нормы вообще состоит в определении характера реализации системных отношений путем накладывания на них ограничений, то функция нормы ФЕ — в сведéнии реализации системных отношений к минимуму, в ограничении ограничений. Но поскольку действие регулярных правил системы сведено в ФЕ к минимуму, постольку резко, до возможного максимума возрастает роль самой нормы ФЕ. Ее определяющее действие в синхронном плане проявляется в защите и сохранении фиксированных параметров функционирования ФЕ: тем самым норма ФЕ осуществляет свою «охранительную» функцию.

Такая оценка значения нормы в процессе формирования ФЕ не может, однако, служить основанием для отнесения ФЕ к «разряду единиц уровня нормы». К такому выводу пришла Е. Н. Толикина [10]. Ее аргументация базируется как на решающей роли нормы в стабилизации значения и параметров употребления ФЕ, так и на понимании «системности» ФЕ как вхождения ФЕ в синонимический ряд (вместе со словами и словосочетаниями), где доминантой является опорное слово, и, следовательно, как установления синонимических связей со словом. Эта аргументация внутренне противоречива (не говоря уже о непоследовательности, с которой речь ведется об отнесении к уровню нормы то ФЕ, то ее значения): первое, сущностное, противоречие состоит в подмене диахронического плана синхроническим (ФЕ, развиваясь «от нормы к системе», «входит в языковую систему» и тем не менее относится к уровню нормы!); второе противоречие вытекает из разграничения Е. Н. Толикиной уровней системы и нормы, что, очевидно, предполагает следование известной теоретической схеме уровней Э. Косериу — между тем смыслу концепции Э. Косериу противоречит отнесение ФЕ или ее значения к уровню нормы, т. е. уровню обязательных реализаций системы [11].

Итак, если вернуться к вопросу о соотношении конкретной нормы какого-либо языкового уровня и соответствующего «одноуровневого» аспекта нормы ФЕ, то следует видеть специфику нормы ФЕ в двойном ограничении реализации системных отношений в ФЕ (и в вытекающем

[10] Е. Н. Толикина. О критериях фразеологической единицы. «Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе (тезисы)». Череповец, 1965, стр. 29; Она же. О природе и характере синонимических связей фразеологической единицы и слова. «Очерки по синонимике современного русского литературного языка». М.— Л., 1966.

[11] Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 175.

отсюда «консерватизме» ФЕ). Но ведь «микромир» ФЕ существует в «макромире» языка, и естественно встает вопрос о влиянии на ФЕ развивающейся системы языка и соответственно — конкретных норм единиц различных языковых уровней.

3. Рассматривая факторы, воздействующие на степень давления системы, Э. А. Макаев отмечает также ослабление давления системы по направлению от низших уровней к высшим (последние — с единицами более сложной архитектоники, с большей сложностью парадигматических и синтагматических отношений); в то же время давление системы ослабевает и в отношении «реликтовых типов ...выпадающих из широких парадигматических рядов», особенно при скрещении различных уровней, в том числе синтагматического и лексического [12].

Здесь уместно напомнить, что еще Е. Д. Поливанов характеризовал фразеологию как «соизмеримую» с синтаксисом, но в то же время изучающую «не общие типы, а индивидуальные значения данных конкретных словосочетаний — подобно тому, как лексика имеет дело с индивидуальными (лексическими) значениями данных слов» (см. выше прим. 2 на стр. 154).

Следовательно, фразеология представляет собой участок, где регулярная реализация системных возможностей ограничена еще и нормой ФЕ и где налицо условия для ослабления действия давления системы. По существу ФЕ, выходя из недр системы (т. е. развиваясь на базе словосочетаний и предложений, созданных по действующим моделям языка), в дальнейшем имеет тенденцию «выламываться» из языковой системы, и можно сказать, что стабилизировавшаяся ФЕ с большей силой ощущает давление ее нормы, чем системы языка [13].

---

[12] Э. А. Макаев. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц.— ВЯ, 1962, № 5, стр. 49—50.

[13] См. любопытную параллель: «... соотносительный удельный вес явлений нормы и системы в языковом строе зависит от типологических признаков языка. Так, в языке изолирующего типа явления нормы имеют едва ли не больший удельный вес, чем сами явления системы» (Н. Н. Коротков. Норма, система и структура как этапы анализа и описания языкового строя. «Спорные вопросы грамматики китайского языка». М., 1963, стр. 11). Ср. также замечания Э. Косериу о языках, у которых система преобладает над нормой, и о языках, у которых норма преобладает над системой (Э. Косериу. Указ. соч., стр. 237—238).

Если еще учесть замечание Э. А. Макаева о «понижающем» влиянии лексикализации на давление системы [14], то можно построить следующую приблизительную схему соотношения силы давления системы на разные типы ФЕ (в сравнении со «свободными» словосочетаниями).

«Свободные» словосочетания	Фразеологические единицы	
	прошедшие процесс фразеологизации	лексикализованные
I	II	III
1	уменьшается от 1 к 0	→0

К нулю стремится давление системы в фразеологических сращениях, особенно с нулевой изменяемостью форм — «нетипичных» или «атипичных» (III)[15]; в фразеологических единствах (II) степень уменьшения от 1 зависит от степени ограничения парадигматики ФЕ.

Однако, несмотря на «охранительную» функцию нормы ФЕ, давление системы на ФЕ и соответствующих конкретных норм единиц разных языковых уровней на норму ФЕ в ряде случаев имеет своим следствием нарушение «микромира» ФЕ. Можно выделить несколько типичных случаев давления системы и норм соответствующих языковых единиц на ФЕ и ее норму (по результатам и последствиям для рассматриваемых ФЕ).

Заслуживает рассмотрения давление системы на ФЕ, включающие в свой состав в качестве компонентов реликты прежних состояний языка. В отдельных случаях воздействие системы и норм современного языка обладает достаточной силой для того, чтобы: 1) устранить устаревшую форму или 2) создать вариантность ФЕ, при которой чередуются устаревшая и современная форма. Ср.:

1) *пуститься во все тяжкие* — при устаревшем *пуститься во вся тяжка́я*; *язык прилип* (*присох*) *к гортани* — из устаре́вшего (библейского) *прильпе язык к гортани*

[14] Э. А. Макаев. Указ. соч., стр. 52.

[15] «... они не представляют собой реализации никакой языковой модели... В плане парадигматическом фразеологические сращения изолированы» (Ю. Степанов. Французская стилистика. М., 1965, стр. 158).

моей [16]; ср. также случай «ремотивации идиомы с десемантизированным элементом» в английском: to eat *humble* pie ‘смиряться, унижаться’ (буквально ‘съесть скромный пирожок’) — из to eat *umbles* pie с тем же общим значением (где устаревшее umbles значило ‘внутренности, требуха’) [17];

2) *на босу // босую ногу* — из *на босу ногу* (развитие вариантности *босу // босую* легко объяснимо на фоне современной нормы употребления кратких прилагательных).

Таким образом, в первом случае, при сохранении границ ФЕ, «осовременивается» — за счет замены устаревших компонента или формы — состав и форма ФЕ, что ведет к смене устаревшей нормы ФЕ новой; во втором — происходит расширение границ ФЕ за счет появления варианта, соответственно расширяются и границы нормы ФЕ.

Иногда, однако, давление системы на ФЕ и его последствия не учитываются в конкретных исследованиях и при кодификации ФЕ. Характерный случай — ударение в ФЕ с предложно-именными сочетаниями в современном русском языке. Так как стабилизация ФЕ, содержащих предложно-именные сочетания, проходила, по всей вероятности, тогда, когда в языке действовала тенденция переноса ударения с имени на предлог, норма закрепила ударение в соответствующих ФЕ на предлоге. В современном же русском языке действует противоположная тенденция — переноса ударения с предлога на значимую часть (типа *на́ берег* → *на бе́рег*). Эта тенденция в очень значительной степени затрагивает ударение и в устойчивых сочетаниях, что приводит к колебаниям, к реальному сосуществованию акцентологических вариантов ФЕ в сфе-

---

[16] Неправомерно отождествление процессов «выравнивания» формы глагола (*прильне* → *прилип*, *прилипал*), т. е. действия давления системы и нормализации (см.: Р. И. Попов. О природе фразеологических единиц и некоторых особенностях в их развитии. «Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию», ч. I. Самарканд, 1966, стр. 222; Он же. О природе фразеологических единиц и некоторых особенностях в их развитии. «Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума». Тула, 1968, стр. 299).

[17] Н. Н. Амосова. Основы английской фразеологии. Л., 1963, стр. 91.

ре устной и разговорной речи, типа единично отмеченного в словаре под ред. Д. Н. Ушакова: *брать за́ сердце* (и *за се́рдце*). Однако кодификация (грамматики, словари) до сих пор почти не отражает этого процесса, видимо, потому, что в лингвистической литературе преобладает мнение, согласно которому норма ударения на предлоге осталась для устойчивых сочетаний непоколебленной [18], а ударение в предложно-именных сочетаниях на предлоге рассматривается как «специфическое фразеологическое ударение» [19]. Так в настоящее время в результате давления системы образовался разряд ФЕ, который — в силу переживаемого им процесса перераспределения ударения — нуждается в детальном обследовании и в соответствующей кодификации.

Расхождение между нормами ФЕ и соответственными конкретными нормами единиц разных языковых уровней, особенно «апарадигматичность» и консерватизм первых — все это приводит к тому, что нормы многих ФЕ оказываются изолированными, не поддерживаются ни системными отношениями (давлением системы), ни нормами «свободного» употребления, ни нормами других ФЕ, и наоборот — колеблются, подрываются ими. Такое изолированное положение норм ФЕ само по себе ослабляет их действенность, оставляя простор для возможных колебаний.

Это можно наблюдать на ударении в компонентах ФЕ. Так, выше приводился пример появления *пуститься во все тяжкие* из устарелого *пуститься во вся тяжка́я*: немотивированность формы (*вся тяжка́я*), по-видимому, усугублялась здесь также немотивированностью ударения. Подобные случаи изолированности нормы ФЕ при немотивированности (для современного языка) ударения могут приводить и к отступлениям от нормы; ср.: Шагают, тревожно и чутко, | Больными глазами кося, | Верблюды — пожалуй не чудо, | Прошли — *и недо́лгая вся* (А. Халдеев. Искренность. Баку, 1964, стр. 36) — при традиционном *и вся недолга́*. Пример этот типичен также в том отношении, что проведенный нами опрос показал: большинство опро-

[18] С. И. О ж е г о в. Очередные вопросы культуры речи.— ВКР, вып. 1. М., 1955, стр. 23—24.

[19] А. М. Э м и р о в а. Об отражении некоторых аспектов эволюции языка во фразеологических единицах. «Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию», ч. II, стр. 253.

шенных (лиц с законченным высшим образованием) не знало данной ФЕ. Очевидно, что незнание какой-либо ФЕ является благоприятным условием возможности отклонения от нормы в области ударения при чтении (как для ФЕ, так и для лексики вообще). Неслучайно считается необходимым в печати для ряда ФЕ довольно регулярно отмечать ударение в тексте (например, *голова пошла кру́гом* и др.).

Надо отметить, что возможность отклонения от нормы всегда может быть достаточно высокой, когда дело касается малоупотребительной ФЕ, особенно с немотивированным в современном русском языке или реликтовым элементом,— и не только в устной речи. Так, евангельское выражение *гроб повапленный* иллюстрируется в толковых словарях исключительно примерами XIX — начала XX в. Но ср. в современном переводе: ...люди будут бежать от тебя, как от *гроба повапленного*... (А. Дюма. Сорок пять, ч. 3, XXI, М., 1965, стр. 520, пер. с фр. А. С. Кулишер и Н. Я. Рыковой). Это, конечно, опечатка, но она подчиняется закономерностям «осмысленности ошибочного чтения», сформулированным Б. В. Томашевским, и в рассматриваемом случае сводится к «замене непонятного или непривычного понятным и привычным» [20].

Но давление системы может быть и причиной регулярности, типичности некоторых отклонений от нормы ФЕ — в тех случаях, когда отклонение вызвано стремлением привести какой-либо компонент в соответствие с современным состоянием языка. Характерный пример этого — употребление выражения *мороз по коже подирает* (*дерет*, *пробегает*) с компонентом *продирает*, распространенное в устной разговорной речи и проникшее в практику печати. Смысл замены *подирать* однокоренным глаголом — в стремлении к ремотивации ФЕ, в том, что *подирать* представляется «старым» и «непонятным» [21]. И характерен факт канонизации этого варианта во «Фразеологическом словаре русского языка» (М., 1967) — она вызвана признанием в данном случае силы давления системы. Это становится понятным из подбора в статье словаря иллюстраций,

[20] Б. В. Томашевский. Писатель и книга. Очерк текстологии. Л., 1928, стр. 28.— Аналогичный пример ср. там же, стр. 35.

[21] Л. П. Крысин, Л. И. Скворцов. Правильность русской речи. Словарь-справочник. Изд. 2, М., 1965, стр. 117.

содержащих примеры из Гоголя, Тургенева, Л. Толстого, Чехова, Горького, А. Н. Толстого и др. и не включающих ни одного случая употребления *продирать*; таким образом, кодификация варианта с *продирать* должна быть основана на «рядовых» примерах из картотеки, отражающих давление системы.

Здесь необходимо сказать о типичных путях действия давления системы на ФЕ: оно осуществляется преимущественно через устную речь, которая обычно является менее нормированной (менее строгой), чем письменная. Проводником нормы ФЕ является преимущественно письменная речь (а особенно печатная речь, как правило, включающая в себя ряд промежуточных звеньев обработки); именно в печатных источниках, благодаря сознательному стремлению подражать литературным образцам, поддерживается традиция узаконенного кодификацией употребления. Исключение составляет, как уже указывалось, область ударения в ФЕ, где — при отсутствии проставленного ударения — может иметь место чтение согласно современным акцентологическим нормам (и, следовательно, письменная или печатная форма не является препятствием для осуществления давления системы).

Особый случай — когда ФЕ испытывает давление ч у ж о й системы (и соответствующих норм); возможность этого заключена, как правило, в двуязычии. Можно отметить две разновидности этой ситуации.

А) Давление системы и соответствующих норм другого языка (так в русском литературном языке XVIII—XIX вв. образовались семантические кальки, преимущественно французского языка, ср. также смешанные случаи типа *строить куры*). Здесь речь идет о взаимодействии двух близкородственных языков. Ср.: Да, это, конечно, следует *взять во внимание* (П. Шелест. Прозрение. «Нева», 1966, № 4, стр. 145); [Борисюк] Тут все надо *брать во внимание* (В. Ардаматский. Возмездие, гл. 34. «Нева», 1967, № 11, стр. 31); Ссылка на то, что все начато «с колышка», больше *не берется во внимание* (Н. Лаптев, Ю. Черниченко. Большие проблемы целины. «Правда», 12 марта 1968 г.) — в данном случае сказывается влияние украинского *взяти* (*брати*) *до уваги* (вм. *принять во внимание*) [22]. Процесс

[22] Ср. также отмеченное в Аннинском р-не Воронежской обл. (территория, где наблюдается взаимодействие русских и украинских диалектов) устойчивое словосочетание с «диалектной конструк-

взаимодействия украинской и русской норм может быть в данном случае интерпретирован как контаминация в результате буквального перенесения первого компонента украинской ФЕ (*взяти*, *брати*) в русскую ФЕ, близкую материально и тождественную по значению [23].

Б) Давление системы литературного языка и норм соответствующих единиц литературного языка на ФЕ в диалектах. Ср. «подравнивание» диалектных ФЕ к фразеологии литературного языка: *баклуши обива́ть* > *бить баклуши*, *сломя головы́* > *сломя го́лову* и под. [24]

Таким образом, давление системы (как и конкретные нормы единиц разных языковых уровней, служащие проводником давления системы) извне противостоит «охранительной» функции нормы ФЕ. Однако это противодействие не исключает наличия сферы взаимодействия нормы ФЕ и давления системы — такой сферой является вариантность ФЕ.

4. В советской лингвистике стало общепризнанным понимание вариантности как закономерного свойства фразеологии, а вариантов ФЕ — как сосуществующих общеупотребительных разновидностей ФЕ, различие между которыми есть результат чередования элементов состава и формы ФЕ, при непременном тождестве смыслового значения. Наметилось выделение разных фразеологических вариантов, которое принято связывать: а) с тем, какие языковые уровни затрагивает чередование (соответственно различают лексико-семантические, словообразовательные, морфологические, синтаксические, орфоэпические, акцентологические варианты, на них могут наслаиваться также стилистические различия); б) с тем, как меняет (или не меняет) чередование количество компонентов ФЕ (различают квантитативные и квалитативные

цией» — *внимания не берет* (Е. Н. Ш е с т а к о в а. Соединения слов как один из типов диалектных устойчивых словосочетаний. «Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе (тезисы)». Череповец, 1965, стр. 142).

[23] В связи с ошибочным *один за одним*, *одна за одной* составители «Правильности русской речи» отмечают: «ср. украинское *один за о́дним*, которое, возможно, повлияло на появление подобного оборота в русской речи» (стр. 136).

[24] И. А. О с с о в е ц к и й. Влияние литературного языка на говоры. «Русский язык и советское общество (проспект)» Алма-Ата, 1962, стр. 117—118.

варианты, первые — с чередованием «компонент — нуль компонента»).

Фразеологическая вариантность находит свое объяснение в самих внутренних свойствах и принципах организации ФЕ: в фиксированности состава и формы ФЕ, в специфичности смысловых отношений между компонентами, когда значение составляющих несущественно (или не столь существенно) для значения целого,— все это вместе взятое значительно ограничивает или сводит к минимуму роль отдельного компонента по сравнению с целым. Ср., например, такие аргументы: «Внутренняя форма фраземы настолько устойчива в понимании говорящих, что изменение ее словарного состава не влечет ее разрушения и говорящими сплошь и рядом не замечается» (А. В. Яковлевская) [25]; «...вариантность компонентов фразеологизма — это одна из коренных особенностей формы фразеологизма, основанная на том, что компонент фразеологизма утратил признаки слова (лексические значения, формы изменения, синтаксические функции и т. п.) и поэтому может быть в составе фразеологизма заменен своим вариантом без какого бы то ни было ущерба для самого фразеологизма как со стороны формы, так и со стороны его значения» (А. И. Молотков)[26]; «Чем прочнее соединены компоненты, тем больше возможность потери одного или нескольких из них» (М. В. Коровникова) [27].

Таким образом, наличие вариантов ФЕ не нарушает тождества ФЕ, но делает проблему этого тождества более сложной: ФЕ выступает как совокупность (сумма) всех возможных своих вариантов [28]. Варианты ФЕ санкциони-

---

[25] «Материалы III межобластной конференции кафедр русского языка педвузов Поволжья (тезисы докладов)». Куйбышев, 1959, стр. 48.

[26] «Нормы современного русского литературного словоупотребления». М.— Л., 1966, стр. 103. Ср. также: Л. П. Крысин, Л. И. Скворцов. Правильность русской речи, стр. 86.

[27] «Вопросы языкознания», 1965, № 6, стр. 147.— Ср. также: «Когда эллипсис не ощущается говорящим, то есть когда сознание говорящего не стремится восстановить недостающее слово (или недостающие слова), эллипсис является показателем того, что элементы словосочетания уже не воспринимаются по отдельности» (Ш. Балли. Французская стилистика. М., 1961, стр. 107).

[28] «Совокупность фразеологических вариантов на всех уровнях представляет собою ФЕ» (В. Л. Архангельский. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1964, стр. 135).

руются нормой и подпадают под действие ее «охранительной» функции (норма ФЕ допускает беспрепятственное употребление любого из санкционированных вариантов, но запрещает употребление другого — хотя и материально близкого — словосочетания в значении данной ФЕ). Но это означает и бóльшую сложность структуры нормы ФЕ, заданной двумя (или более) вариантами нормы. При фиксированном характере ФЕ, когда «активная организующая роль говорящего при употреблении фразеологизма в его традиционной форме сведена к минимуму»[29], это усложнение структуры нормы ФЕ означает на одну степень меньшую градацию принудительности, оставляя свободный выбор того или иного варианта.

В связи с вариантностью ФЕ должна быть рассмотрена и проблема понимания границ нормы ФЕ. Для ФЕ, не обладающих вариантностью, проблема эта предстает как вопрос о соответствии или несоответствии ФЕ норме литературного языка, решающийся однозначно: данная ФЕ является либо литературно-нормированной (если по характеру употребления принадлежит литературному языку или одному из его стилей), либо ненормированной (если по характеру употребления принадлежит нелитературным, некодифицируемым сферам языка). Так, ко второй категории относятся многие — просторечные и жаргонные — ФЕ; некоторые из них вообще не фиксируются словарями, например: *всю дорогу* ‘всегда’ (ср.: А он, Бармалей, не притворяется, он, честный, *всю дорогу* правду-матку режет. «Искусство кино», 1967, № 3, стр. 27), *дать шороху* (ср.: Вот все пацаны в нашем классе кинулись к точным наукам. «Хочешь *дать* в жизни *шороху*, рубай по точным наукам!» — «Нева», 1966, № 5, стр. 22; Ведь Серега талант, он еще *даст шороху*, тогда схватятся. — «Звезда», 1966, № 7, стр. 111) и др. под.

Таким образом, для ФЕ, не обладающих вариантностью, граница нормы проходит между двумя ФЕ — свойственной и несвойственной литературному употреблению. Наличие вариантности ФЕ, «раздвигая границы устойчивости фразеологической единицы»[30], делает проблему значи-

[29] Н. Н. Амосова. Указ. соч., стр. 162.

[30] А. В. Кунин. Фразеологическая вариантность и структурная синонимия в современном английском языке. «Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе», стр. 151.

тельно более сложной. Прежде всего возникает вопрос о соотношении границы нормы ФЕ с границей ФЕ[31]. Если границы ФЕ — в связи с вариантностью ФЕ — выступают как сумма ее вариантов, то граница нормы ФЕ может быть понята как сумма литературно-нормативных вариантов данной ФЕ. Однако, что совершенно очевидно, не все варианты ФЕ могут быть признаны литературно-нормированными; ср., например, *падать духом* и диалектное *опада́ть духом* (см. ниже). Следовательно, границы нормы ФЕ могут быть не тождественны границам ФЕ.

Отношения между границей ФЕ (суммой всех ее вариантов) и границей нормы ФЕ (вариантом или вариантами ФЕ, узаконенными литературным употреблением) могут быть представлены двумя случаями: 1) граница ФЕ и граница нормы ФЕ совпадают; 2) граница ФЕ шире границы нормы ФЕ (третий случай: граница ФЕ у́же границы нормы ФЕ — теоретически невозможен).

Ср., например: 1) *глядеть // смотреть в оба*; *отвечать // ручаться головой*; *как будто // словно // точно пелена // покров // завеса с глаз спала // упала*; 2) *пролить // пустить слезу — пустить цикорий* ([Позднышев] — Быстро ты, милый, *цикорий пустил.*— А. Штейн. Между ливнями, д. I); *вверх тормашками //* (устаревающ.) *вверх тормашки— кверх(у) тормашками* ([Одутловатый]... Вся карьера может полететь *кверх тормашками.* — Л. Обухова. Доброта, д. 3, карт. 6. «Звезда», 1964, № 3, стр 35); *падать духом — опада́ть духом* (Н. М. Каринский. Очерки языка русских крестьян. Говор деревни Ванилово. М.—Л., 1936, стр. 136; ср. также: [Титов В. А.] Кожух был геройский вояка! Он *не опадал духом* и всех подбадривал.— А. Топоров. Крестьяне о писателях. М., 1967, стр. 255); *на босу ногу — на босой ноге*, *во весь дух — на весь дух* (В. Б. Силина. О некоторых типах диалектной фразеологии. «Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия», вып. II, 1961, стр. 167).

---

[31] Понятие «границы ФЕ» расматривается здесь с точки зрения ее фиксированных компонентного состава и грамматической организации. В связи с этим трудно согласиться с Л. И. Ройзензоном и И. В. Абрамец, отождествляющими «компонентный состав фразеологизма» и «границы фразеологизма» («Русский язык в школе», 1968, № 2, стр. 112): ведь границы ФЕ включают в себя ее варианты, а последние могут различаться не только компонентами, но и их морфологической формой и синтаксическими связями.

Во втором случае (2) соотношение вариантов ФЕ схематически может быть представлено как «литературно-нормированный — нелитературный» (один или более), а граница нормы ФЕ проходит внутри ФЕ, между ее вариантами — литературно-нормированным и нелитературным [32].

Эти типы соотношений способны к изменениям. Один из возможных путей изменения — переход варианта из литературного языка в некодифицированные сферы употребления; ср. *одним словом — одно слово*, где *одно слово* в современном русском языке может быть квалифицировано как просторечное (результат устаревания данного варианта). Другое (и наиболее типичное) изменение — в сторону узаконения ранее нелитературных вариантов (типично и то обстоятельство, что подобные варианты ФЕ развиваются в некодифицированных сферах языка). Характерный пример этого взаимоотношение вариантов *посадить, сесть в калошу // галошу* [33], где под влиянием «олитературивания» произносительного варианта (благодаря мощной поддержке со стороны употребления в деловой и торговой сфере) последний стал литературно-нормативным. Можно сказать, что на наших глазах имело место расширение границы ФЕ и совпадение ее с границей нормы ФЕ.

Однако подобный результат не является обязательным, и расширение границы ФЕ не ведет автоматически к расширению границы литературного употребления данной ФЕ. Показателен случай развития в современном русском языке вариантности *сбросить // скинуть // снять //*

[32] Ср. рассуждение Н. С. Трубецкого о переднеязычном и увулярном *ч* в различных европейских языках: «В славянских языках, а также в итальянском, испанском, венгерском, новогреческом нормой является переднеязычное *ч*, увулярное же *ч* расценивается либо как дефект произношения, либо как признак снобистской манерности, реже (например, в словенском...) — как диалектная особенность. Наоборот, в немецком и французском увулярное *ч* (точнее, разновидности увулярного *ч*) считается нормой, а переднеязычное *ч* — либо диалектным отклонением от нормы, либо признаком архаизированной речи (например, *ч* французских актеров). Во всех этих далеко не редких случаях само распределение вариантов является «нормой» (Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 53; разрядка наша — *Б. С.*).

[33] Подробно о развитии этих вариантов см.: Б. С. Шварцкопф. *Сесть в калошу — сесть в галошу* (об одном случае вариантности в фразеологии).— ВКР, вып. VII, М., 1966, стр. 179—185).

списать со счётов // счёта // счетóв[34]. В последнее время границы этой ФЕ расширились (помимо ремотивации *счётов → счёта // счетóв*) и за счет вариантов с глаголом *списать*: появление их связано с контаминацией между выражением *сбросить... со счетов...* и глаголом *списать* со специфическим для торгово-финансовой сферы значением [35]. Развитие вариантов со *списать* не в силу специфических для ФЕ процессов (демотивация — ремотивация; оживления внешних лексико-семантических связей компонента), а не силу контаминации, результаты которой обычно не выходят за рамки речи[36], препятствует пока узаконению этих вариантов в литературном языке.

Таким образом, рассмотрение соотношения границы ФЕ и границы нормы ФЕ естественно ставит вопрос об объективных основаниях различения нормативности и ненормативности вариантов ФЕ (о критериях нормативности см. выше, в статье В. А. Ицковича «Норма и кодификация», а также в нашей статье «Очерк развития теоретических взглядов на норму в советском языкознании»). Эта проблема включает в себя ряд более частных, укажем здесь на некоторые из них.

Так, в исследовании, посвященном культуре речи, важно разграничивать узус и литературную норму; принятие какого-либо варианта ФЕ узусом (общераспространенность) является необходимым условием для узаконения варианта как литературного. Другой признак литературно-нормированных вариантов ФЕ — их заданность свойствами данной языковой единицы, т. е. обусловленность характерными (семантическими и структурными) свойствами ФЕ (ср. выше о варианте *списать со счетов*). Не менее важным представляется также отнесенность варианта ФЕ к литературному языку или одному из его стилей

[34] Подробно о развитии этих вариантов см.: Б. С. Шварцкопф. Фразеологизм *сбросить со счетов* и его варианты.— ВКР, вып. VIII, М., 1967, стр. 169—175.

[35] Ср.: «Возможно, что выражение *зашибить муху* возникло позднее, чем *задавить муху, убить муху*, в результате контаминации этих выражений с глаголом *зашибить — зашибать* в значении ‘выпивать, иметь склонность к выпивке’» (В. В. Виноградов. О серии выражений *муху зашибить, муху задавить, муху раздавить, муху убить, с мухой, под мухой*. «Русская речь», 1968, № 1, стр. 84).

[36] Ср.: «... контаминированные соединения всегда имеют характер отступления от нормы» (Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). М., 1966, стр. 73); для фразеологии это во всяком случае так.

(соотнесение стилистических характеристик вариантов и всей ФЕ является одной из самых больших трудностей в исследовании и при кодификации ФЕ).

Следовательно, литературно-нормированный вариант должен характеризоваться, как минимум, тремя признаками: 1) общераспространенность (т. е. принятие узусом), 2) заданность структурными и семантическими свойствами ФЕ и 3) узаконенность (закрепленность) варианта литературным употреблением. При кодификации ФЕ как литературной (например, в словарях) предполагается наличие всех трех признаков (можно сказать, что они выступают как последовательные этапы испытания варианта ФЕ на литературную нормированность).

5. Рассматривая употребление ненормативных вариантов ФЕ как отклонение от литературной нормы, следует иметь в виду, что сами эти отклонения от литературной нормы могут быть двух родов. В одних случаях, подобных рассматривавшимся в предыдущем параграфе, это о т с т у п л е н и я от литературной нормы в другие (нелитературные, некодифицируемые) сферы употребления — просторечную, жаргонную или диалектную. Такое употребление санкционируется нормами не литературной, а другой, соответствующей сферы; следовательно, отступление от литературной нормы связано с наличием ряда функциональных сфер в современном русском языке. Между тем в других случаях мы имеем дело с н а р у ш е н и е м, собственно я з ы к о в о й о ш и б к о й: нарушаются закономерности функционирования, «запрограммированные» свойствами данной языковой единицы.

Таким образом, если отступления от литературной нормы представляют собой (по схеме Э. Косериу) реализации системы, не узаконенные (литературной) традицией, то нарушения литературной нормы затрагивают (по схеме Э. Косериу) систему языка (ср. деление Ю. А. Бельчиковым отклонений от норм литературной речи на: а) несоблюдение общеобязательных «структурных черт» и б) «варианты или параллельные способы выражения по отношению к литературному языку» [37]). Это разграничение представ-

[37] Ю. А. Б е л ь ч и к о в. О нормах литературной речи.— ВКР, вып. VI, М., 1965 (о классификации норм в данной работе см. в нашей статье «Очерк развития теоретических взглядов на норму в советском языкознании»).

ляется тем более необходимым, что имеют место случаи, когда традиционная норма ФЕ вступает в противоречие с литературной нормой единицы какого-либо языкового уровня; пример этого — указанное выше *на босу ногу* (форма компонента *босу* противоречит нормам литературного употребления кратких прилагательных, что и привело — под давлением системы — к развитию и кодификации вариантности *на босу // босую ногу*).

Ошибки в употреблении ФЕ в речи разнообразны [38], но при всей их многочисленности бóльшая часть их восходит к одному источнику — несоблюдение «правил» воспроизведения ФЕ в речи (см. § 1). Как уже было сказано, эти «правила» образуют структуру нормы ФЕ в плане «отправителя речи», отражая характерные свойства ФЕ как единицы языка (разноуровневость составляющих элементов, их фиксированность или ограничение парадигматики). Но соотвественно и отклонения от нормы ФЕ вытекают из характерных свойств ФЕ, предопределены этими свойствами. Следовательно, норма ФЕ, фиксируя параметры употребления всех разноуровневых элементов ФЕ, намечает те границы, когда конкретное употребление может быть квалифицировано как нарушение нормы данной ФЕ [39].

В частности, нарушения нормы ФЕ могут быть связаны с количественной стороной. Это или а) опущение какого-либо из обязательных компонентов ФЕ при воспроизведении в речи (например: [Таиров] — Давайте *раскинем* — почему «Патетическая соната» нравится нам... — М. Жаров. Жизнь и роль. «Театр», 1965, № 2, стр. 76; ср. в «Фразеологическом словаре русского языка»: *раскинуть умом, мозгами*); или б) смысловая избыточность (тавтологичность) каких-либо слов в контексте, связанных с ФЕ и содержащих уже наличествующие в ФЕ значение или оттенок (например: «Жизнь *вошла в* нормальную *колею*»—заголовок, «Комс. правда», 19 дек. 1964 г.; «... это лишний раз позволяет убедиться, насколько быстро молодой поэт

[38] D. Buttler i H. Satkiewicz. O typach błędów frazeologicznych. «Poradnik językowy», 1960, sesz. 1 и 2.

[39] Ср.: «Материальная сторона нормы фиксируется в устной и письменной речи в произношении и отборе слов, в грамматиках и словарях, а идеальная сторона проявляется в разного рода функциональных отклонениях от нормы» (М. В. Черепанов. Система и норма в эволюции языка. «Основные проблемы эволюции языка», ч. II, стр. 429).

стал на с в о и *ноги*»— Л. Емельянов. Продолжение знакомства. «Звезда», 1967, № 2, стр. 205).

Но, очевидно, неправомерно было бы ограничить нарушения нормы ФЕ рассмотрением тех уровневых элементов ФЕ, «правила» воспроизведения которых не соблюдены в каждом конкретном случае (нарушения лексических, словообразовательных, морфологических, синтаксических, орфоэпических, акцентологических норм): такая классификация дает представление только о «внутриединичной» стороне механизма ошибочного употребления ФЕ. Между тем значительное число отклонений от нормы ФЕ связано и с взаимодействием в речи одних ФЕ с другими (а также со свободными словосочетаниями и отдельными словами), чаще всего — в рамках синонимических рядов, членами которых являются соответствующие ФЕ, свободные словосочетания и слова [40].

Наиболее характерным для ФЕ в этом отношении является процесс контаминации — смешения в речи двух языковых единиц, сходных по значению или по структуре, объединяющего в своем результате элементы обеих единиц. Основанием смешения чаще всего могут явиться общие лексические компоненты взаимодействующих ФЕ, ср.: Еще недавно оба эти мастера далеко *не играли роли «первых скрипок»* даже в студенческой сборной страны... (А. Суэтин. Растут новые бойцы.— «Правда», 9 апр. 1969 г.) — здесь контаминированы ФЕ *играть роль* и *играть первую скрипку*.

Результат контаминации обычно не выходит за пределы речи, а сама контаминация является типичной речевой ошибкой (см. прим. 36). При этом, однако, контаминации достигают в устной разговорной речи значительной частотности, ср., например, ставшие уже банальными примеры типа *иметь роль — играть значение* (последнее, кстати, встретилось в тексте «Очерка современного литературного языка» А. А. Шахматова, изд. 4, М., 1941, стр. 105) и мн. др.

Не рассматривая здесь всех типов ошибок в употреблении ФЕ в речи, мы должны заметить, что разнообразные их случаи могут обладать значительной степенью распространенности (подобно таким известным ошибкам, как *заставляет желать много лучшего* вм. *оставляет, пока*

[40] См.: Е. Н. Т о л и к и н а. О природе и характере синонимических связей фразеологической единицы и слова.

суть да дело вм. *суд* и др.). Но регулярными обычно становятся те нарушения нормы ФЕ, причиной которых является давление системы, направленное на какой-либо элемент ФЕ, не соответствующий современному состоянию языка; ср. приведенное выше *на босую ногу* и *мороз по коже продирает* — регулярность употребления привела к кодификации их в качестве вариантов ФЕ в «Фразеологическом словаре русского языка».

Фактором, способствующим появлению нарушений нормы ФЕ, может явиться также утрата мотивированности компонентов и их форм: «... разрушение образного стержня фразеологизма может привести также к колебаниям в его оформлении, поскольку самое строение его перестанет выражать живые семантико-синтаксические связи» [41]. В результате могут иметь место такие случаи несоответствия формы компонента в речи форме, фиксированной нормой ФЕ, как, например, *кондрашка хватила* вм. *хватил*, ср.: Если бы старый джентльмен был здесь, его б *кондрашка хватила* при виде такого святотатства,— заметил Генри (Д. Лондон. Сердца трех, гл. 14, пер. Т. А. Кудрявцевой); Лавров кладет трубку и удовлетворенно добавляет: — При получении данного известия Гитлера *хватила кондрашка* (А. Злобин, Г. Титов. «... и остался в живых», кн. I, гл. 4. «Молодая гвардия», 1966, № 6, стр. 27) [42].

Говоря о нарушениях нормы при употреблении ФЕ в речи, было бы принципиально неверно оценивать их как «разрушение фразеологизма», его «деформацию». Нарушение нормы ФЕ может усложнять, затруднять процесс коммуникации дополнительными (отрицательными) эмоциями — если нарушение воспринимается как таковое слушающим или читающим; но сам процесс коммуникации (передачи информации и взаимопонимания) при этом, как правило, все равно достигает цели. Исследователи отмечают, что факт контаминации, в частности, свидетельствует об устойчивости восприятия ФЕ как единицы языка и, следовательно, об «известном безразличии к значению компонентов в силу преобладающего веса общего значения

[41] Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, стр. 239.

[42] О регулярности этой ошибки свидетельствует и то, что составители «Фразеологического словаря русского языка» такое употребление показали узкими прописными буквами — как особенности формы фразеологизма (стр. 203).

фразеологизма»[43]. Даже весьма далеко отходящее от компонентного состава и структуры ФЕ обыгрывание ее в художественных и публицистических текстах (по терминологии большинства исследователей — «обновление» ФЕ) воспринимается читателями более или менее адекватно замыслу автора в силу соотнесения этой «вариации на фразеологическую тему» с ФЕ как единицей языка, с ее устойчивыми параметрами.

Таким образом, нарушение нормы ФЕ не затрагивает ее целостности как единицы языка, если «сознательное изменение или бессознательная ошибка... реализуются в тех точках структуры, которые не выполняют различительной функции»[44]. В. Н. Телия связывает это положение с тезисом А. Мартине, согласно которому звуковые реализации, если «они составляют непривычное отклонение, слегка выходящее за пределы нормальной области рассеивания, но не в сторону каких-либо других фонем, они ни в коей мере не угрожают взаимопониманию»[45]. Однако даже те нарушения нормы ФЕ, которые направлены «в сторону каких-либо других фонем»,— контаминации, не колеблют целостности двух взаимодействующих ФЕ (результат контаминации в речи не тождественен ни первой и ни второй). Исключение составляют редкие случаи контаминации одновременно многих ФЕ, ср.: [Бальнев] Он-то и *сыграл с нами заглавную ноту* (Н. Жернаков. Белая ночь в окне, гл. 5. «Юность», 1966, № 7, стр. 14) — здесь можно предположить участие в контаминации таких выражений, как *разыгрывать как по нотам*, *играть в кошки-мышки*, *играть в прятки* (*жмурки*), *играть* (*ломать*) *комедию*, *сыграть* (*злую*) *шутку*, *заглавная роль*, но в целом результат контаминации как выражение не может быть соотнесен ни с одним из них и потому представляет собой бессмысленную величину (даже из контекста неясно, какой смысл можно ему приписать).

---

[43] Г. Я. Дементьева. Семантико-стилистические особенности фразеологических выражений в современном русском языке (канд. дисс.). Алма-Ата, 1955, стр. 14.

[44] В. Н. Телия приходит к этому выводу в связи с рассмотрением аналогичной проблемы — тождества ФЕ при наличии ее вариантов (В. Н. Телия. Что такое фразеология. М., 1968, стр. 72).

[45] А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, стр. 72.

Кроме того, могут иметь место сравнительно редкие случаи нарушения семантических норм, когда противоречие общего значения ФЕ (неправомерно употребленной вместо другой, диктуемой содержанием) смысловому контексту настолько велико, что делает невозможным адекватное понимание сообщения. Например: Зыбин понял, что Фофочка снова, как говорил Хват, *«запел Лазаря»*. (Хват не знал точно, что означает это выражение, но полагал, что оно точно определяет смысл Фофочкиных разговоров о любви) (Я. Голованов. Заводная обезьяна. «Юность», 1967, № 9, стр. 53) — в то время как *петь лазаря* означает: «Прикидываться несчастным, стараясь разжалобить, плакаться на свою судьбу, участь» («Фразеологический словарь русского языка»). См. также: Кто видел этот спектакль, тот не может не согласиться со мной, а кто не согласен, *тому*, как говорится, *земля пухом* (Ю. Герман. О Мейерхольде. В кн.: Ю. Герман. Операция «С новым годом». М., 1964, стр. 399); Артисту, предположим, нужно сказать: «Настоящая любовь не каждому суждена. А те, кто мирится с суррогатами,— что ж, *да будет им земля пухом*... Как говорится, «не Флобер», но нормальная фраза (Ю. Герман. Дело, которому мы служим. «Советская культура», 18 июня 1964) — тогда как поговорка эта относится к покойнику (ср. в словаре В. И. Даля: «Дай бог, чтоб земля на нем мягким пухом лежала» — т. III, М., 1955, стр. 544; ср. также: «Sit tibi terra levis» (лат). «Да будет тебе легка земля» (выражение, употребляемое в надгробных речах и некрологах) — «Словарь иностранных слов» (М., 1941, стр. 794).

Все это приводит к мысли, что при исследовании ФЕ в культурно-речевом плане следует разграничивать два аспекта—коммуникативный и нормативный[46]. Нарушение нормы (как социально закрепленной традиции) не равнозначно нарушению процесса коммуникации (сообщения и взаимопонимания). Притом конкретное исследование пределов взаимообусловленности между нарушением нормы и взаимопонимания может способствовать выработке научной методики описания нормы.

---

[46] В связи с этим разграничением см. понятия «коммутация» и «коммутационная проверка» у Л. Ельмслева (сб. «Новое в лингвистике», вып. I, М., 1960, стр. 331 и сл.; вып. II, М., 1962, стр. 126 и след.) и «критерий ошибки» у Ю. С. Степанова («Основы языкознания». М., 1966, стр. 115—116).

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ И КУЛЬТУРА РЕЧИ

Г. А. Золотова

§ 1. В области синтаксиса проблемы культуры речи группируются вокруг решения двух основных вопросов:

1. Как правильно строить речь. Трудности русского синтаксиса, вызывающие типичные ошибки, рассматриваются в более или менее традиционном наборе многими пособиями по стилистике и литературному редактированию. По существу это сфера практической грамматики.

2. Как отбирать правильные построения в соответствии со стилистической и коммуникативной целесообразностью речи [1]. Этот вопрос синтаксис решает в содружестве со смежными областями — семантикой и стилистикой [2].

Всякая синтаксическая конструкция в системе языка существует в ряду других конструкций, более или менее близких по смыслу и по стилевой окраске. «Ведь развитой литературный язык представляет собой сложную систему

[1] Ср.: Г. О. Винокур. Проблема культуры речи. «Русский язык в сов. школе», 1929, № 5.

[2] «Исследование вопросов культуры языка тесно связано с задачами и содержанием стилистики языка и стилистики речи» (В. В. Виноградов. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания.— ВЯ, 1962, № 4, стр. 18).

стилей, обладающих разными средствами выражения — соотносительными и нередко синонимическими»[3]. Говорящий (или пишущий) бессознательно, либо с большей или меньшей осознанностью, в процессе речи совершает выбор (более или менее удачный) из ряда возможных одной конструкции, необходимой для выражения требуемого смысла в данной речевой ситуации.

Эта объективно существующая в языке возможность выбора средств выражения является естественной базой для стилистики.

Сопоставимые синтаксические конструкции в ряду, предоставляющем возможности выбора, принято называть синтаксическими синонимами. Следует признать, что принципы и условия сопоставимости синтаксических конструкций в синонимическом ряду, несмотря на наличие многих работ по синтаксической синонимике, остаются невыясненными[4].

Определение этих принципов, а следовательно, определение самого объекта синтаксической синонимики продолжает быть одной из актуальнейших задач стилистики и культуры речи в области синтаксиса.

Описание синтаксических средств, обслуживающих каждый из функционально-речевых стилей современного русского языка и создающих многообразие речевых жанров, еще не подготовлено ни теоретически, ни практически. В настоящей работе могут быть обсуждены вопросы о структурных основах синтаксической синонимии, а также некоторые аспекты распределения синтаксических конструкций на главной стилистической оси, противопоставляющей устно-разговорную речь письменно-книжной как с точки зрения отбора, так и с точки зрения правил построения.

§ 2. Исходя из представления о сопоставимости синтаксических синонимов в ряду, из которого выбирается один из наиболее целесообразных вариантов, следует разобраться в том, какие основания позволяют считать их сопоставимыми.

---

[3] Там же, стр. 5.

[4] Аналогично оценивается состояние изучения лексической синонимии: «Объективные трудности исследования синонимов сводятся к тому, что не выработаны критерии выделения синонимов...» (Ю. Д. Апресян. Проблема синонима.— ВЯ, 1957, № 6, стр. 85).

Вопрос о том, что считать критерием синтаксической синонимичности — смысловую или конструктивную общность, решался с переменным успехом в пользу то одного, то другого из этих критериев [5]. Однако этот вопрос, как и многие другие синтаксические проблемы, не может быть решен дизъюнктивно. Плодотворнее представляются не поиски доминанты в паре «форма и содержание», а выявление их органической связи в соответствующих структурных единицах.

Проблема синтаксической синонимики исчезает, если отвлечься от смысловой общности сопоставляемых конструкций. Равным образом синтаксическая синонимика в отличие от лексической не может строиться на логико-семантической основе, минуя собственно синтаксис.

Поэтому синтаксическими синонимами можно назвать те конструкции, которые однородны с точки зрения структурно-смысловой и функциональной, но различаются семантическими оттенками (в пределах общего их значения) и стилистической окраской.

Под «конструкциями» здесь понимается любая синтаксическая единица, но иерархия их должна быть установлена таким образом, чтобы элементарные, низшие единицы в силу своих свойств и функций были составными элементами высших единиц, а высшие в свою очередь по определенным правилам составлялись из низших [6].

Соответственно этому условию примем за элементарную единицу синтаксическую форму слова, а за высшую [7] — предложение. В самом деле, предложение составляется не из слов, а из форм слов, причем предложения определенных типовых значений — из определенных синтаксических форм слов [8]. Так, предло-

[5] См. об этом: М. М. Игнатьева. К истории развития определения синтаксических синонимов. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина». М., 1964.

[6] Из общего положения, что словосочетания — это строительный материал для предложения («Грамматика русского языка», т. II, ч. 1. М., Изд-во АН СССР, 1954, Введение, стр. 10), не вытекает, что словосочетания являются структурными элементами, регулярно создающими те или иные типы предложений.

[7] *Высшая* здесь не в значении превосходной степени. Различного рода типы объединений предложений в сложные синтаксические целые составляют особый объект стилистического синтаксиса.

[8] Более подробное обоснование излагаемого здесь подхода к синтаксису см. в ст.: Г. А. Золотова. О структуре простого предложения в русском языке.— ВЯ, 1967, № 6.

жение, сообщающее о действии предмета, организуется сочетанием синтаксической формы имени в номинативе и личной синтаксической формы глагола, соответствующей семантики; предложение, сообщающее о признаке предмета, организуется обычно сочетанием имени в номинативе и одной из синтаксических форм прилагательного — полного в именительном или творительном падеже или краткого; предложения, сообщающие о количестве предметов, организуются сочетанием синтаксической формы имени в родительном падеже, называющей исчисляемый предмет, и разными, но тоже определенными, формами, называющими количество; предложения, сообщающие о состоянии субъекта, передают разные оттенки этого значения сочетаниями определенных форм: субъект может быть выражен формой имени в дательном при выражении состояния формой предикативного наречия, безличного глагола, фразеологического сочетания (*мне не спится*, *мне грустно*, *ей плохо*, *ему не по себе*); субъект может быть выражен формой имени в винительном при некоторых безличных глаголах (*его знобит*, *ломает*, *тошнит*); субъект может быть выражен синтаксической формой «*у* + род. пад.» при выражении состояния отвлеченным именем в номинативе и другими способами (*у него лихорадка*, *озноб*, *у нее обморок*; *у нее головная боль*; ср.: *у нее болит голова*); субъект может быть выражен формой «*с* + тв. пад.» при выражении состояния номинативом, предикативным наречием (*с ней обморок*, *истерика*; *с ним плохо*); субъект может быть выражен синтаксической формой имени в номинативе при выражении состояния личной формой глагола состояния или отвлеченным существительным в форме «*в* + предл. пад.» (*он сердится*, *она грустит*; *он в ударе*, *в ярости*, *в панике*) и т. д.

Понятие синтаксической формы складывается, таким образом, как единство категориально-семантического значения слова, его морфологической формы и служебного слова (предлога для предложно-падежных форм имени). Синтаксическая форма слова представляет собой грамматическую абстракцию иной ступени, чем морфологическая словоформа, и служит обозначением структурно-смысловых элементов, из сочетания которых и возникают предложения.

Синтаксические формы создают, таким образом, инвентарь синтаксических обозначений, или инвентарь синтаксических элементов, в различных функциях участвующих

в тех или иных синтаксических построениях. Предложения, организованные из определенных сочетаний синтаксических форм, представляют собой средства коммуникации, сообщения.

Из различения плана номинативных единиц и плана коммуникативных единиц («Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, Введение) вытекает очевидная целесообразность дифференцированного изучения а) синтаксической синонимики в области предложений и б) синтаксической синонимики в области строевых элементов предложений, в области синтаксических форм слов.

Синтаксические формы слов подробнее будут рассмотрены ниже, но здесь важно еще отметить, что разные виды синтаксических форм выполняют различную роль в предложения: одни — служат структурными элементами предложения, другие — неструктурными. Так, среди синтаксических форм имени различаются неуправляемые формы и управляемые.

Неуправляемые синтаксические формы (традиционно их обычно называют слабоуправляемые) могут употребляться как структурные компоненты предложения (организующие его предикативную основу и распространяющие ее добавочными смыслами), так и в присловной позиции, как определители слова. В присловной позиции синтаксические формы структурной роли не играют, с их помощью создается распространенный компонент предложения, распространение определяемого ими слова. Поскольку структурно-смысловое значение этих форм не зависит от синтаксической позиции, здесь нет ни управления, ни вообще подчинения. С определяемым словом, связь с которым основана на смысловой координации, они создают поэтому не собственно словосочетание, а аналог словосочетания.

Управляемые, связанные синтаксические формы, в отличие от неуправляемых, в предложении участвуют только в присловной неструктурной позиции. Управляемые формы распространяют слова относительного значения, нуждающиеся для полноты смысла в зависимых словах и задающие, предсказывающие их формы. Вне связи с управляющим словом, вне образуемого этой связью словосочетания, связанная форма не реализуется. Кроме управляемых, в аналогичную связь вступают формы родительного приименного, а также адъективные и наречные определители.

В качестве иллюстрации предлагается несколько предложений, в которых прямой чертой разделены структурные компоненты, простые и распространенные, а пунктирной намечены внутренние границы в аналогах словосочетаний.

Казаки | разбудили меня | на заре (Пушкин): Однажды | русский генерал | из гор ¦ к Тифлису ¦ проезжал (Лермонтов); И зонтик | у него | был в чехле, | и часы | в чехле ¦ из серой замши (Чехов); Иногда | я | возвращался ¦ из города | в полном унынии ¦ из-за какой-нибудь неудачи (Паустовский); Вознесся ¦ в Космос | человек, | Секретом неба овладел (Л. Мартынов).

§ 3. Потребность выразить мысль, содержанием которой является тот или иной аспект отношений реальной действительности, находит себе соответствующую форму, модель предложения, существующую в данном языке для выражения именно этих отношений действительности.

Структурно-семантическое понятие типового значения предложения может составить основу для синтаксической синонимии предложений [9]. В качестве предварительной посылки примем, что модели, выражающие данное типовое значение, могут быть рассматриваемы как синтаксические синонимы.

Известно, однако, что одна и та же мысль может быть выражена в одном и том же языке (а тем более — в разных) различными способами. Что позволяет при этом видеть в разных предложениях одну и ту же мысль? При каком условии сохраняется идентичность этой мысли в разных ее выражениях?

Решающим условием, по-видимому, будет сохранение организующих предложение структурно-смысловых элементов, которые и являются носителями данного типового значения. Существование разных способов их соединения, их приведения в предикативную связь позволит различать основные и вариативные модели для выражения того или иного типового значения.

Рассмотрим примеры: *Футболистов — тысячи. Футболистов* насчитывают *тысячи*. Число *футболистов* достигает *нескольких тысяч*; доходит до *нескольких тысяч*, со-

---

[9] Некоторые положения данного раздела опубликованы автором в ст. «Структурные основания синтаксической синонимии» («Русский язык в нац. школе», 1968, № 6).

ставляет *несколько тысяч*; Число занимающихся футболом в нашей стране достигло внушительной цифры. Армия *футболистов* сейчас составляет *свыше двух миллионов* человек («Веч. Москва», 17 янв. 1964 г.).

Каждое из предложений этой серии отличается от других известными оттенками, но объединяет их общее смысловое назначение: сообщение о количестве названных предметов. Смысловыми центрами, константами, носителями содержания, следовательно, во всех вариантах остаются название предмета и название количества.

Но первое предложение отличается от других тем, что представляет собой наиболее экономный, с минимальной затратой языковых средств, способ выражения данного типового значения. Смысловые центры его являются и структурными центрами, организующими предикативную основу предложения. Иными словами, в нем совпадают единицы плана содержания и единицы плана выражения.

Во всех остальных примерах этой серии смысловые центры — формы слов, называющих предмет и его количество, утрачивают роль структурных центров: эту роль берут на себя слова, которые в смысловом отношении, как и в грамматическом, являются вспомогательными. Грамматически они «несут на своих плечах» структуру предложения, в значительной мере опустошенную, неполноценную, ибо двусоставность, глагольность не служит выражению действия предмета. Это скорее пустой грамматический каркас, наполненный не соответствующим структуре содержанием. В смысловом отношении «несущие» слова (*число ..., количество..., армия...*; *насчитывается*, *достигает*, *составляет*, *превышает* и под.) помогают выявлению смыслового назначения предложения, «подсказывая» его своим лексическим значением. Получается своеобразное перераспределение функций между лексикой и грамматикой, особый вид их взаимодействия.

Таким образом, соотношение содержания и формы различно в разных моделях. Модель, выражающую типовое значение минимальными языковыми средствами, при совпадении смысловых и грамматических центров, назовем о с н о в н о й.

Модели, выражающие типовое значение при посредстве вспомогательных лексико-грамматических средств, следовательно, характеризующиеся конструктивно-распределенной избыточностью и несовпадением смысловых и

грамматических центров, назовем вариативными. Вариативные модели по отношению к основным могут быть рассматриваемы как их *синтаксические синонимы*, отличающиеся стилистической окраской.

Условием сопоставимости моделей в пределах одного типового значения является, таким образом, лексико-семантическая тождественность (возможна словообразовательная производность) смысловых центров, или констант, организующих данное типовое значение, при различии в способах грамматического оформления этих центров.

Таково же соотношение основной и вариативных моделей в пределах других типовых значений. Например, в предложениях, характеризующих предмет по его признаку, свойству, морфологизованный способ выражения признака (именем прилагательным) является самым экономным. Другие способы выражения того же значения требуют вспомогательных средств. Ср.:

Манера рассказчика лаконична;

Манера рассказчика *отличается* / *характеризуется* лаконичностью;

Манеру рассказчика *отличает* / *характеризует* лаконичность;

Манере рассказчика *свойственна* / *присуща* лаконичность;

Для манеры рассказчика *характерна* / *типична* лаконичность;

Лаконичность — *свойство* / *особенность* манеры рассказчика и т. п.

Во всех вариативных моделях, в отличие от основной, «несущие» слова как бы овеществляют смысловые отношения между «несомыми», названиями характеризуемого предмета и его признака, и принимают на себя роль структурных организаторов предложения (именное по существу, предложение формально становится глагольным, характеризуемый предмет оттесняется на позиции «второстепенного члена» и т. д.).

Такие же вспомогательные лексико-грамматические средства выявления типового значения применяются в описательных, вариативных моделях предложений, сообщающих о состоянии (изменении состояния) субъекта. Ср.:

Больной все хуже;
Больная *чувствует себя* все хуже;
Состояние больной ухудшается, и т. п.

Перенос структурной нагрузки с семантических центров на вспомогательно-несущие слова, лексически способствующие выявлению смыслового назначения предложения, наблюдаем и при сопоставлении основных и вариативных моделей других типовых значений, например значений наличия, отсутствия, обладания (У фирмы оснащенная база; Фирма *имеет* оснащенную базу; Фирма *владеет*, *обладает*, *располагает* оснащенной базой; Фирма — *обладатель*, *владелец* оснащенной базы и т. п.; В работе есть недостатки; Работа *не без* недостатков; В работе *имеют место* недостатки; Работа *не лишена* недостатков и т. п.; В работе *нет* недостатков; В работе *не имеется* недостатков; В работе *отсутствуют* недостатки; Работа *отличается отсутствием* недостатков и т. п.), значения квалификации предмета, явления через родовое понятие (Слон — млекопитающее; Слон *относится*, *принадлежит к классу* млекопитающих; Слон — *представитель класса* млекопитающих и т. п.), значения причинно-следственной связи (Гордость его — от самолюбия; Гордость его *объясняется* самолюбием; *Причина* его гордости — самолюбие; *Причина* его гордости *заключается* в самолюбии; Гордость его — *следствие* самолюбия; Гордость его *является следствием* самолюбия и т. п.) и др.

Важно заметить, что выделенные курсивом «несущие» слова не вносят нового в значение предложения, они — вспомогательные средства для выявления того же смыслового отношения между семантическими центрами, «несомыми», которое в основной модели выражается без их помощи, сочетанием определенных синтаксических форм. С точки зрения лексических качеств «несущие» вспомогательные слова представляют тип слов с относительным значением, они неполнозначны без слов, необходимо восполняющих их смысл. Поэтому, когда они формально занимают позиции главных членов предложения, они «не справляются» с ролью предикативных организаторов предложения без помощи слов, являющихся основными носителями смыслового назначения. Таким образом, и в вариативных моделях предикативность возникает не из сочетания формальных подлежащего и сказуемого, а из сочетания двух

смысловых центров, один из которых (или каждый) выражен описательно, не одной словоформой, а несколькими.

§ 4. Нет оснований смешивать лексическую синонимичность с синонимичностью синтаксической. Замена вспомогательного, «несущего», слова в пределах той же синтаксической конструкции, при сохранении смысловых констант и типового значения, не создает синтаксических вариантов. Примеры: *Книга лежит на столе* и *Книга находится на столе* [10]; *Золото относится к благородным металлам* и *Золото принадлежит к благородным металлам*; *Он — владелец автомобиля* и *Он — обладатель автомобиля* различаются лексически, но не синтаксически. Ряд синтаксических вариантов возникает только при наличии предложений, различающихся синтаксическим строением, грамматическим оформлением одних и тех же смысловых констант при том же характере отношений между ними (ср.: *Книга на столе*; *Золото — благородный металл*, *Золото представляет собой благородный металл*; *Он имеет автомобиль*, *У него есть автомобиль* и т. п.) [11].

Соединение синтаксических и лексических синонимов дает более сложные построения, которые можно определить как синонимы лексико-синтаксические. К таковым относятся примеры, приводимые А. П. Евгеньевой в названной работе: *Я боюсь темноты— Меня пугает темнота*; *Он в страхе перед надвигающейся развязкой — Он боится надвигающейся развязки* и т. п. Важно заметить, что здесь синонимичны лексемы не вспомогательного состава, а основного.

Предложения, различающиеся лексической синонимичностью вспомогательных слов, и предложения — синтаксические варианты объединяются в общем фонде возможностей выбора для говорящего — пишущего. Проблема выбора, поисков, «мук слова» часто разрешается нахожде-

---

[10] Об «условности» лексем, выражающих пространственные отношения между предметами, см.: В. Г. Гак. Русский язык в зеркале французского. «Русский язык за рубежом», 1967, № 4.

[11] Судя по примерам (*Я боюсь — Мне страшно — Я в страхе*; *Мы с Иваном друзья... — Мы с Иваном дружны... — Мы с Иваном дружим... — Мы с Иваном в дружбе... — У нас с Иваном дружба...— Иван — мой друг...*), близко изложенному понимание синтаксической синонимии А. П. Евгеньевой (см.: А. П. Евгеньева. Основные вопросы лексической синонимики. «Очерки по синонимике современного русского литературного языка». М.— Л., 1966).

нием не лексического синонима, а синонимичной синтаксической конструкции.

§ 5. Очевидны не только грамматические, но и стилистические различия между синонимичными моделями. Если основные модели, с их лаконичностью в средствах, принадлежат разговорной речи, то по мере «отягощения» моделей средствами вспомогательными, по мере нарастания конструктивно-распределенной избыточности усиливается связь моделей с книжными стилями. Таким образом, вырисовывается известная закономерность распределения синонимичных моделей на стилистической оси «разговорное — книжное».

Следует оговорить, что под разговорной стилевой сферой здесь имеется в виду не сфера просторечия, «сниженной» литературной нормы, не специфически устная речь, представление о которой связано с признаками экспрессивной насыщенности, эллиптичности, повышенной роли интонации, частиц, повторов, сегментации и т. п. Здесь разговорная речь рассматривается как разновидность литературной речи, нейтральная в экспрессивном отношении и противопоставленная книжной речи (представляемой официальным, деловым, научным стилями), лишенная признаков «книжности» [12].

Взаимодействие и взаимопроникновение стилей, характерное для речевой практики нашего времени, не исключает необходимости выявления основных структурных особенностей каждой стилевой системы «в чистом виде», напротив, лишь отчетливое представление об основных структурах и позволит анализировать процесс их взаимодействия [13].

Проникновение структурных примет книжного стиля в разговорный отмечает акад. В. В. Виноградов: «Одной из характерных черт в развитии разных функциональных сфер русского устного речевого общения в советскую эпоху является наряду с широким распространением элементов канцелярского, официально-делового или документального стиля немотивированное применение письменно-книжных оборотов и конструкций, выходящих за границы

[12] Ср.: В. Г. Костомаров. О разграничении терминов «устный», «разговорный», «письменный» и «книжный». — В сб. «Проблемы современной филологии». М., 1965.

[13] Аналогичную постановку вопроса см.: И. И. Ковтунова. О понятии инверсии. «Проблемы современной филологии».

своих стилистических норм» [14]. Об этом пишут и другие исследователи, см., например, у В. Г. Костомарова в указанной статье: «...Бедой нашего времени является насыщение всех стилей, независимо от формы функционирования (даже разговорного в его устной форме), элементами делового стиля (процесс «номинирования» речи или, пользуясь термином К. И. Чуковского, «канцелярит»)» [15]. Сопоставительное изучение синонимических рядов предложений, основных и вариативных моделей с их структурными признаками, дает возможность вычленить те элементы, которые обнаруживают тенденцию немотивированно выходить за свои стилистические границы.

Если типовые значения очерчивают круг возможностей отбора способов выражения данной мысли, то внутри этого круга намечаются секторы (или сферы) разной стилистической окрашенности, связывающие выбор способа выражения, модели, с той или иной речевой ситуацией.

Системность отношений между синонимичными, или вариативными, моделями заключается в том, что, соотносясь друг с другом, варианты несут не только содержательную, но стилистическую, культурно-речевую информацию.

Правильное с точки зрения структурно-смысловой и оптимально адекватное речевой ситуации соотнесение формы и содержания предполагает, таким образом, знание стилистических возможностей этой формы.

§ 6. От конструктивно-распределенной избыточности, которая оказывается избыточностью только в соотношении с основной, экономно организованной моделью, но вместе с тем является нормой для книжного стиля, следует отличать избыточность, происходящую вследствие контаминации, совмещения двух разных моделей. Такая избы-

---

[14] В. В. Виноградов. Проблемы культуры речи..., стр. 17.

[15] Ср. свидетельства литераторов, оценивающих как избыточно-книжные конструкции с подобными вспомогательными словами: — Батюшки, а у меня и пистолета *не имеется*,— канцелярскими словами подумал я (Ю. Герман. Наш друг Иван Бодунов); Слово *является* превратилось по милости канцеляристов в синоним глагола *быть* (С. Кирсанов, «Вопросы лит-ры», 1967, № 6, стр. 123); «Мертвые, самые невыразительные глаголы *имеет*, *имеется*, *является* удаляют учебник на бесконечное расстояние от литературно написанной книги»,— пишет А. Ивич по поводу языка школьных учебников («Известия», октябрь 1960 г.).

точность представляет собой нарушение нормы литературной речи. Рассмотрим несколько примеров.

В железнодорожном туннеле у въезда в Манхэттен вспыхнул большой пожар в пассажирском поезде, вызванный, как выяснилось, в результате замыкания в электросети («Веч. Москва», 28 янв. 1967 г.).

Это предложение содержит в себе два типовых значения: сообщение о событии (приуроченном к определенному месту) и сообщение о причине события. Причинно-следственные отношения между двумя явлениями (в данном случае *пожар* и *замыкание*) могут быть выражены разными моделями, среди них:

Причина пожара — замыкание;
Пожар — результат замыкания;
Пожар произошел в результате замыкания;
Пожар вызван замыканием и т. п.

Для выражения необходимых причинно-следственных отношений между понятиями достаточно одной модели из намеченного синонимического ряда, однако автор использует сразу две (третью и четвертую в нашем списке), построив предложение нечеткое, избыточное. Еще пример:

В цехе было плохо и с выполнением плана, и с состоянием агитационно-массовой работы («Полит. самообразование», 1962, № 7).

В модели «с чем-то плохо (хорошо и т. п.)» выражается оценка состояния чего-то, значение состояния заключено в самой конструкции, поэтому слово *состояние* здесь излишне, избыточно, но говорящий как будто не доверяет конструкции и накладывает на одну модель — другую, с более широким значением предмета (явления) и его признака. Таким образом, контаминация двух моделей:

С массовой работой плохо
Состояние массовой работы плохо (*плохое*)

дает в результате ненормативную избыточность. То же в следующей фразе:

Но положение с состоянием запасов именно этой категории особенно неблагополучно («Правда», 12 окт. 1965 г.).

(*Положение с запасами неблагополучно* или: *Состояние запасов неблагополучно*).

Еще пример:

Увеличение срока службы этих продуктов вдвое — это равносильно удвоению количества заводов («Известия», 12 дек. 1963 г.).

Минимальная модель для типового значения, заложенного в этом предложении,— двусоставное именное предложение «тождества», в котором вторая часть выражает значение первой:

Увеличение срока ...— (это) удвоение количества...

То же значение может быть выражено лексикализованным способом, посредством вспомогательно-несущих слов, например:

Увеличение срока ... означает удвоение количества...
Значение увеличения срока — в удвоении количества...

Вспомогательными словами может быть подкреплено «уравнивающее» значение конструкции:

Увеличение срока ... равносильно удвоению количества...

В предложении из «Известий» произошло наложение первой и последней из приведенных моделей, отсюда — ненормативная избыточность.

§ 7. Синонимическим рядом вариативных моделей предложения очерчены границы типового значения. Другими словами, объективный критерий типового значения в том, что оно реализуется в ряду синонимичных конструкций. Каждая модель занимает известное место, которое определяется ее связью с другими моделями данного синонимического ряда, ее положением внутри этого ряда и положением ряда в системе других рядов, выражающих иные типовые значения. Совпадение типового значения вариантов при различном лексическом наполнении модели свидетельствует о тождестве типового значения, несовпадение — о различии. Поскольку существуют разные уровни абстракции, возможно неполное совпадение, при котором обнаруживается известное единство более общего значения, но конкретизирующееся в более частных расхождениях.

В связи с этим нуждается в ограничении допущенная выше (стр. 183) посылка о синонимичности моделей, выражающих данное типовое значение.

В пределах общего типового значения возможны разновидности его, обусловленные принадлежностью соотносимых понятий к разным семантическим категориям. Отсюда и важность критерия лексико-семантической тождественности смысловых центров и вытекающей из нее взаимозаменяемости как следствия синонимичности [16].

Подобные ограничения в синонимичности моделей в пределах общего типового значения можно показать на материале предложений, выражающих состояние субъекта. Среди них (см. выше, стр. 181) не все модели синонимичны между собой, а только те, которые отвечают сформулированному выше условию лексико-семантического тождества смысловых центров; см., например:

Она грустит — Ей грустно;
Ее знобит — У нее озноб;
У нее обморок — С ней обморок;
Ей плохо — С ней плохо;
Она в тревоге — Она тревожится, и т. п.

Эти синонимичные варианты и дают говорящему (пишущему) возможность выбора той модели, которая оптимально выражает необходимые по условиям речи смысловые и стилистические оттенки.

Сопоставим две модели, выражающие причинно-следственные отношения:

Причина пожара — замыкание;
Причина его малоизвестности — отсутствие таланта [17].

Проверим пригодность приведенного выше ряда синонимичных моделей (стр. 190) для второй пары понятий:

Малоизвестность его — результат отсутствия таланта.

Такая конструкция возможна, но на этом общность моделей останавливается. Во-первых, *малоизвестность* не происходит, потому что *пожар* и *замыкание* — это события, опредмеченные действия, а *малоизвестность* и *отсутствие таланта* — опредмеченные признаки. Во-вторых, приведение в причинную связь слов разных семантических кате-

[16] См.: И. И. Ковтунова. О синтаксической синонимии.— ВКР, вып. I. М., 1955, стр. 130.

[17] Ср.: «... малоизвестность (его) объяснялась пока не столько отсутствием таланта, сколько соседством яркой славы Скутаревского» (Л. Леонов).

горий дает разный характер самих причинных отношений. В первом случае это отношения непосредственной причинной связи между явлениями, во втором — опосредованные отношения логического обоснования.

Если пожар *вызывается* (*вызван*) замыканием (и обратно: замыкание *вызывает* пожар), то малоизвестность *объясняется* (*объяснима*) отсутствием таланта.

Можно назвать отношения рассмотренных моделей отношениями неполной синонимии.

Невнимание к подобным структурно-смысловым различиям приводит к речевым небрежностям, например:

Указанные и другие *недоделки вызваны* тем, что у нас иногда формально подходят к приемке домов для сдачи в эксплуатацию («Люберецкая правда», 1 авг. 1959 г.); Излишняя *нервозность*, может быть, *вызвана* малым опытом подобных ответственных выступлений («Сов. музыкант», 31 марта 1966 г.). В обоих примерах значение логического обоснования причины лучше было выразить не с помощью слова *вызвано*, а с помощью слова *объясняется*.

Отношения неполной синонимии, таким образом, регламентируют взаимозаменяемость моделей в пределах общего типового значения. Знание их, кодификация, помогают определить не только, как можно и как нельзя выразить данную мысль, но и какой из возможных способов лучше.

§ 8. Примером конструктивно-распределенной избыточности, характеризующей книжную речь, служат широко распространившиеся в научном, деловом, газетно-публицистическом языке глагольные предложения с неглагольным значением.

Характеризовать свойства и отношения предметов — это в основном назначение предложений именной структуры (с именным сказуемым). Между тем в современном русском языке активизируются предложения-характеристики с глагольным сказуемым, не обозначающим, однако, ни действия, ни состояния, а выражающим свойства, отношения и связи предметов и явлений,— то, что свойственно выражать именному сказуемому.

Широко используется, особенно в научно-деловых и газетно-публицистических стилях современного языка, целый арсенал глаголов, выражающих отношения:

а) классификационные (*относится к*, *принадлежит к*, *представляет собой*...);

б) зависимости, обусловленности, связи (в том числе причинной и целевой) между явлениями (*связывается*, *зависит*, *обусловливается*, *свидетельствует о*, *приводит к*, *вызывается*, *объясняется*, *определяется*, *служит*, *предназначается*, *посвящается чему*...);

в) отличительных признаков и свойств к предмету — носителю их (*отличается*, *характеризуется*, *содержит*, *включает в себя*...);

г) наличия явления (*отмечается*, *наблюдается*, *встречается*, *наличествует*, *имеет место*, *сталкиваемся с* ...);

д) значимость явления (*имеет*, *приобретает значение*, *играет роль*...) и т. д.

В. В. Виноградов отмечает как несомненный факт современного русского языка развитие предикативно-характеристических, определительных значений в системе глагола, с точки зрения типологии лексических значений слова близких к функционально ограниченным значениям, свойственным существительным, прилагательным и наречиям [18]. При этом указывается на ограничения видовых и модальных возможностей соответствующих глаголов [19].

Несомненно, что развитие у глагола новых типов лексических значений вызвано синтаксическими потребностями: активизацией типов предложений, долженствующих характеризовать отношения и свойства предметов.

Большинство этих глагольно-характеристических предложений находится в синонимических отношениях с двусоставными именными предложениями, выражающими безглагольным способом те же типовые значения. Глаголы с предикативно-характеристическим значением служат, таким образом, опорно-вспомогательным элементом предложения, несущим грамматический остов предложения и способствующим лексически выявлению типового значения. Семантически же позиция этих глаголов — слабая, они легко поддаются взаимозамене в пределах своего ряда, что не влечет за собой изменений в характере отношений

---

[18] В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова.— ВЯ, 1953, № 5, стр. 26.

[19] О грамматических ограничениях (в выражении вида и залога) для глаголов, не выражающих собственно действия, см. также: П. Н. Ноженко. К вопросу о связи семантики глаголов с грамматическими значениями. «Вопросы теории немецкого языка», т. 2. Иркутск, 1961, стр. 124—130.

между константами, смысловыми центрами предложений. Ср., например, следующие синонимичные ряды:

Золото — (это) благородный цветной металл;
Золото представляет собой благородный цветной металл;
Золото относится к благородным цветным металлам;
Золото принадлежит к благородным цветным металлам.

Успех дела — в организации его;
Успех дела — результат организации его;
Успех дела зависит от организации его;
Успех дела определяется организацией его;
Успех дела обусловлен организацией его.

Полотна художника ярко декоративны;
Отличительная особенность полотен художника — яркая декоративность;
Полотнам художника свойственна яркая декоративность;
Полотна художника отличаются яркой декоративностью;
Яркая декоративность характеризует полотна художника.

Безвредность — еще одно достоинство нового препарата;
Безвредность составляет еще одно достоинство нового препарата;
В безвредности заключается еще одно достоинство нового препарата.

Как очевидно из сопоставления синонимичных моделей, глагольные предложения этих рядов типичны для книжно-деловой речи, безглагольные свойственнее разговорной. Синонимичные ряды предоставляют возможность предпочтения той конструкции, которая более отвечает стилистическому характеру текста [2)].

[2)] Ср.: «В синтаксисе... — нужно заботиться о том, чтобы стремление к стабилизации не стирало функциональных различий синтаксических дублетов и не мешало бы развитию специальных синтаксических средств, благодаря которым книжный язык отличается от языка разговорного; необходимо помнить о том,

Известная свобода выбора глагола в рассмотренных типах предложений предполагает, однако, строгое внимание к тому, чтобы глагол выражал именно заданные отношения между сочетаемыми понятиями. Несоблюдение этого условия приводит к нарушениям правильности речи.

Ср., например:

Проигрыш в Софии во **многом** *зависел* от нежелания тренеров расчетливо отнестись к силам атлетов в жиме («Известия», 16 июня 1965 г.);

Безубыточная работа театров *определяется* прежде всего актуальностью его репертуара и мастерством актера («Неделя», № 24, 1963 г.).

В первом предложении отношения логического обоснования должны бы быть выражены с помощью глагола *объяснялся*, а не *зависел*, а во втором, наоборот, глаголу *определяется* следовало предпочесть *зависит* для выражения отношений прямой зависимости. Ср. еще:

Что *сопутствует* успехам тех, кто обеспечивает тылы производства? Прежде всего, их высокое умение и творческая инициатива, взаимозаменяемость в работе. («За коммунизм», 3 июля 1964 г.).

Здесь, напротив, для выражения обусловленной связи между понятиями уместнее глаголы *определяет*, *обусловливает*, но не *сопутствует*.

§ 9. Для стилистической дифференциации синтаксических конструкций большое значение имеет грамматическая категория лица.

Характер речевой ситуации в значительной мере определяется соотношением сообщения и контакта между субъектом и адресатом речи. С точки зрения этого соотношения можно выделить три типа речевых ситуаций, или три ступени:

1) контактное общение; без непосредственного контакта между субъектом и адресатом речи общение невозможно (разговор, обиходный диалог; разновидность — телефонный разговор, дистантно-контактное общение);

что синтаксические различия между книжным и разговорным языком, точно так же как и лексические различия,— это наиболее часто используемые средства необходимой функциональной дифференциации литературного языка» («Общие принципы культуры речи». — В кн.: «Пражский лингвистический кружок». М., 1967, стр. 401).

2) общение без фактического контакта, с односторонними поисками общения, воздействия на адресата речи (эпистолярный жанр; радио, газета и другие средства массовой коммуникации; в их пределах в разных жанрах — разная степень и разные формы воздействия);

3) непосредственный контакт не нужен, одностороннее сообщение (язык деловых документов, научная и деловая информация и под.) [21].

При всей схематичности предлагаемого деления, очевидно, что 1-я и 3-я ступени представляют собой полюсы разговорной и книжной речи, а 2-я ступень — поле борьбы и взаимодействия разговорных и книжных форм речи, причем условия устного общения больше благоприятствуют первым, условия письменного общения — вторым.

Категория лица — основное средство выражения контактности речи, и хотя это далеко не исчерпывает всей сложности проблемы речевых ситуаций, важность изучения категории лица в этом плане не подлежит сомнению.

Отношения между субъектом предложения (грамматическим подлежащим) и субъектом действия, агенсом, безразличные, как считают некоторые исследователи, для «чистой грамматики» [22], составляют существенный дифференцирующий признак при стилистическом сопоставлении синонимичных предложений.

С другой стороны, нетрудно убедиться в том, что такие понятия, как неопределенность личного значения, обобщенность личного значения и безличность (в том случае, когда она соотносительна с личностью) — категории не грамматические, а семантико-стилистические. (Это можн показать на примере академической, и вообще традиционной школьной грамматики, где принятие этих категорий в качестве принципа классификации типов простых предложений делает классификацию непоследовательной, нелогичной).

Оказывается, что безличность, неопределенность и обобщенность личного значения — точки на той же оси, полюсами которой являются разговорная и книжная речь.

[21] Ср. наблюдения А. А. Холодовича над ориентированностью, контактностью и др. признаками речевого акта, см.: А. А. Холодович. О типологии речи. «Историко-филол. исследования». М., 1967.

[22] См., например: А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. 2. Братислава, 1960, стр. 354.

Контактность общения в разговорной речи предполагает преимущественное употребление личных предложений, причем таких, в которых субъект действия и грамматическое подлежащее совпадают. Разобщенность реально действующего субъекта и грамматического субъекта влечет за собой ослабление действенности глагола, развитие в предложении характеристических, качественных значений. Поэтому такие предложения типичны для книжно-деловой речи. См. убедительное соотношение личных, где агенс и грамматический субъект совпадают, и «неличных», где они разобщены, в следующих образцах информационно-деловых текстов (личные конструкции в примерах выделены курсивом с разрядкой, «неличные» — курсивом).

Киев, 27 (ТАСС). В районном центре Сквира, Киевской области, *началось строительство* магазина строительных материалов. Такое же торговое *предприятие сооружается* в Корсунь-Шевченковском. В районных центрах Переяслав-Хмельницкий и Бабанка *идет строительство* магазинов строительных материалов и хозяйственных товаров.

Потребительская *к о о п е р а ц и я* Украины *у в е л и ч и в а е т* продажу строительных материалов в сельских местностях. По сравнению с соответствующим периодом прошлого года в села *завезено* почти в три раза больше цемента, вдвое больше шифера. Значительно *увеличивается продажа* стекла, толя, кровельного и сортового железа, строительного леса и пиломатериалов.

Расширяется сеть торговых предприятий. *Сооружается 40* новых *магазинов-складов* («Веч. Москва», 27 июля 1953 г.).

Заместитель председателя исполкома Октябрьского райсовета тов. *П у к и н о в с о о б щ и л* редакции, что *фельетон обсуждался* на заседании райисполкома. *Критика признана правильной.* Своим решением *и с п о л к о м о б я з а л* руководителей торгующих организаций строго выполнять графики проведения санитарных дней. С работниками отделения гигиены питания санэпидстанции *было проведено* производственное *совещание.* Санэпидстанции и райторготделу *предложено* усилить контроль и повысить требовательность к руководителям пищевых предприятий («Веч. Москва», 23 июля 1967 г.).

В Центральном научно-исследовательском институте шерстяной промышленности *получен* искусственный *войлок*, который по своим качествам не *уступает* шерстяному. Такой *войлок не боится* кислоты и щелочи.

Сегодня в НИИ *завершена разработка* технологии выпуска войлока из химических волокон. Сейчас московские *у ч е н ы е* вместе с ленинградскими коллегами *п р и с т у п и л и* к созданию промышленного агрегата для выработки синтетического войлока. К 50-летию Советской власти *он будет пущен* на Борской войлочной фабрике Горьковского валяльно-войлочного объединения («Веч. Москва», 13 мая 1967 г.).

В синонимичных конструкциях, различающихся степенью «личности» действия, бóльшая разобщенность грамматического субъекта и агенса, бóльшая устраненность субъекта действия ослабляет активность, действенность глагольного значения тем самым передвигая предложение по стилистической оси в сторону книжно-деловой речи. Ср., например:

Дробленая кукуруза поедается и молочным скотом («Правда»)— это характеристика свойств кукурузы, ср.: Дробленая кукуруза может быть кормом и для молочного скота.

Каждый доклад на конференции слушался с большим интересом («Моск. университет») — это характеристика докладов, ср.: Доклады были интересны...

Ср.: Присутствовавшие на конференции слушали доклад с большим интересом. Доклад слушали с большим интересом. Доклад слушался с большим интересом. Доклад был очень интересен.

... деловито сообщила, что ей поручено узнать... (М. Горький). Ср. ...что ей поручили узнать...

Но у ученых нет полной уверенности в том, что этот спрут был правильно измерен (Сб. «На море и на суше». М., 1961). Ср.: Но ученые не вполне уверены в том, что этот спрут был правильно измерен, что этого спрута правильно измерили...

У нас издается немало путевых очерков, записок, заметок... («Лит. газета»). Ср.: У нас издают немало путевых очерков...

Беда в том, что у нас кое-где считается, будто «составить» объявление — дело наипростейшее... («Известия»). Ср.: Беда в том, что у нас кое-где считают, будто... Беда в том, что мы иногда считаем, будто... и т. д.

С другой стороны, в разговорной речи наблюдаются некоторые тенденции к активизации пассивного субъекта, к усилению «личности» предложения. См., например, распространенные в устно-разговорной речи конструкции с «предоставительным» значением возвратных глаголов:

Мы наблюдаемся в академической поликлинике. Вы кололись вчера? Она всегда причесывается у этого мастера... и т. п.— (Из записей разг. речи).

Ср. также отмеченные писателем Ю. Трифоновым профессионально-жаргонные обороты в языке журналистов:

— Мне нужно срочно заработать, потому что *я на исходе*. Это невероятно кстати. Ср. *Деньги у меня на исходе*;

— И Туманян волнуется?

— ... статью благословили, так что *он в порядке*...

— В общем, *ты в порядке*?

— Вроде да. В основном (Ю. Трифонов. Утоление жажды).

§ 10. Одна из особенностей книжно-письменной речи, отличающей ее от разговорной,— «сложносоставность» простого предложения, которая создается, среди прочих средств, употреблением конструкций с производными предлогами.

Однако и в правильной книжной речи употребление конструкций с производными предлогами не должно быть избыточным, потому что избыточность, перегруженность такими конструкциями ведет в сферу канцелярского стиля. Кроме того, включение в предложения конструкций с производными предлогами регламентируется определенными синтаксическими и семантическими правилами, которые пока еще мало изучены.

Неразработанность кодификации здесь упирается в неразработанность теории. Владеющие русским литературным языком интуитивно строят правильные фразы с производными предлогами, а встречая неправильности в их употреблении, столь же интуитивно квалифицируют их как стилистическую ошибку.

Но в чем ошибка, в каких условиях конструкция возможна, а в каких нет — грамматики и пособия не определяют. Такое положение, естественно, объясняется и ретроспективностью кодификации, и более поздним и стилистически ограниченным развитием производных предлогов [23], и неполнотой представлений о синтаксической структуре предложения.

В качестве примера предлагается анализ условий употребления некоторых предложных конструкций.

§ 11. *Со стороны кого.* Конструкция из отыменного предлога *со стороны* и существительного в родительном падеже, обозначающего индивидуальное или коллективное лицо, в предложении употребляется при отглагольных (реже — отадъективных) существительных для выражения второстепенного субъекта действия. Существуют и другие способы выражения субъекта действия при отглагольном существительном: это формы родительного и творительного падежей (*возражения оппонентов*, *одобрение комиссии*, *одобрение проекта комиссией*). Очевидно, логика развития нового средства в том, чтобы заменить старые в их слабых позициях. Действительно, одна из

[23] См.: Е. Т. Черкасова. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1966.

слабостей форм родительного и творительного беспредложных, перегруженных значениями, обнаруживается в недифференцированности значений субъекта и объекта (*одобрение комиссии* может означать, что 'комиссия одобрила' и что 'комиссию одобрили'; *руководство трестом работами* и т. п.). Конструкция *со стороны (кого)* исключает эту двусмысленность: *одобрение со стороны комиссии, руководство работами со стороны треста* и т. п.

Таким образом, положительная роль принадлежит конструкции с предлогом *со стороны (кого)* в тех случаях, когда она помогает избежать синтаксической омонимии и громоздкости трудных для восприятия беспредложных именных цепей. Значение этой конструкции, по-видимому, еще и в том, что отличаясь от беспредложных приименных форм родительного и творительного падежей большей структурной самостоятельностью в строе предложения, конструкция предоставляет более автономное положение обозначению субъекта действия. См. примеры вполне оправданного употребления предложной конструкции *со стороны (кого)*.

Теперь этот шантаж *со стороны агрессора* подкрепляется экономическим давлением («Правда», 29 июня 1967 г.); Армандо Гонсалес призвал крестьян отвечать прямыми действиями на усиливающуюся с каждым днем «эксплуатацию *со стороны латифундистов*» («Изв.», 9 окт. 1964 г.); Студент... принимает в штыки всякую критику и *со стороны преподавателя*, и *со стороны товарищей* («Журналист», МГУ, 18 февр. 1967 г.); прием *со стороны правительственных деятелей* оказался весьма прохладным («Комс. правда», 22 февр. 1962 г.); Вынесено судом и частное определение: о недостаточности контроля *со стороны треста* за сохранностью золота и о злоупотреблении служебным положением *со стороны управляющего* трестом («Огонек», 1962, № 7).

Естественно, что употребление книжной конструкции *со стороны (кого)* без надобности, при отсутствии отмеченных выше факторов, утяжеляет стиль, вносит в речь оттенок канцеляризма. См., например:

Скандалы уже приняли форму издевательств *со стороны Поветкиных* по отношению соседей (Выступл. в суде, магнитоф. зап. 1964 г.); Пешеходы справедливо возмущаются, когда видят нарушения правил движения *со стороны водителей* транспорта (Листовка ОРУД. М., 1962); Дело у ребят поставлено серьезно и квалифицированно — все это результат влияния *со стороны руководительницы* клуба («Неделя», 1968, № 25); Пользуясь прямой поддержкой, скрытой и явной помощью *со стороны империалистических кругов*, внутренняя реакция стала на путь откровенного саботажа («Правда», 1 ноября 1964 г.).

Помимо отмеченных факторов, действует еще естественное семантическое ограничение в употреблении рассматриваемой конструкции, вызываемое, по-видимому, еще ощутимым лексическим значением существительного *сторона*. Никому не придет в голову сказать: *работа со стороны шахтеров*, *стирка белья со стороны бабушки*, *сбор металлолома со стороны пионеров* и т. д. Значит, субъект не всякого действия, названного отглагольным существительным, может быть выражен с помощью предлога *со стороны*. При явной неприемлемости приведенных и многих других возможных примеров, определить структурно-смысловые условия употребления этого предлога — дело сложное, за которое еще никто не брался. Может быть, не будет ошибкой следующее наблюдение. Лексическое значение имени, скрытое в предлоге *со стороны*, предполагает такой круг отглагольных имен, которые обозначают действия, связанные с отношениями двух сторон, называют такие действия или качества, в проявлении которых обнаруживается отношение интересующего нас субъекта, направленное ко второй стороне как к возможному объекту действия.

Вот подобного рода отглагольные имена, встретившиеся в нашем материале: *угроза*, *нападение*, *агрессия*, *обвинение*, *одобрение*, *критика*, *шантаж*, *контроль*, *руководство*, *сочувствие*, *недоверие*, *уважение*, *возражения*, *притеснения*, *гонения*, *фамильярность*, *требовательность*, *сопротивление* и т. п.

Неслучайно в книжно-деловой речи при этих существительных нередко соединяются конструкции *со стороны* (*кого*), обозначающие субъект действия, и *по отношению* (*к кому*), *в адрес* (*кого*), обозначающие объект — адресат действия, т. е. именно эти две стороны, связанные определенными отношениями.

См. например:

Отставка кипрского министра вызвана беспрецедентной кампанией шантажа и угроз *в его адрес со стороны греческой хунты* («Изв.» 2 ноября 1968 г.) (ср. те же отношения субъект — действие — объект на первой ступени членения предложения: *хунта шантажирует министра*); Горький так писал Федину по поводу тех обвинений в «литературщине», которые прозвучали в *адрес романиста со стороны* некоторых *критиков*... («Комс. правда», 24 февр., 1967 г.) (ср.: *критики обвиняют романиста*); Не следует бояться упреков в сайентизме, которые иногда раздаются *в наш адрес со стороны буржуазных философов* и ревизионистов («Лит. газета», 11 дек. 1968 г.) (ср. ревизионисты упрекают нас в сайентизме).

Нарушение структурно-смысловых условий употребления конструкции *со стороны кого*, хотя и не сформулированных пока языковедами, но интуитивно ощущаемых владеющими русским литературным языком, ведет к более или менее резким отклонениям от нормы.

Так, в следующем предложении: «В основе трагедии — отсутствие малейших угрызений совести *со стороны нанимателей*» («Комс. правда», 10 окт. 1967 г.) речевая ошибка вызвана именно тем, что по своей семантике ни *отсутствие*, ни *угрызения* не обозначают направленного действия, это скорее замкнутые состояния, поэтому здесь уместна форма выражения не субъекта действия, а субъекта состояния, принадлежности синтаксической формой «у + род. пад.»

В следующем примере также оказываются нарушенными структурно-смысловые условия построения предложения:

Со стороны отдельных *руководителей* допускается нарушение пункта 5 Указа Президиума Верховного Совета... («Знамя труда», Курганской обл., 1 февр. 1964 г.). Здесь конструкция *со стороны* (*кого*) неуместна потому, что в основу предложения положен страдательный оборот, а в страдательном обороте субъект действия выражается формой творительного падежа (*допускается кем*). При этом нельзя не заметить, что возвратная форма глагола *допускается* двусмысленна (страдат. значение и значение «допустимо»), так что ее лучше избежать. Правильнее было бы выразить ту же мысль таким образом: *Руководители нарушают пункт 5* ... или (в более деловом стиле): *Пункт 5 нарушается некоторыми руководителями*.

§ 12. *В качестве кого — чего*. Синтаксическая форма *в качестве кого — чего* тоже служит для распространения основной модели добавочным смыслом на второй (или последующей) ступени членения предложения. *В качестве кого — чего* принадлежит к формам, вступающим в предложение на основе так называемого параллельного подключения. Это означает то, что в основной модели имеется синтаксическая форма, выражающая субъект или объект действия, с которой форма *в качестве кого — чего* находится в отношениях дополнительной, вторичной предикативности: по отношению к субъекту обозначает его предикативное состояние (*в качестве журналиста*, ср.

будучи журналистом, быть журналистом), по отношению к объекту — его функциональное назначение: *Мой отец* был прикомандирован к нему *в качестве консультанта* («Новый мир», 1957, № 2); Победитель *в качестве приза* получит *книгу* Чуковского с его автографом («Веч. Москва», 2 февраля 1968 г.).

Ср. схематическое изображение отношений:

$$\frac{\text{Отец}}{\text{в качестве консультанта}} \quad \text{был прикомандирован (Отец — консультант);}$$

$$\text{Получит} \ \frac{\text{книгу}}{\text{в качестве приза}} \quad \text{(Книга — приз).}$$

В современном литературном языке конструкция *в качестве кого — чего* употребляется в четырех основных разновидностях:

1. Как параллель к личному существительному или местоимению, субъекту действия в основной модели (обычно в именительном падеже, реже в дательном), конструкция *в качестве кого* обозначает предикативное состояние данного субъекта по его служебному или общественному положению, профессии, роду занятий.

Затем я приезжал в Москву много раз *в качестве журналиста, дипломата и бизнесмена* («Правда», июнь 1967 г.); *Сперанский* начал свою карьеру *в качестве научного сотрудника* библиотеки Исторического музея («Веч. Москва», 19 авг. 1967 г.); Б. Филиппов — врач... Но это *ему* вовсе не мешает успешно врачевать *в качестве поэта* душевные раны («Неделя», 1962, № 14);— *Вы в качестве консультанта* приглашены к нам, профессор? — спросил Берлиоз. Да, *консультантом* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Употребление конструкции *в качестве* с личными существительными исторически первоначальнее, и развитие ее шло в ряду с близкими по значению конструкциями *кем* и *как кто* [24], отличаясь от них, помимо смысловых оттенков, стилистически, книжной окраской, что, кстати, тонко использовано М. Булгаковым в приведенном примере.

Творительный предикативный от сопоставляемых с ним конструкций в свою очередь отличается способностью

[24] См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения». М., 1964, стр. 119—124.

употребляться и для организации основной модели и на следующих ступенях членения предложения, тогда как конструкции *в качестве кого* и *как кто* в основной модели не участвуют.

Менее употребительна, но вполне возможна конструкция *в качестве кого* при личном существительном в форме винительного объекта: Возникла мысль, использовать *в качестве квалифицированных рабочих студентов-старшекурсников* («Лит. газета», № 10, 1968 г.).

2. Как параллель к предметному существительному, обозначая функцию, целевое назначение предмета, конструкция *в качестве чего* подключается обычно а) к винительному прямого объекта или б) к именительному объекта в страдательных оборотах, а также в) к родительному объекта при отглагольных именах:

а) Способность нового *вертолета* длительное время находиться в строго заданной точке пространства позволит использовать его *в качестве антенной платформы* («Неделя», № 25, 1967); *В качестве украшения* к костюму «подберите серебряный или деревянный *браслет* («Веч. Москва», 23 июня 1967 г.); Эдвард Гарвей получил через подставные «фонды» ЦРУ *в качестве стипендии 3000 долларов* («Комс. правда», 21 февр. 1967 г.); В революцию он предъявил часовым и охранникам свой *студенческий билет* в *качестве универсального пропуска* («Изв.», 19 февр. 1968 г.);

б) *Книга* издана *в качестве учебного пособия* («Русский язык в школе», 1957, № 6); *В качестве антикоррозийных агентов* взяты уротропиновый и фосфатный летучие *ингибиторы* («Изв.», 21 дек. 1962 г.); В результате остался один *цент, который* и был вручен Гэсс *в качестве зарплаты* («Правда,» 24 июня 1967 г.); *Бланки НАТО* ... беспрекословно принимались вместо денег *в качестве оплаты* («Правда», 17 авг. 1967 г.);

в) Употребление *стекла и бетона в качестве стройматериалов* — пустая мода [на взгляд Солоухина] («Лит. газета», 1968, № 8);

Бумага выпускается по новой технологии, исключающей применение *в качестве сырья* дорогостоящей *целлюлозы* («Изв.», 24 февр. 1968 г.).

Отношения между понятиями предмета и его назначения, выражаемые посредством предложной конструкции *в качестве чего*, обратны отношениям, выражаемым посредством конструкции *в виде чего*. Ср.:

Монета в качестве сувенира — Сувенир в виде монеты
Таблицы в качестве пособия — Пособие в виде таблиц
Часы в качестве награды — Награда в виде часов
Браслет в качестве украшения — Украшение в виде браслета.

И те и другие отношения реализуются не в словосочетании, а только в предложении с определенной семантикой основной модели. Для конструкции *в качестве чего* это значение изменения принадлежности предмета (*дать*, *вручить*, *принять*, *получить*, *рекомендовать* и т. п.) или использования, применения. В последнем случае значение глагола в основной модели более относительно, незаконченно, приближается к вспомогательному, соответственно уменьшается степень членимости структуры предложения.

3. Употребление конструкции *в качестве чего* как параллели к отвлеченному существительному (тоже обычно в винительном или именительном падеже) синтаксически осуществляется в тех же рамках, на базе значений изменения принадлежности, но отвлеченный переносный смысл глаголов того же круга (*принять*, *отвергнуть*, *предложить*, *выдвинуть* и т. п.) и соотносимых имен, расширяет семантические возможности структуры, выводя сопоставление имен в интеллектуально-оценочный план:

Советское правительство вносит на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН *в качестве самостоятельного пункта* повестки дня *предложение* о созыве в 1963 году Международной конференции по вопросам торговли («Правда», 23 сент. 1962 г.); Ленинские *принципы* мирного сосуществования... получают широкое признание *в качестве единственно реальной основы* современной мировой политики («Изв.», 12 ноября 1963 г.); *Результаты* этой работы утверждены *в качестве открытия* Комитетом по делам изобретений («Правда», 13 сент. 1968 г.).

4. По-видимому, на основе предыдущей разновидности развивается употребление конструкции «в качестве + род. пад.», в которой место существительного в родительном падеже занимает прилагательное. Если во всех рассмотренных выше случаях предикативные отношения между параллельными соотнесенными именами могли реализоваться в двусоставной именной модели (*Сережа — пионервожатый*; *Браслет — украшение*; *Принципы сосуществования — реальная основа...* и т. д.), то здесь в предикативной части воссоздаваемой модели оказывается прилагательное, обозначающее признак оцениваемого им отвлеченного понятия:

По-прежнему *в качестве первоочередной* выдвигается задача «и дальше развертывать критику линии Лю Шао-ци» («Известия», 26 апр. 1969 г.); ср.: *Задача* (*развертывать критику*) — *первооче-*

редная; Можно высказать соображения в пользу применения одного из уже существующих понятий *в качестве основного* («Неделя», 1968, № 38): ср. *одно из понятий — основное.*

...если использовать один из имеющихся подходов *в качестве универсального* (З. Попова. Система падежных форм XVII в.); ср.: *Один из подходов — универсален.*

Предложенный обзор не исчерпывает всех возможностей употребления конструкции *в качестве кого — чего*, но систематизирует основные, что позволяет далее при анализе предложений с предложным оборотом «в качестве + род. пад.» оценить условия их построения с точки зрения нормативности.

В предложениях с конструкцией *в качестве кого — чего* встречаются следующие типичные нарушения этих условий:

а) в предложении нет смысловых оснований для параллельного подключения конструкции *в качестве чего*, сопоставляемые имена не могут образовать соответствующей предикативной модели:

В грунте, привезенном с материка, посеян овес *в качестве газона* («Лит. газета», 5 ноября 1960 г.); ср. невозможность соотнесения: *Овес — газон.*

Сначала я решил несколько месяцев записывать то, что *в качестве мусора* ползет из эфира в мои уши («Лит. газета», 16 ноября 1965 г.); то, что ползет из эфира, может быть мусором, но мусор в этом смысле — оценка, а не назначение предмета, поэтому использование конструкции *в качестве чего* в этой фразе неправильно.

б) Падежная форма «опорного» имени в предложении не допускает параллельного подключения конструкции *в качестве чего*:

Края *в качестве клея* смазываются желтком («Неделя», 11 марта 1961 г.); ср.: в качестве клея берется желток, используют желток...

Некоторые ученые *в качестве* основного *аргумента* ссылаются на то, что ... («Веч. Москва», 23 июня 1967 г.); ср.: ссылаются как на аргумент на то, что..., в качестве аргумента используют...;

В качестве доказательства этого можно сослаться на случаи замены этих слов («Вопросы стилистики», МГУ, 1966); ср.: сослаться как на доказательства..., в качестве доказательства привести, взять, использовать случаи...

Примеры показывают необходимость считаться и с ограниченностью круга глаголов в основной модели, к которой подключается конструкция *в качестве чего*,

поскольку падежная форма опорного имени зачастую обусловлена глаголом.

в) Избыточность или неуместность конструкции *в качестве чего* возникает в результате подключения ее к незаконченной, «открытой» модели, в которой глагол или отглагольное существительное имеет относительное значение, нуждающееся в восполнении определенными, заданными, но не реализованными в данном построении способами:

Эмиссар президента охарактеризовал Японию *в качестве* «самого важного *союзника* США в Азии» («Известия», 3 февр. 1968 г.); Глагол *охарактеризовать* в данном значении требует «двухместного» восполнения: кого—что как—каким образом: *охарактеризовал Японию как союзника*;

Миссия ООН избрала Женеву *в качестве места* для своей работы («Комс. правда», 18 авг. 1967 г.); глагол *избрать* в данном значении требует двухместного восполнения: кого — что кем — чем: *избрала Женеву местом* ...,

В датском народе живо обсуждается вопрос об объявлении Дании *в качестве безатомной и нейтральной зоны* («Правда», 21 июня 1964 г.); ср.: *Объявление Дании нейтральной зоной*;

г) Распространенной ошибкой является употребление конструкции *в качестве чего* на месте *в порядке чего*. Общее в семантике этих конструкций (назначение) не стирает вполне определенной границы между ними: *в качестве чего* выражает функциональное назначение предмета, *в порядке чего* — целевое назначение действия:

Генерал Уэстморленд приказал в качестве наказания немедленно отправить Сандерса на передовые позиции во Вьетнам («Изв.», 26 мая 1969 г.): отправить, чтобы наказать; следовательно, *в порядке наказания* или *в наказание*.

Ремонт проводится *в качестве профилактики* (Радио): не ремонт — профилактика, а проводится для, ради профилактики, следовательно, *в порядке профилактики*;

Можно сократить материал, приведенный в *качестве аналогии* (Устн. выступл., 1964 г.): не материал — аналогия, а приведен для аналогии, *в порядке аналогии*.

— Один вопрос, *в качестве справки* (Устн. выступл., 1967 г.): не вопрос — справка, а спрашивает, чтобы получить справку, следовательно: *в порядке справки*.

Психологически употребление конструкции *в качестве чего* вместо *в порядке чего* объясняется, очевидно, тем, что говорящий ощущает более книжную, специфически деловую стилистическую окраску последней конструкции и более или менее осознанно стремится избежать ее.

В устной речи обычны случаи, когда вполне владеющий литературным языком говорящий предпочитает менее правильное, в ущерб строгой нормативности, построение, избавляясь как от конструкции *в порядке чего*, так и от конструкции *в качестве чего*, в свою очередь остающейся элементом книжного стиля:

Я взяла *исходной формой* настоящее время (Устн. выст., 1965 г.); ср.: взяла *в качестве исходной формы*..., впрочем, возможно и некнижное: *взяла за исходную форму*...

Нельзя ли выдать через газетный зал, *как исключение*? (Устн. речь, 1967 г.); ср. *в порядке исключения*.

§ 13. Анализ структурно-смысловых условий употребления других конструкций с производными предлогами [25] требует особого места и в задачу настоящей работы не входит. Здесь важно было поставить вопрос о том, что употребление именных конструкций с производными предлогами как стилистически маркированных элементов книжного стиля входит в комплекс проблем структурно-семантического изучения предложения, и возможности культурно-речевой оценки этих конструкций обусловлены дальнейшим развитием синтаксической теории.

§ 14. Рассмотрев некоторые вопросы синтаксической синонимики предложений как с точки зрения ее принципиальных оснований, так и с точки зрения структурных признаков предложений, способствующих их размещению в стилевых сферах книжной и разговорной речи [26], вернемся к синонимике строевых элементов, синтаксических форм слова.

В литературе по грамматической синонимике приняты в основном два подхода к сопоставлению форм: логико-синтаксический (сопоставляются способы выражения того или иного члена предложения, например синонимика выражения сказуемого) и логико-семантический, например синонимика способов выражения причинных отношений.

[25] Следует оговорить, что термин «предлоги» по отношению ко многим из них применим в известной мере условно. На пути от полнозначных слов к служебным ими пройдено разное расстояние, но предлагаемый здесь аспект позволяет отвлечься от вопроса о степени их формализации.

[26] Акцентируя здесь внимание на языковых структурах синонимичных предложений, оставляем за пределами данной работы обширную область речевой синтаксической синонимии, связанную с вариациями интонирования, словопорядка, смысловых акцентов, обусловливаемыми контекстом.

Представляется более целесообразным функционально-синтаксический принцип изучения синонимии в области синтаксических форм, при котором учитывается собственно синтаксическая роль сопоставляемых элементов в построении словосочетания и предложения.

Основу для этого может составить предложенное выше (§ 2) деление синтаксических форм на неуправляемые и управляемые, связанные. Неуправляемые в свою очередь по своим функциональным свойствам делятся на свободные и конструктивно-обусловленные. За общее условие синонимического сопоставления синтаксических форм слов принимается, таким образом, их однозначное использование в одной и той же синтаксической функции, для каждого типа синтаксических форм это условие конкретизируется:

а) Для с в я з а н н ы х синтаксических форм условие синонимичности — в выполнении разными формами одной и той же объктной функции при одном и том же управляющем слове, которым «задается» зависимая форма, например: *наблюдать развитие растения*, *наблюдать за развитием растения*, *наблюдать над развитием растения*; *контроль выполнения*, *контроль за выполнением*, *контроль над выполнением*; *курировать промышленные предприятия*, *курировать над промышленными предприятиями*; *смеяться его неловкости*, *смеяться над его неловкостью*; *слушаться бабушки*, *слушаться бабушку*; *ждать ответ*, *ждать ответа*; *поражаться красоте*, *поражаться красотой* и т. д.

Выбор одной из ряда синонимичных форм определяется соответствием контексту, ситуации тех стилистических или смысловых оттенков, которыми отличается данная форма от своих «конкурентов» [27];

б) Чтобы различить синонимические возможности с в я з а н н ы х и к о н с т р у к т и в н о - о б у с л о в л е н н ы х синтаксических форм, сравним ряд предложений:

---

[27] Общей для синтаксиса и лексикографии трудностью остается разграничение смысловых оттенков одного значения, реализующихся в разных словосочетаниях, и разных значений, конструктивно-обусловленных, слов-омонимов.

Эта трудность практически, видимо, не имеет значения для носителей русского языка, но существенна для овладевающих им нерусских.

Жилья придется подождать;
С жильем придется подождать;
Насчет жилья придется подождать;
В отношении жилья придется подождать;
В смысле жилья придется подождать...

Форма родительного падежа из этого ряда исчезнет, как только изменится лексический состав второй части, потому что род. падеж вступил в предложение «по требованию» глагола *подождать*, как его распространитель. Все остальные продолжают функционировать в качестве первого организующего члена модели, называющего тему предложения, если второй центр, разными лексическими средствами, выразит оценку этого положения: *С жильем* (*насчет жилья* и т. д.) *туго*; *С жильем* (*насчет жилья* и т. д.) *наладилось*; *С жильем* (*насчет жилья* и т. д.) *все в порядке* и т. п.

Синтаксические формы *с жильем*, *насчет жилья*, *в смысле жилья*, *в отношении жилья*, *в части* (*по части*) *жилья* выступают как конструктивно-обусловленные синонимичные формы.

Условием их синонимичности, таким образом, является их однозначное функционирование и, следовательно, способность замещать друг друга в роли одного из организующих центров модели предложения с определенным типовым значением, за пределами которого синонимичность этих форм утрачивается, они вступают в другие ряды (например, *вспомнить*, *сказать насчет жилья*, *о жилье*, *про жилье*, *но не «с жильем»* и т. п.).

Еще примеры синонимичных конструктивно-обусловленных форм:

Друзей у него небогато;
С друзьями у него небогато.

Нервы не в порядке;
С нервами не в порядке.

Ей сделалось дурно;
С ней сделалось дурно.

Он был *учитель*;
Он был *учителем*.

День был *солнечный*;
День был *солнечным*.

Главная задача — *подготовка*...;
Главная задача — *в подготовке*...;
Главная задача — *подготовиться*...

и др.

Смысловые и стилистические оттенки, которыми различаются синонимы, подлежат определению для каждого ряда.

в) Если синонимичность связанных форм реализуется в синонимичных словосочетаниях, синонимичность конструктивно-обусловленных форм — в синонимичных предложениях, то синонимичность свободных синтаксических форм не лимитируется синтаксическим контекстом.

Поскольку свободные синтаксические формы являются структурно-смысловыми элементами с самостоятельным значением более высокой абстракции, чем лексическое значение (см. выше, стр. 181—182), постольку они и сопоставимы, и взаимозаменяемы.

Так, синтаксические формы *за грибами* и *по грибы*, обозначающие предметную цель движения, являются синонимами в любой синтаксической ситуации: как независимые заголовки, как распространители глагола или имени в аналоге словосочетания, как распространители предложения. Выбор определяется различием в их стилевой окраске.

Синонимичность свободных форм *туристской тропой* и *по туристской тропе*, обозначающих путь движения, также не зависит от синтаксической позиции этих форм. Вне синтаксического контекста синонимичны формы с делиберативным значением (значением содержания речи, мысли) — *о поездке*, *про поездку*, *по поводу поездки*, *относительно поездки*, формы со значением времени — *во время войны* и *в войну*, формы со значением причины — *по болезни*, *из-за болезни* и т. д.

Неправильно было бы расширительно понимать рубрикационные детерминации, приведенные для примера. Синтаксическое значение свободной формы не равно логической категории, которую оно представляет. В пределах общей логической категории (время, причина, цель и т. п.) синтаксические формы дифференцируются по более частным рубрикам, в которых выражается именно синтаксическая специфика их употребления. Так, например, неправомерно считать синонимичными формы «от + + род. пад.» и «из + род. пад.» с причинным значением. Первая обозначает состояние как источник другого состояния и способна распространять и глагольные, и безглагольные, в том числе безличные предложения. Вторая обозначает

состояние, свойство как активный стимул к действию, к проявлению свойства и способна распространять предложения глагольные, некоторые адъективные, но не безличные. Даже при идентичном лексическом наполнении эти формы не способны замещать друг друга. Ср., например: *От ревности стал больным*, *страдал от ревности*; *Из ревности стал хитрым*, *убил из ревности*.

Сочетания *усталый от ходьбы* и *утомленный ходьбой*, о которых В. П. Сухотин пишет, что их «нельзя не признать синонимичными, поскольку ими выражаются о д н о р о д н ы е или о д н о п о р я д к о в ы е (разр. авт.) причинно-следственные отношения»[28], на наш взгляд, нельзя признать синонимичными. Здесь имеется лексическая синонимичность первых слов сочетаний и лексическая тождественность вторых, однако синтаксические формы их функционально различны и поэтому не являются взаимозаменяемыми: *от ходьбы* — свободная синтаксическая форма, *ходьбой* — конструктивно-обусловленная (ср. *устал от ходьбы*, *усталость от ходьбы*, *уставший от ходьбы*) страдательным значением причастия и невозможная при других в формах и деривациях того же слова, так же как и при слове *усталый*. Если же нет взаимозаменяемости — нет проблемы выбора, следовательно, поиски синонимичности бесплодны.

Дальнейшее изучение значений и условий употребления синтаксических форм может сделать возможным и создание более точной терминологии, и построение более полной и строгой картины синонимических рядов.

§ 15. Естественно, что в живой языковой действительности взаимодействию элементов не препятствуют рубрики, построенные исследователями, но рубрики помогают понять этот чрезвычайно интересный и актуальный процесс взаимодействия. Способность свободных и конструктивно-обусловленных форм функционировать в присловной позиции позволяет им в известных ситуациях вступать в конкуренцию со связанными синтаксическими формами (словосочетание сопоставляется тогда с аналогом словосочетания), а также между собой.

Упрекать в легкомыслии — словосочетание с управ-

---

[28] В. П. С у х о т и н. Из материалов по синтаксической синонимике. «Исследования по синтаксису русского лит. языка». М., 1956, стр. 14.

ляемой связанной формой. *Упрекать за легкомыслие* — синонимичный аналог словосочетания со свободной формой в приглагольной позиции. *Затягивают перестройку управления* — форма винительного — связанная, задана глаголом. *Затягивают с перестройкой* — форма «с + тв. пад.» конструктивно-обусловленная, в приглагольной позиции. То же соотношение связанной и конструктивно-обусловленной форм в следующих примерах:

Проблему *доски* решили быстро;
Проблему *с доской* решили быстро.

Подождите *путевку* до марта;
Подождите *с путевкой* до марта и т. д.

Синонимические соотношения связанной и свободной форм — в следующей паре:

Докладчик изложил свои наблюдения *над изменением* состава : изложил свои наблюдения *об изменении* состава ... свободной и конструктивно-связанной форм:

Обсудили вопрос *о кадрах*;
Обсудили вопрос *с кадрами*.

Принято решение *об улучшении* работы;
Принято решение *по улучшению* работы ... и т. д.

Синтаксическим результатом замены связанной, управляемой формы неуправляемыми, или, другими словами, замены словосочетания в предложении аналогом словосочетания, оказывается бóльшая потенциальная членимость синтаксической структуры, бóльшая автономность, подвижность ее элементов.

См., например, предложение из Паустовского: «О развитии судоходства на реке у него были свои планы».

Сочетание *планов* со свободной делиберативной формой «о чем» вместо формы родительного падежа (ср. *планы развития — планы, мечты, идеи о развитии*) дает возможность вынести форму «о + предл.» в препозицию, по требованию композиционно-синтаксической структуры контекста, что невозможно было бы с формой род. падежа.

В распространенности явлений замены более тесных, грамматически обусловленных связей менее тесными, семантически обусловленными можно видеть процесс

семантизации синтаксических отношений. Однако требует дальнейшего выяснения вопрос о соотношении объективного и субъективного в этом процессе: развивается ли он по внутренним законам языка, независимо от воли говорящих, или говорящие, носители языка, влияют на него, более или менее сознательно предпочитая семантизированные связи.

§ 16. Стилистическая дифференцированность синтаксических синонимов предоставляет говорящим (пишущим) возможности выбора средств, наиболее целесообразно соответствующих стоящему перед ним речевому заданию. Понятие речевого задания определяется не только содержанием мысли, но и речевой ситуацией, способом общения, характером отношений между его участниками, сюжетами и жанрами речевого действия [29].

Если определить стилистические различия, например, между членами синонимического ряда конструктивно-обусловленных форм, приведенных выше (стр. 211), то формы *с жильем*, *насчет жилья* можно квалифицировать как разговорно-деловые, *по части*, *по линии жилья* — как канцелярско-деловые, *в отношении*, *в смысле жилья* — нейтрально-деловые.

По сравнению с нейтральной формой *за грибами*, форма *по грибы* имеет разговорно-просторечную окраску, с народно-поэтическим оттенком.

Как книжная и разговорная противопоставляются формы *во время войны — в войну*; *по поводу*, *относительно поездки — про поездку* и т. д.

Все это стилистическое разнообразие синонимов сосуществует в пределах общелитературного языка, в распоряжении всех говорящих. Чем выше речевая культура говорящего, тем шире и активнее пользуется он правом выбора средств выражения из синонимических рядов.

От этих синонимичных вариантов надо отличать те варианты (словом *варианты* пользуюсь не терминологически, в связи с его перегруженностью значениями), которые функционируют в одной из профессиональных подсистем и не находятся поэтому в свободном взаимодействии с общелитературными конструкциями. Имеют-

[29] Ср.: А. А. Леонтьев и В. Г. Костомаров. Теоретические вопросы культуры речи.—ВЯ, 1967, № 5; Н. И. Конрад. О языковом существовании. «Японский лингвистический сборник». М., 1959.

ся в виду такие сочетания, как *соотносить элемент значению* — в языке математической логики (при общелит.— *соотносить что с чем*), *приказ на атаку* — в военном языке (при общелит. — *приказ об атаке*), *испытание на прочность* — в техническом языке (при общелит. *испытание прочности*), *руда на олово* — в языке геологов (при общелит. *руда, содержащая олово, руда с признаками олова*), *поставить на вид за прогул, доводить планы колхозам* — в канцелярско-деловом языке (при общелит. *поставить на вид прогул, довести планы до колхозов, до сведения колхозов*) и т. п.

Отношение профессиональных вариантов к общелитературным конструкциям примерно таково же, как терминов к общелитературной лексике. Употребление их в соответствующей сфере носит в известной степени принудительный, неизбежный характер, проблемы выбора в этих ситуациях не существует. В этом смысле профессиональные варианты не являются синонимами к общелитературным конструкциям.

Разумеется, границы между общелитературным языком и профессиональными диалектами не непроходимы. Так же как и термины, профессионально ограниченные синтаксические сочетания могут проникать в общелитературный язык или в пограничные сферы (разговорная речь специалистов и под.) и тем самым вступать в синонимические отношения с общелитературными конструкциями. Проницаемость зависит от степени замкнутости той или иной профессионально-речевой сферы, от популярности той или иной специальности, которую она представляет, и от целого ряда экстралингвистических факторов.

§ 17. Описание синтаксических конструкций русского языка в их прикрепленности к разным стилям, в их стилистических возможностях, в их синонимических соотношениях остается задачей, требующей от лингвистов дальнейших усилий. В данной работе такая задача не ставилась «Отсутствие прочной и глубокой синтаксической базы для стилистических исследований и обобщений...» [30] продолжает быть преградой на пути к подобным описаниям.

---

[30] В. В. Виноградов. [Рец.] Очерки по стилистике русского языка» А. Н. Гвоздева.— ВЯ, 1952, № 6, стр. 143.

Изучение структурных основ синтаксической синонимии с функционально-синтаксической точки зрения, разделение областей синтаксической синонимики, выдвижение понятий типового значения и модели предложения и синтаксической формы слова, разграничение основных и вариативных моделей, постоянных и переменных («несомых» и «несущих») компонентов структуры предложения может создать предпосылки для построения такой базы. Выделение таких признаков, как соответствие // несоответствие структурно-смысловых и формально-грамматических центров предложения, отсутствие // наличие опорно-вспомогательных («несущих») средств в предложении, соотношение грамматического субъекта и агенса, сложносоставность предложения в одном из ее частных проявлений — конструкциях с производными, отыменными предлогами, позволяет представить синонимические ряды синтаксических моделей в стилистической перспективе, ориентированными в отношении двух противопоставленных и взаимодействующих стилевых сфер — книжной и разговорной речи.

О СКЛОНЕНИИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ
(морфологический тип на *-а* неударное)

Л. И. Калакуцкая

В морфологии собственных имен в настоящее время (имеется в виду весьма ограниченный промежуток времени в 10—20 лет) наблюдаются существенные изменения. В ряде случаев эти изменения касаются только группы ономастики и не затрагивают апеллятивов.

О вычленимости ономастики как особой группы языка достаточно много говорится в лингвистике последних лет [1]. Эта вычленимость наблюдается на разных языковых уровнях: в какой-то степени можно говорить о складывании произносительной подсистемы этой группы лексики в общей орфоэпической системе современного литератур-

[1] Е. Курилович. Положение имени собственного в языке. «Очерки по лингвистике». М., 1962; В. Ташицкий. Место ономастики среди гуманитарных наук.— ВЯ, 1961, № 2, стр. 11; С. Роспонд. Перспективы развития славянской ономастики.— ВЯ, 1962, № 4, стр. 12; А. А. Реформатский. Топономастика как лингвистический факт. «Топономастика и транскрипция». М., 1964; В. Н. Топоров. Из области теоретической топономастики.— ВЯ, 1962, № 6; Он же. Некоторые соображения в связи с построением теоретической топономастики. «Принципы топонимики» М., 1964; «Русский язык и советское общество (проспект)». Алма-Ата, 1962, стр. 83—84, и др.

ного языка [2], но еще более показательным оказывается в этом отношении морфологический языковой ярус.

В отличие от апеллятивов ономастика представляет собой периферийную группу лексики, что делает ее более проницаемой для разного рода влияний как экстралингвистического характера, так и чисто лингвистических [3]. Экстралингвистические причины имеют самый различный характер: это могут быть явления общественного и индивидуального вкуса, политические соображения и т. п.

Приведем несколько примеров нелингвистических влияний:

... начальником нашего управления (ремонтно-технического управления ГВФ) является т. *Машовец Н. Т.* Всем известно, что мужские фамилии иноязычного происхождения, оканчивающиеся на согласную, склоняются. Однако руководители нашего предприятия (начальник завода, главный инженер) не подписывают письма, если там напечатано: начальнику РТУ ГУГВФ тов. *Машовцу Н. Т.* И вот уже несколько лет мы печатаем на письмах: *тов. Машовец* — вместо *тов. Машовцу* — для пользы дела. У нас говорят, что это требует сам Машовец.

Итак, начальник управления гражданского воздушного флота Н. Т. Машовец упорно не желает склоняться. Из всех имеющихся падежей его устраивает только именительный (З. П а п е р н ы й. Состояние весомости (грамматической), «17 $^1/_2$ фельетонов». М., 1968);

Когда я была совсем маленькая, отец часто рассказывал нам о каких-то мифических фламандских предках. Он недолюбливал бельгийцев, говорил, что они мелкие буржуа, и всегда восхищался фламандцами. «Помни, ты фламандка, фамилия *Коонен* не склоняется»,— говорил он, посадив меня к себе на колени (А л и с а К о о н е н. Страницы из жизни.— «Театр», № 11, 1955, стр. 127). (Хотя остается неясным, почему не должна склоняться фамилия *Коонен* в мужском роде, даже если она и фламандского происхождения);

— Сволочь он,— с ненавистью продолжал Турбин,— ведь он же сам не говорит на этом языке! А? Я позавчера спрашиваю этого каналью доктора *Курицького*... Он, изволите ли видеть, разучился говорить по-русски с ноября прошлого года. Был *Курицкий*, а стал *Курицький*... (М. Б у л г а к о в. Белая гвардия.— Избр. проза. М., 1966, стр. 139).

Влияния лингвистического характера тоже могут быть самыми различными: ими могут быть общие морфологи-

[2] «Русский язык и советское общество (проспект)» стр. 83—84; Л. П. К а л а к у ц к а я, В. Э. С т а л т м а н е. О некоторых вопросах произношения и ударения заимствованных фамилий.— ВКР, вып. VIII. М., 1967.

[3] По другой терминологии,— внешние и внутренние факторы, см.: «Русский язык и советское общество (тезисы докладов)». М., 1966.

ческие тенденции («разнообразные формы развития аналитизма в морфологической системе современного русского языка под воздействием внутренних и внешних факторов») [4]; влияние морфологии близкородственных языков, например украинского; влияние специфики определенных, часто очень узких групп лексики (таких, например, как грузинские собственные имена, японские собственные имена и т. п.); специфическое отношение морфологических отклонений в ономастике к литературной норме русского языка и другие возможные причины.

Скрещение влияний экстралингвистического и лингвистического характера на ономастической группе лексики создает в ряде случаев условия для большей ее изменчивости даже в таких слабо проницаемых ярусах языка, каким является морфология. Все это делает весьма интересными изменения, происходящие в ономастике.

Изменения, происходящие в настоящее время в морфологии ономастики, захватывают самые различные ее типы: так существенную встряску испытывает сейчас весьма обширный пласт польско-русско-чешских фамилий на *-ский*, *-цкий*, имевший на протяжении по крайней мере нескольких столетий прочную традицию морфологического оформления [5]. То же самое можно сказать и о чешско-русско-польских фамилиях на *-ек*, *-ец*. Существенные изменения происходят в группе женских имен на мягкую согласную (ср. прежнюю склоняемость женских библейских имен типа *Юдифь*, *Суламифь*, *Руфь* и др. и теперешнюю практически несклоняемость женских имен того же морфологического типа — *Габриэль*, *Даниэль*, *Николь* и т. п.). Серьезные колебания в склонении наблюдаются в группе фамилий, совпадающих с апеллятивами (фамилии типа *Крыса*, *Кочерга*, *Река*, *Кот* и т. п. достаточно часто не склоняют для того, чтобы расподобить их с апеллятивами). Изменения наблюдаются даже в такой относительно морфологически устойчивой группе собственных имен, какой являются в настоящее время мужские фамилии на согласный. «Склоняется ли мужская фамилия Шостак?» («Скорая лингвистическая отвечает».—«Лит.

[4] «Русский язык и советское общество (тезисы докладов)», стр. 18.

[5] См., например: Л. П. Калакуцкая, В. Э. Сталтмане. Польские и чешские фамилии по-русски. «Русская речь», 1967, № 1.

газета», 1967, август). Уже сама постановка вопроса говорит о наличии колебаний и в этой группе собственных имен.

Но особенно интересной в отношении морфологических сдвигов, происходящих в группе ономастики, оказывается морфологический тип на *-а*. Эта достаточно широкая группа собственных имен мужского и женского рода, как исконно русских, или шире — славянских, так и заимствованных, имеет давнюю традицию склонения по соответствующему морфологическому типу апеллятивов (I субстантивный тип — по А. А. Зализняку). Всегда склонялись в русском языке такие собственные имена, как *Анна*, *Надежда*, *Инна*, *Пинна*, *Римма* (три последних могли принадлежать и мужчинам), *Афина*, *Флора*, *Деметра*, *Терпсихора*, *Персефона*, *Спарта*, *Эллада*, *Джульетта*, *Гойя*, *Казанова*, *Альмавива*, *Ницца*, *Панама*, *Алабама* и т. д. и т. п.

В XIX в., не задумываясь, склоняли фамилию князя *Сапеги*: Князь *Сапега* приходил к нам пешком через день. Иван Алексеевич довольно знал князя *Сапегу* (Т. П. П а с с е к. Из дальних лет. М., 1963, стр. 232).

А в настоящее время постоянно возникают вопросы: склоняется ли, например, такая фамилия, как *Бурага*, хотя по современным морфологическим нормам существительные на *-а* должны склоняться вне зависимости от того, заимствованные они или нет. И, действительно, в апеллятивной лексике это морфологическое правило фактически не знает исключений.

Совершенно иная картина наблюдается в собственных именах [6]. Разнобой в склонении этой группы собственных имен стал весьма заметен. Рядом можно встретить:

Ее дядя, маркиз *де Мориама*; Под вечер, с появлением старшины, прославленного маркиза *де Мориамы*; ... обратился к *Мориаме* крестьянин, но: Его уполномоченный, большой приятель маркиза *де Мориама*; племянница маркиза *де Мориама* (Б л а с к о И б а н ь е с. Кровь и песок. Смоленск, 1956);

Паолелла одновременно с окончанием работы над сценарием ...; В основу сценария положен собранный *Паолеллой* фактический материал; но: Он работал вместе с журналистом Доменико *Паолелла* и драматургом Уго Пирро («Сценарии об итальянских стилягах».— «Иностр. лит-ра», 1957, № 8);

---

[6] А. В. С у п е р а н с к а я. Склонение собственных имен в современном русском языке. «Орфография собственных имен». М., 1965, стр. 122—126.

... талантами *Янки Купалы* и Якуба Коласа. Выдающийся поэт, соратник *Янки Купалы* и Якуба Коласа («Лит. газета», № 32, август 1967), но: Вы не забыли, что сегодня *Иван Купала*? На *Ивана Купала* девки наши всегда бесятся. Хотели его на *Ивана Купала* за речку выбросить (М. Стельмах. *На Ивана Купала*. «Театр», 1967, № 7);

Большое творческое удовлетворение доставило мне участие в фильме Лунджи *Дзампы* «Честный агнец» («Сов. экран», 1966, № 21), но: ... «Сладкие дамы» Лунджи *Дзампа*... с участием Сандры Мило («Сов. экран», 1967, № 11);

Рамакришна Парамахамса был философом и стремился к социальным преобразованиям..., но: статую *Рамакришны Парамахамса* поставили, однако, в храме (И. Эренбург. Япония, Греция, Индия. М., 1960);

...где гримировался *Осава*. Кожа на щеках и на лбу у *Осавы* была подтянута, но: ...что-то записывали сзади на кимоно у *Осава*; мы имели возможность накоротке поговорить с *Осава* (К. Симонов. Рассказы о японском искусстве. М., 1958).

Следует заметить,— пишет А. А. Зализняк, что общая тенденция к неизменяемости захватывает также часть иностранных фамилий (реже имен) на *-а*, *-я*; например, фамилии *Буркия*, *Залка*, *Латтуада*, *Нкрума*, *Ояма*, *Страда* и т. п. могут колебаться между I субстантивным и нулевым типами склонения, в частности, в газетной практике... Неславянские топонимы на *-а*, *-я* иногда могут колебаться между I-м субстантивным и нулевым типами склонения. Имена нарицательные, не входящие в исходный материал, в подавляющем большинстве случаев точно подчиняются общим правилам о типе склонения» [7].

Какими внутрилингвистическими причинами можно объяснить этот разнобой? Среди причин разного рода можно назвать две, имеющие влияние на всю морфологию ономастики, это: 1) последовательный рост аналитических падежных форм существительных, охватывающий отдельные члены парадигмы или же всю парадигму склонения целиком (некоторые группы аббревиатур, географических названий, заимствованных слов и т. д.) [8]; 2) специфика отношения морфологических отклонений в ономастике к литературной норме. Относительно второго пункта приведем несколько примеров:

---

[7] А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967, стр. 216—217.

[8] «Русский язык и советское общество (тезисы докладов)», стр. 18.

... была показана «Иерма» *Гарсиа Лорки* в новом переводе ... («Театр», 1967, № 5); Театр *Гарсиа Лорки* («Театральная афиша». М., 1967), и: Антони Куин... намерен поставить фильм по пьесе испанского антифашиста *Фредерико Гарсиа Лорка* «Кровавая свадьба» («Сов. экран», 1967, № 16);

... это цитата из статьи *В. Страды* «Мысли об итальянском романе». Последние статьи *Страды* дают ответ на этот вопрос ...а то, что далеко не все в этой политике устраивает *В. Страду* («Лит. газета», 1967, № 40), и: Встретился я во Флоренции и с давнишним своим другом *Витторио Страда* (В. Некрасов. Путешествие в разных измерениях. М., 1967);

Польская актриса *Пола Ракса*, занятая в заглавной роли,— опытная исполнительница. Партнер *Полы Ракса* (sic!) Юрий Каморный... («Московская кинонеделя», 1967, № 38); Привлекут зрителей имена Беаты Тышкевич и *Поли Раксы* («Сов. экран», 1967, № 11);

Да, у нас любят и знают Сервантеса, *Лопе де Вега*, Кальдерона, преклоняются перед гениями *Гойи*, Веласкеса, Эль-Греко (Ф. Б у р л а ц к и й. Испания: Коррида и каудильо. М., 1967; вместо привычного: любят *Лопе де Вегу*) и т. д.

Приведенные склоняемые и несклоняемые формы собственных имен на *-а* в равной мере принадлежат литературному языку [9].

Даже в Институте русского языка АН СССР часто на заседаниях Ученого совета можно слышать: «В докладе доктора *Лешка*», или видеть на доске объявлений такой приказ: «Членов-корреспондентов АН СССР... полагать в командировке в г. *Махачкала* с 14 по 19 июня с. г.»

Такое безразличие литературной нормы к морфологическим вариантам ономастики способствует или, точнее, не препятствует существующему морфологическому разнобою в этой группе существительных.

Есть и другие причины лингвистического порядка, которые оказывают влияние на склонение данного конкретного морфологического типа имен собственных. Основная причина заключается, на наш взгляд, в противоречии между морфологическим родом [10] и реальным ро-

[9] Это, однако, не означает, что литературная норма вообще «безразлична к ономастике». Так, например, в орфоэпии литературным считается лишь несмягченное произношение согласных в положении перед *е*. Произношение типа Шо[п'е]н, Фло[б'е]р лежит за пределами литературной нормы. В современной лингвистике вопросы отношения литературной нормы к различным лингвистическим аспектам собственных имен еще недостаточно изучены.

[10] «Морфологический род — это характеристика парадигмы, показывающая для существительных какого рода характерен набор окончаний данной парадигмы. ... С практической точки

дом (полом) носителя фамилий или имени. Это же противоречие существует и в группе апеллятивов I субстантивного типа, но в ономастике эта группа имен мужского рода значительно бóльшая, чем в апеллятивах. В последних среди массы имен женского (реального) рода на *-а* имеется несколько (во много раз меньше, чем первых) имен мужского (реального) рода. В ономастике же число имен мужского рода (пола) на *-а* несоизмеримо большее, чем в апеллятивах. В апеллятивах «... слова *акула*, *балерина* и т. п. и *мужчина*, *воевода* и т. п. с морфологической точки зрения совершенно одинаковы; поэтому при описании они всегда образуют единую рубрику, обозначаемую, естественно, как «существительные женского морф. рода». Что же касается различия между этими словами по роду, то оно с морфологической точки зрения несущественно и может просто не отмечаться» [11]. В ономастике это различие по морфологическому роду и реальному роду (полу) носителя мужского имени или фамилии оказывается гораздо более ощутимым [12]. Справочную службу Института русского языка постоянно спрашивают: «Как склонять фамилию *Балла*, если это мужчина?» или: «*Колла*, мужского рода? Как писать: товарищу *Колла* или товарищу *Колле*?» Спрашивающих явно не устраивает мужской род носителей фамилий, по форме принадлежащих к женскому морфологическому роду. Склонять или не склонять их, если они принадлежат мужчинам?

Приведем несколько примеров: ... Двадцать четыре года жизни с *Бела Куном*. Я стала женой *Бела Куна*. *Бела Куну* лучше всего было бы родиться сказочным богачом («Юность», 1967, № 7);

Чемаль Стафа был пламенным агитатором свободы... Недавно вся Албания отметила пятнадцатилетие гибели своего национального поэта *Чемаля Стафа* («Ин. лит-ра», 1957, № 8);

Оказалось, что счастливый исполнитель этого экспромта — талантливый студент ГИК мариец *Иван Кырла*. Потом следы *Кырла* затерялись («Сов. экран», 1967, № 11);

зрения понятие морфологического рода является чрезвычайно полезным. В морфологическом описании существительных оно требуется даже чаще, чем понятие рода» (А. А. Зализняк. Указ. соч., стр. 147).

[11] А. А. Зализняк. Указ. соч., стр. 147.

[12] «Представляет интерес,— пишет А. А. Зализняк, правда, не имея при этом в виду группу ономастики,— специально рассмотреть возможные расхождения между родом и морфологическим родом одного и того же существительного» (указ. соч., стр. 148).

Главную роль с большим мастерством исполняет молодой актер *Питер Фонда*, сын одного из талантливейших актеров Америки *Генри Фонда* («Сов. экран», 1966, № 21);

Рейха придавал большое значение своим познаниям; ...что же касается фуг, о которых я говорил с *Рейха*; ... поместил меня в класс контрапункта и фуги, руководимый *Рейха*; я поступаю в класс *Рейха* (Г. Берлиоз. Мемуары. М., 1961);

Бека Опизари. ... монография о замечательном древнегрузинском ваятеле *Бека Опизари*. ... установить произведения, принадлежащие *Бека Опизари* («Лит. Грузия», 1957, № 2);

Рыжий *Дата* все еще стоял у стола... «Я, дура, почему-то решила, что он позвонил»,— сказала женщина и посмотрела на *Дата* (Лит. Грузия», 1967, № 2);

Станислав Барея, польский режиссер, готовится к работе над фильмом... Сценарий Яцека Федоровича и *С. Барея* («Сов. экран», 1967, № 16);

Извозчик *Вала*. Дедушка очень любил извозчика *Вала*. Когда надо было подковать лошадь или объездить ее, дедушка всегда звал *Вала* («Лит. Грузия», 1967, № 1).

Очевидно, это противоречие между мужским родом носителя имени или фамилии и женским морфологическим родом [13] их склонения становится настолько ощутимым, что приводит к несклонению собственных имен на *-а*. Такое объяснение тем более вероятно, что в морфологии топономастики уже есть соответствующий прецедент: женские фамилии на согласный, морфологический род которых противоречит их реальному роду, не склоняются.

Но параллельно, разумеется, встречаются и склоняемые формы, в которых то же противоречие между морфологическим и реальным родом не мешает собственным именам склоняться:

Матоуш Куба дивился его разуму ... со своим слугой *Матоушем Кубой* (Франтишек Кубка. Улыбки и следы Палечка. М., 1963); Разговор с *Франтишеком Кубкой* (Там же); ... доктор филологических наук *Яромир Едличка*; ... наш сотрудник посетил *Яромира Едличку* («Лит. Грузия», 1957, № 2);

... два чехословацких фильма. Первый из них поставлен режиссером *Откаром Ваврой*; ...поэтическая картина *О. Вавры* — «Романс для корнета» («Сов. экран», 1967, № 17); ... в картине *Юлиана Дзедзины* (Там же);

---

[13] «Один *Габуниа*, писавший свою фамилию через *я* в конце, жаловался на то, что многие, не будучи лично с ним знакомы, ... принимают его за особу женского пола, по всей вероятности полагая, что мужчина носил бы фамилию «Габуний»» (С. И. Данелиа. Русская транскрипция группы фамильных имен. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1950, т. IX, вып. 5).

Выходит на экраны фильм «Пепел», поставленный крупнейшим режиссером Польши *Анджеем Вайдой* («Сов. экран», 1967, № 11).

... представляющие танцующего четверорукого *Шиву*... (И. Эренбург. Япония, Греция, Индия).

Таким образом, в настоящее время параллельно сосуществует два морфологических способа изменения собственных имен (в основном, заимствованных) на *-а*. Первый — склонение этих собственных имен по I субстантивному типу склонения, старый способ морфологического изменения этих существительных. И второй — несклонение собственных имен на *-а*. К изменению по нулевому типу склонения приводит противоречие между морфологическим и реальным родом носителя имени или фамилии.

Однако и в женских именах и фамилиях на *-а*, где нет противоречия между их морфологическим и реальным родом, также очень часто можно наблюдать отсутствие склонения, например:

О художнике *Варе Линда* я впервые услышала на Московском международном фестивале мод ...*Линда* показывает только что вышедшие журналы «Рижские моды», «Моды для детей» («Веч. Москва», 25 окт. 1967 г.); ... главные роли в исполнении *Джейн Фонда* и Лорана («Сов. экран», 1967, № 11);

Лусеро Тэна — создательница нового жанра танца с кастаньетами. В концертах *Лусеро Тэна* участвует московский симфонический оркестр («Веч. Москва», 1 апр. 1967 г.);

Польская актриса *Пола Ракса* ... — опытная исполнительница. Партнер *Полы Ракса* — Юрий Каморный («Моск. кинонеделя», 1967, № 38);

...Клаудиа Кардинале играет роль *Анджелики Седара* («Сов. экран», 1967, № 13);

Мадам Каулла обзавелась квартирой...; ... он познакомился *с баронессой фон Каулла* (Р. Сет. Тайные слуги. М., 1962, стр. 63);

Нам предстояло встретиться со старейшей здешней мастерицей по росписи фарфора. Ее звали *Масу Кимура*; Я спросил *госпожу Кимура* о ее семье: Разговор снова перешел на искусство *госпожи Кимура* (К. Симонов. Рассказы о японском искусстве).

Дать однозначное объяснение несклонению женских фамилий и имен на *-а*, морфологический и реальный род которых совпадают и не противоречат модели их склонения, не представляется, видимо, возможным. Вполне вероятно предположить здесь одновременное действие нескольких причин, из них основными могут быть: 1) уже названное развитие аналитизма во всей морфологической

системе русского языка, 2) распространение несклоняемости мужских имен и фамилий на *-а* на фамилии и имена женского рода, 3) влияние несклоняемости женских фамилий на согласную. При этом женские фамилии на *-а* рассматриваются как члены некоторой пропорции: женские на согласную так относятся к мужским на согласную, как женские на *-а* относятся к мужским на *-а* [14].

Свидетельством несклоняемости фамилий на *-а* могут служить публикации о защите диссертаций в «Вечерней Москве». Из текста объявления неясно, кому принадлежат фамилии — мужчинам или женщинам. Естественно предположить, что имеются и те, и другие:

Защита диссертаций:

Варга А. А. 23/VI—66;
Кутуза Б. Г. 20/V—66;
Ажажа В. Г. 17/V—66;
Проскурня Г. П. 1/XII—66;
Берулава Р. Г. 1/XII—66
Мина Р. Т. 7/VI—66;
Доля В. Т. 20/V—66;
Келеберда К. Я. 1/XII—66;
Чепинога А. И. 2/XII—66;
и т. д.

А. А. Зализняк считает, что фамилии этого типа (заимствованные на *-а*. — *Л. К.*), впервые попадающие на газетную полосу, чаще трактуются как неизменяемые, чем те, которые уже получили известность» [15]. Это замечание верно. Однако склонение некоторых фамилий противоречит этому утверждению.

Так, например, фамилия известного итальянского режиссера *Витторио де Сики* практически не склоняется, несмотря на достаточно частую встречаемость ее в текстах определенного содержания: ...в одной из новелл фильма Витторио де Сика «Семь раз женщина», съемки которого велись в Париже («Сов. экран», 1967, № 14); «Чудо в Милане» *Витторио де Сика* («Сов. экран», 1967, № 15); Лучшей картиной той поры я считаю поставленную *Витторио де Сика* комедию... («Сов. экран», 1966, № 21); ...познакомиться со многими фильмами *Де Сика* и Дзаваттини; ...звучит у *де Сика* камерно и приглушенно; Для *де Сика* начался период неуверенности и блужданий («Сов. экран», 1967, № 3).

[14] Интересно, что совпадение женской фамилии с мужской, свойственное ряду европейских языков, начинает распространяться и на славянские языки. В русском оно касается женских заимствованных фамилий на согласную. В польском такая форма передачи женских фамилий отвоевывает все больше места у ранее распространенных моделей образования женских и девичьих фамилий. Все более становится употребительным *Zaręba* вместо *Zarębina* и *Zarębianka*, *Kwiatek* вместо *Kwiatkowa* и *Kwiatkówna*, *Roek* вместо *Roikowa* и *Roikowna* и т. п.

[15] А. А. Зализняк. Указ. соч., стр. 216.

Предположение, что причиной несклоняемости фамилии может служить заднеязычный конечный согласный основы, не подтверждается, потому что другие собственные имена, имеющие в конце основы тот же заднеязычный, как славянские, так и заимствованные, встречаются и в склоняемом, и в несклоняемом виде:

Леонид Осыка — кинорежиссер, выпускник ВГИКа. Государственная экзаменационная комиссия дала диплому *Леонида Осыки* высшую оценку. Доснимать предложили *Осыке* («Юность», 1957, № 5); см. статью *Иржи Плахетки...*; Рассказы о *Матэ Залке* («Центр. телевидение», 1 июня 1967 г.); была показана «Иерма» *Гарсиа Лорки* в новом переводе («Театр», 1967, № 5); но: Антони Куин ... намерен поставить фильм по пьесе испанского антифашиста *Фредерико Гарсиа Лорка* «Кровавая свадьба» («Сов. экран», 1967, № 16); Пейзаж Иокогамы или *Осаки* напоминает Детройт; Вкусы рабочего *Осаки* мало чем отличаются от вкусов китайского знатока (И. Эренбург. Японские заметки.— «Иностр. лит-ра», 1957, № 8); В *Осаке* 3.200 тыс. чел. (С. Жемайтис, В. Кривоученко. Под сенью Фудзиямы. М., 1966), но: И в *Осака* высотные громады ...В *Осака* судоверфь сливается с судоверфью (Н. Федоренко. Японские записи.— «Новый мир», 1967, № 7); Какие-то родственники из *Осака* удочерили и вырастили ее (Вс. Овчинников. 53 станции Токайдо. М., 1966); Например, о котлостроительной фирме в *Осака* газета писала... (С. Жемайтис, В. Кривоученко. Под сенью Фудзиямы) и т. п.

Конечный заднеязычный не мешал склонять такие собственные имена, как остров *Ямайка*, фамилию *Петрарки* и т. д.

Предположение, что эта фамилия (*Де Сика*) не склоняется по причине ее неблагозвучия для русского языка, также не подтверждается, так как это неблагозвучие в равной мере свойственно и именительному падежу фамилии.

Следует сказать, что рассматриваемые изменения в морфологии имен собственных, оканчивающихся на *-а* неударное, протекают в последние десятилетия весьма интенсивно. В этих изменениях можно проследить и лингвистически объяснить лишь общие направления этих изменений; несклонение же отдельных имен собственных при параллельном склонении сходных с ним других не всегда может иметь убедительные объяснения. Иными словами, этим морфологическим изменениям свойственна известная непоследовательность, беспорядочность.

В группе собственных имен, оканчивающихся на *-а*, выделяются две семантические группы имен, несклоняемость которых особенно заметна; это группа грузинских собственных имен и группа японских собственных имен.

Грузинские собственные имена на *-а*

Это довольно обширная группа собственных имен, среди которой можно выделить имена на *-а* (*Важа*, *Пшавела*, *Дата*, *Эка*, *Нектарина*), на *-ава* (*Чикобава*, *Папава*, *Гудава*, *Мелиава* и т. д.), на *-ая* (*Шенгелая*, *Гулая*), на *-ия*, *-иа*, *-уа* (*Гурдземиа*, *Русундиа*, *Стуруа*, *Грузия*) и т. п.

Грузинские имена, оканчивающиеся на *-а*, типа *Дата*, *Вала* и т. п., встречаются и в несклоняемой, и в склоняемой форме:

Дедушка очень любил извозчика *Вала*; ... дедушка всегда звал *Вала*... («Лит. Грузия», 1967, № 1); *Дата* все еще стоял у стола... «Я, дура, почему-то решила, что он позвонил»,— сказала женщина и посмотрела на *Дата*... («Лит. Грузия», 1967, № 2); В танце идут по кругу Маци и *Эка*; скоро он встретился с любимой девушкой *Экой* («Москов. кинонеделя», 11 июня 1967 г.); увенчалась блистательным переводом поэмы *Важа Пшавела* «Гоготур и Апшина» («Лит. Грузия», 1967, № 1); Вместе с последним вздохом двух последних могикан грузинского классического реализма — Акакия Церетели и *Важа Пшавела* ... казалось, умер сам реализм («Лит. Грузия», 1957, № 2); Это же *Тайя*, вылитый *Тайя*! Толисквами любит эти книги — они принадлежат *Тайе*! Господь сподобит и меня увидеть тебя с *Тайей* под венцом. Тетя Нектарина прочит ее в невесты *Тайе* (Там же) и т. д.

Другие же группы грузинских имен встречаются в подавляющем большинстве случаев в несклоняемой форме. Как правило, не склоняются имена на *-ава*:

Уту Микава — руководитель крестьянского восстания в Мингрелии ... Уж как заодно были крестьяне во времена *Уту Микава*; ночевать буду у *Парны Бжалава*; спросил я *Гогинава*; подойдя к *Гогинава*; вспомнил ...перевод стихотворения *Х. Берулава* «Ленин» («Лит. Грузия», 1957, № 2); Кружковцы робко пригласили *Акакия Хорава* сыграть с ними лавреневский «Разгром». Жители города увидели *Хорава* в роли Берсенева в дружном ансамбле («Лит. Грузия», 1957, № 2).

Грузинские фамилии на *-ава* не склоняются даже в лингвистической литературе:

Без сомнения *А. С. Чикобава* известно не менее других, что нет не искусственных литературных языков; Полемика Л. А. Булаховского с *А. С. Чикобава* касалась единого языка будущего (ВЯ, 1966, № 1, стр. 42); Благодаря работам *А. С. Чикобава*, *В. Т. Топуриа* и *Г. В. Рогава* в картвелистике получила значительное распространение... (стр. 46); ... наиболее значительной является попытка *Г. В. Рогава*... (стр. 37); ... работы Ал. Цагарели, Н. Я. Марра,

А. С. Чикобава, *Г. В. Рогава* и др. ... (стр. 44); благодаря работам *А. С. Чикобава* .... (стр. 24); .... наиболее значительной является попытка *Г. В. Рогава* реконструировать ... (стр. 37) (Г. А. К л и м о в. Кавказские языки. М., 1965.)

Причиной довольно последовательного несклонения лингвистами грузинских фамилий на *-ава*, очевидно, являются личные контакты русских и грузинских лингвистов и известное желание грузин не склонять свои фамилии в русских текстах даже в тех случаях, когда они могут и должны склоняться по законам русского языка, т. е. причина нелингвистического порядка. Все это может служить лишь доказательством, что и лингвисты не всегда могут избежать нелингвистических влияний даже в чисто лингвистических вопросах.

Фамилия *Булата Окуджавы*, хотя и принадлежит к рассматриваемой группе грузинских имен, однако всегда склоняется как в устной, так и в письменной речи: Песенка про капли датского короля написана *Б. Окуджавой* ... в исполнении Саши Кавалеровича и *Булата Окуджавы* («Москов. кинонеделя», 28 мая 1967 г.).

Склонение фамилии *Б. Окуджавы*, очевидно, может быть объяснено недостаточно ясным отнесением к группе грузинских имен. Сам поэт свою фамилию не склоняет (см. в сборнике «Март великодушный», М., 1967, посвящение: *Арчилу Окуджава*).

Сложность представляет еще одна группа грузинских имен, оканчивающихся на *-ия*, *-иа*. Оставим в стороне вопрос о том, какая русская транскрипция этих фамилий более правильна. Дело в том, что в русском языке встречаются грузинские (точнее, мингрельские) фамилии, оканчивающиеся на *-ия* и на *-иа*. По нормам современной морфологии, фамилии, оканчивающиеся на *-ия*, должны склоняться, а оканчивающиеся на *-иа* — нет. Но в языке-источнике и те и другие фамилии принадлежат к одному морфологическому классу имен с *-а* на конце. Все их различие заключается в русской транскрипции, по которой одни переданы через *-ия*, другие — через *-иа*.

С. И. Данелиа, автор статьи об этой группе грузинских фамилий, полагает, что их следует не склонять, при этом он ставит вопрос следующим образом: «Решение всецело зависит от того, считать ли эти фамилии за склоняемые в русской речи слова или нет. Если это

склоняемые в русской речи слова, тогда их конечное *а* в положении после *и* в русском языке должно быть обращено в *я*, и подобно тому, как пишут *Азия*, *Италия*, *материя*, должно писать *Данация*, *Топурия*, *Герсамия*; если же это несклоняемые в русской речи слова, тогда нет никаких оснований для того, чтобы конечное *а* этих фамильных имен, стоящее в их грузинском начертании, было обращено в *я*... Итак, ставится вопрос, склоняемы ли в русской речи мингрельские фамилии, имеющие в грузинской транскрипции окончание *а*?» [16] Автор статьи несколько странно ставит вопрос: если до сих пор склонение — несклонение имени ставилось в зависимость от его окончания в русском языке, то он, напротив, предлагает сначала решить вопрос о склонении или несклонении имени (на основании каких данных?), а в зависимости от этого уже решать вопрос о его окончании. «Поскольку грузинские фамилии,— пишет дальше С. И. Данелиа,— как общее правило, не подлежат в русской речи склонению или изменению по падежам, постольку и мингрельские фамилии, в грузинском письме оканчивающиеся на *а*, не подлежат склонению в русской речи. Если нельзя говорить и писать: «Он встретил Чавчавадзя», «Мы поклонились Чавчавадзю», — то не больше оснований говорить и писать: «Он встретил Герсамию», «Мы разговаривали с Герсамиею» [17]. Таким образом, автор склонение имен ставит в зависимость не от их окончания в русском языке, а от их склонения — несклонения в языке-источнике.

Однако, как это ни парадоксально, С. И. Данелиа прав, прав не в своем ультимативном требовании не склонять грузинские и мингрельские фамилии в русском, потому что они не склоняются в грузинском, а прав практически: действительно, имена на *-ия*, принадлежащие в русском языке к первому субстантивному типу склонения, не склоняются потому, что принадлежат к лексической группе грузинских имен, значительная часть которых — собственные имена на *-и* и *-е* — несклоняемы в русском языке.

---

[16] С. И. Данелиа. К вопросу о русской транскрипции одной группы грузинских фамильных имен. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1950, т. IX, вып. 5, стр. 403.

[17] Там же, стр. 404.

Приведем примеры: ... посмотрите телевизионный спектакль *Г. Гулия* («Центр. телевидение», 1 июня 1967 г.); Защита диссертации *Лурия Е. А.* («Веч. Москва», 29 июня 1966 г.); *Топурия М. Д.* («Веч. Москва», 31 мая 1966 г.); Одна из версий жизни *Маци Хвития* использована в романе; В нем она неожиданно узнала своего бывшего мужа, *Акия* ... В селе хорошо была известна дружба его сына *Акия* с бандитом *Гогия*. Односельчане требовали суда над *Акия* («Москов. кинонеделя», 11 июня 1967 г.); Фамилии Егорова и *Кантария* известны всему миру («Известия, 1967, № 108); Но я тут же вспомнил происшествие с охотником *Нодия* и остался на месте. *Нодия*, ожидая зверя, переменил место; Этот перевод стихотворения *А. Шенгелия* «Рассвет» сделан с такой силой... Перевод из *А. Шенгелия* — один из самых новых в книге друзей («Лит. Грузия», 1957, № 2); Из докладной записки председателю меньшевистского правительства *Н. Жордания* об условиях труда рабочих в Ткибули («Лит. Грузия», 1967, № 1).

Однако такая достаточно частая несклоняемость грузинских имен и фамилий на *-ия* еще не означает, что они стали несклоняемыми в русской морфологической системе. Можно лишь говорить, что в этой группе имен собственных происходят существенные морфологические сдвиги. Убедительнее всего о таких морфологических сдвигах свидетельствуют случаи склонения грузинских (и не только грузинских [18]) имен собственных, оканчивающихся на *-иа* и по своему окончанию принадлежащих к нулевому типу склонения: ... посредине села вдова Иосэ — *Русундиа*... Ведь Вамек был в глазах *Русундии*... человеком, наделенным почти божественной силой; ночью крестьяне собрались на берегу, там, где *Гурдземиа* впадает в Техури. Все остались довольны: рыбы на этот раз зашло в *Гурдземию* много («Лит. Грузия», 1957, № 2).

Состояние морфологической системы этой группы грузинских имен собственных в настоящее время несколько напоминает картину падения редуцированных, когда постановка редуцированных там, где их не должно было

[18] Ср.: ... эти письма станут основой книги Альберто Моравиа «*Клаудиа* Кардинале» ... И *Клаудиа*, оставшись *Клаудией*, была нежна и прекрасна; ... она стала той *Клаудией* Кардинале, которую мы сейчас знаем. На *Клаудиу* (sic!) Кардинале сразу же обратили внимание серьезные режиссеры. Среди друзей *Клаудии* Кардинале известные писатели и журналисты... («Сов. экран», 1967, № 13). Интересно, что в той же самой статье фамилия *Альберто Моравиа* (принадлежащая тому же нулевому типу склонения, что и имя *Клаудиа*) не склоняется: Когда Мазелли готовился перенести на экран роман *Альберто Моравиа* «Равнодушные», выбор писателя пал на Кардинале.

быть, могла означать лишь одно — что наступил процесс падения редуцированных.

Практически не склоняется еще одна группа грузинских имен, имеющая соответствующий образец для склонения в группе имен собственных. Грузинские фамилии *Панцулая*, *Бегвая*, *Саджая*, *Цхадая*, *Цхакая* и т. п. могли бы склоняться по образцу имени собственного *Аглая*, однако не склоняются:

...интерес, с которым зрители посмотрели картину *Г. Шенгелая* («Сов. экран», 1967, № 11); В самом деле, неопытность Шпаликова, дебютанта в режиссуре, в наибольшей степени сказалась в работе с актерами — Кириллом Лавровым и *Инной Гулая* («Сов. экран», 1967, № 2); Беноĭа отправился в семью покойного *Хубуная*; Ого, у тебя гость,— добавил Вамек, увидев *Манчу Джгереная*. Обратился он к *Джгереная*; Перевод с грузинского *А. Татарая* («Лит. Грузия», 1957, № 2); Встретили мы здесь и прославленного чаевода ... *Ц. Колбая* ... В юбилейном году *Ц. Колбая* решила с этого же участка сдать Родине уже 6000 килограммов («Веч. Тбилиси», 27 марта 1967 г.).

Таким образом, грузинские собственные имена представляют собой в морфологии собственных имен особую лексическую группу, характеризующуюся бóльшей несклоняемостью, чем другие лексические группы имен собственных. Причиной такой «усиленной несклоняемости», как уже говорилось выше, можно считать довольно значительное число грузинских собственных имен, оканчивающихся на *-и*, *-е*, *-уа*, *-оя*, *-оа*, *-иа*, принадлежащих к нулевому типу склонения, таких, как: *Тбилиси*, *Кутаиси*, *Джугашвили*, *Джавахашвили*, *Андроникашвили*, *Чавчавадзе*, *Майсурадзе*, *Герсамиа*, *Стуруа*, *Роруа*, *Дундуа*, *Качойя*, *Беноĭа*, *Элоĭа*, *Джанашиа*, *Герсамиа* и т. д. и т. п. Эта группа несклоняемых имен как бы выравнивает по этому же типу склонения и другие грузинские собственные имена, хотя они и имеют окончания, по которым могли бы склоняться в русском языке.

Японские имена собственные

Кроме грузинских, можно вычленить еще группу японских собственных имен. В ней действуют те же закономерности, что и в группе грузинских собственных имен, но к ним нужно добавить еще сравнительно большую ред-

кость японских собственных имен и бо́льшую их экзотичность для русского языка. Если понаблюдать за морфологическим функционированием японских собственных имен на *-а* в русском языке, то прежде всего заметен разнобой в их морфологии. Одни собственные имена на *-а* склоняются, другие — нет. Эта разница в морфологическом оформлении может быть как в разных изданиях, так даже и в пределах одной книги. Приведем примеры:

В *Фукуоке* вокруг буддийского храма бегали больные, касаясь ладонями камней... На мосту в *Фукуока* (И. Эренбург. Япония, Греция, Индия. М., 1960); В *Фукуоке* вокруг буддийского храма бегали спортсмены (И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. «Наука и жизнь», 1967, № 7); Приехал раз из *Фукуоки* профессор университета; *В Фукуока* они запасаются белыми разряженными куклами (Вс. Овчинников. 53 станции Токайдо, М., 1966);

Мы посетили огромный цветник в окрестностях *Камакуры*. Тогда мы насчитали в *Камакуре* до тысячи видов хризантем; В *Камакуре* мы были в начале лета... В *Камакуре* редки морозы... Подобно тому, как некогда в *Камакуре*...; Они только что вернулись из города *Камакура*... Сотни тысяч людей стекаются в это время в *Камакура*...; ...нам удалось вооружиться в *Камакура* священными стрелами «хамая»; В выборе места верховной ставки именно в *Камакуре* первостепенную роль сыграло то обстоятельство...; ...на благодатной почве *Камакуры*; Здесь, в *Камакуре* прошло детство; ... возникновение ритуала стрельбы из лука связывается с *Камакура* Бакуфу, верховным органом управления страной (Н. Т. Федоренко. Японские записи. М., 1966); По пути в курортный городок Атами делаем остановку в *Камакура* (С. Жемайтис, В. Криворученко. Под сенью Фудзиямы. М., 1966);

Дом *Токугава* понимал это; ...власть захватил феодальный дом *Токугава*. Сёгуны из дома *Токугава*... (Р. Сет. Тайные слуги, М., 1962); в десятках английских и французских книг пагода-мавзолей сёгунов *Токугава* в Никко описывается как шедевр японского зодчества (И. Эренбург. Япония, Греция, Индия); ... оно родилось как обратная реакция на принудительную изоляцию и застой времен сёгунов *Токугава* (Вс. Овчинников. 53 станции Токайдо). Но: Этот превосходный парк был создан около двухсот лет тому назад в расцвете бурной эпохи *Токугав* (К. Симонов. Рассказы о японском искусстве. М., 1958);

... где гримировался *Осава*...; ...что-то зашивал сзади на кимоно у *Осава*; ... мы имели возможность накоротке поговорить с *Осава*. Но: Кожа на щеках и на лбу *у Осавы* была подтянута (Там же);

Зато Расемон *Куросавы* вызвал бурные споры («Сов. экран», 1967, № 17). Но: Взрослый *Кавакама* Кен... возвращается в Японию. Советский Союз показан в фильме глазами десятилетнего мальчугана *Кавакама* Кена. Одна — малыша *Кавакама* Кена... («Спутник кинозрителя», 1967, № 7) и т. д.

Однако если внимательно присмотреться к этому морфологическому разнобою, то в нем можно увидеть, если и

не тенденции в морфологическом изменении, то хотя бы некоторые направления. Так, можно сказать, что за последние два десятилетия значительно увеличилось число несклоняемых японских собственных имен и уменьшилось число склоняемых. Это достаточно наглядно можно увидеть на примере названий некоторых японских городов.

Вкусы рабочего *Осаки* или крестьянина Кюсю мало чем отличаются от вкусов токийского знатока (И. Эренбург. Япония, Греция, Индия); Конечно, есть *в Осаке* биржа и на бирже маклеры (Там же); Пейзаж Иокогамы, или *Осаки*, напоминает Детройт (И. Эренбург. Японские заметки), но: Театр кукол *в Осака*; ...я специально поехал из Киото в *Осака* (К. Симонов. Рассказы о японском искусстве); в *Осака* любят покушать, а в Киото— пощеголять; Быстрое развитие *Осака*; повисает над серыми громадами *Осака*; благодаря которым *Осака* называют; в двухстах километрах от *Осака*; Быт тружеников *Осака* (Н. Федоренко. Японские записи. М., 1966); Во многом характеристика эта относится и *к Осака*; ... и в *Осака* высотные громады... *В Осака* судоверфь сливается с судоверфью (Там же);

Школа, подобная токийской, была и *в Осака* (Р. Сет. Тайные слуги); 50 миль к югу от *Осака* (В. Крюгер. От Австралии до Японии. М., 1958); Отвечал нам попутчик, крупный судостроитель *из Осака*; Какие-то родственники *из Осака* удочерили и вырастили ее; ...на подвальном складе в *Осака*... (Вс. Овчинников. 53 станции Токайдо); Например, о котлостроительной фирме *в Осака* газета писала (хотя: *в Осака* 3.200 тыс. чел.) (С. Жемайтис, В. Криворученко. Под сенью Фудзиямы, М., 1966); ... кроме ручных оленей в священном парке *Нары* их ожидали услужливые проводники и комфортабельные гостиницы; Достаточно сравнить мавзолей в Никко с пагодой Хорюдзи *в Наре*, с более поздними дворцами в Киото, чтобы понять... (И. Эренбург. Япония, Греция, Индия); возле древних храмов и монастырей, особенно в Киото и *Наре*, вереницы больших автобусов; В музее *Нары*, рядом с изумительной головой Бодисатвы, стоят статуи его учеников (И. Эренбург. Японские заметки), но: Мы долго любовались в красивейших местах Японии — *Нара* и Никко — работами японских художников; Когда мы посещали знаменитые храмы Киото или *Нара*... Храм Цуругагока Хатиман ... вскоре стал одним из крупнейших центров массового паломничества наравне с храмами *Нара* и Киото; Из Киото наш путь пролегал в город *Нара* ... Дорога в *Нара* проходит среди рисовых полей; являются главной достопримечательностью *Нара*; до сих пор *Нара* посещают ежегодно свыше трех миллионов пилигримов и туристов (Н. Т. Федоренко. Японские записи); Да собственно, лучшие храмы *в Нара*, Киото, Камамура (Н. Федоренко. Японские записи. «Новый мир», № 7, 1966, стр. 183).

Эти изменения в склонении двух японских топонимов — *Осаки* и *Нары* нельзя, собственно, объяснить изменением во времени, потому что разные варианты склонения в ряде

случаев не имели разрыва во времени (ср. склонение *Осаки* у Эренбурга — 1957 и несклонение у Симонова — 1958). Интересен сам факт, что для Эренбурга круг склоняемых японских топонимов на *-а* несколько шире, чем у других авторов [19]. Сам факт различного морфологического оформления одного морфологического типа существительных у разных авторов свидетельствует о неустойчивости данного морфологического явления в рассматриваемый промежуток времени.

Кроме того, в последнее десятилетие наблюдается у достаточно большого числа самых различных авторов стремление не склонять японские топонимы и антропонимы на *-а*:

Постановка Эдуарда Бочарова и Тайносэ *Кинугаса* («Спутник кинозрителя», 1967, № 7); *Мацумия* звонил *Имамура*; Внимание привлек военно-морской атташе капитан 2-го ранга *Итимия*; Изучив банковский счет *Итимия*; принадлежит капитану 2-го ранга *Итимия*; недоуменно смотрел на маленького капитана 2 ранга *Акира* Ямаки; Хорошие отношения установились и с полковником Хироси *Осима*, который по просьбе *Доихара* познакомил немца...; ...что он узнал от *Осима*; ...где вскоре встретился с Тюдзо *Хатвара*... Вслед за Акаги и *Хатвара* в клуб вошел Гисслинг. Теперь ФБР могло добавить в свой список подозреваемых *Гисслинга*, Акаги и *Хатвара*; Акаги направился к *Хатвара*. Вот почему граф фон Кейтель познакомился с Акаги, *Хатвара* и супругами *Фурусава*; звонок *Фурусава* вызвал подозрение; Занятость доктора *Фурусава* в лечебнице мешала ему; кроме особого интереса, проявленного *Фурусава* (Р. С е т. Тайные слуги); Он напомнил о «деле *Симонака*» ...Террорист возвратился в квартиру *Симонака*; глубокий след оставила она в душе самого *Ота*; поручила Каору *Ота* (Вс. О в ч и н н и к о в. 53 станции Токайдо); говорится в чрезвычайно емком, хотя и миниатюрном по размеру стихотворении поэта *Исса*... В другом стихотворении *Исса* воспевается поэтическая тема душевной дружбы; и только после этого, не спеша, переходит *к Охара* сэнсэй. Затем она таким же образом ставит чашку на столик *Охара*; и подносит поочередно ко мне *и Охара*; он отнюдь не намерен давать характеристику *Охара*; В стихотворении *Рёта*, поэта позднего средневековья; Рис поставлялся из крупнейших житниц этой магистрали: *Нагоя*, *Хамамоцу*, *Сидзуока*, *Нумадзу*, *Одавара*, Киото, а также *Осака* и многих других (Н. Т. Ф е д о р е н к о. Японские записи); Через несколько дней *у Ямада* предстояла в Токио годовая выстав-

[19] Интересно, что и И. Эренбург склоняет далеко не все японские топонимы и антропонимы на *-а*: Порт в *Нагоя*; Однако стоит привести слова японского философа и эссеиста *Тецудзо Таникава*, который написал... *Таникава* написал это почти двадцать лет назад (И. Э р е н б у р г. Япония, Греция, Индия); Во главе списка оказались романы *Хироси Ихома* и *Сёхэй Оока* (И. Эренбург. Японские заметки).

ка; мы познакомились с отцом *Ямада*; работавший сейчас у *Ямада*; мы еще раз заехали к *Ямада*; На средства господина *Тонда*; по словам *Тонда*; сын *Тонда* взял с полки флейту, через полчаса мы простились *с Тонда* (К. Симонов. Рассказы о японском искусстве); В это арифметическое среднее входит и зарплата высокооплачиваемых инженеров и самого *Исикава*? В *Нагоя* находится старейший в стране завод; нас приветствовал мэр города *Нагоя* (С. Жемайтис, В. Криворученко. Под сенью Фудзиямы).

Этот список несклоняемых японских собственных имен можно было бы увеличить, однако и приведенные примеры дают достаточно ясную картину, насколько несклоняемость японских топонимов и антропонимов стала распространенным явлением.

Следует, правда, сказать, что заимствуемые японские апеллятивы на *-а* тоже, как правило, не склоняются, что, очевидно, можно объяснить редкостью заимствований из японского: Здесь чаще, чем гудки автомашин, слышится задорный перестук деревянных подошв *гета*; насчитывается сто тысяч *хибакуся* — людей, переживших взрыв; приходится один *хибакуся*; это лечебные книги *хибакуся*; Сам факт существования *хибакуся*; о помощи *хибакуся* (Вс. Овчинников. 53 станции Токайдо); ...искусство составлять букеты, это называется по-японски *икэбана*; кружки, организованные левыми организациями «любителей *икэбана*» (И. Эренбург. Японские заметки); *Ама* — морские девы. По сообщенным нам данным, в 1950 году в районе Сима насчитывалось 6819 *ама*. Первая категория *ама* работает на небольшой глубине. Работа *ама* на больших глубинах представляет собой весьма тяжкий труд. Работа *ама* регламентируется условиями заповедного промысла. Подводная работа *ама* ... сказывается на ее физическом состоянии; на полуострове Сима есть несколько *ама* в возрасте до семидесяти лет (Н. Т. Федоренко. Японские записи); но: здесь прежде всего надо назвать знаменитую японскую вишню — *сакуру*, воспетую в японской поэзии. *Сакура* видна по цветам. Цветение *сакуры*...; Цветы *сакуры* ... встречаются простые и махровые...; С темой цветения *сакуры* в японской поэзии органически сплетены...; Живая ветка *сакуры* (Там же); Интересно, что подобное несклонение апеллятивов наблюдается иногда и в заимствованиях из других языков, например: ... потягивали *виски-сода*...; или интимно, в домашнем кругу, за *виски-сода* (С. Кондрашов. Недалеко от Нью-Йорка.— «Новый мир», 1967, № 9). Правда, здесь возможно предположить изменение по несклоняемой первой части сложного слова. Однако раньше такое слово вряд ли осталось бы несклоняемым.

Интересно, что японские антропонимы женского рода на *-а*, в которых нет противоречия между их реальным родом (полом) и морфологическим родом, также не склоняются, как и антропонимы мужского рода, например:

Нам предстояло встретиться со старейшей здешней мастерицей по росписи фарфора. Ее звали *Масу Кимура*. Я спросил госпожу *Кимура* о ее семье. Разговор снова перешел на искусство госпожи *Кимура* (К. С и м о н о в. Рассказы о японском искусстве); Ее владелицей была приятная восточная дама, называвшая себя Лолой *Осава*; Поразительно красивая японка со странным именем *Бэби О'Хара*; чувствуя симпатию к *Бэби О'Хара*; немедленно позвонить *Бэби О'Хара* и предупредить ее (Р. С е т. Тайные слуги); Это признание в «Белой книге» явилось фатальным для министра социального обеспечения *Накаяма*, единственной женщины в кабинете *Икэда*. Она была лишена министерского портфеля (Н. Ф е д о р е н к о. Японские записки).

Объяснение тому, что японские антропонимы женского рода ведут себя, как японские антропонимы мужского рода, может быть очень простым. Японских имен и фамилий женского рода попадает в русский язык сравнительно мало, в десятки раз меньше, чем мужского рода. Именно по причине своей малочисленности они не могут претендовать на самостоятельную парадигму.

Рассматривая приведенный материал, можно подумать, что не склоняются практически все японские собственные имена, заимствованные русским языком. Однако это не так. Некоторые японские топонимы имеют прочную традицию склонения в русском языке. Одни из них были заимствованы сравнительно давно и склонялись как все существительные с основой на *-а*. Очевидно именно поэтому во всех текстах склоняется топоним *Фудзияма*:

...может, закрыв глаза, нарисовать цветок камелии, *Фудзияму* или женское личико (И. Э р е н б у р г. Японские заметки); Японец не забывает о канонах красоты ни когда обедает..., ни когда проезжает мимо *Фудзиямы* в тесном переполненном вагоне (И. Э р е н б у р г. Япония, Греция, Индия); *Фудзияма* представляет собой потухший вулкан. Последнее извержение *Фудзиямы* было зарегистрировано в 1707—1708 годах. Именно тогда образовался добавочный конус на вершине *Фудзиямы* (Н. Т. Ф е д о р е н к о. Японские записи); На севере возвышается к небу величественный снежный конус неизменно прекрасной *Фудзиямы* (С. Ж е м а й т и с, В. К р и в о р у ч е н к о. Под сенью Фудзиямы).

Топоним *Хиросима* не принадлежит к числу давних заимствований. Он был заимствован в конце второй мировой войны. Его последовательное склонение можно объяснить все же тем обстоятельством, что сравнительно малочисленные японские заимствования в то время еще склонялись, как все с окончанием на *-а*. Последовательному

склонению *Хиросимы* не мешает соседство с несклоняемым топонимом *Нагасаки*:

В Хиросиму поезд пришел вечером. *В Хиросиме* нас поместили в маленькую японского стиля гостиницу; Многие читали о трагедии *в Хиросиме* и Нагасаки (С. Жемайтис, В. Кривоученко. Под сенью Фудзиямы); оправдать перед своей совестью уничтожение *Хиросимы* и Нагасаки (И. Эренбург. Японские заметки); спустя почти двадцать лет после облучения *в Хиросиме* и Нагасаки; тремя днями позже трагедии *Хиросимы* (Н. Т. Федоренко. Японские записи); она не испытала бы на себе и взрывов атомных бомб под Нагасаки и *Хиросимой* (Р. Сет. Тайные слуги); электрокомпания «Тюгоку» *в Хиросиме*; С каким бы чувством ни приезжал *в Хиросиму* заморский турист; не был непосредственным разрушителем *Хиросимы*: Нельзя допустить новых *Хиросим*! (Вс. Овчинников. 53 станции Токайдо).

Труднее объяснить склоняемость японского топонима *Окинава*, попавшего в русские газеты в последнее десятилетие, т. е. именно тогда, когда особенно заметной становится тенденция к несклоняемости японских собственных имен на *-а*. Приведем примеры:

...сборник стихов, вышедший недавно *на Окинаве*; заявить о страданиях жителей *Окинавы*; Сборник стихов *об Окинаве* («Иностр. лит-ра», 1957, № 8); за возвращение Окинавы (С. Жемайтис, В. Кривоученко. Под сенью Фудзиямы); Оснащены ядерным оружием лишь американские войска *на Окинаве*. Соединенные Штаты используют *Окинаву* как военную базу; Оккупацию *Окинавы* он не рассматривает ... вмешательством во внутренние дела Японии; только что прибывших *с Окинавы* (Н. Т. Федоренко. Японские записи); в самом густом после *Окинавы* скоплении; случай с американским истребителем *на Окинаве*; был переброшен к подножию Фудзи *с Окинавы*; тут же вернется *на Окинаву* (Вс. Овчинников. 53 станции Токайдо); Некоторые из приглашенных... вылетели *через Окинаву* в Иокогаму (В. Крюгер. От Австралии до Японии. М., 1958).

Если *Окинава* склоняется лишь потому, что она достаточно часто упоминается в русских текстах (ср.: собственные имена, «впервые попадающие на газетную полосу, чаще трактуются как неизменяемые, чем те, которые уже получили известность» — А. А. Зализняк), то чем тогда можно объяснить несклоняемость таких сравнительно употребительных японских топонимов, как *Осака*, *Нагоя*, *Нара* и др. И почему, например, всегда склоняется хорошо известная японцам, но не так уж часто встречающаяся в русских текстах *Гиндза* (центральная улица Токио).

...возле токийской *Гиндзы* тысячи баров (И. Эренбург. Японские заметки); В электричку сели в районе *Гиндзы* (С. Жемайтис, В. Криворученко. Под сенью Фудзиямы); *на Гиндзе* — самой шумной магистрали Токио (Н. Федоренко. Японские записи); ... крестьяне прошли от парка Хибия до главной улицы — *Гиндзы* (Там же); неоновый фантасмагорией *Гиндзы* — токийского «Бродвея» («Спутник кинозрителя», 1967, № 7).

Очевидно, на все эти вопросы трудно или невозможно ответить. Можно дать объяснение лишь общему направлению изменения, в данном случае тенденцией к аналитизму. Но объяснить конкретно, почему одно собственное имя, попадая в заимствующий язык, склоняется, а другое — нет, невозможно.

Интересную картину представляет склонение японских топонимов, употребленных в сочетании с номенклатурным термином. Очевидно, в настоящее время в среде неспециалистов существует убеждение, что употребление топонима с номенклатурным термином избавляет его от склонения. «Немалую роль при этом сыграла и установка Советского информбюро в дни войны. Для того, чтобы избежать неверных переводов советских сводок на другие языки, все географические названия, указанные в сводках, давались в именительном падеже и сопровождались номенклатурными терминами» [20].

Приведем примеры: Возле древней столицы *Нара* имеется высшая школа с русским факультетом, и: ...фрески, сохранившиеся в храмах *Нары*; В музее *Нары* рядом с изумительной головой Бодисатвы; Возле древних храмов и монастырей, особенно в Киото и *Наре*, вереницы больших автобусов (Н. Т. Федоренко. Японские записи).

Употребление при топониме существительного, отнюдь не являющегося номенклатурным термином, также влияет на несклоняемость топонима (это легко проверить, потому что И. Эренбург обычно склоняет Нару):

...скульптура *эпохи Нара* похожа на скульптуру эпохи Лючао и Тан (И. Эренбург. Японские заметки) и: ... кроме ручных оленей в священном парке *Нары* их ожидали услужливые проводники и комфортабельные гостиницы (И. Эренбург. Япония, Греция, Индия); ... из района *острова Окинава* в Нагасаки, и: некоторые из приглашенных ... вылетели ... через *Окинаву* в Иокогаму (В. Крюгер. От Австралии до Японии).

[20] А. В. Суперанская. Указ. соч., стр. 136.

Ограничение склонения только номенклатурным термином вполне можно объяснить с точки зрения теории «экономии речевых усилий». И действительно, в тех случаях, когда склоняется и топоним, и употребляемый при нем номенклатурный термин, существует некоторая избыточность грамматической информации. Мы получаем вполне достаточную информацию и тогда, когда склоняется только номенклатурный термин. Поэтому вполне вероятно, что этот более экономный способ склонения станет единственно возможным:

Заместитель *города Нагоя* (С. Жемайтис, В. Криворученко. Под сенью Фудзиямы); В *городе Нагоя* мы остановились в японской гостинице (И. Эренбург. Люди, годы, жизнь); Я был *в городе Ниигата* (И. Эренбург. Японские заметки); Родился в 1912 г. *в городе Окаяма*; врезался в самую гущу строений *поселка Матида* (Вс. Овчинников. 53 станции Токайдо); крестьяне прошли от *парка Хибия* до главной улицы *Гиндзы*; на ...митинге в *парке Хибия*; мне пришлось выехать *в город Фукуока*; МХАТ выехал на гастроли в *город Фукуока*; Здесь *на* небольшом *острове Татокудзима*; ...пролегает другая цепь с действующим *вулканом Асама*; *на острове Осима*... возвышается *гора Михара*; В экономическом отношении Токио тесно связан с *городом Йокогама* (Н. Т. Федоренко. Японские заметки).

А. В. Суперанская считает, что «влияние рода номенклатурного термина нередко сильнее, чем влияние окончания названия (которое должно было бы определять его род), и малейшее несовпадение их ведет к несклоняемости топонимов» [21]. Если бы дело обстояло так, как пишет А. В. Суперанская, то топонимы, оканчивающиеся на *-а*, в сочетании с номенклатурным термином женского рода должны были бы склоняться, поскольку в них нет противоречия между родом номенклатурного термина и родом самого топонима; на самом же деле и в таком сочетании топонимы не склоняются:

В бухте Канагава, которую когда-то рисовал Хиросиге; ...заговорили после переброски на американскую *авиабазу Йокота* сверхзвуковых истребителей-бомбардировщиков (и: Боевые учения летчиков с *Йокоты*), колючая проволока *авиабазы Йокота* вплотную подходит к поселку Акидзима (Вс. Овчинников. 53 станции Токайдо); *Река Каука* и город Кали находятся...; В долине *реки Каука*, в пятидесяти километрах от *города Кали*... (Р. Сет. Тайные слуги); землетрясение..., которое особенно разрушительным оказалось в *префектурах Ниигата*, *Ямагата* и *Акита*. Ущерб от землетрясения, вызванного им наводнения и пожара в *префектуре*

[21] А. В. Суперанская. Указ. соч., стр. 136.

Ниигата составил ... двести пятьдесят миллиардов иен (Н. Т. Федоренко. Японские записи).

Особенно наглядно опровергают утверждение А. В. Суперанской такие примеры:

Возле древней столицы *Нара* имеется высшая школа с русским факультетом (И. Эренбург. Японские заметки; и И. Эренбург. Япония, Греция, Индия), и: В *городе Нара* нет сколько-нибудь значительных фабрик и заводов; В *городе Нара* есть еще один известный храм Хорюдзи (С. Жемайтис, В. Криворученко. Под сенью Фудзиямы).

Если бы склонение или несклонение топонимов зависело от рода номенклатурного термина, то в подобных парах примеров такое несовпадение было бы особенно заметно, а между тем, напротив, иногда встречаются примеры, где топонимы на *-а* склоняются в сочетании с номенклатурным термином мужского рода: близ *города Ниигаты*; мэр *города Ниигаты*... господин Ватанабе; почти все население *острова Микурадзимы* вышло провожать (Вс. Овчинников. 53 станции Токайдо).

Из имеющегося у нас материала естественно вытекает следующий вывод: в сочетании с номенклатурным термином топонимы, как правило, не склоняются; номенклатурный термин несет всю грамматическую информацию, заложенную в сочетании «номенклатурный термин — топоним». Склонение — несклонение топонима не зависит от рода номенклатурного термина.

Таким образом, морфология имен собственных претерпевает в настоящее время существенные изменения. Эти изменения особенно заметны в морфологическом типе имен собственных, оканчивающихся на *-а* неударное. Противоречие между морфологическим родом и реальным родом этих существительных приводит к их несклонению.

Морфологические изменения, происходящие в рассматриваемой группе имен собственных, однозначны. Они сводятся к несклонению ранее склонявшихся имен собственных. Эти морфологические изменения сильнее захватывают отдельные лексические группы имен собственных — японские и грузинские собственные имена. И если есть основания говорить о росте «аналитизма в морфологической системе современного русского языка»[22], то это прежде всего касается имен собственных и лишь в незначительной степени распространяется на апеллятивы.

[22] «Русский язык и советское общество (тезисы докладов)», стр. 18.

НОВЫЕ СЛОВА, ИХ ПРИНЯТИЕ И НОРМАТИВНАЯ ОЦЕНКА

(проблема новых слов в культурно-речевом аспекте)

Г. И. Миськевич, Л. К. Челъцова

Во многих лингвистических исследованиях, касающихся вопросов языкового развития, отмечалось, что лексика подвержена изменениям в гораздо большей степени, чем другие структурные ярусы языка. Как и во всех языковых ярусах, развитие лексики определяется действием внутренних языковых факторов: характером словообразовательных возможностей, системными связями внутри различных групп лексики, синтаксическими отношениями, возможностями стилистического употребления слова.

Однако изменение лексики в значительно большей степени, чем на других ярусах языка, зависит от внеязыковой действительности. Всякий новый вклад понятий, привносимых культурным содержанием новой эпохи в коллективное языковое мышление, нуждается в обозначении; появление новых продуктов потребления обусловливает появление новых названий: прогрессирующее разделение труда ведет к возникновению новых терминов, соответствующих новым профессиям и новым орудиям производства. Названия же предметов и явлений, ставших бесполезными или устаревшими, забываются.

Пополнение лексики происходит постоянно. Это, по словам П. Я. Черных,— одно из проявлений жизни языка

как беспрерывной, переходящей из поколения в поколение, бессознательной деятельности говорящих [1].

Но в отдельные периоды жизни общества развитие лексики принимает более интенсивный характер. Неравномерность темпов развития лексики нагляднее всего прослеживается на новых словах.

Прежде всего следует обратиться к определению самого термина «новые слова».

В определении новообразований нет единого мнения. Можно выделить четыре основных момента характеристики этого понятия в различных работах:

1) время появления слова;

2) наличие — отсутствие конкретного творца;

3) ощущение — неощущение новизны слова;

4) вхождение — невхождение в язык. Выделенные характеристики, как видно, не исключают одна другую.

Одна из точек зрения, в выделении категории новых слов исходящая из признания определенной исторической перспективности их функционирования, для определения их предлагает единственный критерий — ощущение новизны, которым сопровождается восприятие новых слов в языке: «Неологизм буквально значит «новое слово»... Однако в лингвистической литературе этим термином называют не просто новое, а очень новое, новенькое, совсем недавно появившееся слово, новизна и свежесть которого ощущается говорящими... Единственный критерий, видимо,— ощущение необычности, свежести слова всеми говорящими» [2].

Действительно, восприятие новых слов, как правило, сопровождается ощущением новизны, которое вызывается, очевидно, их реальным положением в речи. Но вряд ли возможно рекомендовать руководствоваться только чувством новизны.

В языке имеются особые лексические группы, для которых ощущение новизны является обязательным и постоянным; это индивидуальные авторские образования, поэтические неологизмы; «их существенным признаком является их неожиданность, непривычность и исключи-

---

[1] П. Черных. О новых словах. «Этнографический бюллетень», Иркутск, 1923, № 3, стр. 11.

[2] А. В. Калинин. Лексика русского языка. [М.], 1966, стр. 116—117.

тельность... при оценке поэтических неологизмов было бы неправильным пользоваться тем же критерием, что и при оценке литературных неологизмов...» [3] Однако исследователи, выдвигающие критерий новизны в качестве основного, вынуждены рассматривать неологизмы (общелитературные и поэтические) нерасчлененно. Например, А. В. Калинин к словам, «сохраняющим оттенок новизны, свежести», относит «*космодром*, *прилуниться*, *лавсан*, *лазер*, *гидропоника*, *американистый* (Маяк.), *медленно-крылый* (Луг.), *клепёночек* (С. Е.), *утреет* (А. Б.), *зазвездье* (Н. Асеев)» [4].

Кроме того, ощущение новизны — это чисто индивидуальное свойство каждого человека. Ведь совершенно естественно, что чувство новизны и его утрата при восприятии слов во многом определяется степенью образованности воспринимающего, его вкусами, языковым чутьем и т. д. [5]

Новые слова с возрастанием их употребительности довольно быстро перестают вызывать ощущение новизны при их восприятии. Некоторые исследователи при определении новых слов используют критерий в х о ж д е н и е — н е в х о ж д е н и е в язык.

«Неологизмы — это слова, которые еще не вошли или никогда не входили и не войдут в активный словарный запас языка. Они до тех пор лишь и остаются неологизмами, пока окончательно не освоятся языком и не вольются в активный запас лексики, пока воспринимаются как слова, имеющие оттенок свежести и необычности, печать особенности и новизны...

Следовательно, если то или иное слово, даже возникшее как языковой факт недавно, стало всеобщим и общеупотребительным, потеряло специфические стилистичес-

---

[3] Я. М у к а р ж о в с к и й. Литературный язык и поэтический язык.— ПЛК, стр. 423.

[4] А. К а л и н и н. Указ. соч., стр. 103.

[5] Крайнее выражение этой мысли находим в таком примере: Она [диетсестра Валька Буянова] фыркнула еще раз, засунула руки в карманы и сказала нахально и весело: — Скажите на милость, какие тут Цезарь и Клеопатра!

Историю о Цезаре и Клеопатре Валька прочитала вчера вечером. Она очень любила всякие новые слова и моментально обезьянничала их. Теперь она была рада случаю употребить новое слово и щегольнуть своей редкой осведомленностью (Г. Николаева, На кухне.— «Знамя», 1967, № 9, стр. 14).

кие качества и вошло в активный запас языка, оно уже не неологизм» [6].

Этот критерий не вызывал бы возражений, если бы была решена сама проблема вхождения слов в язык, усвоения их языком.

Наиболее распространенной является точка зрения, определяющая новые слова чисто хронологически. См., например, определение неологизмов в некоторых работах последнего времени: «По происхождению, по истории слова бывают новыми (неологизмами)» [7]; «Слово или оборот, созданные (возникшие) для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или для выражения нового понятия» [8].

Исследователи не пытаются при этом с большей точностью определять хронологические границы при выделении новых слов. Одна из первых попыток была сделана «Толковым словарем русского языка», составленным под ред. Д. Н. Ушакова. Во вводной статье словаря раскрывается принятая в словаре помета «нов.»: новыми принято считать слова, вошедшие в русский язык «в эпоху мировой войны и революции (т. е. с 1914 г.)» (т. I, стр. XXVII).

Именно такое понимание хронологических границ неологизмов стало традиционным как для исследователей современного русского литературного языка последних десятилетий, так и для всей последующей лексикографической практики. Ср., например, определение, принятое в семнадцатитомном словаре. Во введении говорится: «Если слово не имеет общелитературного употребления или если оно ограничено исторически, то оно сопровождается пометами: в просторечии, областное, церковное устарелое, новое; последняя помета дается при словах, происхождение и значение которых связано с советской современностью (*колхоз*, *стахановец*, *комсомол*)» [9].

Вполне понятно, что заставило выделить послереволюционный период в развитии языка: создание нового государства, новых общественных отношений, расшире-

[6] Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык. М., 1957, стр. 75—76.

[7] Ю. С. Степанов. Основы языкознания. М., 1966, стр. 146.

[8] О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 262.

[9] Словарь современного русского литературного языка (в 17-ти томах), т. 1. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. XIII.

ние круга носителей литературного языка и т. д., естественно, активизировало языковые процессы.

История культуры (по словам А. М. Горького) учит нас тому, что язык особенно быстро обогащался в эпохи наиболее энергичной общественной деятельности людей.

Вероятно, время появления слова (или значения) является самой надежной его характеристикой. Попытка дать иное определение приводит к невозможности выделить новые слова. Например, составители четырехтомного «Словаря русского языка» АН СССР, не руководствовавшиеся этим принципом, от пометы *нов.* вынуждены были отказаться. «В четырехтомном словаре такой пометы совсем нет. И это не потому, что прекратился процесс появления новых слов и новых значений, а потому, что появление их стало настолько обычным для нашего времени и они так легко и быстро прививаются в языке, что их новизна не успевает быть обозначенной в словаре» [10]. Точка зрения составителей этого словаря вполне понятна: проблема временны́х границ вхождения слова в язык и в настоящее время не решена. Для составителей первого толкового словаря послереволюционного времени было вполне оправдано и научно обосновано выделение неологизмов, связанных с созданием нового строя. Для современных лексикологов невозможно считать новыми все слова послереволюционного времени. Многие новые слова, возникшие в первые десятилетия XX в., в наше время устарели, вообще вышли из употребления (например, *непрерывка*, *нэпман*, *шкраб* и мн. др.). Многие слова (большая их часть) существуют в языке как сложившиеся лексические единицы с определившимся объемом значений, с установившимся кругом словосочетаемости, с употребительностью в разных жанрах. Они не несут в себе никакого оттенка новизны и ничем не отличаются от слов, издавна существующих в языке. «Новизна» слов *трактор*, *колхоз*, *комсомолец* и т. д. воспринимается иначе, чем «новизна» слов *космодром*, *аэроход*, *кукурузовод*, *киноальманах* и др.

Все рассмотренные выше критерии нельзя признать абсолютными и бесспорными при определении новых слов.

---

[10] Т. В. Зайцева и И. С. Назарова. О четырехтомном «Словаре русского языка» АН СССР. «Современная русская лексикология». М., 1966, стр. 123.

Нам представляется, что в лексике современного языка (50—60-х годов), относящейся к названиям, номинациям, вычленяется группа слов, которые находятся лишь в самом начале своего пути вхождения в язык. Многие из этих названий еще не являются словами, принятыми языком, ставшими фактом языка. Их лексическая, грамматическая, синтаксическая и стилистическая характеристика складывается и определяется. И нужно время, прежде чем новые обозначения как равные займут свое место в лексической системе языка.

Право выделить новообразования последних лет диктуется задачами данного сборника.

Исследуемый период, несомненно, представляет самостоятельный интерес для лингвистов, так как в последние годы, по словам К. И. Чуковского, «нахлынуло больше новых понятий и слов, чем ... за последние два с половиной столетия» [11].

Характерно, что именно новые слова 50—60-х годов явились предметом анализа советских исследователей [12]. Собирание и описание новообразований последних лет останавливает внимание исследователей других языков [13].

Следует остановиться еще на одном обстоятельстве: термин «новые слова» объединяет различные типы новообразований — индивидуальные авторские образования (окказионализмы), новые термины и получающие широкое употребление слова. Индивидуальные особенности каждой из этих групп не позволяют рассматривать их совместно.

Для терминов, например, характерно стремление к однозначности, строгая зависимость единиц внутри терминологических подсистем. Естественно, что в терминологии существуют и особые, во многом отличные от литера-

---

[11] К. И. Чуковский. Живой как жизнь. М., 1966, стр. 9.

[12] Например: А. А. Брагина. Некоторые семантические тенденции в современной русской лексике (на материале периодической печати и художественной литературы — 50—60-е годы XX века). Автореф. канд. дисс. М., 1968; «Новые слова и словоупотребления (словарь по материалам прессы и литературы 1960—1967 гг.)» (в печати).— Словарь составлен в Словарном секторе Института языкознания АН СССР в Ленинграде.

[13] Опыт выпуска подобных словарей есть за границей, например, в 1963 г. в Италии Бруно Мильорини выпустил «Parole nuove», в который включено 12 тыс. новых слов, появившихся в итальянском языке за последние 25 лет.

турных способы словообразования (например, для терминов характерны регулярность и дифференцированность моделей и т. д.).

Окказионализмы не входят в язык, выполняя при этом лишь определенную выразительную функцию. Прикрепленность к контексту — это постоянное свойство окказионализмов, не позволяющее им входить в широкое употребление [14]. Попытка объединить все эти группы приводит к неудачным решениям [15], хотя зачастую оказывается невозможным провести четкую границу между группами новообразований.

В культурно-речевом аспекте специальный интерес представляет номинативная лексика, называющая вещи и понятия, входящие в общее употребление и пользование.

Наблюдения за новыми словами показывают, что наиболее широко и систематично (отнюдь не случайно!) новые обозначения предметов и явлений, относящихся к разным сферам, к разным областям, используются в современных газетах. Газета как один из основных видов массовой коммуникации характеризуется достаточно широким отражением разных сторон жизни, определенной временно́й приуроченностью. Современная газета значительно быстрее, чем произведения любых других жанров письменного языка, реагирует на все те сдвиги, которые происходят в разных сферах общественной и производственной жизни, являясь в большинстве случаев первым письменным источником, фиксирующим появление новых слов и выражений, претендующих войти в речевую практику широких слоев населения.

Обращенность газеты к предельно широкому кругу читателей, рассчитанность ее «на максимальную аудиторию..., а также на нейтральную лингвистическую среду» [16], предъявляемое в связи с этим к ней требование быть «всепонятной, вседоступной» [17], обусловливает характер используемого в ней лингвистического материала. Применительно к новым словам можно предполагать, что в га-

---

[14] Подробно об окказионализмах см.: Н. И. Фельдман. Окказиональные слова и лексикография.— ВЯ, 1957, № 4.

[15] См., например: А. Крамер. Словарь «непризнанных» слов и жаргона. Trenton (Scientific Russian translating Service), 1966, 95 стр.

[16] Г. О. Винокур. Культура языка. М., 1925, стр. 105.

[17] Там же.

зете могут получить употребление или такие новые слова, которые стали известны, привычны какому-то кругу владеющих языком, или такие, которые называют предметы, прочно входящие в определенные сферы или области действительности.

В современных условиях, когда активизировалась тенденция пополнения словарного состава языка за счет терминологической лексики, когда множество технических слов и терминов входит в литературную норму, занимая видное место в национальном языке, именно периодическая печать — прежде всего газеты, журналы, научно-популярная литература — отражают выход терминологической лексики за профессиональные границы, тем самым в свою очередь способствуют проникновению новых слов в язык, являясь одним из возможных рубежей, через которые новые обозначения из специального и разговорного языка переходят в общее употребление.

Именно эта причина определила ставшую традиционной в русской лингвистике советского периода фиксацию новых явлений в области лексики на материале языка периодической печати [18]. Материал языка газеты оказывается чрезвычайно благодарным и в том отношении, что дает основание судить о начавшемся усвоении нового слова общелитературным языком, а также о степени этой усвоенности благодаря отмечаемому «тяготению газетной речи и к художественному, и к деловому, и к публицистическому, и устно-разговорному, и к ораторско-патетическому стилям» [19].

Использование новых слов в газетных сообщениях, представляющих собой свободные повествования, очерки, для называния различного рода бытовых предметов, механизмов, несомненно, свидетельствует о более прочном вхождении этих слов в язык. Например: почта, телеграф, телефон, *видеотелефон* — названия эти уже появились на фасаде («Веч. Москва», 18 мая 1967 г.).

Помимо чисто прикладного значения анализ новых слов, входящих в язык, представляет интерес еще и пото-

---

[18] Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966, стр. 10 и др.; В. Г. Костомаров. Разговорные элементы в языке газеты. «Русская речь», 1967, № 5, стр. 48—53.

[19] В. Г. Костомаров. Слова-сигналы. «Русская речь», 1967, № 3, стр. 58.

му, что в новых возникающих словах получают отражение действующие в определенный период развития языка внутренние языковые процессы — тенденции развития лексико-семантической и синтаксической системы.

Изучение фактов современного языка в узких хронологических границах даст возможность сделать выводы о размерах появления новых слов в пределах четко определенного срока; покажет, какие словообразовательные модели проявляют продуктивность в данный период языкового развития, какие словообразовательные морфемы оказываются особо активными; значительно ли или, наоборот, ограничено число моделей, дающих новые образования; соответствуют ли новые образования только прогрессирующим тенденциям или и затухающим; материал может показать, шло ли в исследуемый период пополнение лексики только определенных семантических пластов или оно проявлялось более свободно [20].

Анализ новых слов в узких хронологических границах может обнаружить, выходит ли образование новых слов за границы возможностей системы, иначе говоря — окажется ли новая складывающаяся норма шире существующей системы, или она не выходит за ее пределы. Новые слова могут и должны стать предметом специального исследования культуры речи. Именно в области новых слов, т. е. слов, жизнь которых в языке лишь складывается, рекомендации специалистов могут быть особенно целенаправленны и перспективны.

В литературе неоднократно высказывалась мысль о том, что факты языка, еще не получившие широкого распространения и признания, не могут быть подвергнуты анализу с позиций нормы. Тем не менее анализ новых слов не безразличен к норме, так как появление новых слов и словосочетаний в некоторых случаях может приводить к изменению, сдвигу нормы.

Нам представляется, что при изучении новых слов нужно исходить из признания в них потенциально возможных элементов лексической системы языка. Этот взгляд предполагает выделение двух аспектов анализа: 1) оценка нового слова с точки зрения правильности или неправильности его образования; 2) оценка нового слова

[20] Подробный анализ этих явлений см.: «Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка». М., 1968.

с точки зрения потенциальной возможности его вхождения в язык.

О возможности сознательно руководить «языковой стихией» высказываются прямопротивоположные точки зрения. Так, П. Я. Черных считает, что «... нет возможности ответить на вопрос: за какими из этих слов будущее и какие из них не доживут и до завтра. В этом отношении языковое общество — чрезвычайно капризно. Сплошь и рядом ни словообразовательные достоинства сами по себе, ни авторитет писателя, ни симпатии властей — не в состоянии бывают спасти от исчезновения то или другое новое слово, тогда как неуклюжие и неудобные слова упрочиваются в языке, входят в общее употребление» [21]. Этой же точки зрения придерживается Э. Косериу: «... будущее не является предметом познания, а предвидение — проблемой науки» [22].

Для ряда лингвистических работ характерна критика ретроспективности учения о культуре речи и утверждение необходимости более активного и оперативного вмешательства языковедов в жизнь языка. «Не надо забывать, что фонетика и лингвистика вообще — есть вполне точная наука, способная не только анализировать субъективные факты языкового мышления..., но и точно предсказывать их» [23]. «Отсутствие общей теории языковой эволюции приводит к тому, что языкознание до сих пор — и в какой-то мере справедливо — рассматривается как наука, далекая от жизни,— читаем мы у В. П. Григорьева.— Между тем «живой как жизнь» язык развивается вместе с «живой, закономерно развивающейся действительностью» (М. Горький), и языковеды, если они не хотят вечно оставаться в роли пассивных констататоров языковой стихии, должны научиться делать обоснованные прогнозы, давать целенаправленные рекомендации, создавать надежный лингвистический компас, а не только геологическую и топографическую карты языковой округи» [24]. «Учение о культуре языка и речи может и должно стать „перспективным"»,—

[21] П. Черных. Указ. соч., стр. 12.

[22] Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история. «Новое в лингвистике», вып. III., М., 1963, стр. 305.

[23] Е. Поливанов. За марксистское языкознание. М., 1931, стр. 9.

[24] В. П. Григорьев. Культура языка и языковая политика (вместо рецензии на книгу К. И. Чуковского).— ВКР, вып. IV, М., 1963, стр. 13.

пишет В. Г. Костомаров [25]. Однако лингвистика не достигла еще того уровня, когда окажется возможным с достоверностью предвидеть результаты совершающихся процессов и судьбу новых слов и явлений. Для нас оказывается возможным лишь предложить и описать некоторые критерии, в какой-то мере оценивающие новые слова и словосочетания, а следовательно, дающие возможность «предсказать» те условия, которые способствуют вхождению слова в язык, хотя мы и не можем предложить конструктивного решения.

Предлагаемые критерии не равноценны по значимости. Одни из них более существенны, чем другие, одни учитывают чисто лингвистические условия создания и функционирования слова, другие определяют внешние воздействия на лексику, одни из них лежат на поверхности, другие носят скрытый характер.

Решающая роль принадлежит функциональной целесообразности новой номинации. Должна возникнуть общественная потребность в обозначении появившихся в действительности предметов, явлений, процессов или признаков. Язык своими средствами лишь осуществляет это требование. Ср.: «Возникающие в употреблении неологизмы могут быстро входить в язык и укрепляться в нем в силу своей общественной обусловленности и целесообразности» [26]. Если новое название и есть реакция языка на общественную потребность в новой номинации, то за ним будущее, конечно, при условии, что эта потребность будет продолжать существовать.

В литературе о новых словах эта мысль присутствует и развивается. Ср., например, раннее высказывание: «Нельзя не вспомнить при этом прекрасной характеристики жизни языка, сделанной еще в 1854 г. акад. И. И. Давыдовым: «Бывают эпохи, когда этих изменений меньше и когда словарь данного языка представляется на первый взгляд более или менее установившимся, и бывают эпохи, подобные переживаемой нами, когда слова появляются и исчезают с калейдоскопической быстротой... Кто ж произвел все эти перемены? Сила необходимости и дух вре-

[25] В. Г. Костомаров. О ретроспективности учения о культуре речи. «Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка», 1966, т. XXV, вып. 2, стр. 84.

[26] Е. С. Истрина. Нормы русского литературного языка и культуры речи. М.— Л., 1948, стр. 23.

мени: они искусно изворачивают слова, изменяют выражения и даже смысл слов, приводя их в согласие с мыслями текущего времени: от них зависит возможность нововведений в языке» [27], а также более поздние: «Нужно ли слово в быту, это решит быт, а не язык, а понадобится оно в быту, не уйдет и из языка» [28]; «Окончательный приговор [новым словам] принадлежит времени» [29]; «Для всякого изменения как становления новой системной особенности, объяснение и границы должны быть найдены в функциональности системы, в которую эта особенность внедряется» [30].

Очевидно, эта мысль владеет коллективным сознанием. Вот интересное рассуждение жителя г. Северодонецка, присланное в редакцию журнала «Русская речь»:

«Я хотел бы узнать, как следует отнестись к слову *выхождаемость*? Я понимаю, что это слово безграмотное, неуклюжее, уродливое. Но оно существует в обиходе, а произошло от вполне правомерного выражения: *выход на работу* ... В качестве такого термина и появилась эта неуклюжая *выхождаемость*. За ним укоренилось понятие об одном из показателей трудовой дисциплины, которое выражается отношением количества явок на работу к общему числу работающих. Не может быть сомнений в том, что этот показатель должен иметь свою определенную словесную формулу, свой термин. Я лично не вижу другого слова, которым можно было бы заменить слово *выхождаемость*: если говорить *явочность* или *являемость*, то эти слова не передают оттенка, характеризующего понятие как явление. Во всяком случае, если возникло какое-то понятие, то должно быть найдено и слово, выражающее это понятие».

Язык дает много примеров, подтверждающих эту мысль. Можно привести сотни случаев, когда возникала общественная потребность в номинации — и слово беспрепятственно входило в язык: *спутник*, *лавсан*, *гидропоника*, *шлакоситалл*, *околоземной*, *припланетный*, *прилуниться*, *бионика*, *реанимация* и мн. др.

Возникающая потребность не всегда удовлетворяется легко и быстро. Нахождение нового названия может быть связано с большими трудностями. В марте 1965 г. при полете космического корабля «Восток-2» был осуществлен выход человека из корабля в космическое пространство.

---

[27] В. И с т р и н. Работа над «Словарем русского языка» в Академии наук. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1927, № 18, серия VI, стр. 1671.

[28] А. Г. Г о р н ф е л ь д. Новые словечки и старые слова. Пг., 1922, стр. 18.

[29] Там же, стр. 43.

[30] Э. К о с е р и у. Указ. соч., стр. 219.

Такое событие в истории человечества свершилось впервые и, естественно, еще не имело своего названия. Когда на Международной пресс-конференции членов экипажа космического корабля «Восход-2» А. Леонову был задан вопрос: «Как определить передвижение человека в космосе после выхода из космического корабля?» — он ответил: «Не знаю. Я был так занят за бортом корабля, что не задумывался об этом». Однако новое явление требовало номинации: о нем широко сообщали газеты, журналы, радио; о нем приходится писать при новых выходах космонавтов из корабля.

Обычно при номинации реализуется одна из трех возможностей: или название заимствуется из другого языка, или вводится новое слово, или «старое» слово начинает употребляться в новом для него значении.

Очевидно, что в данном случае исключается первый путь: ни в одном языке не существовало термина — названия данного действия. Тем соблазнительнее была попытка найти новое, меткое, удачное слово. Редакция варшавской газеты «Ekspres wieczorny» даже объявила конкурс на наиболее удачное название и попросила через «Вечернюю Москву» принять в нем участие и москвичей. Редакция «Вечерней Москвы» сообщила своим читателям, что большинство авторов писем предложило определить передвижение человека в космосе глаголом *леони́ть*. Глагол предлагалось создать по продуктивной для русского языка модели: к основе имени собственного (без *-ов*, *-ко*, *-ский*) прибавляется суфф. *-ить* (по образцу *маяковить*, *маршачить* и т. п.). Глаголы подобного рода, как правило, экспрессивно окрашены. Создатели слова стремились вложить в новый глагол оценку действия: *леонить* — значит не только находиться в состоянии свободного плавания, но и поступать так же смело и находчиво, как советский космонавт А. Леонов. Но это стремление столкнулось с языковым фактом, отмеченным многими исследователями: глаголы на *-ить*, образованные от имен собственных, обычно носят шутливый, иронический оттенок (в Польше глагол leonować стал употребляться в значении ‘прогуливаться, фланировать по улице’). Искусственный характер носит также ударение на суфф. *-ить*. Не были приняты и другие, предложенные читателями названия: *траекторить*, *спутничать*, *космировать*, *космосовать*, *невесомиться* и мн. др.

Так как новое слово пока не удалось найти, поиски начались в другом направлении — нельзя ли использовать для названия «старое» слово? Именно по этому пути пошли специалисты и корреспонденты, сообщавшие о подвиге А. Леонова. В официальных сообщениях стали использоваться описательные обороты: А. Леонов *вышел из корабля*, *находился в космическом пространстве*, *вернулся на корабль*; говорилось о *пребывании в космосе*, *о передвижении в космическом пространстве*, анализировался *период нахождения человека вне корабля*.

В первых же откликах на полет можно было встретить и использование в качестве названия многих существующих глаголов. Американское радио сообщило, что «космонавт Леонов на некоторое время выходил из корабля и *прогуливался* по космосу» («Известия», 19 марта 1965 г.). Адмирал флота И. Исаков писал: «Но настал день, и советский человек — Алексей Архипович Леонов вышел из космической колесницы «Восход-2» и *прошагал по трассе Ильи-пророка*» (Там же). «Нельзя смотреть без вполне понятного волнения на эти пока единственные в мире кадры, показывающие человека, *парящего* в звездном океане»,— сказано в «Правде» от 18 авг. 1965 г. Характеризуя свои действия в космосе, А. Леонов говорил: «Здесь же — *витаешь*, как нравится» («Известия», 22 марта 1965 г.). Но глаголы *шагать*, *идти*, *парить*, *гулять*, *витать* имели лишь единичное употребление. Возможно, это объяснялось ощущаемой окраской некоторых из них (*парить*, *витать*). Возможно, некоторые глаголы (например, *шагать*, *идти*, *гулять*) были не вполне приемлемы потому, что движения космонавта лишь отдаленно напоминали хождение, прогулку, они были больше похожи на плавание в воде. Это сходство нашло отражение в употреблении в качестве названия глагола *плавать*, существительных *плавание*, *космоплавание*. «Сейчас мне пришлось наблюдать необыкновенную картину *плавания* человека в пространстве»,— писал летчик-космонавт К. Феоктистов («Известия», 18 марта 1965 г.). На возможность употребления глагола *плавать* указывал целый ряд ассоциаций. Летчик-космонавт находится *в космическом корабле*, который летит (или *плывет*) в *океане* Вселенной. По приказу командира космонавт выходит *за борт* звездного корабля и выполняет движения, напоминающие плавательные. Эти движения уже хорошо известны ему, так как до полета он тре-

нировался в специальных «*бассейнах* невесомости». Вполне закономерно начинают употребляться такие метафоры, как *океан Вселенной* — космическое пространство, *берег Вселенной* — космодром, *первый пловец в космосе* — А. Леонов. При наличии таких ассоциаций в описаниях чаще других названий используется глагол *плавать*: Леонов проделывал все новые и новые движения... Подлетев к шлюзу, Леонов ладонями самортизировал удар. Это оказалось сделать легко. Значит, при известной сноровке можно достаточно четко и координированно передвигаться в необычных условиях... Хотелось побыть в открытом космосе подольше... Леонов энергичным, уверенным движением снова *подплыл* к кораблю... жаль было расставаться и со всей этой красотой, и с удивительно приятным состоянием пребывания *в абсолютно свободном плавании*. Леонов попытался сразу *нырнуть* в открытый люк шлюзовой камеры. Но это оказалось нелегким делом — в правой руке находился киноаппарат. Потребовались довольно серьезные физические усилия, чтобы *вплыть* в люк, и поэтому прощание с открытым космосом несколько затянулось... Несколько минут — и через вновь открытую дверцу корабля Леонов *вплыл* в кабину, занял свое рабочее место... («Правда», 14 апр. 1965 г.).

Употребление глагола *плавать*, слов *космоплавание* и *свободное плавание* и описательных оборотов (*находиться или передвигаться в открытом космосе* и др.) стало наиболее принятым в печати и радиосообщениях.

Итак, возникшее новое явление должно было получить название, но многочисленные (и продолжающиеся) поиски указывают на те трудности, с которыми приходится сталкиваться при возникновении этого названия, так как нужно оценивать одновременно действие многих факторов, учитывать традиции и закономерности, действующие в современном русском литературном языке и его терминологической подсистеме.

Вероятно, степень общественной необходимости в новом слове может быть различной. Очевидно, это в какой-то мере определяет и процесс появления новых названий. Например, современное общество давно испытывает нужду в словах-обращениях. Немало было высказано суждений о том, что слова *товарищ*, *гражданка* и др. оказываются недостаточными для общения людей в разных ситуациях; существуют даже предложения, какое новое обращение

следует ввести, например *сударь — сударыня* (Вл. Солоухин) и др., но тем не менее общество продолжает пользоваться привычными, хотя и не вполне удовлетворяющими его обращениями.

Отсутствие общественной необходимости может привести к тому, что новое слово не удержится в языке.

Можно привести интересный пример из языка исследуемого периода.

В 1966 г. в связи с начавшимся в Ташкенте землетрясением в языке газеты активно начинают употребляться термины с корнем *сейсм-* (*сейсмический*, *сейсмичность*). Появившись в языке газеты, слово *сейсмический* оказалось в ряду образований на *-ический* (*символический*, *динамический*, *акробатический*, *механический*). Как известно, образования на *-ический* в литературном языке существуют параллельно с однокоренными образованиями на *-ика* (*символика*, *динамика*, *акробатика*, *механика*). Слово *сейсмический* вступило в общий ряд лишенным своего соотносительного элемента. В словообразовательной системе, в которой сформировалось строгое соотношение образований на *-ический* и *-ика*, обозначилась пустая клеточка — отсутствие однокоренного образования на *-ика*. Язык сделал попытку заполнить образовавшуюся лакуну — появилось новообразование *сейсмика*. Но это образование появилось по «требованию» языка, а не общества. Новое образование начинает употребляться параллельно с существующим в языке *сейсмичность*. Оба слова получают параллельное, семантически не разграничиваемое употребление. См.:

До последнего времени сейсмическая карта утверждала, что Ташкент находится в зоне возможных землетрясений силой до 8 баллов. Теперь по совету ученых такая оценка применена лишь для местности Карасау, территорий, прилегающих к железнодорожному вокзалу и к аэропорту. В основном же по рекомендации Академии наук СССР принят показатель *сейсмичности* в девять баллов с учетом всех особенностей грунта («Веч. Москва», 26 июля 1966 г.); Обширен перечень типовых проектов, индивидуальных и экспериментальных проектов, которые должны применяться с будущего года при расчетной *сейсмике* в девять баллов («Веч. Москва», 26 июня 1966 г.); Для застройки Чиланзара выбран пока проект пятиэтажного кирпичного дома, какие возводили в Ташкенте и ранее. Он типовой, но с поправкой на *сейсмику* и климат («Веч. Москва», 7 июля 1966 г.).

Но вот прошло уже больше двух лет — и хотя интерес к «сейсмической» проблематике заглох, тем не менее публи-

кации, в которых получает освещение проблематика, связанная с землетрясениями, в газетах довольно часты, но слово *сейсмика* не встречается ни в текстах научно-популярного жанра [31], ни в очерках. Можно думать, что новое слово так и не будет принято литературным языком на данном этапе, так как оно не было общественно необходимо.

В литературе существует совершенно определенная и единая точка зрения в оценке новых слов с позиции правильности их образования, к которой можно только присоединиться.

Критерием правильности новых образований является формальное соответствие их возможностям системы языка, подчинение структурным закономерностям, заключенным в системе. Описание и определение критерия правильности мы находим у В. В. Виноградова: «Все то новое, развивающееся, что оправдано внутренними законами развития языка, соответствует его структуре, опирается на живые тенденции народного творчества, на активные процессы в области грамматики, семантики, словоупотребления, словообразования и т. п., не может считаться «неправильным». ... Напротив, то, что создается искусственно — вопреки живым нормам и тенденциям развития литературного языка, что механически переносится в него из диалектов и жаргонов, то и представляет собой «неправильности» в собственном смысле этого слова» [32].

Общеизвестно, что большинство новых слов создается из имеющегося в языке материала по действующим в языке законам. В современном языке активно расширяющейся является группа лексико-морфем — частей слов, которые, «как бы оторвавшись от слова, которое за ними в действительности стоит, начинают функционировать самостоятельно, являясь своеобразным новым средством выражения атрибутивных отношений наряду с обычным употреблением в русском языке в этой роли прилагательных и сопутствующих именных сочетаний [33]. Образование с лексико-морфемами *фото-*, *микро-*, *гидро-*, *кино-*, *авто-*,

[31] Например, в выпусках обнинской газеты «Вперед», посвященных юбилейной сессии сейсмологов,— 23 мая 1967 г. и следующие.

[32] В. В. Виноградов. Задачи советского языкознания.— ВЯ, 1962, № 1, стр. 26.

[33] В. Л. Воронцова. Процессы развития морфологических элементов, стоящих на грани морфемы и слова. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 104.

радио-, *теле-* и др. в современном языке создают регулярные ряды. В последнее время эта группа включила и компонент *пресс-* (корневая часть иноязычного слова *пресса*, являющегося общим названием для периодической печати или для представителей печати или журналистов). Этим сложным словам с лексико-морфемой *пресс-* семантически соответствуют словосочетания, обозначающие какие-то предметы или явления, имеющие отношение или принадлежащие *прессе*.

Сами конструкции, послужившие основой для новых сложных образований, выражают не единое монолитное понятие, а адресуют обозначаемые предметы или явления к одному источнику, определяют их одно предназначение.

В русском языке употреблялись сложные слова с компонентом *пресс-* — это транслитерированные из английского *пресс-атташе* и *пресс-бюро*, позднее появилось *пресс-центр*. По их образцу возникает довольно широкая группа слов. Причем, появлению их не предшествовала стадия употребления синонимичных им синтаксических конструкций. Анализируемый материал показывает, что лексически синонимичные новообразованным сокращениям конструкции во всех случаях трансформируются общим контекстом.

Новые обозначения свободно появляются по типу существующего в языке образца как единое название различных предметов и явлений, имеющих единое предназначение. Ср.:

Разговор происходил в *пресс-баре* одного из небоскребов («За рубежом», 1961, № 7); «*Пресс-бюллетень*» «Госпнер корреспонденц» подчеркивает, что основным его содержанием является призыв решать спорные территориальные вопросы только мирным путем («Моск. правда», 23 янв. 1964 г.); После очередной *пресс-конференции* в «Морском доме» группа журналистов отправилась с *пресс-секретарем* национального профсоюза моряков Джимом Нэшем перекусить в «Витхиф» — соседний пивной бар («Известия», 9 июня 1966 г.); «Доброе утро, чемпионы!» — так вчера встретил нас в *пресс-комнате* руководитель отдела печати на чемпионате мира Владо Жлайпах («Труд», 15 марта 1966 г.); И только на *пресс-галерее* после финального матча VIII чемпионата мира долго не гас свет («Известия», 3 авг. 1966 г.); Проникнув с помощью *пресс-карточек* за полицейский барьер, мы спешим вдоль колонны («Известия», 18 окт. 1965 г.); Вчера вечером, направляясь на *пресс-прием* в районе Флит-стрит, улице, где сосредоточены почти все редакции газет и агентство Рейтер, мы зашли в популярный ресторанчик «Шерлок Холмс» («Труд», 29 июля 1966 г.); Конференции и деловые совеща-

ния будут проводиться *в пресс-зале* («Веч. Москва», 7 июля 1966 г.); Как сообщил господин Иозеф Штрабль, *пресс-шеф* нынешнего чемпионата, девятерых лучших «оракулов» ожидают призы («Моск. правда», 19 марта 1967 г.); *Пресс-служба* «Известий» — постоянное название отдела в газете (см. «Известия», 5 мая 1966 г., 11 июля 1966 г., 4 авг. 1966 г., 27 сент. 1966 и др.).

Свободное расширение лексического ряда слов данного образца, больше того — сложившееся название реалий нашего быта (*пресс-служба*) свидетельствуют о том, что образования с первым компонентом *пресс-* принимаются говорящими и свободно употребляются ими. Они оказались нужными и удобными. Анализ материала газет последнего времени показывает, что синонимичные новым образованиям конструкции не употребляются как возможная замена возникающих образований. Широкое распространение в языке оказалось возможным благодаря тому, что возникла общественная потребность в номинации некоторых явлений, предметов, связанных с прессой, имеющих отношение к прессе. Эта потребность, несомненно, была вызвана возрастающей ролью в общественной жизни прессы, частой обращаемостью именно к этой категории.

Широкий круг самих образований с компонентом *пресс-* позволяет говорить о растущей регулярности данных образований.

Можно привести примеры образования новых слов по малопродуктивным моделям. Небезынтересно привести несколько конкретных названий предметов быта.

От основ имен существительных посредством суфф. *-ница* образованы названия вместилищ предметов, обозначенных производящими основами. Ср.: *клубочница*. ... Новинка состоит из двух пластмассовых полушарий, соединяющихся между собой. В одном из полушарий — отверстие. Клубок ниток помещается внутри шара, а конец выводится через отверстие. Цена *клубочницы* 80 коп. («Веч. Москва», 13 июня 1966 г.); Я заметил, как один из них подошел к пивному бару, где вперемешку с пустыми кружками лежали груды картонных *монетниц*... Парень взял *монетницу* и стал внимательно разглядывать («Известия», 24 дек. 1966 г.).

Оба эти образования возникли по малопродуктивной для современного языка модели [34], тем не менее оба они

[34] «Грамматика русского языка», т. I, М.— Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 241—242.

воспринимаются как хорошо известные и не оставляющие ощущения новизны.

Новых слов, в каком-то отношении нарушающих сложившиеся словообразовательные нормы, выходящих за пределы системы, очень немного. *Сухогруз* — название судна нового типа: На морской дороге встретились два судна — старейший в Черноморском пароходстве танкер «Юпитер» и новый элегантный *сухогруз* «Николай Огарев». Новосел голубых дорог и семидесятилетний ветеран («Известия», 24 янв. 1967 г.). Для данного словосложения при передаваемом характере синтаксического соотношения частей нетрадиционным является наличие в первом элементе основы имени прилагательного (употребляющиеся в языке подобного типа словосложения состоят из основы имени существительного в первой части).

Также несколько особняком стоят названия лиц, появившиеся, очевидно, из профессионального языка. Ср.: Прежде чем «*ловитор*», повисший головой вниз на другой трапеции, подхватил его, гимнаст успел трижды обернуться («Веч. Москва», 2 июля 1966 г.). Это новое название лица образовано от основы глагола, употребляемой в специальном, очень узком значении, кстати, не отмеченном в современных толковых словарях.

Ср.: После просмотра фильма куйбышевской студии я был свидетелем разговора двух «*телевиков*» («Известия», 24 янв. 1967 г.). Это образование не находит себе соответствия в словообразовательной системе литературного языка.

Суффикс лица в данном случае присоединяется к основе, которая в языке существует в «связанном» виде, т. е. в соединении или с морфемами, или с другими основами. Ср. *телебашня*, *телецентр*, *теледень* [35]. Ср. также название телевизора в арго учащихся: *телик*. Но система литературного языка допускает образование названий лица с суффиксом *-евик* лишь от основ имен существительных, которые параллельно существуют в составе относительных имен прилагательных на *-овый*, *-евый* (ср. *фронтовик* — *фронтовой*, *передовик* — *передовой*). В данном случае это звено отсутствует. В литературном языке существует лишь прилагательное *телевизионный*. Небезынтересно отметить, что в языке газеты в последнее время появилось дру-

[35] Многочисленные случаи употребления морфемы *теле-* см.: А. Брагина. Слова с элементом *теле-*. «Русский язык в нац. школе», 1967, № 3, стр. 9—11.

гое название лиц данной профессии: Ранены несколько человек, в том числе журналисты и *телевизионники* («Правда», 6 июня 1968 г.).

Появившиеся новые внесистемные образования могут стать образцом для появления аналогичных образований; войдя в язык, они могут создать новое звено системы, хотя «лишь в исключительных случаях появление обозначений новых предметов и новых орудий производства связано непосредственно с появлением новых монем...» [36]

Примером появления слов нового словообразовательного типа в языке анализируемого периода может служить количественно активно пополняемая группа названий различных синтетических материалов и волокон. Структурным показателем этой лексической группы слов являются элементы *-он* и *-ан*, ранее не существовавшие в словообразовательной системе русского языка.

Складывающиеся способы образования названий синтетических материалов характеризуются тем, что «словообразовательный формант *-он* ... присоединяется к неоднотипным, очень разным по происхождению, семантике и структуре основам» [37]. В большинстве случаев производящие основы представляют собой искусственно создаваемые сокращения, «зашифрованное» значение которых остается закрытым для большинства носителей литературного языка. Функционально их роль сведена до минимума. Они с необходимостью не несут какой-то определенной информации, способствующей пониманию значения, заключенного в новом обозначении. Поэтому основным выразителем категориального лексического значения оказывается элемент *-он* (или *-лон*). Ср.:

Устьинская шелкокрутильная фабрика начала выпуск новых синтетических нитей — *акон* и *такон*. Эти пушистые, блестящие, легкие нити невозможно отличить от шерстяных. *Такон* идет на изготовление тканей типа букле. Из *акона* вяжутся нарядные костюмы, платья, кофточки и мужские куртки. *Таконовые* изделия очень напоминают изделия из джерси и ни в чем не уступают им по своим качествам («Веч. Москва», 18 дек. 1967 г.); Чрезвычайно перспективны способы плазменного производства титановых белил, тетрафторэтилена, из которого получают *тефлон* — пластмассу, не уступающую благородным металлам по своим химическим свой-

[36] А. Мартине. Основы общей лингвистики. «Новое в лингвистике», вып. III, стр. 530.

[37] «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 228.

ствам, и многих других веществ («Известия», 1967, № 47); Первые такие вещества уже проходят испытания. Об одном из них в последнее время говорят особенно много. Это — *интерферон*. Химиотерапевтическим препаратом, в строгом смысле слова, назвать его нельзя. Он скорее относится к факторам естественного иммунитета («Веч. Москва», 19 мая 1967 г.); Подвесные потолки на всех этажах должны быть изготовлены из нового строительного материала — *травертона* («Веч. Москва», 18 марта 1967 г.); Не так давно на Люберецком ковровом комбинате впервые услышали слово *мтилон*. Его «принесли» сюда научные сотрудники Московского текстильного института («Веч. Москва», 16 янв. 1967 г.); Интересны ткани из мягкой, пушистой нити *мэрон*. Предназначенная для летних пальто и костюмов, *мэроновая* ткань соединена с тонким поролоном («Веч. Москва», 17 янв. 1968 г.); *Гофрон* — так называется нить, которую получают из волокна капрона. Ее почти невозможно отличить от натуральной шерстяной («Известия», 30 ноября 1967 г.).

Соответствие существующим живым словообразовательным моделям делает прозрачным структуру слова, а тем самым обеспечивает быстрое и легкое понимание его говорящим на данном языке коллективом, т. е. обеспечивает его общепонятность. Можно предполагать, что соответствие новых слов общим закономерностям системы языка тем самым облегчит и в какой-то степени ускорит их вхождение в язык.

На возможность вхождения слова в язык влияют его словообразовательные возможности, его способность сочетаться с другими словами, возможность прямых и переносных употреблений. Принято считать, что новое слово должно быть приемлемым по звучанию, благозвучным. С лингвистической точки зрения это означает, что неологизм должен соответствовать фонетическим особенностям русского языка. Носители языка нелингвисты интуитивно чувствуют нарушение принятых возможных звуковых сочетаний, определяя их как незвучащие, некрасивые, непривычные.

Не принимаются те слова, которые «не отвечают особым требованиям благозвучия, свойственным данному языку, и «режут ухо», привыкшее даже в совершенно новом слове встречать все-таки нечто знакомое, нечто вполне сливающееся со старыми элементами языка» [38].

При появлении новое слово может встретить конкуренцию со стороны других, тоже новых или уже существующих в языке слов. Если судьба нового слова в какой-то

[38] А. Г. Горнфельд. Указ. соч., стр. 7.

степени может определяться вышеописанными критериями, то положение слов-конкурентов оказывается более сложным и требует анализа различных ситуаций. Процесс вхождения слова в язык оказывается более легким и свободным, если в ответ на существующую потребность в назывании в языке появляется одно наименование, не сталкивающееся с конкуренцией других синонимичных названий. Этот процесс осложняется, если в языке появляются номинативные варианты для названия одного и того же предмета или явления.

Одновременно с завершением первого эксперимента по исследованию возможности пребывания человека на большой глубине, проведенного французами, в языке газеты регулярное употребление получает первое название людей, опускающихся под воду с целью исследования подводных глубин, с целью проведения научных наблюдений над человеком в условиях жизни под водой — заимствование из французского *океанавт* (франц. oceanautes — см. «L'Humanite» 22.X — 1965): Во время этого эксперимента намеревались, во-первых, проверить средства, обеспечивающие полную безопасность и почти автономное функционирование на большой глубине подводной станции с *океанавтами*; во-вторых, определить, может ли человек, живущий в условиях искусственной атмосферы на глубине 100 метров, заниматься физической и умственной работой... Жизнь шести *океанавтов* находилась все время в условиях полной безопасности («Комс. правда», 30 окт. 1965 г.).

Название *океанавт* для русского языка не является чужеродным. Оно оправдывалось и поддерживалось утверждающимися и входящими в язык названиями с корнем *океан*: *океанология*, *океанологи*, *океанарий* и др.

Однако очень скоро в языке прессы появился семантический дублет к образованию *океанавт — гидронавт*: В «Бентосе» предусмотрена специальная шлюзовая камера — дверь в океан. Через нее *гидронавты* смогут отправляться в путешествие по дну («Известия», 15 сент. 1966 г.).

Название *гидронавт*, несомненно, для современного языка является образованием закономерным, так как лексико-морфема *гидро-* является активным элементом современной словообразовательной системы. Новообразования с *гидро-* стоят на уровне регулярных. Поэтому если бы нужно было чисто прогностически определить возможное название для лица, проводящего исследование подводных

глубин, то в рамках современного языка высокая частотность и регулярность в словообразовательной системе образований с лексико-морфемой *гидро-*, распространенность названий с корнем *гидро-* и в сфере терминологии, и в общеупотребительном языке закономерно позволяют вероятной формой назвать *гидронавт*.

Тем не менее почти одновременно появился другой семантический дублет к *океанавту* — новообразование *акванавт*. Впервые оно появилось в научно-популярных текстах. Ср.: Безрадостный вывод следовал отсюда: в распоряжении ученых остался один-единственный газ — водород, на основе которого можно приготовить еще одну последнюю дыхательную смесь для *акванавта* («Известия», 12 ноября 1966 г.); Дублером *акванавтов* выступала мышь (Там же).

Появление этого слова в языке также нельзя рассматривать как неожиданное. Роль основы *аква-* в словообразовательных процессах современного русского языка очень незначительна; она выделяется лишь в очень немногих словах (*аквариум*, *акварель*, *аквамарин*, *акватория*, *аквалангист* и нек. др.). И хотя словообразовательный потенциал основы *аква-* кажется затухающим по той причине, что для очень широкого круга новообразований, обозначающих предметы или явления, связанные с водой или имеющие отношение к воде, производящей основой оказался элемент *гидро-*, «победителем» в образовавшемся вариантном ряду оказалось новообразование *акванавт*. Название *гидронавт* в последующих публикациях не встречается. Употребление же слова *акванавт* стало активизироваться. Ср.: *Акванавт* у пульта управления [загл.] («Сов. Россия», 28 марта 1967 г.); Воздух для *акванавтов* будет поступать с понтона, который поставлен на якорь в бухте (Там же).

По отношению к языку сегодняшнего дня можно утверждать, что *акванавт* «оттеснило» своих конкурентов и употребляется в качестве единственного обозначения людей, погружающихся в водные глубины для их исследования. В многочисленных газетных сообщениях о последних экспериментах для называния самих исследователей употребляется только форма *акванавт*. Ср.: Перед выходом *акванавты* дышали час кислородом; затем им предстояло пройти диатурацию — постепенное замещение азота в крови кислородом — на глубине шести и трех метров («Комс.

правда», 7 сент. 1967 г.); Из-за этого шторма пришлось задержать спуск *акванавтов* («Комс. правда», 9 сент. 1967г.); На берегу я выбираю камень поближе к трапу и жду, когда *акванавты* покажутся из воды (Там же); Мы видим экипаж лаборатории «Ихтиандр-67», разговариваем с *акванавтами* и даже... слушаем их концерты («Правда», 16 сент. 1967 г.); Подводный дом «Садко-2» был установлен на глубине 25 метров. В нем на длительный срок поселились два *акванавта* («Известия», 14 ноября 1967 г.); Эксперимент рассчитан на двое-трое суток, после чего *акванавтов* обследуют врачи и психологи («Комс. правда», 9 дек. 1967 г.). Небезынтересно отметить, что в поздних публикациях первых исследователей водных глубин — французов — тоже называют *акванавтами*: В доме, который *акванавты* назвали «Диогеном», два француза — Альбер Фалько и Клод Весли прожили семь дней («Комс. правда», 9 сент. 1967 г.).

Совершенно очевидно, что первое название *океанавт* в русском языке не утвердилось вследствие мотивированности своего значения («обозначающее» не соответствовало «обозначаемому»: все испытатели погружались на дно м о р я).

Судьба же двух других новообразований определилась не действием активных словообразовательных процессов, а очевидно, существующим, очень тонко различаемым оттенком в семантике основ *гидро-* и *аква-*, а также определенным влиянием образования недавнего времени *акваланг-ист*.

Другим примером утверждения одного из вариантов может служить история слова *авторалли* (*ралли*). *Авторалли* — это один из видов автомобильных гонок, участники которых соревнуются в скорости и выносливости, демонстрируют свою техническую и спортивную подготовку. Заимствованный из английского языка термин *ралли* столкнулся с существующими в русском языке и используемыми корреспондентами названиями *автомобильные гонки*, *пробег*, *соревнования*: Московский ипподром расцвечен национальными флагами. Сюда 4 июня во второй половине дня пришли тысячи москвичей на спортивный праздник, посвященный международному автомобильному пробегу (*ралли*) «За мир и дружбу» («Известия», 1960, № 133). Однако эти привычные названия не соответствовали объему содержания нового термина и поэтому не могли быть серьезными конкурентами *авторалли*. Конкуренция воз-

никла со стороны словосочетания *автомобильное многоборье*: *Автомобильные ралли*, как вид соревнований, пока мало известны широким кругам любителей спорта. Иногда их называют *автомобильным многоборьем* («Правда», 3 июня 1960 г.). Термин *авторалли* оказывается предпочтительнее термина *автомобильное многоборье*: он известен спортсменам и спортивным специалистам всего мира; он кажется «удобнее», «экономнее», чем термин, выраженный описательным оборотом. Поэтому именно *авторалли* утверждается как название нового вида спортивных соревнований.

Однако не всегда из двух или нескольких синонимов одно слово вытесняет другие. Нередко в языке сохраняются все названия, но за каждым из них закрепляется свой круг значений, происходит дифференциация названий по содержанию. Данное явление можно иллюстрировать процессом размежевания слов *увлечение*, *конек*, *хобби*. На наших глазах к существующим в русском языке словам *увлечение*, *конек* присоединилось заимствованное из английского языка слово *хобби*. Периодическая печать последних лет фиксирует параллельное употребление приведенных названий. См.: Вторая профессия — это именно не профессия, это пристрастие, которому отдается свободное время. Можно его назвать очень распространившимся в последнее время английским словом *хобби*. Или русским, литературным — «увлечение». Или менее литературным, но более метким: «конек» («Театр», 1965, № 5, стр. 136).

Довольно быстро стало ощутимым лексическое и семантическое размежевание названных дублетов: слово *конек* означает 'излюбленную тему разговоров, предмет стремлений'; слово *хобби* — 'излюбленное занятие'; слово *увлечение* характеризуется меньшей конкретностью [39].

Размежевание дублетов может быть и стилистическим. Например, в письме, присланном в Институт русского языка АН СССР, работники одной из библиотек просили помочь им выбрать одно из названий для читателей, не сдающих в назначенный срок библиотечные книги: *должник* (*задолженник*) или *неисправный абонент*. Однако выбрать одно из названий и запретить другое в данной ситуации вряд ли возможно. В официальной письменной речи библиотечные работники, как правило, пользуются описа-

[39] А. А. Брагина. Что такое *хобби*? — ВКР, вып. VII. М., 1966, стр. 201—206.

тельными оборотами: *читатель, не сдавший в срок книги, имеющий задолженность* и т. п. Явно официальный, канцелярский характер ощутим в названии *неисправный абонент*. Для устной речи такие названия неудобны. Вероятно, при непосредственном общении вполне уместны слова *должник* или *задолженьник* («Вы наш должник», «Кто там у нас остался из задолженников?» и т. п.).

Таким образом, в данном случае пока нельзя отдать предпочтение тому или иному слову или обороту. Можно лишь говорить о правомерности их употребления в тех или иных конкретных сферах языкового общения: то, что не принято в официальной бумаге, оказывается вполне правомерным в разговоре, в беседах, лишенных официального характера. Пока неизвестно, чем кончится конкуренция этих синонимов. Может быть, они сохранятся с такой стилистической дифференциацией, может быть, разговорное слово войдет в официальные документы, вытеснив другие слова. Окончательный приговор будет вынесен коллективной практикой.

Лексические изменения определяются не только внутриязыковыми закономерностями, но и внеязыковыми факторами. Влияние внеязыковых факторов на жизнь и судьбу новых слов не получило в науке подробной характеристики, хотя можно наметить некоторые условия, которые в какой-то степени позволяют обнаружить действие социальной среды на формирование и употребление новых названий.

В лингвистической литературе получает развитие мысль о том, что эстетические представления общества в целом и отдельных его представителей, объективно существующая совокупность эстетических норм не могут не оказывать известного влияния на область новых слов [40], тем не менее

---

[40] Ср.: «... имеется все же совокупность определенных эстетических норм, из которых каждая самостоятельно распространяется на определенный языковый элемент» (Я. Мукаржовский. Указ. соч., стр. 419); «Совершенно обязательно применение эстетической оценки при шлифовке языка... Поэтому необходимо, чтобы эстетический канон, который меняется не только от языка к языку, но и в различные периоды развития одного и того же литературного языка... был вскрыт и по возможности изучен научным исследованием» (Там же, стр. 421); см. также: А. И. Моисеев. Из истории наименований профессий в русском языке (наименование профессий советского периода). «Развитие русского языка после Великой Октябрьской соц. революции». [Л.], 1967, стр. 31.

неизученность характера и значения действующих в современном языке эстетических законов не позволила даже приблизиться к освещению этого интереснейшего вопроса применительно к рассматриваемому материалу, хотя сама проблема представляет несомненный интерес.

Описание совокупности эстетических норм представляется чрезвычайно трудным и потому, что не определена область приложения понятия эстетики к языку, и потому, что коллективные вкусы меняются в зависимости от времени, от характера эпохи, от уровня культуры носителей языка, от моды, от профессиональных вкусов и т. п.

На жизнь и употребление слов оказывают воздействие и общественно-политические условия. В ряде случаев название изменяется в связи с новым пониманием тех или других явлений, в зависимости от новых общественных отношений [41].

Так, вместо слова *прачка* стало употребляться словосочетание *стиральный мастер*. *Стиральный мастер*... когда-то это звучало чуть ли не пренебрежительно: не удалась, мол, жизнь у женщины и стала она *прачкой* (Из газет);

Кинозвезда-хорошее слово (загл.). Поговорим о *кинозвезде*. Уберем кавычки и попробуем заменить привычный нашему слуху термин «киноартист» непривычным словом «кинозвезда».

Вопрос этот не так прост, как может показаться спервоначала. Лет этак десять — пятнадцать назад слово «звезда» было привязано к идее «голливудского конвейера». С тех пор много воды утекло. И слово «звезда» стало понемножку входить в наш обиход («Лит. газета», № 47, 1967, стр. 8).

Коллективный вкус проявляется в пристрастии к отдельным словообразовательным типам, в увлечении отдельными словами и словосочетаниями. Мода отражается в преходящих названиях предметов быта («*гвóздики*», «*шпильки*», «*шорты*», «*болоньи*», «*джерси*» и т. п.), в создании самих наименований (например, открытый в Сибири светло-желтый с голубыми прожилками камень назван в честь первого в мире космонавта *гагаринитом*, а 104-й элемент менделеевской таблицы называется *курчатовий*),

[41] В эпоху становления Советской власти процесс смены старых названий новыми из политических соображений протекал особенно интенсивно.

в частотности употребления излюбленных слов и выражений, в их функциональной активности.

См. например: Я смотрю на его застывшее лицо и пытаюсь понять, где там *запрограммирована* (модное словечко!) страсть к путешествиям, к спальному прожженному мешку, к долгому, весьма близкому общению с комарами и прочим гнусом? (А. Гладилин. История одной компании.— «Юность», 1965, № 9, стр. 4); Надо сказать, к этому времени, независимо от моего сокращения, мне порядочно надоел псевдомолодежный словарь нашей газеты, ее постоянное бодрячество. Мне надоели все эти *задумки* вместо *замыслов*, *живинки* вместо *живости*, *веселинки* вместо *веселья* и даже *глубинки* — вместо *глубины* (Ф. Искандер. Созвездие Козлотура.— «Новый мир», 1966, № 8, стр. 5).

Внимание общества (прессы и тем самым носителей языка) к новым словам может быть привлечено актуальностью самого называемого события или явления, усиливающейся значимостью их в жизни общества. Ярким примером может служить слово *эскалация*. События во Вьетнаме с начала 1965 г. оказались одним из важнейших, волнующих вопросов мировой прессы. Сообщения о расширении американской агрессии во Вьетнаме оказались связанными со словом *эскалация*. За короткий период новое обозначение приобрело широкую известность и понятность; положение его в структуре русского языка получило определенную стабильность; само название перестало быть иноязычным вкраплением.

«Высокие темпы освоения слова *эскалация* объясняются, конечно же, внеязыковыми причинами: быстрым развертыванием обозначаемых им событий — событий, мимо которых не может безучастно пройти ни один здравомыслящий человек. Актуальность или злободневность событий делает актуальным и злободневным их название; сопротивление внутриязыковых факторов, препятствующих вхождению чужого слова, охраняющих неприкосновенную чистоту национального языка, при таких условиях, видимо, сильно нейтрализуется» [42].

Модной может стать не только слово, но и отдельная морфема. Так происходит, например, с *мини-*. Мода на короткие юбки сделала употребительными названия одежды с морфемой *мини-*. Об этом свидетельствуют факты частого использования ее без очевидной необходимости.

[42] В. Г. Костомаров. *Эскалация.*— ВКР, вып. VIII. М., 1967, стр. 214.

Ср.: А сейчас в Лондоне самыми модными являются *мини-юбки*. Они обнажают то, что еще не так давно принято было скрывать («Веч. Москва», 1 дек. 1967 г.); Он вглядывается в людей у троллейбусной остановки, с веселой доброжелательностью провожает взглядом модниц в *мини-пальто*, стремительно несущихся к спасительному теплу станции метро («Изв.», 18 дек. 1967 г.).

Образования с *мини-* оказались в ряду продуктивных, активно развивающихся словообразовательных тенденций русского языка, тенденций, свидетельствующих о росте агглютинативности в словообразовательной системе. Поэтому образования с *мини-* стали свободно использоваться как средство номинации.

Ср.: Макконелл тут же потребовал постричь этих парней до стандарта *мини-прическа*, призвать в армию и отправить на фронт («Веч. Москва», 18 окт. 1967 г.); *Мини-мода*... Она проникла не только в область одежды, но и во внутреннюю политику Великобритании («Веч. Москва», 1 дек. 1967 г.); Нелегкая доля у *мини-фунта*. Он напрягается, сопротивляется, не хочет, чтобы его еще урезали (Там же).

Следует констатировать, что образования с *мини-* используются по преимуществу для называния предметов «зарубежного» быта и выступают с ярко ощущаемой отрицательной экспрессией. См. очень показательный пример: картина ФРГ «*Мини-сказка*» тоже создана по чьей-нибудь «идее» — девица в *мини-юбке* расхаживает по городу, а разномастные мужчины с большим или меньшим аппетитом пожирают ее глазами... Зал молчал, не без прискорбия наблюдая за тем, как его любимый вид кинематографа — короткий фильм — превращался в *мини-фильм* (Л. Рошаль. Вокруг да около и вглубь. «Искусство кино», 1967, № 10). Может быть, со временем морфема *мини-* утратит экспрессивную окраску и займет свое место среди других лексико-морфем (*радио-*, *кино-*, *теле-* и т. п.); на возможность этого указывают такие образования, как *мини-часы*, *мини-мины*, *мини-автобусы*, *мини-партии* (вм. *партии-миниатюры*) и т. п. Может быть, с изменением моды, с переходом на «макси»-модели, прекратится процесс новообразований с *мини-*.

Круг факторов, действие которых в различной мере определяет судьбу слова в языке, может быть расширен, но это предмет специального исследования. Намеченные лингвистические и внелингвистические факторы не могут

представить конструктивного решения вопроса о вхождении слова в язык, хотя в некотором отношении служат оценкой, характеристикой новообразования. Да и вопросы вхождения слова в язык до сих пор остаются нерешенной проблемой. В литературе можно встретить лишь некоторые указания на те черты, которые в какой-то мере характеризуют процесс вхождения слова в язык.

С известной достоверностью на это указывает высокая частотность употребления слова, хотя достаточная степень частотности остается неопределимой. Можно надеяться, что лингвостатистика предложит объективные показатели для решения этой проблемы. Существенным оказывается не только количественная употребительность слова, но и использование его в текстах различных жанров. В лексикографической практике для включения слова в словарь решающим оказывается именно этот показатель.

Не менее существенным оказывается словообразовательная активность слова, т. е. возможность его выступать производящей основой. Убедительным свидетельством служит развитие новых значений, появление переносных употреблений. При вхождении терминов в литературный язык появление новых семантических характеристик является безусловным.

Небезразличным оказывается и способность к сочетаемости с другими словами [43]. Удачной иллюстрацией может служить существование в языке слова *эскалация*. Выше говорилось о том, что всего за один год слово *эскалация* получило широкое употребление в языке массовой коммуникации. Первоначальное лексическое содержание слова ограничивалось значением 'постоянное расширение войны во Вьетнаме'. Частое употребление этого слова порождает изменение объема семантического значения: слово приобретает более широкое значение 'вообще расширение, усиление чего-либо'. Например: *эскалация наглости* («Известия», 11 июля 1966 г.; «Правда», 16 авг. 1966 г.); *эскалация безумия* («Правда», 18 июля 1966 г.); *эскалация преступлений* [загл.] («Веч. Москва», 20 дек. 1966 г.); На

---

[43] Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка, 30—90-е годы XIX века. М.— Л., 1965; Л. П. Крысин. О новых иноязычных заимствованиях в лексике современного русского литературного языка.— ВКР, вып. V. М., 1964.

эскалацию войны тысячи молодых американцев ответили «*эскалацией протеста*» («Комс. правда», 9 авг. 1966 г.); Правда, отмежевание правительственных деятелей от *эскалации* американского *варварства* неизмеримо отстает от накала народного протеста («Известия», 11 июля 1966 г.); Инспиратором и организатором уличных беспорядков на этом этапе *эскалации их кампании* «Дзяды» Мицкевича уже просто-напросто не были нужны («Известия», 22 марта 1968 г.). Ср. также: *эскалация удовольствий* («Комс. правда», 7 авг. 1966 г.), *эскалация расходов* («Веч. Москва», 20 дек. 1966 г.).

Большинство случаев употребления слова *эскалация* связано с отрицательным отношением к описываемым явлениям и событиям. Но наряду с этим фиксируются случаи, когда расширенное значение слова *эскалация* позволяет использовать его без отрицательной экспрессии: За *эскалацию мира*! («Правда», 28 марта 1966 г.); *Эскалация мира*... Таким образом, будет широко открыт путь второму этапу этой *эскалации мира* («Известия», 6 июля 1966 г.).

Слово *эскалация* вызвало к жизни однокоренные образования: *деэскалация*, *эскалировать*, *эскалирование* (передача по Московскому радио 10 мая 1968 г.); ... сегодня Америка являет собой «ужасающее зрелище *сверхэскалации* полицейской и военной силы», нацеленной против негритянского движения («Правда», 6 июня 1968 г.). Формирующееся новое значение слова *эскалация* расширило возможности сочетаний *эскалации*. Кроме традиционного *военная эскалация*, появились *дипломатическая эскалация* («Правда», 13 авг. 1966 г.), *деловая эскалация* («Комс. правда», 24 марта 1966 г.), *обреченная эскалация* («Комс. правда», 3 марта 1966 г.), *словесная эскалация* («Моск. правда», 28 апр. 1965 г.), *собачья эскалация* («Комс. правда», 9 янв. 1966 г.).

Вполне закономерно, что слово *эскалация* вошло в последний «Словарь иностранных слов» [44].

Систематическая фиксация новых слов позволяет определить сроки (иногда очень точные), в течение которых намечаются какие-то изменения в жизни слова. Установлено, что слово *эскалация* появилось с осени 1965 г., а в

---

[44] «Словарь иностранных слов». Сост. С. М. Локшина, М., 1965.

1966 г. уже отмечались заметные сдвиги в жизни этого слова. Менее чем через два года форма *акванавт* оттеснила своих конкурентов — *океанавт* и *гидронавт* и стала употребляться в качестве единственного обозначения людей, занимающихся исследованием подводного мира. Появление первого названия данного дублетного ряда фиксируется в языке газеты осенью 1965 г., а к середине 1967 г. можно считать установившимся употребление только слова *акванавт*. Анализируемый материал позволил зафиксировать и более короткий срок, в течение которого в жизни слова было обнаружено определенное развитие: так, менее чем за четыре месяца совершенно отчетливо обозначился процесс выхода терминов с корнем *сейсм-* (*сейсмичность*, *сейсмический*) за рамки узкоспециального употребления и началось активное взаимодействие их с языком газеты.

Приведенные иллюстрации показывают, что развитие новых слов протекает в относительно сжатый период. Это обстоятельство объясняется постоянно возрастающим значением в жизни общества массовой коммуникации. Газеты, радио, телевидение являются теми каналами, через которые в язык входят новые слова и выражения. Эти каналы уже увеличивают частотность новых употреблений, так как при тематически однородных информациях новые слова оказываются многократно используемыми (прессой, радио и телевидением). Стали более высокими возможности освоения новых слов: увиденное в печатном тексте может быть услышано от диктора радио или телевидения или быть изображенным на экране телевизора, в то время как раньше основным источником распространения новых слов оказывалась художественная и научная литература, а значит, и круг «избранных и посвященных» был довольно узким.

Следует также отметить, что массовая коммуникация способствует чрезвычайному увеличению потока новых слов. Сюда оказываются включенными разнообразные по своей функции в языке, по содержательной значимости для носителей языка слова и обороты: термины, общеупотребительные и специальные, окказиональные слова и выражения, номенклатурные названия и мн. др.

И разнохарактерность материала сама по себе, и многообразие критериев, оценивающих его, и сложное переплетение лингвистических и внелингвистических факто-

ров, и невозможность учесть все условия принятия новообразования — все это служит объяснением того, что «служба языка» не может сразу дать абсолютного и категорического ответа на вопрос об оценке нового слова. В этом смысле приобретает особую ценность своевременная фиксация слова и систематические наблюдения за становлением объема семантических значений, грамматического оформления, за синтаксической сочетаемостью новых слов. Эти наблюдения могут носить лишь частный характер, но совокупность индивидуальных «историй» слов даст возможность подняться до теоретических обобщений и выводов.

ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И ОБЩЕСТВЕННО-ГРУППОВЫХ ОЦЕНОК РЕЧИ

Б. С. Шварцкопф

1. В процессе речевой деятельности могут иметь место такие случаи, когда говорящий или слушающий обращает внимание на саму речь, т. е. на употребляемые языковые средства (слова, выражения, отдельные грамматические формы или конструкции), на стиль высказывания, и оценивает их — прямо («правильно — неправильно», «хорошо — плохо», «уместно — неуместно») или косвенно, характеризуя их основную сферу функционирования, стилистическую или временну́ю окраску. Например [1]:

Пьеса ведь так и называется «Еще раз про любовь». Но обратите внимание: не «Еще раз о любви», а «Еще раз про любовь» — так говорят не очень культурные люди. Значит, в заглавии есть ирония, усмешка (Н. Б а ж и н. Наш друг. «Нева», 1965, № 1, стр. 192).

Работать мне много трудней, чем раньше,— другие у меня требования, другие приемы,— и хочется перейти в другой «класс»

[1] В приводимых нами здесь и далее иллюстрациях рассматриваются примеры из письменной речи, преимущественно из журналов и газет (причина: трудность собирания материала устной речи и фактическое отсутствие в нашем распоряжении такого материала). Поэтому употребляемые термины «говорящий» и «слушающий» носят условный характер, обозначая в основном «пишущего» и «читающего».

(как говорят о лошадях и боксерах) — в класс спокойного, ясного, тонкого и не пустякового письма (И. Бабель — к И. Л. Лившицу. «Знамя», 1964, № 8, стр. 158).

Как можно, например, в одном и том же стихотворении помещать такие чуждые друг другу по самой своей природе слова, как «инициалы» и «неужто»? Ведь вы же не юмореску пишете? (И. С е л ь в и н с к и й. Студия стиха. М., 1962, стр. 261).

Было это в апреле 1910 года в Одессе... В то время жил, как тогда говорилось, «на всем готовом», то есть на полном пансионе... (Л. Н и к у л и н. Как Куприн писал рассказ «Леночка».— «Смена». 1967, № 9, стр. 28).

Следует сразу же оговорить необходимость отличать оценку речевых явлений от оценок реалий и понятий. Так, последними (несмотря на то, что употребляется *слово*) являются: Много в тундре хороших слов. Хорошее слово — «олень»: мчится быстрее ветра. Хорошее слово — «печь»: согревает. Но самое лучшее слово — «друг»: друг не бросит в беде... (В. Л у ц е т, Г. С и м к и н. В страну будущего. «Сибирские огни», 1967, № 12, стр. 122); ... то, что я делала для «Работницы», никак не укладывалось в огромное, емкое слово «творчество». Я просто честно выполняла задания... (Ел. М и к у л и н а. Годы и дни. «Наш современник», 1966, № 3, стр. 38).

Такие характеристики, которые даются говорящими в процессе речи и относятся к ней самой, мы будем называть о ц е н к а м и р е ч и (в широком смысле слова). Название «оценки речи» призвано подчеркнуть: подвергаются оценке факты речи, конкретные языковые высказывания (или их части) и их стилистическая, семантическая, формальная стороны, т. е. языковые потенции, уже реализованные в речи. Оценки речи интуитивны (и тогда, когда они в процессе речи исходят от лингвиста — в этом случае он выступает не как лингвист, а прежде всего как носитель языка), базируются на языковом чутье говорящих и являются его выражением.

Языковое чутье (иначе языковое чувство, языковая интуиция, языковое сознание) есть «система языковых представлений» [2] у говорящих, бессознательное обобщение говорящими своего языкового опыта (всей предшествующей речевой практики), иначе — система правил переработки информации, извлекаемой из языкового материала (в смысле Л. В. Щербы) [3].

[2] Л. В. Щ е р б а. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании.— В кн.: В. А. З в е г и н ц е в. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1960, стр. 303.

[3] Ср. характеристику этой деятельности говорящих как «бессознательные аналитико-синтетические процессы, происходящие

Языковое чутье может рассматриваться как величина постоянно развивающаяся (с накоплением языкового опыта у говорящего), которая, следовательно, способна стать «предметом воспитания» [4].

Оригинальная трактовка понятия языкового чутья дана в концепции Л. В. Щербы (в связи с понятием эксперимента в языкознании): это «индивидуальная речевая система», являющаяся «конкретным проявлением языковой системы» (член языкового коллектива «создает у себя речевую систему на основании языкового материала этого коллектива» [5]). Отсюда Л. В. Щерба заключает о принципиальной возможности исследования системы языка через изучение «индивидуальной речевой системы» (с необходимой поправкой: через «сравнительное исследование ряда таких «индивидуальных речевых систем» — так как всякая «индивидуальная речевая система» неполно отражает систему языка). Из сущности «индивидуальной речевой системы» и вытекает «оценочное чувство правильности или неправильности того или иного речевого высказывания, его возможности или абсолютной невозможности ... чувство это у нормального члена общества социально обосновано, являясь функцией языковой системы (величина социальная) ...» [6]

Нам представляется существенным это подчеркивание «социального» характера «оценочного чувства» в связи со следующим соотношением: как индивидуальное языковое чутье отдельного говорящего объективно, хотя и неполно (сообразно языковому опыту говорящего) воплощает систему языка, общую для всего языкового коллектива (1),—

в головах носителей языка» (Н. Н. Коротков. О соотносительности понятий «система» и «знак» в определении языка как знаковой системы. «Язык как знаковая система особого рода. Материалы к конференции». М., 1967, стр. 33).

[4] Г. Винокур. Проблема культуры речи. «Русский язык в сов. школе», 1929, № 5, стр. 84.

[5] Ср. понятие «языковая способность», которое «трактуется как отображение в психике объективно существующей системы языка» (А. А. Леонтьев. Теоретические проблемы психолингвистического моделирования речевой деятельности. Автореф. докт. дисс. М., 1968, стр. 18).

[6] Л. В. Щерба. О трояком аспекте языковых явлений..., стр. 309, 311.— Об «условном характере» «психологизма» в концепции Л. В. Щербы см.: А. А. Леонтьев. И. А. Бодуэн де Куртенэ и петербургская школа русской лингвистики.— ВЯ, 1961, № 4, стр. 118.

так и высказываемые говорящим оценки речи верно, хотя далеко не полно выражают его языковое чутье, точнее — отдельные черты языкового чутья (2). При этом «неполнота» в первом и во втором случае резко различна по своим причинам. Неполнота отражения системы языка в индивидуальном языковом чутье — результат того, что языковой опыт отдельного говорящего не может охватить сумму опыта языкового коллектива в целом. Этот «недоохват», в применении к владеющему литературным языком, касается обычно отдельных, часто второстепенных звеньев языковой системы или частных особенностей стилистики, не встречавшихся ему в предшествующей речевой практике. Ср., например, следующее любопытное признание:

«Форма винительного падежа ж. р. ед. ч. «самоё» была мне вовсе не известна до тех пор, пока я не наткнулся на нее в учебнике русской грамматики Кирпичникова и Гилярова (приблизительно в 1899 году), причем сначала она вызвала у меня полное недоумение: я стал думать даже, что это, может быть, опечатка. Между тем с 1910, приблизительно, года я уже употребляю эту форму в устной речи, хотя, впрочем, и весьма редко; все же она оказалась мною усвоенной, и усвоенной при этом именно из письменности (Е. П о л и в а н о в. За марксистское языкознание. М., 1931, стр. 134).

Во втором случае степень неполноты выражения языкового чутья в оценках речи настолько велика, что вернее говорить о выражении в оценках речи только отдельных, весьма немногих сторон языкового чутья; причем сами оценки речи в речевой деятельности встречаются спорадически, они не только нерегулярны, но таковыми принципиально быть не могут. Причина этому — автоматизированный характер речевой деятельности [7].

Эта особенность речевой деятельности давно уже привлекла внимание лингвистов [8]; однако Л. П. Якубинский первым выделил условия, в которых — при автоматизи-

[7] Говоря об автоматизированном характере речи, следует помнить предупреждение Г. О. Винокура: автоматизированность речи «не должна обманывать, потому что и такая речь, несомненно, предполагает активное отношение к средствам языка, как бы механически ни совершался этот отбор средств на практике» (Г. В и н о к у р. Проблема культуры речи, стр. 86).

[8] Так, ср.: «Наша речь сама по себе кажется нам настолько естественным явлением, настолько она срослась с вещами, к которым она относится, что мы ее попросту не замечаем...» (Л. В. Щ е р б а. Предисловие редактора русского издания.— В кн.: Э. Р и х т е р. Как мы говорим? СПб., 1913, стр. VIII).

рованном протекании диалогической речи — возможны «осознаваемость и сосредоточение внимания на речевых фактах»: такими условиями являются «сложность» и «непривычность» речевой деятельности; при них «речевые отношения становятся определителями, источниками появляющихся в сознании по поводу них самих переживаний» [9]. Но если появление оценок речи связано с нарушением автоматичности речи [10] (по В. Н. Волошинову, «рефлексия над собственной речью» возможна «лишь в ненормальных или специальных случаях» [11]), то, следовательно, появление оценок речи в тексте (устном или письменном) не может быть ни регулярным, ни частотным.

Таким образом, принимая положения Л. В. Щербы об обоснованности системой языка «индивидуальной речевой системы» и «оценочного чувства», мы должны применительно к оценкам речи сделать оговорку: мы не вправе ожидать, что даже фронтальное изучение оценок речи может дать более или менее адекватное представление о языковой системе в целом или о каком-либо ее ярусе. Исследуя показания выявляемых оценок речи, мы стремимся получить «из первых рук» — от самих говорящих — существенные для нас сведения, касающиеся отдельных сторон и черт языка и вскрывающие отношение говорящих к последним.

2. Одна из первых работ, в которой внимание исследователя обращено на оценки речи,— труд Л. В. Щербы «Восточнолужицкое наречие». Так, он писал о двойственном числе: «Категория двойственного числа у старшего поколения имеет полную выразительность. Для младшего поколения она может быть не так выразительна: при мне раз одна молодая девушка сказала «dvaj gulca» — «два мальчика», на что ее отец сейчас же обратил внимание, указав с досадой, что «dvaj» совершенно лишнее слово (и

---

[9] Л. П. Якубинский. О диалогической речи. «Русская речь», вып. I. Пг., 1923, стр. 144.

[10] Ср. закон Клапареда в психологии: затрудненность или нарушение автоматизированной деятельности вызывает ее осознание.

[11] В. Н. Волошинов. Марксизм и философия языка (основные проблемы социологического метода в науке о языке). Л., 1930, стр. 84, 134.— Использование языка для суждения о коде, с помощью которого осуществляется общение, отмечено Р. Якобсоном как пятая— металингвистическая—функция в его схеме функций языка (R. Jakobson. Linguistics and Poetics. «Style in language». New York, 1960).

надо помнить, что это был человек без всякой грамматической дрессировки и даже не умеющий читать по-лужицки)»[12].

Не случаен тот факт, что эта иллюстрация, показывающая возможность привлечения в лингвистическом исследовании данных о том, «как чувствуют и думают говорящие» [13] по поводу фактов речи, взята из работы, посвященной описанию современного состояния диалекта. Фиксирование отдельных оценок речи, высказанных носителями диалекта, стало традиционным в описательной диалектологии. В процессе собирания материала исследователь может выявлять некоторые черты языкового сознания носителей диалекта. Этому способствует, по-видимому, и специфика диалектологической работы с информантами [14]; кроме того, следует учитывать такой благоприятствующий появлению оценок речи фактор, как то, что фоном беседы собирателя материала с информантом является противопоставление «своего», «местного» (диалектного) и «чужого»— «городского», «культурного» (литературного) или инодиалектного.

В последнее время в отдельных диалектологических работах наметилось стремление перейти от спорадического приведения оценок речи к специальному их изучению [15]. Это диктуется задачами не только синхронического описания диалекта, но и изучения процессов взаимодействия литературного языка и диалектов, а следовательно,— необходимостью в каждом конкретном случае уяснить, в какой степени владеют нормами литературного языка данные носители диалекта и насколько сознательно отдают предпочтение литературным (или, наоборот, диалектным) языковым средствам.

В указанном плане к синхронической диалектологии

[12] Л. В. Щ е р б а. Восточнолужицкое наречие, т. I. СПб., 1915, стр. 94.— Ср. также: «На французов это производит впечатление «comme si l'on avait la pâte dans la bouche» (так объяснял мне недостатки русского произношения один француз, не имевший никакого понятия о фонетике, и выражавший, следовательно, свое обывательское наблюдение)» (Там же, стр. 174).

[13] Там же, стр. XIX.

[14] См., например: В. Г. О р л о в а. Собирание материала. «Вопросы теории лингвистической географии». М., 1962, стр. 182—186.

[15] Проблема эта поставлена в работе: Е. В. У х м ы л и н а. О языковой сознательности носителей говора (на материале их высказываний о языке). «Уч. зап. Горьковского ун-та», 1967, вып. 76.

близка культура речи — понимаемая как комплекс теоретических проблем и практических задач, связанных с сознательным вмешательством лингвистики в функционирование языка, с кодификацией норм литературного языка и с подтягиванием масс говорящих в их речевой деятельности до уровня владения литературной нормой. Поскольку культура речи закономерно включает в себя прикладной аспект («лингвистическое воспитание», «массовое стилистическое просвещение» [16]), нормализатор кровно заинтересован в выяснении степени того, насколько конкретные носители языка владеют литературными нормами (иначе невозможна действенная пропаганда норм литературного языка). Иначе говоря, практическое осуществление задач культуры речи требует изучения языкового опыта тех, к кому обращена языковая политика, чтобы знать, на какие черты языкового чутья говорящих можно опираться при пропаганде культуры речи, а с какими чертами следует бороться.

Кроме того, решение многих проблем культуры речи невозможно без учета «языкового вкуса эпохи» (С. И. Ожегов) [17]. Изучение оценок речи вводит исследователя в сферу «многообразных лингвистических вкусов», проявляющихся в современном словоупотреблении, в постоянной смене одних его особенностей другими. С. И. Ожегов подчеркивал, что в развитии словоупотребления имеет место «видоизменение социально-лингвистических вкусов и оценок» [18].

Таким образом, культура речи (как и синхроническая диалектология) с точки зрения необходимости использования оценок речи противостоит таким разделам языкознания, как описательная грамматика, описательная лексикология и др. [19] Задача последних—описание струк-

---

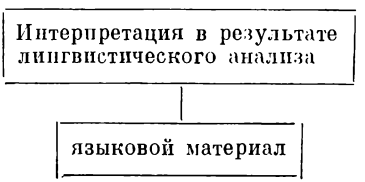
[16] Г. Винокур. Культура языка. Изд. 2. М., 1929, стр. 109, 113.

[17] См. также о языковых вкусах: Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, стр. 52—54.

[18] С. И. Ожегов. Лексика. «Русский язык и советское общество (проспект)». Алма-Ата, 1962, стр. 22.

[19] Ср. подчеркивание того, что культура речи должна «нормативно описывать функционирование языка в современной речи, его физиологию (а не анатомию, как, скажем, нормативная синхронно-описательная грамматика или лексикология, отражающая образцовое употребление языка)» (В. Г. Костомаров. Проблемы культуры речи. «Теоретические проблемы советского языкознания». М., 1968, стр. 135—136).

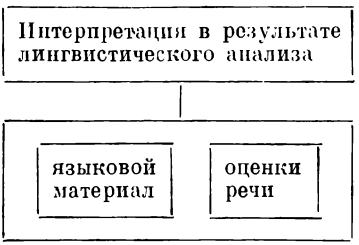
туры, путем к чему является лингвистическое обследование максимального количества разнообразных «текстов» (языкового материала). Принципиальная схема научного познания в них может быть представлена следующим образом:

В этой схеме научного познания оценкам речи по существу нет места; в лучшем случае они могут быть приведены как подкрепление установленной лингвистом тенденции — если установленная тенденция и наличествующие оценки речи совпадают. В противовес этому культура речи стремится опереться на оценки речи как на еще один, дополнительный, источник информации о языковых явлениях.

Так, можно привести случаи, когда в оценках речи получают отражение оттенки значений слов, не фиксируемые в нормативных словарях. Ср.: ...это определило трагедийное звучание произведения... Отсюда родилось и название «патетическая». У нас почему-то патетика понимается как радость, в то время как патетическое это одновременно и радостное, и скорбно-величественное (Н. П о г о д и н. На подступах к великому образу. «Писатели и книги», вып. I. М., 1960, стр. 37); Артист убежден, что эпических событий (если под «эпическим» иметь в виду «спокойное») в жизни никогда не было (А. З и с ь. О Кочаряне. «Театр», 1967, № 6, стр. 97) и: Эпичность — выражение столь же рецензентски затертое, как и слово «историзм», превращаемое из эстетической категории в комплимент. «Эпический» пишут там, где надо бы сказать — большой, двухсерийный, широкоформатный, обильный массовками (И. С о л о в ь е в а. Люди, память и история. «Искусство кино», 1966, № 3, стр. 29); ... часто это лишь подножие для публицистики (в хорошем, разумеется, смысле слова) (Г. Т о в с т о н о г о в. Круг мыслей. «Театр», 1967, № 10, стр. 38).

Для исследований по культуре речи, использующих оценки речи, можно представить себе следующую принципиальную схему научного познания:

В понимании этой схемы мы исходим из принципиального различия между лингвистическим анализом какого-либо языкового явления и оценкой речи по поводу того же явления [20].

Еще И. А. Бодуэн де Куртенэ сформулировал необходимость отличать «языковое мышление» (интуитивное, чутье языка) от «научного языковедного (лингвистического) мышления»[21]. Противопоставление «языкового» и «языковедного» мышления нельзя сводить только к «количеству языкового опыта» (мнение Й. М. Коржинека для противопоставления «интуитивного постижения» языка — «языковому чутью лингвиста» [22]). На каком бы обширном языковом материале ни базировалось языковое чутье носителя языка — «неспециалиста», сам способ интуитивного обобщения не может дать более или менее четкого понимания причин и закономерностей рассматриваемых языковых отношений и процессов. Такое понимание может дать лингвистический анализ — на основе исследования ряда «текстов» и соответствующих единиц языковой системы.

Проиллюстрируем различие интуитивного языкового чутья, проявляющегося в оценках речи, и научного (лингвистического) анализа. См. такие высказывания о слове *этажность*: 1) ...в первую очередь вопрос об «этажности» (плохое это слово «этажность», но что поделаешь!) (Д. С. Лихачев. Четвертое измерение. «Лит. газета», 10 июня 1965 г.); 2) Следующая проблема связана с несколько неуклюжим словечком «этажность» (Л. Михалев, А. Попов.

[20] О соотношении интуиции и научного познания см.: М. Бунге. Интуиция и наука. М., 1967.

[21] См.: И. А. Бодуэн де Куртенэ. Введение в языковедение [1917]. «Избр. труды по общему языкознанию», т. II. М., 1963, стр. 288—289.— Ср. также более раннюю характеристику взаимоотношений языкового чутья и «науки языкознания» (т. I, стр. 206).

[22] См.: Й. М. Коржинек. К вопросу о языке и речи.—«Пражский лингвистический кружок», М., 1967, стр. 318 (далее: ПЛК).

Небольшие права архитекторов большого города. «Лит. газета», 26 авг. 1965 г.). Сопоставьте эти оценки речи с содержанием статьи В. П. Даниленко и В. Н. Хохлачевой «О словах типа *этажность*» [23]: в статье, посвященной закономерностям образования существительных типа *этажность* (*рядность* и др.) от сложных прилагательных, показана специфика этого словообразовательного типа среди существительных на *-ость*, его соответствие не общелитературным нормам, а нормам терминологии.

Следовательно, вводя оценки в сферу культуры речи, мы отнюдь не подменяем ими лингвистический анализ языкового явления: оценки речи в схеме II выступают — наряду с рассматриваемым языковым явлением — в качестве объекта лингвистического анализа, рассматриваемого на фоне изучаемого языкового явления и проливающего на него дополнительный свет [24].

В. В. Виноградов в работах 60-х годов, в которых дан общий очерк исследования теории культуры речи, считает, что также «должны объективно-исторически анализироваться личные или общественно-групповые оценки разнообразных речевых явлений» [25]. Таким образом, изучение оценок речи — одно из необходимых звеньев в кругу исследований в области теории культуры речи.

Здесь уместно напомнить, что в разработанной Г. О. Винокуром концепции культуры речи в качестве одной из форм осуществления задачи «влияния на развитие языка» предполагаются «оценочные суждения» (при условии, что эти суждения должны основываться «на развитом инстинкте и объективном научном знании»; по Г. О. Винокуру, в результате сочетания двух последних достигается сознательность построения речи — признак культуры речи). При этом имеется в виду возможность как «оценочно-вкусовых суждений по поводу тех или иных фактов речи» (т.е. оценок речи), так и суждений «по отношению к данному языку в целом», о «потребностях, которые должны быть

---

[23] ВКР, вып. VII. М., 1966, стр. 69—71.

[24] Ср.: «... в качестве зеркала, отражающего тот объект, который исследует фонетика, для языковеда интересны и факты сознания говорящих. Опасно, если это зеркало становится единственным источником наших знаний о фонетической системе: но вместе с другими показаниями и оно может сослужить свою службу» (М. В. Панов. О восприятии звуков. «Развитие фонетики современного русского языка». М., 1966, стр. 155).

[25] В. В. Виноградов. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания.— ВЯ, 1964, № 3, стр. 9.

осуществлены развитием языка» (т. е. формулировки задач на уровне проблем языковой политики) [26].

Действительно, оценки речи («оценочно-вкусовые суждения») являются одним из средств воздействия на речь других, так как, выражая оценку речи, говорящий не только ставит факт речи в светлое поле сознания (и свое, и у слушающего), но—что имеет важное значение для культуры речи — навязывает данную оценку речи другим говорящим. В этом проявляется отмеченная Б. В. Томашевским тенденция: каждый говорящий бессознательно «является в той или иной мере борцом за свой язык, старающимся навязать свои формы другим» [27].

Очевидно, что изучение оценок речи также войдет в качестве составного момента в исследования по социологии языка. Об этом, в частности, свидетельствует тезис, согласно которому «...задача изучения зависимостей между социальными факторами и речью говорящих при методе опроса сводится к задаче изучения зависимостей между социальной характеристикой информанта и тем, какова его речь по его собственным представлениям» [28]. Можно предположить, что использование оценок речи найдет применение и в исследованиях по стилистике современного русского литературного языка [29].

3. Общее содержание оценки речи — выражение мнения говорящего о пригодности (степени пригодности) или непригодности данного языкового средства (слова, фразеологизма, грамматической формы, словосочетания, наконец, стиля высказывания) в данном высказывании. При этом оценка речи может быть непосредственным приговором или сжатой характеристикой функциональных или

---

[26] Г. В и н о к у р. Проблема культуры речи, стр. 91—92.

[27] Б. В. Т о м а ш е в с к и й. Писатель и книга. Л., 1928, стр. 40.

[28] Л. П. К р ы с и н. Русский язык по данным массового опроса (опыт конкретного социологического исследования). Проспект. М., 1968, стр. 44.— Ср. также широкое использование оценок речи в книге «Лексика современного русского литературного языка» (монография «Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование». М., 1968, особенно см. стр. 38—39).

[29] См., например: Т. Г. В и н о к у р. Стилистическое развитие современной разговорной речи. «Развитие функциональных стилей современного русского языка». М., 1968 (раздел об оценке стилистических особенностей разговорной речи в художественной литературе).

стилистических свойств языкового явления; эти и подобные им различия дают возможность выделить несколько разновидностей оценок речи в связи с их содержанием.

Содержание оценки речи может быть соотнесено с понятием «лингвистической критики», сформулированным Г. О. Винокуром. Лингвистическая критика оценивает языковые средства «с точки зрения их пригодности для точного выражения разных оттенков мысли»[30] (очевидно, что орудием лингвистической критики должны стать «оценочно-вкусовые суждения»).

К «лингвистической критике» Г. О. Винокура близко понятие «языковой критики» в концепции Пражского лингвистического кружка. Среди способов воздействия лингвистической теории на функционирование литературного языка авторы «Общих принципов культуры языка» (1932) указывают, в частности, на «критику языковых высказываний с функциональной точки зрения»[31]. Впрочем, в отличие от Г. О. Винокура, пражцы рассматривают языковую критику только как функцию лингвиста (как способ «научного вмешательства» в «процессы шлифовки» литературного языка), хотя и не отрицается вовсе «языковая критика неспециалистов, обладающих умением подмечать выразительные оттенки, ритм и мелодичность речи» (с ссылкой на историю старейших европейских литературных языков)[32].

Укажем некоторые наиболее типичные — наиболее существенные в плане культуры речи — типы оценок речи (в связи с их содержанием).

Одной из таких разновидностей является р е ч е в а я к р и т и к а — это такая реакция слушающего (читающего) на чужую речь, которая связана с осознанием несовпадения «языковых представлений» — своего и чужого[33], с указанием в собственной речи на это несовпадение (в различной степени развернутым и аргументированным); в столкновении с речью других говорящий начинает осознавать то, что до сих пор было для него неосознанным, автоматизированным действием (осознавая чужое — осоз-

---

[30] Г. В и н о к у р. Проблема культуры речи, стр. 83—84.

[31] Сб. «Пражский лингвистический кружок», стр. 404.

[32] В. М а т е з и у с. О необходимости стабильности литературного языка.— Там же, стр. 388.

[33] Ср. замечание Э. Косериу: «Существование и несомненность языковых навыков (знания языка) проявляется позитивно в том, что говорящий использует традиционные формальные и семантические схемы, а негативно в том, что говорящий опознает как чужое все, не соответствующее его языку» (Э. К о с е р и у. Синхрония, диахрония и история. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 177—178).

нает своё) [34]. Классический образец такой оценки речи дан в примере из «Восточнолужицкого наречия» Л. В. Щербы по поводу употребления формы двойственного числа (см. стр. 281—282).

Примеры речевой критики, направленной против фактов речи, осознаваемых как неправильные (соотношение «правильно—неправильно»):

[описание выступления перед бойцами политрука Клочкова, он читает... немецкую листовку]. Речь его звучала чудовищно странно: «Дело ваше проиграно — Москва упадет. Не лейте крови напрасно,— тут Клочков запнулся и после паузы продолжал:— Бейте ваших политруков и комиссаров, сдавайтесь в плен. Этим вы сохраните себе жизнь». ...— Вот, товарищи, что предлагают вам фашисты. Не знают они ни вас, ни ваших политруков и комиссаров.

Бойцы засмеялись. Кто-то ломающимся баском: «Поют мотивно, а слушать противно».— Правильно,— сказал Клочков,— смех и только. И как это Москва упадет? Во-первых, не по-русски сказано. Падают яблоки с ветки. А во-вторых, как это она упадет, если мы здесь стоим на рубеже? (А. К р и в и ц к и й. Вооруженная любовь. «Знамя», 1967, № 2, стр. 160).

[ведущий Юрий Фокин]... мы желаем, чтобы у вас была зима хорошая, приятная, чтобы новый год для вас был счастливым и удачным, и по традиции (!!), потому, что мы здесь хозяева́, а вы наши гости, мы желаем вам приятного пребывания в нашей стране.

Да, ведущий так и сказал: «по традиции», «мы хозяева» с ударением на «а»... (М. М и к р ю к о в. Размышления у погасшего экрана. «Театр», 1967, № 1, стр. 74).

Кофе (она говорила — «кофэ») уже на столе (Р. З е р н о в а. Солнечная сторона, 19. «Звезда», 1967, № 9, стр. 91) [35].

---

[34] Ср.: «... языковая система прочно закреплена в сознании, но как неспециалисты мы осознаем ее только тогда, когда кто-то другой сделает ошибку в языке...» (В. М а т е з и у с. Язык и стиль.— ПЛК, стр. 445). Ср. также тезис Л. С. Выготского о значении иностранного языка для овладения родным языком (Л. С. В ы г о т с к и й. Язык и мышление. М.— Л., 1934, стр. 179).

[35] Привлекая здесь и далее отдельные оценки речи из произведений художественной литературы, мы отдаем себе отчет н е в н е п о с р е д с т в е н н о м характере подобных оценок: они не могут быть отождествлены с интуитивным выражением мнения говорящих о фактах речи уже потому, что писатель обычно берет общеизвестные оценки речи по поводу не менее известных языковых явлений и использует их как характерологические (как деталь для создания образа). Однако поскольку эти оценки речи стали общеизвестными, постольку они отражают типичные для определенного периода взгляды на типичные языковые явления. Ср. использование оценок речи из художественной литературы в кн.: В. В. В и н о г р а д о в. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, стр. 35—38, 42—46.

Случаи, когда речевая критика относится к стилистической уместности или неуместности употребления данного языкового средства в данном высказывании, обычно связаны или с нарушением стилистических норм литературного языка, диктующих подбор стилистически однородных единиц [36], или с характеристикой стиля высказывания. Примеры речевой критики, направленной на оценку стилистических отношений (соотношение «уместно — неуместно»):

Он [барон Розен] каждый свой стих защищал с стоическим геройством; так, например, мне показались не совсем ловкими стихи из квартета:

Так ты для земного житья
Грядущая женка моя etc.

Меня как-то неприятно поражали слова: *грядущая*, славянское, библейское даже, и простонародное *женка*... (М. Глинка. Записки. Л., 1953, стр. 106) [37].

[Юра] — Вы же сами знаете, что с ним невозможно. Все оценки очень субъективны, действия непоследовательны. Тип с повышенными эмоциями. (Как книжно он выражается!) (Н. Амосов. Записки из будущего, гл. 3. Сб. «Фантастика, 1966», вып. I. М., 1966, стр. 286).

Оценки речи, содержащие речевую критику, могут вызывать не только согласие, но и возражения. Подобную ситуацию рассматривает Л. Блумфильд в статье «Вторичные и третичные реакции на язык» (1944): если действие или ответ — первичные реакции на язык, то вторичные — это высказывания носителя языка о языке; третичные же реакции возникают при попытках со стороны лингвиста «просветить» носителя языка, они есть ответ на сомнение во вторичной реакции (третичная реакция может возникнуть и тогда, когда носитель языка «слышит или читает лингвистические высказывания, причем находит, что они

[36] См. об этом: П. Г. Черемисин. Типы стилистических отношений в современном русском литературном языке. «Труды II научно-методической конференции Московского зонального межвузовского объединения кафедр русского языка педагогических институтов». Владимир, 1964.

[37] Возможность привлечения отдельных оценок речи из письменных текстов прошедших эпох не умаляет справедливости замечания Б. Гавранка: «... наиболее успешно языковым сознанием можно пользоваться при изучении современного языка» (цит. по «Лингвистическому словарю Пражской школы» Й. Вахека.— М., 1964, стр. 277).

противоречат его привычным вторичным реакциям»)[38]. Ср., например:

У меня в классе был мальчик Волосян,— говорит Маргарита Сергеевна,— я на тетради исправлю — «Волосяна», а мать снова перечеркнет: Волосян! Потом пришла: «Почему вы склоняете моего мальчика?» (З. Журавлева. У меня есть голова, гл. I. «Звезда», 1966, № 7, стр. 85).

Следует, по-видимому, расширить сформулированное Л. Блумфильдом понятие «третичной реакции на язык» в связи с возможностью ее возникновения и на возражения «нелингвиста», например:

Стояла очередь в кассу, я пристроился в хвост.— На какую пьесу стоите?

Спросил небрежно, будто испытанный театрал и стоять в таких очередях — дело для меня привычное.— Не на пьесу, молодой человек,— внезапно заверещала продрогшая дама, похожая на сову в шляпке.— Не на пьесу, а на спектакль, бедный мой друг...— Пусть будет на спектакль,— как мог мягко, сказал я.— Какая разница? — Не «пусть будет»,— затрепыхалась сова.— А на спек-такль! (М. Александров. Кожаные перчатки. «Октябрь», 1967, № 5, стр. 34).

Один из вариантов речевой критики — речевая самокритика: оценки речи исходят от отправителя речи и сопровождают, комментируют последнюю (в плане сопоставления замысла высказывания и его речевого воплощения). Например:

Итак, есть два вида сиюминутности (не очень удачный термин, но лучшего не придумано) (С. Зеликин. Документальный телефильм и эффект присутствия. «Искусство кино», 1966, № 10, стр. 72) (ср. выше, в примере из статьи Д. С. Лихачева: «плохое это слово, «этажность», но что поделаешь!»).

Смотрю им по очереди прямо в глаза. («Испытующе». Штамп!); Ни в одном заграничном журнале не читал про такой сложный опыт! Сила! (Как мальчик — «сила») (Н. Амосов. Записки из будущего, гл. 3, стр. 266 и 280).

И даже самопоправка в роли косвенно выражаемой речевой самокритики: [Ромка]. Очень он там был хороший, я тогда на него, как на бога, смотрел, это железно. — Он поправился: — Честно (А. Марьямов. Полярный август. «Новый мир», 1964, № 12, стр. 91). Ср.: «... существенно, чтобы говорящий, т. е. «носитель языка», или «информант», сам редактировал наговоренный им текст. При этом он

[38] L. Bloomfield. Secondary and Tertiary Responses to Language. «Applied English linguistics». Ed. by H. B. Allen. University of Minnesota. New York, 1958, стр. 193—202.

во многих случаях вполне естественно заменит один вариант другим на основе самому себе приписываемой нормы» («О принципах и методах лингвостилистического исследования». МГУ, 1966, стр. 37).

Известные факты, впрочем, позволяют предположить меньшую типичность речевой самокритики (по сравнению с речевой критикой) для речевой деятельности. Это обстоятельство может объясняться, с одной стороны, своего рода безразличием говорящего по отношению к автоматизированной речи, а с другой,— повышенной бдительностью при восприятии речи; последнее связано со сложностью работы языкового мышления по раскодированию сообщения (процесс понимания требует от слушающего усилий, происходит мобилизация механизма ассоциативных связей [39]). Кроме того, здесь может играть роль и известная разница в отношении к бревну в своем глазу и к соринке в чужом (ср. даже предположение о том, что оценки действий своих и чужих базируются на деятельности разных участков коры головного мозга [40]).

Широко распространены оценки речи, представляющие собой краткую функциональную характеристику факта речи: большей частью это указания на принадлежность данного языкового средства к определенной функциональной сфере общения, к определенному стилю, на происхождение языкового средства из определенной среды (ср., например: «как говорят шоферы»). Часто в этих случаях слова и выражения употребляются в переносном смысле (это обстоятельство только усиливает необходимость в справке, в комментарии). Например:

Еще задолго до старта «Восхода-2» наш экипаж, говоря языком авиаторов, отлично слетался во время многочисленных тренировок (П. Беляев. А. Леонов. В открытом космосе. «Правда», 11 апр. 1965 г.).

...пайщики собрали деньги, сдали в Стройбанк. Но на этом, как говорят шоферы, асфальт кончился («Известия», 10 сент. 1964 г.).

Составить общее представление о Баку нелегко. Это не только столица Советского Азербайджана, республики нефти и хлопка — «черного и белого золота», как обычно пишут поэты и журналисты (Л. Бретаницкий. Баку. Архитектурно-художественные памятники. Л.— М., 1965, стр. 7).

[39] О понимании как «активизации опыта» см.: W. Szewczuk. Badania eksperymentalne nad rozumieniem zdań. Kraków, 1960.

[40] См.: Е. К. Сепп. О ликвидации функций в коре головного мозга. «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1955, т. 55, № 12, стр. 881—887.

Иоко̀ ответила мне одним словом, подхваченным скорей всего в консерваторском общежитии, словом, которое я меньше всего ожидал от нее услышать:— Колоссально! (Б. Л а с к и н. 480 часов в Токио. «Лит. газета», 30 дек. 1965 г.)

Своим содержанием подобные оценки речи не только указывают на сферу применения данного языкового средства, но и тем самым способствуют пониманию этого средства читающим, адресуя его к определенной сфере, среде, профессии и т. д. (например, выражение *асфальт кончился* 'везение кончилось' может быть неизвестно читающему, и указание: «как говорят шоферы» — имеет своей целью подсказку, облегчить понимание выражения, ассоциируя его со спецификой работы указанной профессии).

Но, пожалуй, еще сильнее в подобных оценках речи выражен другой план: а р г у м е н т а ц и я, з а щ и т а у п о т р е б л е н и я языкового средства в данном контексте. Оценка речи как бы имеет следующий подтекст: «Я прекрасно знаю, что, применяя данное языковое средство, я рискую подвергнуться осуждению за то, что употребил нелитературное (недостаточно литературное, узкопрофессиональное и т. п.) выражение. Учитывая это, я принимаю меры предосторожности, предупреждаю критику по моему адресу, ввожу формулу: «как говорят шоферы». Теперь всем ясно, что это выражение не свойственно моему лексикону (так говорят шоферы!), а если я и употребляю его, то только потому, что оно весьма выразительно и подходит к тому, что я хотел здесь сказать; но при этом я отдаю себе полный отчет в характере данного выражения, если хотите, я его цитирую. Одним словом, извините, пожалуйста...» В этом проявляются «ориентация на чужое слово» и «различные способы реагирования на него», значение чего подчеркивал М. М. Бахтин [41].

Этот второй план (защита употребления) показывает необходимость в данном случае для говорящего оценки речи; если бы последней не было, он не мог бы написать так, как написал:

Эта, говоря по-шоферски, «искра́» проскакивает, правда, лишь в вершинные моменты жизни Пропякова... (А. Д у б р о в и н. Гражданственность. «Вопросы лит-ры», 1967, № 1, стр. 30).

Ему было, грубо говоря, наплевать (Евг. Д о б р о в о л ь с к и й. Каменное дело. «Лит. газета», 12 мая 1966 г.).

---

[41] См.: М. М. Б а х т и н. Проблемы творчества Достоевского. Л., 1929, стр. 131—132.

А все-таки без денег, как без солнца, — не радовает, как говорят мужики наши (письмо Н. Г. Гарина-Михайловского Н. В. Михайловской, 1892. «Сибирские огни», 1966, № 12, стр. 152).

Оценки-аргументации как бы служат поворотом регулятора, предупреждающим о включении в общий (обычно нейтрально-литературный) фон контекста единицы иного функционального плана. Впрочем, это может быть и иной временно́й план (оценка речи указывает на типичность языкового средства для определенного периода истории литературного языка), ср.:

...старшее поколение, в частности русские поэты, писатели, художники, билось в конце концов в тех же тенетах, только на ином, как теперь любят говорить, более высоком уровне (Д. М е й с н е р. Миражи и действительность, гл. I. М., 1966, стр. 24).

«...«засосала среда», как говорили в двадцатые годы, не нашлось никого, кто поддержал бы парня... (А. М а к а р о в. Через пять лет, ст. 2. «Знамя», 1966, № 3, стр. 239).

Одним из типичных случаев может быть также предупреждение о включении в контекст непривычного — не ставшего общеупотребительным или даже иноязычного [42]— языкового средства, ср.:

Далее Мейерхольд замечал: «Благодаря особенностям вещественного оформления спектакля, главные сцены взяты нами, как говорят на языке кино, крупным планом» (К. Р у д н и ц к и й. «Ревизор», у Мейерхольда. «Театр», 1967, № 12, стр. 67).

В русском [словарике] автор расположил слова так, как он сам их употребляет. Здесь отражен, следовательно, как принято говорить теперь, его идиолект (Ю. С т е п а н о в. Французская стилистика. М., 1965, стр. 225).

У тысяч других есть свои, «одиночные», излюбленные занятия, страсти, «хобби», как говорят англичане (Ю. Ф и л о н о в и ч. Родники. «Известия», 2 апр. 1964 г.); ср.: Он воздерживался от каких бы то ни было страстей и причуд, от каких бы то ни было hobby, как говорят англичане... (Ж. С и м е н о н. Президент. М., 1960, стр. 409).

Книга В. Дорошевского написана простым, доходчивым языком. Она, как говорят поляки, «для людей» — т. е. читается не только с пользой, но и с истинным удовольствием (Н. И в а н о в а - П е р ч и н с к а я. Вопросы культуры речи в Польской Народной Республике.— ВКР, вып. VII. М., 1966, стр. 228).

[42] Ср.: «... человек, говорящий на двух языках (назовем их А и В), может не понять слово языка А, если оно будет употреблено в речи на языке В без необходимого «предупреждения» о переходе от одного языка к другому (таким «предупреждением» обычно бывают так называемые «речевые кавычки», то есть пауза перед иноязычным словом, а также особенно отчетливая артикуляция этого слова или его части)» (А. М а р т и н е. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, стр. 90).

4. Одна из важнейших проблем изучения оценок речи — проблема к р и т е р и я оценки. На это обратил внимание Г. О. Винокур: рассматривая понятие «критики поэтического текста», он подчеркнул, что критический акт есть «акт познания связи и отношения между критерием и его реальным осуществлением» (а познание это «по самому своему существу не может быть не чем иным, как о ц е́ н к о й ...»[43]).

В оценке речи говорящий исходит (и не может не исходить) из свойственной ему «системы языковых представлений», т. е. из отражения в его языковом опыте системы языка. Расхождение между языковым опытом говорящего и системой языка должно примерно соответствовать расхождению между реальным владением говорящим языковыми нормами и системой норм данного языка (или его разновидности, которой пользуется говорящий). Таким образом, точка отсчета всякой оценки речи — так или иначе осознаваемая говорящим п р а в и л ь н о с т ь, более или менее полно и верно понимаемая языковая норма.

Однако в силу ограниченности языкового опыта говорящего, а следовательно, неадекватности его языкового опыта системе норм языка — может иметь место разрыв между точкой отсчета в оценках речи (субъективным пониманием нормы) и реальной языковой нормой. Ср., например, следующую ошибочную оценку разговорного *недосуг* (в роли сказуемого):

[Даша] — Я, Володя, по делу, по маминому. Так-то мне было недосуг все.— Ну, хорошо, хорошо! Досуг, недосуг... Когда только ты по-русски говорить научишься? (Н. Ж е р н а к о в. Белая ночь в окне, гл. 5. «Юность», 1966, № 7, стр. 13).

Так как мы рассматриваем значение оценок речи в сфере культурно-речевой деятельности, то, естественно, что в этом плане высшим критерием оценок речи является норма литературного языка: во всех случаях должно учитываться соответствие или несоответствие факта речи литературным нормам. Это не исключает, впрочем, того, что случаи, когда норма литературного языка выступает как критерий оценок речи, неоднородны, причем несовпадение понимания говорящим литературной нормы и

[43] Г. В и н о к у р. Критика поэтического текста. М., 1927, стр. 28, 29.

самой реальной нормы может основываться на объективных и субъективных факторах.

Объективным фактором, способствующим несовпадению понимания литературной нормы и самой нормы, является наличие зональных вариантов литературного языка, в частности, существование местных разновидностей литературного произношения [44] (пока что кодифицированных в недостаточной степени). Ср., например, оценки речи, связанные с различием между московским и ленинградским («петербургским») произношением:

— Вы москвич? — Да. Я заметил, ленинградцы мгновенно угадывают москвичей.— Простонародный говор выдает,— засмеялась девушка (Ю. Нагибин. Срочно требуются седые человеческие волосы. «Знамя», 1968, № 3, стр. 72); [о старомосковском произношении прилагательных с основой на заднеязычный согласный] Но чаще Всеволод Эмильевич говорил о таких актерах: ...Ужас! Среднего образования им не хватает? Вместо «и» говорит «ы». Далекий, дикий, великий!.. (А. Мариенгоф. Качалов. «Театр», 1965, стр. 89; ср. также: Таня «произносила прилагательные мхатовским говорком, то есть так, как ни в жизни, ни на экране никогда не говорила».— В. Аксенов. Пора, мой друг, пора, ч. III, 1).

Расхождение между пониманием литературной нормы говорящими самой нормой может основываться и на исторической смене одних норм другими — таковы оценки речи, отражающие пуристические взгляды. Ср. критику Б. Тимофеевым употребления слова *плащ* (Что такое «плащ»? Верхняя просторная одежда без рукавов, надеваемая внакидку. Напомним, что о плаще говорилось в стихах за последние сто лет... — «Правильно ли мы говорим?» Л., 1963, стр. 42) или произношения *мушкетёр* (Б. Тимофеев настаивает на *мушкетéр* — см. там же, стр. 137—138; словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» кодифицирует произношение этого слова как *мушкетёр*) [45].

Сюда же относятся многие оценки речи, выражающие взгляды представителей старшего поколения на особенности речи младшего поколения.

Следует иметь в виду, что оценки речи, отражающие развитие литературной нормы, могут носить «спор-

[44] См.: М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1967, стр. 294—295.

[45] Эти примеры из книги Б. Тимофеева характерны для подхода к вопросам культуры современной русской речи с позиций собственной «системы языковых представлений».

ный» характер, поскольку являются выражением колебаний в современном литературном употреблении. Так, характерны различные оценки существительных с суффиксом *-к(а)*, образуемых путем «включения» и широко распространенных в современном употреблении. Ср.:

Фундаменталка — «...дикое и бессмысленное слово, которым иные аспиранты позволяют себе именовать фундаментальную библиотеку АН СССР» (В. Г а и б о в а. А где была «генералка»? [фельетон] «Комс. правда», 6 февр. 1958 г.) и : Москвичи любовно называют национальное книгохранилище Советского Союза «Ленинкой» (А. Х р е н к о в а. «Веч. Москва», 2 июля 1962 г.); «Ленинка», как любовно и ласково называют в народе эту библиотеку (В. Т е п л о в. Слава и гордость нашей культуры. «Лит. газета», 3 июля 1962 г.); ср. также: «Александринки», как петербуржцы ласково называли свой любимый театр (Г. К р ы ж и ц к и й. Обаяние ума. «Звезда», 1966, № 10, стр. 195).

Однако расхождение между пониманием литературной нормы и реальной нормой может основываться и на субъективном факторе: на неполном или недостаточно полном усвоении норм литературного языка, иначе — на ограниченности индивидуального языкового опыта говорящего (см. цитированное выше замечание Е. Д. Поливанова по поводу *самоё*).

Другой критерий оценок речи — узус (стихийно складывающееся привычное употребление). Обычно узус как критерий оценки обозначает языковой обычай какой-либо определенной среды. Влияние языковой среды на говорящего было отмечено Е. С. Истриной: «...все привычное, употребительное в окружающей среде... воспринимается как норма, хотя и не всегда является ею» [46]. Языковые особенности среды могут охватывать более или менее широкий круг языковых явлений, да и само понятие языковой среды можно понимать довольно широко: среда может быть социальной, профессиональной, образовательной, наконец жаргонной. Ср.:

1) — Вы всегда ландшафты рисуете? — спросила Надя... Павел схватился за голову.— Ах, козявка! Разве можно такое сказать! В алтаре искусства! Я раз этак ляпнул, так чуть за порог не вылетел. «С глаз долой,— крикнул на меня маэстро,— ежели ты написанное не способен отличить от нарисованного!»

... — И портреты тоже...— начала и приостановилась Надя, но все-таки выговорила будто не свое слово:— П и с а л и портреты?

[46] Е. С. И с т р и н а. Нормы русского литературного языка и культура речи. М.— Л., 1948, стр. 5.

— Писал (К. Ф е д и н. Костер, кн. 2, гл. 4, 1. «Новый мир», 1965, № 1, стр. 59).

2) — Товарищи! Где находится бригада морской пехоты? — спросил Ломов и, не получив сразу ответа, добавил:— Я на «Вятке» приехал, первый раз... Матросы рассмеялись. Один из них слез с повозки и, подойдя к Ломову, как бы по секрету, но громко сказал:— Ездят только на подводах, а по морю ходят, товарищ лейтенант (Ю. С е м е н о в. Прощайте, Скалистые горы..., ч. 1, гл. 1, М., 1965, стр. 9.).

Ср. также: Но не может же он [Бережной] приказывать матросам смотреть или не смотреть, как вытаскивают этот чертов трал... Не вытаскивают, а поднимают. Надо все время помнить об этом жаргоне. Его уже поправляли. Мокиевский, стармех, объяснял, что корабль — это «единица военно-морского флота», а у них — судно. А когда он спросил однажды в кают-компании: «Когда мы доплывем до Гибралтара? — все заулыбались, а Мокиевский опять поправил: «Не доплывем, а дойдем». Ужасно глупо, но ничего не поделаешь: надо осваивать (Я. Г о л о в а н о в. Заводная обезьяна. «Юность», 1967, № 9, стр. 39).

Оценки речи, критериями которых являются норма литературного языка (понимаемая в разной степени верно и полно) и узус, составляют «общественно-групповые оценки разнообразных речевых явлений»: им противостоят оценки «личные» [47]. Надо заметить, что личные оценки речи представляют при изучении значительную сложность, и прежде всего тем, что, судя по названию, критерием этих оценок должен выступать индивидуальный лингвистический вкус, а в самом сочетании «индивидуального» и «лингвистического» заключено некое противоречие: понятие лингвистический» (=языковой) мыслится как социальное. Поэтому совершенно справедливо замечание В. В. Виноградова, подчеркнувшего, что понятие «индивидуального» здесь относительно: «... индивидуальная оценка в сфере культуры речи всегда в той или иной мере опирается на лингвистический вкус и лингвистические нормы социальной среды» [48].

Таким образом, говоря о личных оценках речи, следует выделить среди них две категории: а) личные оценки, в которых отражается лингвистический вкус определен-

---

[47] В. В. В и н о г р а д о в. Проблемы культуры речи ..., стр. 9.

[48] Там же, стр. 3.— Ср.: «... то, что часто считается индивидуальными отличиями, на самом деле является групповыми отличиями, т. е. тоже социально обусловленными (семейными, профессиональными, местными и т. п.)» (Л. В. Щ е р б а. О трояком аспекте языковых явлений ..., стр. 310).

ной среды (в большей или меньшей степени), и б) собственно индивидуальные оценки, отражающие единичное восприятие говорящим языковых явлений.

Для культуры речи интерес представляют первые, именно те личные оценки речи, в которых сквозь индивидуальное восприятие просвечивает общественно-групповой вкус. Чаще всего такие оценки речи 1) соотносятся (или совпадают) с общепринятой характеристикой языкового средства или 2) отражают борьбу мнений вокруг какой-либо тенденции развития языка. Например:

1) Теперь заменим ироническое словечко «претензии» спокойным словом «намерения» (Д. Д а н и н. Сколько искусства науке надо? «Искусство кино», 1968, № 1, стр. 58; здесь *спокойное* = «нейтральному» на фоне оттенка «ироническое и неодобрительное», свойственного слову *претензия*) [49].

2) «Да, монастырь бывший, и особняки тоже бывшие. К ним прибиты дощечки с коротким и странным, как птичий крик, словом «ЖАКТ» (Л. Л и б е д и н с к а я. Зеленая лампа. М., 1966, стр. 29; оценка слова *жакт* — «странное, как птичий крик» — может быть соотнесена с весьма распространенным отрицательным отношением говорящих к аббревиатурам). Ср. приведенную выше отрицательную оценку слова *этажность* — «плохое», «неуклюжее» — на фоне соотношения общелитературного и терминологического словообразования (см. также оценки слова *рядность* — В. П. Даниленко, В. Н. Хохлачева. Указ. соч., стр. 69).

В ряде случаев оценка слова связана с его благозвучием или неблагозвучием (в основе этого явления лежат объективные закономерности каждого конкретного языка, которые еще недостаточно выявлены языкознанием [50]). Ср.: Ну, скажем, не театральный отдел, а ТЕО. Это звучало нежно и красиво. Т-Е-О! Вроде имени какой-нибудь греческой богини (М. Ш т р а у х. Два Сергея Михайловича. «Театр», 1966, № 12, стр. 69);... о тотальной разобщенности людей в обществе, названной громоздким словом «некоммуникабельность» (Е. А з е р н и к о в а. «Лес повешенных». — «Искусство кино», 1967, № 2, стр. 80) [51].

Даже некоторые оценки речи писателями, относимые обычно к «лексической идиосинкразии» [52], могут отражать

---

[49] Об общем для целых групп говорящих эмоциональном восприятии слова см.: Д. Н. Ш м е л е в. Очерки по семасиологии русского языка, стр. 107—108.

[50] См., например: М. М. М и х а й л о в. О благозвучии русской речи. «Русская речь», 1968, № 2.

[51] Об ассоциативных оценках слов по их звучанию см.: Д. Н. Ш м е л е в. Очерки по семасиологии русского языка, стр. 164—168.

[52] См.: А. Л е й т е с. Возможности слова. «Лит. газета», 25 мая 1965 г.; Л. И. С к в о р ц о в. Культура речи и лексическая идиосинкразия. «Русская речь», 1967, № 1, стр. 53—54.

реальные свойства языковых средств, например принадлежность их к определенным жанрам литературной речи (язык газеты, критический жанр) или их «устаревающий» характер:

Эти фен одно из самых ненавистных мне слов! Хуже газетного «чреватый»! (И. Б у н и н. Лика, VIII); Бр-р, терпеть не могу этих слов: «творчество», «знаменует»... (Г. М у н б л и т. Исаак Эммануилович Бабель. «Знамя», 1964, № 8, стр. 169).

Жених! Слово-то какое, будто из учебника истории (В. Д р у ж и н и н. Корвет «Бриль», 2. «Нева», 1965, № 11, стр. 62).

Однако большинство случаев «лексической идиосинкразии» относится уже к собственно индивидуальным оценкам речи. Собственно индивидуальное восприятие слов и выражений в функциональном плане невозможно — оно не было бы разделено другими говорящими. Поэтому такие оценки чаще всего бывают связаны с «эстетической функцией языка» [53]. Собственно индивидуальные оценки речи могут использоваться как в ткани художественного произведения (1), так и вне ее (2) — для создания образа, настроения или для суждения о выразительной стороне языка; и в том и в другом случае их задача — вызвать у читающего определенный ряд ассоциаций. Например:

1) «Счастливые», позавидовала она незнакомкам. Их было три. Они чернелись, как слово «затворница» в песне; А надо всем каркающим лоскутом носилось мокрое и свинцовое слово: город... (Б. П а с т е р н а к. Рассказы. М.—Л., 1925, стр. 28, 40).
2) Обидное слово «раёшник». Вроде как «трешница» или «старьевщик». Термин — гармошечный, тальянистый. «Сонет» — благороднее, итальянистей (С. К и р с а н о в. Однажды завтра. М., 1964, стр. 46); Язык сонета величав и звучен — ведь самое слово «сонет» связано с понятием звона (И. С е л ь в и н с к и й. Студия стиха. М., 1962, стр. 328).

Наличие в оценке речи одного из рассмотренных основных критериев: нормы литературного языка, узуса (языкового вкуса определенной среды), индивидуального языкового вкуса — позволяет понять «точку отсчета» основной массы случаев оценок речи. Приблизительный характер отражения в оценках речи литературной нормы, многообразие языковых привычек той или иной среды, наконец, относительность «индивидуальности» личных оценок (отражающих об-

[53] См.: Д. Н. Ш м е л е в. Слово и образ. М., 1964, стр. 100—101.

щественно-групповые вкусы или соотносимых с ними) — все это показывает сложность выражения в оценках речи языкового опыта говорящих. Указанные факторы должны явиться базой для необходимых «поправок» к оценкам речи при лингвистическом анализе последних.

5. Способы выражения оценок речи могут быть словесными и графическими [54]. Различаются два способа словесных (прямых) оценок: нестандартные (более или менее развернутые характеристики языковых средств и стиля выражения, оценки-«высказывания») [55] и стандартные. Последние способы словесной оценки — это готовые формулы введения в текст [56]; среди них выделяются два основных типа — 1) открытый и 2) закрытый.

1) Формулы введения в текст, которые могут обозначать: а) функциональную или стилистическую принадлежность языкового средства или же его преимущественное употребление в определенной сфере (а также происхождение из нее). Это главным образом формулы «как говорят (выражаются) иксы»; б) характерность слова или выражения для определенного времени: преимущественно это формулы «как говорят (говорится) теперь» — «как говорили (говорилось) тогда».

Эти формулы введения в текст являются открытыми с точки зрения лексического их наполнения и представляют собой, как правило, вводные предложения, включаемые в основное посредством относительного слова *как* (примеры на эти формулы см. в § 3).

2) Формулы введения в текст — вводные словосочетания, характеризующие отношение говорящего к способам выражения мысли («Грамматика русского языка»,

---

[54] Могут иметь место и такие случаи, когда оценка речи выражается мимикой: «... обыватель, поскольку он наблюдает язык и интересуется им ... является частично лингвистом, а поскольку *морщится* от каких-нибудь «местов» или «делов» — языковым политиком ...» (А. М. Пешковский. Объективная и нормативная точка зрения на язык.— Избр. труды. М., 1959, стр. 61; курсив мой.— *Б. Ш.*)

[55] Нестандартные способы словесного выражения оценок речи чрезвычайно разнообразны (примеры их см. выше, § 3, 4); см. также: В. Г. Костомаров, Б. С. Шварцкопф. Об изучении отношения говорящих к языку.—ВКР, вып. VII. М., 1966.

[56] О стандартных формулах введения в текст в языке газетной информации см.: Г. Винокур. Культура языка. М., 1925, стр. 103.

т. II, ч. 2, Изд. АН СССР, § 1224): это преимущественно формулы *как говорится, как говорят, что называется, так сказать* и нек. др. В. В. Виноградовым было отмечено, что модальные слова и выражения «могут содержать оценку самого стиля, способа выражения. То или иное выражение нередко сопровождается стилистической отметкой говорящего лица, оценкой выбранной или принятой манеры речи». Кроме того, некоторыми из них «обозначается переход от одного стиля к другому» [57]. Эти формулы обозначают: а) обычность способа выражения (в качестве «коммуникативного стереотипа» [58], как «цитация» готового языкового средства) и, напротив, б) необычность способа выражения (указание на переносный характер выражения, на «отношение говорящего к выбору того или иного слова или выражения» [59], на «переход от одного стиля к другому».) Например:

а) Но, как говорится, давши слово, держись; Но, как говорится, нет худа без добра (К. Е. Ворошилов. Рассказы о жизни. «Октябрь», 1967, № 9, стр. 18, 19); ... управление справляется с планами, а воз, как говорится, и ныне там (Б. Зубавин. Деловой человек и его слово. «Лит. газета», 4 мая 1965 г.).

б) Позже, уже в Германии, где мы, можно сказать, пачками брали в плен полковников и генералов... (С. Н. Борщев. Прорыв блокады. «Октябрь», 1968, № 1, стр. 170); ...непосредственно для их [французского и русского языков] стилистического сравнения это различие неважно (или, как еще говорят, стилистически нерелевантно) (Ю. Степанов. Французская стилистика. М., 1965, стр. 64); Сколько нам приходится за день перетаскивать ящиков, тюков, мешков! И все это, как говорят, «на пупу» (Е. Васинчук. Какой сервис у продавца? «Комс. правда», 22 дек. 1965 г.).

Словесные способы выражения оценок речи безразличны с точки зрения формы осуществления языка. Кроме того, есть способы, специфические для письменной речи,— графические (косвенные). Основной из них — кавычки. Функции кавычек весьма многообразны: наряду с основными, зафиксированными в § 193 «Правил русской орфографии и пунктуации»,— для выделения прямой речи, цитат и общепринятых условных наименований, кавычки широко ис-

[57] В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.— Л., 1947, стр. 737.

[58] А. Н. Кожин. О границах русской фразеологии. «Филол. науки», 1965, № 1, стр. 83.

[59] «Современный русский язык. Синтаксис». Изд-во МГУ, 1957, стр. 330.

пользуются в современной печати как оценочный знак. Они выражают отношение пишущего не только к содержанию (к реалиям и понятиям), но и к способам выражения — к языковым средствам, их значениям, стилистическим свойствам и т. д. (в этом плане кавычки есть своего рода семантическая или стилистическая «помета» в письменном тексте) [60]. Ср., например, следующие случаи оценок речи с помощью кавычек:

В те годы «на» него писали характеристику... (Л. Гинзбург. Бездна. «Знамя», 1965, № 11, стр. 206); Страшно было смотреть, как волновался и «переживал» этот человек (Л. Пантелеев. Из ленинградских записей. «Новый мир», 1965, № 5, стр. 146);— Кто крайний? Что тут дают? — спросил он.— По тарелке манной каши,— ответил «крайний»... (О. Горчаков. «Максим» не выходит на связь, III. «Молодая гвардия», 1965, № 10, стр. 26).

Линия была занята. Кто-то «по-срочному» разговаривал с Москвой (С. Бытовой. Счастье на семь часов раньше, гл. 2. «Нева», 1963, № 4, стр. 88); Леонов «по-честному» хватанул всю рюмку. Зилов свою только пригубил (В. Ардаматский. «Сатурн» почти не виден, ч. 2, гл. 22. М., 1963, стр. 232); ...чинились порванные за ночь обвесы, снасти, леера, «набыструю» подновлялась выбитая штормовой струей покраска надстроек, орудий (Г. Годлевский. Серебряный якорь. «Дон», 1966, № 2, стр. 117).

Л. Крячко: *публицистика нам нужна «позарез»*... действенная коммунистическая публицистика нам сегодня нужна «позарез». («Октябрь», 1962, № 7, стр. 204, 205; кавычки указывают здесь на восприятие слова *позарез* как нелитературного, ср.: «Нашему собеседнику лезвия нужны были, что называется, позарез». — З. Борзин. Острый разговор. «Веч. Москва», 9 февр. 1962 г.).

Последний пример показывает возможность эквивалентного употребления в контексте кавычек и формулы введения в текст. В письменном (типографском) тексте в качестве эквивалента кавычек могут также выступать различные способы выделения: разрядка, курсив, полужирный (в тех же функциях).

Рассмотренные здесь способы выражения оценки речи являются привычными и устойчивыми. Что же касается отдельных из них (в частности, кавычек), то частотность их употребления чрезвычайно велика. Этому способствует, с одной стороны, многофункциональность кавычек, а с другой — совершенно недостаточная регламентированность употребления кавычек в оценочных функциях (и в «Пра-

[60] Подробнее о различных функциях кавычек в современной печати см.: Б. С. Шварцкопф. Внимание: кавычки! «Русская речь», 1967, № 4.

вилах русской орфографии и пунктуации», и в пособиях и справочниках для работников печати). Все это вместе взятое создает почву для злоупотребления кавычками (особенно в газетах и журналах — в связи с переносным употреблением и различной стилистической окрашенностью языковых средств) [61], что в свою очередь диктует необходимость упорядочить употребление кавычек; первоочередной задачей становится изучение особенностей функционирования кавычек в разных жанрах письменности.

* * * * *

В этом кратком очерке указаны только самые основные стороны изучения оценок речи в связи с культурно-речевой проблематикой. Не переоценивая возможностей исследования языковых явлений с помощью оценок речи, подчеркнем, что интуитивные высказывания говорящих о фактах речи (при разнообразии способов выражения оценок речи) могут дать ответ на вопрос о языковых вкусах и их изменениях, о формах «общественной реакции на принадлежащий данному обществу язык» [62]. Кроме того, оценки речи способны явиться дополнительным источником знания в таких аспектах исследования, как развитие языка, смена поколений и борьба мнений вокруг них, необходимая для создания новых нормативных словарей стилистическая «паспортизация» языковых средств и др. Одновременно должна стать одной из практических задач культуры речи кодификация наиболее употребительных оценок письменной речи — кавычек.

В заключение следует напомнить, что еще Г. О. Винокур и Л. В. Щерба призывали к изучению оценок речи. Г. О. Винокур писал: «В лингвистике давно уже пора перестать смотреть на попытки оценочного отношения к языку как на ересь» [63].

---

[61] См.: А. Крон и Л. Успенский. Кавычки и какбычегоневычки. «Лит. газета», 16 октября 1965 г.— Можно вспомнить еще завет из «Торжественного комплекта ...» О. Бендера: «Многоточия, восклиц. знаки и кавычки — где только возможно» (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок, гл. XXVIII).

[62] Г. О. Винокур. О задачах истории языка.— Избр. работы по русскому языку. М., 1959, стр. 222.

[63] Г. Винокур. Проблема культуры речи, стр. 92; см. также: Л. В. Щерба. О трояком аспекте языковых явлений ..., стр. 309—310.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ И КУЛЬТУРА РЕЧИ

(к постановке вопроса)

В. П. Даниленко

Лингвистический аспект изучения терминов ставит перед исследователем немало актуальных задач: описание способов и средств создания терминов, определение основных и постоянных источников пополнения терминологии, языковая норма и основы упорядочения терминологии и др.

Все эти задачи могут быть в достаточной мере определенно решены при условии, если будет дан отчетливый и однозначный ответ на вопрос о соотношении терминологии и общелитературного языка.

Почему так важно четко поставить этот вопрос и однозначно ответить на него? По двум причинам: 1) это вопрос не только теоретический, он имеет выход и в практику (проблема нормы в терминологии находится в прямой зависимости от решения этого вопроса); 2) во многих работах, посвященных изучению терминологии, этот вопрос неизбежно ставится и решается очень по-разному.

Несколько иллюстраций из сборника «Вопросы терминологии (материалы Всесоюзного терминологического совещания)», М., 1961:

«В словарном составе литературного языка (здесь и далее разрядка моя.— *В. Д.*) значительное место занимает так называемая терминологическая лексика...» (стр. 6, В. В. Виноградов); «... задачи раскрытия и упорядочения системы терминологии той или иной науки на почве данного национального языка стр. 8, В. В. Виноградов).

«Терминология, являющаяся составной частью словарного состава общенародного языка...» (стр. 42, Т. А. Бертагаев Ю. Д., Дешериев и др.).

«Терминология как особый раздел лексики литературных языков...» (стр. 66, Н. А. Баскаков).

Этих примеров вполне достаточно, чтобы убедиться, что вопрос о месте терминологии в языковой системе заслуживает внимания. И дело, как уже указывалось, не только в теоретически правильной постановке вопроса, но и в правильной практической ориентации при необходимости решить, что в терминологии в пределах нормы, а что за ее пределами.

Прежде чем изложить существо вопроса, дадим принятые в данной работе определения понятий «термин» и «терминология» и их отличие от понятий «слово» и «лексика общелитературного языка».

Термин — это слово (или словосочетание) специальной сферы употребления, являющееся наименованием научного или производственно-технологического понятия и имеющее дефиницию.

Терминологию как широкое и обобщенное понятие можно квалифицировать как «раздел лексики, охватывающий *термины* различных областей производства, техники, науки, искусства, общественной жизни и др.» (БСЭ, изд. 2, т. 42, стр. 302). Более конкретизированный вариант понятия — терминология определенной области знания — определяется как система терминов данной науки или отрасли производства, соотнесенная с системой понятий соответствующей области знания.

Исходя из этих определений, черты отличия термина от слова общелитературного языка и терминологии от лексики общелитературного языка можно представить следующим образом. Термин в том своем однозначном употреблении, которое свойственно ему как наименованию понятия, отличается прикрепленностью к оп-

ределенной сфере использования его. И в этой сфере термин — всегда единица системы, звено в цепи.

Так, термин *контрольник*, которому соответствует дефиниция «устройство, предназначенное для проверки правильности нанесенной перфорации», является принадлежностью системы терминов вычислительной техники. И это — одно из наименований в терминологической системе электромеханических машин и устройств: *клавишно-вычислительная машина*, *перфорационный вычислительный комплект*, *перфоратор*, *репродукционный перфоратор*, *контрольник*, *сортировальная машина*, *табулятор*, *расшифровочная машина*, *устройство переписи для вычислительной машины* [1]. (Небезынтересно обратить внимание, как пестро, с точки зрения словообразования, создан этот ряд терминологических наименований!).

Термин *донор* как «дефект решетки, в котором в невозбужденном состоянии локальный уровень занят и который при возбуждении способен отдать электрон в зону проводимости», принадлежит системе терминов электротехнических материалов [2].

Донор (в химических соединениях) — атом, обладающий неподеленными с другими атомами электронами, которые могут быть источником присоединения координационно-ненасыщенных атомов или ионов» (БСЭ, изд. 2, т. 15, стр. 112).

Донор (в медицине) — «человек, дающий свою кровь для переливания ее с лечебной целью другому человеку — реципиенту» (Там же).

В пределах своей специальной сферы употребления [3] термины должны быть однозначными и избегать синонимов. (Правда, необходимо сразу же оговориться, что моносемия, равно, как и требование обходиться без синонимов,— это часто желаемое, а не действительное свойство терминологической лексики).

---

[1] «Вычислительная техника. Сборник рекомендуемых терминов. Проект». М., 1964, стр. 10—11.

[2] «Электротехнические материалы. Терминология. Проект». М., 1964, стр. 56.

[3] А. А. Реформатский называет это «терминологическим полем» («Что такое термин и терминология».—«Вопросы терминологии». М., 1961, стр. 51).

Термин существенно отличается от слова общелитературного языка и тем, что его содержание раскрывается посредством дефиниции, т. е. путем точного, логического определения, устанавливающего существенные терминологические признаки именуемого данным термином понятия.

Смысл слова общелитературного языка определяется его лексическим значением, которое не предполагает логического выделения необходимых и достаточных отличительных признаков именуемого предмета, явления и т. п.

Это последнее качество, отличающее термин от общелитературного слова (если о нем забывают), часто становится причиной необоснованных претензий и обвинений в ошибочности, в неточности термина. Типичным в этом смысле является пример с термином «национальный доход СССР». Этому термину, на общих основаниях со всеми другими, соответствует строгая дефиниция: «...часть стоимости совокупного годового общественного продукта, остающаяся за вычетом производственных материальных затрат: стоимости сырья, топлива, вспомогательных материалов, амортизации и т. д., или, что то же самое, — вновь созданная стоимость и соответствующая ей доля совокупного общественного продукта в натуральной форме» (БСЭ, изд. 2, т. 29, стр. 301).

Однако в силу большой распространенности и обманчивой понятности смысла данного словосочетания, оно воспринимается как обычное, общелитературное, свободное словосочетание (типа национальная культура, национальный язык и др.). [4] Истолковывая значение этих словосочетаний как «культура нации», «язык нации», пытаются по этому же образцу истолковать и «доход нации». И тогда напрашивается ложный вопрос, можно ли по отношению к нашему многонациональному государству говорить «доход нации» (заметим, что это не искусственно выдуманный, а действительно поднятый в одном из выступлений вопрос

---

[4] Подобная ситуация может возникнуть всякий раз, когда в качестве термина употребляется слово общелитературного языка. А этот общий для терминологической и общелитературной лексики пласт довольно значителен (река, озеро, гора, холм, звезда, луна, солнце и т. п.).

— на конференции по терминологии во ВНИИКИ, в Москве летом 1967 г. [5].

Заблуждение ревнителей чистоты языка в данном случае заключалось в том, что одни и те же критерии применены к общелитературным и терминологическим сочетаниям. Дефиниция термина не может быть произвольно заменена суммой значений сочетающихся слов, поэтому мы не можем (не имеем права) термин «национальный доход» определять как «доход нации (или наций)».

В семантическом плане термин и общелитературное слово различаются также разным «объемом» значения. Термин, как правило, семантически более конкретизирован и сужен по сравнению с общелитературным словом.

---

[5] Думается, что «виной» тому стала отчасти и ориентация на обязательность так называемого «буквального значения» термина, которое отмечено в работах Д. С. Лотте как возможное выделяемое, наряду с «действительным значением», явно преувеличенное некоторыми его последователями. Достаточно сослаться на «Типовую (межотраслевую) методику разработки проектов государственных стандартов на терминологию», издаваемую ВНИИКИ (М., 1966).

В самом деле, почему в терминологии «буквальное значение» нельзя считать «важнейшим качеством» термина? (как это утверждается в указанной методике). По разным мотивам, но все они одинаково существенны: 1) буквальное значение имеют далеко не все терминологические образования. Его легко установить, пожалуй, только в производных (или мотивированных) отечественных словах и словосочетаниях терминологического употребления (*газовый*, *двигатель*, *высотность*). Образования непроизводные (*газ*, *сила*, *рычаг*, *сеть*), заимствованные (*шпатель*, *аншпуг*, *адажио*), интернациональные (*перфоратор*, *коагулятор*, *бетатрон*), аббревиатурные (*мазер*, *лазер*, *квазер*), семантически образованные (*лебедка*, *башмак*, *лопатка*) буквального значения не имеют; 2) однако и там, где термины имеют «буквальное значение», оно не всегда может быть положено в основу дефиниции, так как отражает несущественные для данного термина признаки. Это — «фамильные» термины (*двигатель Бутера*, *уровень Ферми*, *двигатель Шраге*), это и производные образования типа *пустырник* (термин лекарственных трав), в котором информация по мотивации «растущий на пустырях» для термина не существенна; или словосочетания типа *верхний просвет сидения*, в дефиниции которого не используется буквальное значение составляющих — «кратчайшая расстояния от поверхности сидения до плоскости потолка»; 3) к тому же «буквальное значение», вероятно, неверно отождествлять с семантической мотивированностью, которая освобождает от соблюдения «буквальности» и в то же время сохраняет (дает) правильную семантическую ориентацию для терминологического наименования.

Если взять лексемы, которые функционируют в двух качествах — как общелитературные слова и как термины — и сравнить их определение в специальных словарях или сборниках рекомендуемых терминов со значением, зафиксированным в толковых словарях, то легко убедиться в этом.

Добавка. Разг. То же, что *добавление.* *Добавление.* 1. Действие по знач. глаг. *добавить — добавлять.* 2. То, что добавлено («Словарь русского языка» (в 4-х томах), т. I. М., 1957, стр. 550).

Добавка.—Вещество, прибавляемое к топливу в небольших количествах (от сотых долей до нескольких процентов) для улучшения одного или нескольких эксплуатационных свойств топлива («Терминология топлива для двигателей внутреннего сгорания». М., 1957, стр. 12).

Сигнал.— 1. Условный знак (зрительный или слуховой) для передачи какого-либо сообщения, распоряжения, команды. 2. перен. Предупреждение, сообщение о чем-л. нежелательном, что совершается или может совершиться. 3. книжн. и спец. Проявление существования, функционирования чего-л., вызывающее ответную реакцию какого-л. прибора, организма (Там же, т. IV, стр. 124).

Сигнал.— Изменяющаяся физическая величина, отображающая сообщение («Теория информации. Терминология. Проект». М., 1962, стр. 8).

Шум.— 1. Совокупность многочисленных звуков, быстро меняющихся по частоте и силе. //Глухие звуки, сливающиеся в однообразное звучание.// Беспорядочное звучание многих голосов. 2. Крик, ссора, перебранка. 3. Толки, оживленное обсуждение, вызванные повышенным интересом к кому-, чему-л. 4. Оживление, суета. 5. *лингв.* Звук речи, образующийся в полости рта без участия голоса. 6. *физ., мед.* Звук с неясно выраженной тональностью (Там, же, т. IV, стр. 106).

Шум.— Помеха, добавляющаяся к сигналу (аддитивная помеха). (Там же, стр. 12).

Приведенные примеры показывают семантическое отличие общелитературных слов от терминов, выражающееся в том, что 1) общелитературные слова (вне контекста и конситуации) часто неоднозначно соот-

носятся с тем понятием, которое они именуют (следствием чего является полисемия); 2) значения общелитературных слов (лексикографически) определяются во многих случаях (имеются в виду главным образом имена с отвлеченным значением) широко, неконкретно и многозначно; 3) в терминологии (в пределах конкретных терминологических систем) понятие и знак (термин) соотносятся строго однозначно; 4) как следствие этого — более конкретизированный и суженный семантический объем терминов.

Таким образом, перечисленные отличительные черты терминов (прикрепленность их к определенному терминологическому полю, однозначность и строгая системность в пределах этого поля, возможность раскрытия содержания только посредством дефиниции, суженной и конкретизированной семантическим объемом терминов) позволяют квалифицировать их как относительно самостоятельную часть лексики в составе общелитературного языка. Именно в составе общелитературного языка и на правах его подсистемы.

Естественно спросить, почему в составе общелитературного языка, а не за его пределами?

Прежде всего потому, что терминология — это основное языковое средство научного стиля общелитературного языка [6]. Кроме того (и это не менее важно, чем первое) терминология пользуется способами и моделями словообразования общелитературного языка, свободно вращается в кругу нетерминологической лексики, обладая общими с ней грамматическими возможностями сочетания слов. Поэтому сейчас важно показать, какие черты объединяют терминологию с общелитературной лексикой.

Очень существенно, что терминологию и литературную лексику объединяют такие общеязыковые семантические процессы, как полисемия и синонимия. Правда, эти процессы по-разному характеризуют литературную и терминологическую лексику: для литературной — они достоинства, а для терминологической — недостатки.

---

[6] Это положение по отношению к чешской терминологии подтверждается в работах Б. Гавранка (см.: Б. Гавранек. Задачи литературного языка и его культуры.— ПЛК, стр. 342; Он же. О функциональном расслоении литературного языка.— Там же, стр. 436).

В терминологии сохранение многозначности и наличие синонимов особенно наглядно проявляются в период естественного формирования системы терминов [7].

«Явление широко развитой синонимики в области научной терминологии характеризует начальный этап существования терминологических систем, период их становления»,—пишет Л. Л. Кутина.

Это положение автор убедительно иллюстрирует астрономическими терминами первой трети XVIII в., когда «с цепочками слов-терминов мы сталкиваемся постоянно» [8]: *созвездие — констелляция — звездница — знак — констеласион*; *затмение — потемнение — помрачнение — повреждение* (солнцу) — *эклипсис — эклипс*; *спутник — сопутник — сателлит — драбант — луна* и т. п. [9]

Еще более наглядная картина синонимических рядов-терминов представлена Л. Л. Кутиной на материале физической терминологии: «Ср. такое варьирование физических терминов по синонимическим рядам, как *скорость — беглость — прыткость — борзость — быстрота*; *давление — тиснение — угнетение — жмение*; *влага — влажность — сырость — волглость — мокрота*;... *движение — течение — ход*... и проч.» [10].

Другой характерной особенностью терминологии начала XVIII в. являются частые случаи многозначности, и в частности — многозначности в пределах данной отрасли знания (ср. *диаметр*, *размер* — диаметр и диагональ; *площадь*, *суперфиция* — поверхность и квадратная мера поверхности; *содержание* — площадь и объем; *число* — выражение количества, цифра, член; *круг* — круг и шар ... и т. п.) [11].

---

[7] Четкое и необходимое различение понятий «естественно сложившихся терминологий» и «упорядоченных» было проведено в докладе Т. Л. Канделаки на тему: «Работа по упорядочению терминологии и некоторые лингвистические проблемы, возникающие при этом», прочитанном на Совещании по лингвистическим проблемам научно-технической терминологии (Ленинград, 30 мая — 2 июня 1967 г.; печатается в трудах совещания) и принимается нами как справедливое и плодотворное.

[8] Л. Л. Кутина. Формирование языка русской науки. М., 1964, стр. 194.

[9] Там же.

[10] Л. Л. Кутина. Формирование терминологии физики в России. М.— Л., 1966, стр. 254.

[11] Л. Л. Кутина. Формирование языка русской науки, стр. 81—82.

Примеры полисемии и синонимии, заимствованные из работы, исследующей терминологию первой трети XVIII в., приведены не случайно. Они отражают период естественного формирования терминологий, т. е. начальные этапы существования их. Причем полисемия и синонимия сопровождают, как правило, процесс вхождения в терминологию слов общелитературного языка. По мере освоения слова терминологией оно теряет свои прежние связи с синонимами и утрачивает многозначность.

Однако было бы заблуждением думать, что многозначность и наличие синонимов можно наблюдать только в терминологических системах прошлого. Эти процессы действуют и прослеживаются и при формировании терминологических систем современности, и при функционировании в настоящее время терминологических систем с большой традицией.

«Правы те,— пишет Л. Л. Кутина,— которые отсутствие синонимических отношений у слов-терминов называют лишь тенденцией» [12].

Характерно, что в изданных в 30-х годах «Бюллетенях Комиссии технической терминологии АН СССР» существует специальная графа «синонимы». Таковы, например, *диполь* и синонимы к нему: «дублет», «источник пара»; *вихревая скорость* и: «вихрь», «вихрь потока»; *мощность источника* и: «интенсивность», «напряженность» [13]; *фототелеграфия* и:«бильдтелеграфия», «бильдсвязь», «бильд», «телефотография»; *приемная телевизионная труба* и: «кинескоп»; *разложение изображения* и: «развертка», «анализ», «скандирование»; *воспроизведение изображения* и: «свертка», «синтез», «развертка при приеме»; *телевизионно-электронная трубка* (электронная трубка) и: «катодная трубка», «трубка Брауна», «катодный осциллограф» [14].

В сборниках рекомендуемых терминов 50—60-х годов специальной графы «синонимы» не стало, но термины-синонимы от этого не исчезли. Они по-прежнему присутствуют в сборниках, только их перенесли в графу

---

[12] Л. Л. Кутина. Формирование терминологии физики в России, стр. 266.

[13] «Бюллетень Комиссии технической терминологии», вып. X. Терминология теоретической механики (гидродинамика). М., 1936.

[14] «Бюллетень Комиссии технической терминологии», вып. XI. Терминология электрической передачи изображения. М., 1936.

«нерекомендуемых терминов» (что свидетельствует о сознательном желании очистить терминологические системы от синонимии). Примеров такого рода более чем достаточно: *ремонтопригодность* и нрк.: «восстанавливаемость», «ремонтоспособность»; *внезапный отказ* и нрк.: «случайный отказ», «грубый отказ»; *последовательное соединение* и нрк.: «функциональное соединение», «основное соединение»; *интенсивность отказов* и нрк.: «опасность отказов», «лямбда-характеристика»; *показатель сложности* и нрк.: «оценка сложности», «параметр сложности» [15]; *электростатический ускоритель* и нрк.: «ускоритель ван де Граафа», «электростатический генератор».

В других случаях синонимы приводятся и в качестве рекомендуемых терминов: *волновой ускоритель*, *линейный ускоритель с бегущими волнами*; *линатрон* и нрк.: «ортотрон» [16].

Не анализируя причин синонимии в терминологии (а они могут быть очень разными: и наличие очень близких по значению средств наименования типа *показатель*, *оценка*, *параметр*, и существование отечественного и заимствованного термина типа *приемная телевизионная трубка* и *кинескоп*, и употребление наименования по имени ученого и по классификационному признаку типа *трубка Брауна* и *электронная трубка*), мы констатируем факт существования их в терминологии.

Подобное утверждение можно отнести и к факту частой неоднозначности термина. Правда, в терминологии неоднозначность чаще всего приобретает черты регулярности или идет в этом направлении. Так, наименование наук, как правило, имеет и второе значение.

Ср. *география* как «общее название описательных наук, изучающих окружающие человеческое общество природные условия, размещение производства, условия и особенности его развития в различных странах и районах» (Физическая география. Экономическая география), и как «изучение распространенности чего-л. на земной поверхности или в какой-л. местности, районе» (География почв. География животных).

---

[15] «Теория надежности в области радиоэлектроники. Сборник рекомендуемых терминов», вып. 60. М., 1962.

[16] «Ускорители заряженных частиц. Сборник рекомендуемых терминов. Проект». М., 1964.

Химия как «наука, изучающая атомное строение веществ и другие» (Органическая химия. Неорганическая химия) и как «качественный состав чего-л.» (Химия нефти. Химия крови) [17].

К числу частых совмещений в одном слове двух значений относятся и отглагольные существительные на *-ние*, *-ка* и бессуффиксные, которые значение процесса действия совмещают со значением результата действия [18], ср.: *штамповка* (процесс) и *штамповка* (предмет — результат этого процесса), то же *смазка*, *огранка*, *шифровка*, *перевод*, *крепление*, *прорыв*, *намыв*, *упор*, и мн. др.

И глубоко права Е. Н. Толикина, квалифицирующая многозначность терминов как естественный выход в терминологию тенденции полисемии лексической системы языка [19].

Не чужд терминологии и такой семантический процесс общелитературной лексики, как о м о н и м и я (вспомните ранее приведенный пример с терминами *донор* и другие примеры типа *операция*, *морфология* и т. п.).

---

[17] См.: «Словарь русского языка» (в 4-х томах). М., 1957—1961.— Очень любопытно привести еще одно свидетельство полисемии научных понятий, а следовательно, и терминов, отмеченное не языковедом: «Хорошо известно, что наиболее тяжелым, мы бы сказали, хроническим заболеванием понятийного аппарата науки является полисемия». И далее: «Анализ научной литературы, в которой применяется термин «модель»... показывает, что этот термин употребляется прежде всего в двух совершенно различных, прямо противоположных значениях: 1) в значении некоторой теории и 2) в значении чего-то такого, к чему теория относится, т. е. что она описывает или отражает» (А. И. Р а к и т о в. Моделирование как предмет философского исследования. «Вопросы философии», 1967, № 11, стр. 153).

[18] Этот факт был отмечен Г. О. Винокуром: «... в большом числе случаев слова на *-ние*, сохраняя свои глагольные значения активного и пассивного процесса, в то же время становятся способными обозначать и конкретные предметы — вещи. Это, во-первых, названия результатов действия, как, например, *тиснение* (на ткани), *углубление* (ямки)... Во-вторых, это названия орудий, механизмов, установок, приборов, посредством которых осуществляется какое-нибудь действие, например *сцепление* (в автомобиле), см.: Г. О. В и н о к у р. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. «Труды МИФЛИ», 1939, т. V, стр. 21.

[19] Е. Н. Т о л и к и н а. Лингвистический аспект изучения термина. «Тезисы докладов на совещании по лингвистическим проблемам научно-технической терминологии». Л., 1967, стр. 9—12.

Выше были даны примеры общности лексико-семантических процессов в общелитературном языке и терминологии. Но это не единственная сфера, где можно наблюдать подобную общность. Ее нетрудно обнаружить и в других языковых сферах.

На терминологию распространяются все основные морфологические категории (словоизменения и формообразования) общелитературного языка.

Термины создаются в пределах основных лексико-семантических разрядов слов общелитературного языка (конкретно-предметных имен, отвлеченных имен, имен лиц и др.). Совпадают и основные продуктивные модели словообразования внутри этих семантических разрядов слов.

Иными словами, терминология не располагает какой-то особой, своей, существенно отличной от общелитературного языка, морфологией и синтаксисом. Нет в терминологии и совершенно изолированной системы словообразования. И при условии включенности терминологической лексики в морфологическую и словообразовательную систему общелитературного языка, она вырабатывает свои, специфически терминологические, черты и в морфологии, и главным образом в словообразовании.[1]

Отметим некоторые из них. Так, терминология, например, не располагает регулярными формами субъективной оценки. Здесь они, если и есть, то в лексикализованном виде, т. е. в качестве самостоятельного слова-термина (*лопатка*, *чашечка*, *глазок*, *бровка*, *лебедка*, *зубок*, *кулачок*, *барашек* и т. п.). В терминологии нет категории качественных прилагательных в общепринятом смысле этого слова. При использовании лексем, являющихся в общелитературном языке качественными прилагательными, терминология и их делает по значению относительными. Ср. *белый* (*белый стих* — в этом термине *белый* — относительное прилагательное, стих не может быть *более белым*, *белейшим*, нельзя говорить о *белизне* стиха, т. е. *белый* в термине лишен всех присущих качественным прилагательным грамматических примет); то же в *большой*, *малый* (*большой*, *малый круг кровообращения*), *крупный* (*крупный рогатый скот*), *тяжелый* (*тяжелое машиностроение*); *сухой* (*сухое молоко*), *краткий* (*краткие прилагательные*), *пресный* (*пресная вода*), *прямой* (*прямой угол*) и т. п. Как следствие этого — в терминологии нет форм степеней сравнения. Случаи терминологического употреб-

ления прилагательных типа *наивыгоднейший*, *легчайший*, *кратчайший* и нек. др. редки и не показательны [20].

Правда, терминология «имитирует» значение степени качества или признака образованиями типа *сверхглубокий*, *сверхвысокий*, *сверхдальний*, *ультракороткий*, *сверхвысокочастотный* и т. п. Однако эти образования существенно отличаются от степеней сравнения тем, что они не являются синхронно регулярными, они не составляют обязательного грамматического признака терминологических прилагательных.

Любопытно высказывание Д. С. Лотте об образованиях с терминоэлементами *сверх-*, *ультра-*: «Между группами прямых и косвенных признаков лежит некоторая переходная группа. Признаки этой группы обычно выражаются «качественными прилагательными», например: *низкое напряжение*, *высокое напряжение*, *низколегированная сталь*, *среднелегированная сталь*, *высоколегированная сталь* и т. д. Эти термины, имеющие налет эмоциональности, при бурном развитии техники носят явно «конъюнктурный» характер и приводят к необходимости вводить в дальнейшем дополнительные термины с терминоэлементами *сверх-*, *ультра-*, которые в очень скором времени становятся также недостаточными» [21].

Терминология свободнее литературного языка образует формы множественного числа у тех слов вещественного и отвлеченного значения, которые в общелитературном употреблении имеют только форму единственного числа. Правда, здесь формы множественного числа очень часто лексикализуются (*табаки*, *мыла́*, *масла́*, *нефти* и т. п.). Но и при других условиях множественное число в терминологии употребляется свободнее. *Надои*, *узкости*, *полноты*, *емкости*, *глубины* и т. п.— также примеры терминологического употребления форм множественного числа.

Еще более рельефно отличительные черты терминологии вырисовываются в словообразовании.

---

[20] «Наивыгоднейший угол атаки» («Сборник рекомендуемых терминов», вып. 17, 1954, стр. 14); «Наивыгоднейший по экономичности режим» («Сборник рекомендуемых терминов», вып. 28, 1954, стр. 13); «наивыгоднейшая нагрузка» («Сборник рекомендуемых терминов», вып. 14, 1952, стр. 50). Ср. также *легчайший* (*легчайший вес* — спорт. термин), *кратчайший* (матем. термин) и нек. др.

[21] Д. С. Лотте. Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961, стр. 28.

1. В терминологии иное представление о длине слова. Общелитературный язык, как правило, не допускает трех-, четырех- и более основных слов. В терминологии такого лимитирования не существует. Там образования типа *пылевлагонепроницаемость*, *анизотропносолнцеотражающий*, *снегоболотоход*, *термовязкоупругость*, *магнитогазодинамический* и т. п.— рядовое явление.

2. В терминологии заметна тенденция к предпочтительной номинации понятия посредством однословного термина. Это проявляется в том, а) что терминологические словосочетания орфографически сливаются в одно слово (*вечнозеленый*, *отдельностоящий* (архитект. термин), *дикорастущий* и т. п. [22]; б) в том, что наименованию-словосочетанию предпочитается однословное наименование (ср. *ткань для (на)пальто* и *пальтовая ткань*, *конфеты «крем-брюле»* и *«крембрюловая»*). Это отнюдь не исключает большого количества терминов-словосочетаний.

3. Терминология более конкретно и более узко специализирует словообразующие аффиксы на выражении определенного значения, нередко отличного от общелитературного языка. Очень наглядно это прослеживается на общепринятом и узкотерминологическом значении суффикса прилагательных *-ист(ый)*.

Известно, что живой и продуктивный суфф. *-ист(ый)* при образовании прилагательных от основ существительных придает значение обилия чего-нибудь, обладания множеством чего-нибудь (*каменистый*, *голосистый*, *жилистый* и т. п.).

В частных терминологических системах этот суффикс специализируется на противоположном значении «обладание чем-нибудь в малом количестве». Например, в литологической и петрографической терминологии образования типа «известковистая глина» и «известковая глина» различаются тем, что первое имеет значение «содержащий известь в малом количестве», а второе — «содержащий

---

[22] В правилах орфографии можно прочесть следующий пункт. «Пишутся слитно многие сложные прилагательные, употребляемые в качестве научно-технических терминов или выражений в книжном языке». В качестве одной из иллюстраций приведена такая параллель: «быстрорастущие декоративные кустарники» и «быстро растущие молодые кадры» (Д. Э. Розенталь. Вопросы русского правописания. М., 1965, стр. 54—55).

известь в большом количестве». То же в «доломитистый известняк» и «доломитовый известняк» и т. п. [23]

Тот же суфф. *-ист(ый)* в химической терминологии имеет совершенно другое, также узкоспециальное значение, и используется при образовании наименований определенных химических соединений: *азотистый ангидрид*, *мышьяковистый ангидрид*, т. е. трехвалентный азот и мышьяк [24].

4. В терминологическом словообразовании тенденция к регулярности по сравнению с общелитературным языком реализуется последовательнее и глубже. В тех случаях, когда в общелитературном языке по причине структурных ограничений или отсутствия традиции нет тех или иных типов словообразования или они заменяются описательными оборотами (предложно-падежными конструкциями, как правило), терминология старается преодолеть как ограничения, так и отсутствие традиции и регулярно восстанавливает необходимые типы [25].

Так, в общелитературном языке отсутствует тип образования прилагательных, производящей основой которых служили бы формы субъективной оценки. В терминологии они обычны: *уголковый*, *гнойничковый*, *молоточковый*, *флажковый*, *пузырьковый*, *мостиковый*, *кулачковый* и др.

В терминологическом словообразовании активизировалась модель, по которой образуются прилагательные от основ существительных на *-ость* типа *вероятностный*, *мощ-*

---

[23] См. об этом: Н. Б. Вассоевич. П. И. Хомизури и Г. П. Бондарук. Об упорядочении литологической и петрографической терминологии. «Изв. АН СССР. Серия геологическая», 1967, № 6, стр. 100.

[24] Д. С. Лотте называет подобное использование общелитературных средств словообразования «условными приемами образования системы терминов» (указ. соч., стр. 31).

[25] Интересно одно высказывание по этому поводу: «... многие комбинации, вполне допустимые теоретически, на практике применены быть не могут из-за того только, что они не санкционированы обычаем, традицией языка и, следовательно, не обладают социально-коммуникативным значением. Например, несмотря на то, что от глагола *строить — стройка*, от *проводить — проводка*, от *летать — летка* не производится» (Е. Вюстер. Международная стандартизация языка в технике. Стандартгиз, 1935, стр. 54). Терминология современной авиации преодолела эту традицию и санкционировала образование термина *летка*, т. е. продолжила регулярный ряд образований глагол → отглагольное имя действия.

ностный, *плоскостный*, *яркостный*, *сказуемостный*, *личностный* и т. п., отсутствующая в общелитературном языке.

Терминология «нарушила запрет» на образование отвлеченных имен качества посредством суфф. *-ость* от основ относительных прилагательных типа *рядность*, *этажность*, *экземплярность*, *страничность* и т. п.

5. Существенной особенностью терминологического словообразования является и то, что оно располагает целым рядом аффиксов собственно терминологического употребления с узким значением и узкой сферой применения.

Приведем для иллюстрации несколько образцов таких аффиксов (и аффиксоидов):

в медицине, например, группа наименований антибиотиков оформляется посредством аффикса *-ин*: *пенициллин*, *биомицин*, *террамицин*, *эритромицин*, *олеандомицин*, *канамицин*, *нистатин*, *флоримицин* и др.;

наименования химических элементов от основ имен собственных (фамилий и географических имен) осуществляется посредством аффикса *-ий*: *германий*, *европий*, *франций*, *америций*, *калифорний*, *плутоний*, *нептуний*, *берилий*, *эйнштейний*, *кюрий*, *фермий*, *нобелий* и др.;

в наименовании минералов активнее других используется аффикс *-ит*: *пирит*, *борнит*, *флюорит*, *карналлит*, *галит*, *магнетит*, *кальцит*, *барит*, *амазонит* и мн. др. Этот ряд пополняется и терминами, образованными от фамилии ученого, в честь которого дано наименование, или от географического наименования: *еремеевит* (по имени проф. П. В. Еремеева), *севанит* (от Севан), *астраханит* (от Астрахань), *анапаит* (от Анапа), *алтаит* (от Алтай) и т. п.

Собственно терминологический аффиксальный фонд создается, как правило, на базе интернациональных словообразовательных средств, которые осваиваются русской терминологией и «пускаются в оборот» при необходимости образования наименования, стоящего в аналогичном ряду. Так, суфф. *-ит* свободно образует наименования на русской почве: *гагаринит*, *карагандит*, *лунит*. Посредством *-ий* созданы наименования *менделевий*, *курчатовий* и др.

Только в терминологическом словосложении в качестве компонентов используются символы и буквенные аббревиатуры: α- или *f-слои*, CH_3CO-*группы*, *МГД-установ-*

ка (магнитогазодинамическая установка), *бета-распад*, *К-захват* и т. п.

6. При общей высокой продуктивности морфологического способа словообразования в общелитературном языке и терминологии последняя несопоставимо шире и активнее использует собственно префиксальное словопроизводство.

Примеров таких образований много, они известны: *антивещество*, *античастица*, *субъединица*, *квазиуровень*, *подстанция*, *подпрограмма*, *предредактирование*, *постредактирование*, *сверхгигант*, *сверхточный*, *ультракороткий*, *гиперзвуковой* и мн. др. Дело в данном случае не в количестве примеров, а в тех причинах, которые активизировали префиксацию в терминологии.

Одна из причин, как уже отмечалось, заключается в том, что приставки в терминологии берут на себя функцию выражения степени качества (*сверх-*, *ультра-* в прилагательных). Другая причина — приставки осуществляют необходимое противопоставление понятий: *тело* и *антитело*, *частица* и *античастица*, *единица* и *субъединица*, *станция* и *подстанция*, *континентальный* и *межконтинентальный*, *организм* и *микроорганизм*, *танкер* и *супертанкер*, *гегельянцы и неогегельянцы*, *конфуцианство* и *неоконфуцианство*, *трансплантация* и *инплантация* и мн. др.

7. Терминологическое словообразование заметнее, чем общелитературное, тяготеет к созданию пучков, гнезд наименований от одной производящей основы. Вероятно, поэтому одним из требований, предъявляемых к термину, считают его словообразовательную потенцию. Это обстоятельство может быть одним из факторов, решающих судьбу терминологических дублетов. Например, при выборе одного из двух словообразовательных вариантов наименований процессов действия на *-ка* и *-ние* (*клепка* и *клепание*, *шлифовка* и *шлифование* и т. п.) терминологическая практика выбирает образования на *-ка*. И здесь немаловажную, как кажется, роль играет более высокая и регулярная словообразовательная потенция наименований на *-ка*: *клепка — клепочный — клепщик*; *шлифовка — шлифовочный — шлифовщик*; *расцепка — расцепочный — расцепщик* и т. п.

С другой стороны, необходимость образования производного слова при отсутствии словообразовательной потенции у слов определенной структуры приводит к употреб-

лению заимствований, которые семантически являются производными от них. Так, невозможность образования прилагательных от основ существительных на *-ение*: *движение*, *наведение*, *выделение* компенсируется употреблением заимствованных прилагательных: *кинетический*, *индуктивный*, *дедуктивный* [26].

Иллюстративный материал особенностей терминотворчества легко увеличить, но не в этом сейчас задача. Необходимо было показать, что терминология располагает такими отличительными чертами, которые в сумме своей дают основание считать ее подсистемой общелитературного языка.

Но кроме этих конкретных отличительных качеств существуют более общие характеристики терминологии, которые выделяют ее из состава общелитературного языка в самостоятельную подсистему. Это прежде всего три следующих фактора: 1) постоянное развитие терминологии, изменения, происходящие в ней, всегда обусловлены не изменениями в языке, а являются исключительно результатом развития науки и техники, т. е. результатом экстралингвистических причин; 2) в то время как общие слова возникают из нужд общения всего общества в целом, термины создаются как наименования понятий, связанных с узкой производственной или научной областью, и предназначены служить средством производственной (в широком смысле слова) сферы общения; 3) термины в отличие от слов общелитературного языка с о з н а т е л ь н о вводятся в терминологическую систему (это наиболее отчетливо проявляется в период упорядочения терминологических систем, создания ГОСТов).

Положение терминологии как подсистемы дает ей право на: 1) свою лексику, которой нет в общелитературном языке, но которая может туда проникать: а) как терминология же (если речь идет о специальной области знания); б) как стилистическое средство, для создания комического эффекта, например (в фельетонах); в) как слово, ставшее по существу омонимом термина (*пульс эпохи* — это не медицинский термин *пульс*); 2) свои особенности морфологического и словообразовательного характера; 3) свои варианты нормы.

---

[26] См.: Е. В ю с т е р. Указ. соч., стр. 75.

Вопрос нормы в терминологии сложен, но и актуален, поэтому решение его требует глубокого практического изучения большого материала. Предложенная здесь постановка этой проблемы очень предварительна. Прежде всего хотелось бы избежать впечатления (которое может создаться из утверждения о терминологической вариантности нормы), что все профессионально-терминологические отклонения от нормы общелитературного языка могут быть расценены как допустимые варианты.

В пределах нормы в терминологии, на наш взгляд, находится: а) все то, что совпадает с нормой в общелитературном языке; б) то, что нашло практическое закрепление в терминологической подсистеме. Для второго условия (б) оказываются приемлемыми такие особенности, которые идут в русле общелитературных тенденций развития языка или условно приняты в определенных терминологических системах.

Естественно, что в иллюстрации нуждаются случаи, входящие в терминологические подсистемные особенности. Здесь можно вычленить несколько разных и типичных случаев.

1. Среди морфологических вариантов форм мн. числа существительных муж. рода в профессионально-терминологической сфере прогрессирует вариант на ударное *а́*: *цеха́*, *трактора́*, *бункера́*, *шкипера́*, *слесаря́*, *инженера́*, *штепселя́*, и даже *циркуля́*, *молота́* и т. п. Это явление идет в русле общелитературной тенденции (вспомните *до́мы* и *дома́*, *учи́тели* и *учителя́* и т. п.), а профессионально-терминологическая сфера (наряду с разговорной речью) в данном случае становится «поставщиком» новых лексем, переходящих в парадигму склонения с ударенным *а́*. Дублетные формы указанного типа противопоставляются как собственно литературные и профессионально-терминологические варианты.

2. Отмеченные ранее терминологические особенности в функционировании словообразовательных моделей, такие, например, как имена на *-ость* от основ относительных прилагательных (*страничность*, *экземплярность*, *белковость*), оцениваются нами не как терминологические варианты модели, а как реализация тенденции к усиливающейся регулярности словообразовательной модели. Терминология выступает в данном случае как источник, расширяющий связи словообразующего суффикса с новым

типом производящих основ, результатом чего становятся увеличившиеся возможности производства отвлеченных имен со значением качества посредством суфф. *-ость*.

В этот разряд относятся и особенности образования прилагательных терминологического употребления от необычных для общелитературного языка производящих основ. Имеются в виду прилагательные, образованные от основ существительных с суффиксами субъективной оценки (*кулачковый*, *флажковый*, *гнойничковый*), от основ неизменяемых существительных (*пальтовый*, *джерсовый*, *крембрюловый*) [27].

За пределами нормы в терминологии находятся те случаи образования терминов, которые противоречат регулярным правилам создания слов по той или иной модели. К числу таких относятся, например, образования типа «располагаемая электрическая энергия», «располагаемая реактивная мощность энергосистемы» [28], в которых страдательное причастие настоящего времени образовано вопреки правилу, от непереходного глагола «располагать (чем)».

За пределами нормы находятся и случаи образования отглагольных имен действия типа *разбалчивания и офармливание* [29], где незаконно вводится чередование гласных в корне. Эти имена образованы от основ глаголов *разболтить — разболчивать*, *оформить — оформлять*. Чередования не может быть в данном случае, так как глаголы образованы от заимствованных слов (*болт*, *форма*).

Однако от случаев прямых нарушений норм общелитературного языка (и терминологии) следует отличать образования типа *отверждение* [30]. Это — качественно иной случай. Суть его в следующем. В современном общелите-

---

[27] Не могут быть не отмеченными случаи иного, чем в общелитературном языке, ударения, имеющие место в определенном количестве профессионально-терминологических слов типа *рбзлив*, *обжиг*, *рбзжиг*, *дббыча*, *фундамéнт*, (у строителей), *компáс* (у моряков), *прядильный*, *прядильщица* (у текстильщиков) и под. Сложность квалификации этих случаев отклонения в том, что они не являются регулярными и проявляются, как правило, в отдельных лексемах. Судя по тому, что некоторые из указанных слов с иным ударением отмечены словарями с пометой «профессион.», они воспринимаются как допустимые варианты.

[28] «Энергетические системы. Терминология. Проект». М., 1962.

[29] Примеры взяты из писем, поступивших в Институт русского языка АН СССР.

[30] Пример из письма в Институт русского языка АН СССР.

ратурном употреблении распространен непереходный глагол — *отвердеть* и образованное от него имя — *отвердение*. Эта же форма зафиксирована и словарями современного русского языка. Соотносительный по общей основе переходный глагол *отвердить — отверждать* (ср. аналогичные: *утвердить — утверждать*, *подтвердить — подтверждать*) вышел из современного литературного словоупотребления. Поэтому и производное от него существительное *отверждение* воспринимается «с опаской». В терминологии же есть термин *отверждение*, который закономерно образован от основы переходного глагола *отвердить — отверждать* (что вполне соответствует содержанию понятия). «Браковать» этот термин нет оснований. Тем более, что слово *отверждение*, равно как и глаголы *отвердить — отверждать*, отмечен толковым словарем В. И. Даля (т. II, стб. 713), что является свидетельством того, что ранее это слово было употребительным.

НОРМА И СТАТИСТИКА

Л. К. Граудина

Квантитативный аспект нормы. Различия во взглядах на норму

§ 1. Есть ли у нормы количественные стороны и чем может быть полезна статистика — в этих вопросах сомнений больше, чем единодушия. Впрочем, и разногласия выражены не так уж резко — работы в этой области начаты сравнительно недавно.

Оценка квантитативного аспекта нормы связана с общетеоретическими представлениями о ней, и здесь высказываются различные, иногда даже противоречивые взгляды.

Кратко эти взгляды могут быть изложены в форме антитезисов, характеризующих различные подходы к норме у представителей разных лингвистических школ.

§ 2. Э. Косериу рассматривает понятие нормы в оппозиции к понятию системы. «В структурах, составляющих язык, важно различать то, что является нормальным, или всеобщим (норма), и то, что является функциональным и дается в противопоставлении (система)» [1]. В дихото-

[1] Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 173.

мии система — норма существенно различие между системой возможностей языка и системой их реализаций, традиционно закрепленных в языке. «Различие между системой и нормой можно до известной степени уподобить различию, которое в американской лингвистике проводится между «продуктивными» моделями», такими, как множественное число на *-s* в английском языке, и «фиксированными», или «ограниченными», такими, как ox—oxen. Правда, для нас норма включает не только «окаменевшее», но и все установленное и общее в традиционных языковых реализациях, в то время как система охватывает «возможности», направляющие линии и функциональные пределы реализации, т. е. саму технику языкового творчества. В случаях ox-oxen фактом нормы является не форма oxen как таковая (которая в качестве функциональной возможности является не менее системной, чем oxes), а тот факт, что здесь традиционная реализация проявляется именно в oxen, а не в oxes» [2].

Понятие нормы здесь раскрывается через систему, в связи и в сопоставлении с ней.

«В определенном смысле норма шире, чем система, ибо норма содержит большее число признаков (так, например, в случае исп. [b] согласно норме следует различать фрикативность и взрывность, тогда как с функциональной точки зрения эти признаки нерелевантны). Однако в другом смысле норма у́же, чем система, поскольку она связана с выбором в пределах тех возможностей реализации, которые допускаются системой» [3].

Систему составляют функциональные, т. е. существенные, значимые противопоставления, в норме же в недрах языковой традиции складываются варианты, не несущие смыслоразличительной нагрузки. По аналогии с испанскими примерами в русском можно привести такие факты, как *загляденье* и *заглядение*, *тракторы* и *трактора*, *рукою* и *рукой* и под. Звуковые различия между членами этих пар не значимы в противовес системным функциональным противопоставлениям в соотношениях типа *он — она*, *из лесу — в лесу*, *идем — идет* и под. Тождественные языковые варианты составляют критические точки в системе; слабость внутрисистемных смыслораз-

[2] Там же, стр. 237 (в примечании).
[3] Там же, стр. 174.

личительных связей открывает здесь двери для широких внешних влияний.

Мысль Э. Косериу о существенности и несущественности противопоставлений в системе и норме находит отклик в отдельных работах по культуре речи. В частности, в статье «Некоторые теоретические вопросы культуры речи» авторы пишут: «Если систему языка рассматривать как нечто данное и неизменное, то норма как ее коррелят выступает константным, принятым, но подверженным колебаниям, варьированию и изменению. Система может быть определена как совокупность существенных переменных, норма — как совокупность несущественных переменных в их связи с существенными переменными при обязательном анализе правил перехода одних в другие. Предметом теории речевой культуры как учения об оптимальном выборе и функционировании вариантных средств являются нормы в их взаимной зависимости, тогда как система может быть объектом изучения других лингвистических дисциплин» [4].

К сожалению, остается нераскрытым выдвинутый тезис о правилах перехода существенных переменных в несущественные.

Э. Косериу считает противопоставления в системе внутренними, а в норме — внешними. Если в первом случае имеются в виду смыслоразличительные оппозиции, в последнем случае речь идет о состоянии межиндивидуальных языковых навыков, о пространственном разнообразии языка. «Факт нормы может быть «функциональным» (например, он может иметь экспрессивную или апеллятивную функцию), но лишь по отношению к другой норме (соответствующей другой социальной среде, другой территории, другому «месту» в системе) или просто по отношению к тому, что «не говорят» (к несуществующей норме), а не внутри той же самой нормы» [5]. Увлекшись философией языка, автор не касается вопросов о формах существования нормы, ее материальном воплощении, о методах и способах ее изучения.

Количественная сторона нормы Э. Косериу также не интересует. Очевидно, существование нормы в речи в фор-

---

[4] В. Г. Костомаров, А. А. Леонтьев. Некоторые теоретические вопросы культуры речи.— ВЯ, 1966, № 5, стр. 9.
[5] Э. Косериу. Указ. соч., стр. 176.

ме некоего видоизменяющегося или стабильного множества не кажется важной ее характеристикой.

Даже принимая тезис о том, что распространенность или «принятие» вариантных средств в коллективе составляет специальную область изучения нормы, автор не идет дальше этого общего утверждения. Что может означать для исследователя проблема «принятия», как это отвлеченное и смутно очерченное понятие может приобрести черты строгого научного термина — на эти вопросы работа Косериу не дает ответа.

§ 3. Диаметрально противоположную позицию в подходе к вопросам нормы занимает профессор статистики в Бристольском университете Густав Хердан. Как представитель формально-математической школы Г. Хердан подходит к явлениям нормы со стороны ее внешнего проявления в речевой деятельности. Он считает стабильность частот основным законом языка как средства общения.

«Огромным шагом вперед было возникновение статистической теории информации (Шеннон, Гелор), благодаря которой статистические методы, рассматриваемые ранее как вспомогательный инструмент в лингвистическом исследовании, внедрились в самое сердце структурной лингвистики.....

Язык включает не только энграмы как лексемы, но также соответствующие вероятности их употребления. Это я и называю статистической стороной соссюровского различия.... Язык есть собрание лингвистических энграмов (фонем, слов, форм) вместе с их вероятностями употребления. Наша концепция «языка» включает также нормативные законы, если они регулируют относительную частоту лингвистических форм, принадлежащих определенному классу; реализация этих законов определяет частоту языковых единиц в «речи»...

Эта как будто бы небольшая модификация соссюровской концепции имеет важное следствие — «язык» теперь получает характеристику статистического множества... «Речь» при таком взгляде является обозначением статистических выборок (samples), взятых из «языка» как статистического множества» [6].

---

[6] G. H e r d a n. Language as choice and chance. Groningen, 1955, стр. 93.

В лингвистике, как и в других естественно-исторических науках, произошла революционная смена представлений. Взгляды старого поколения о строго детерминированных закономерностях заменились представлениями о закономерностях вероятностного характера. Описание речевой деятельности сводится, таким образом, к тому, что мы можем (а не должны) ожидать с известной степенью точности. Эти представления легли в основу рассуждений Г. Хердана о норме.

«Понимание принципов статистического вывода и владение процедурой статистического исследования поможет лингвисту избежать путаницы, царящей в области «лингвистических норм». B. Bloch подчеркивал статистическую природу лингвистических норм в том смысле, что они не должны рассматриваться как законы, действительные при всех обстоятельствах... A. G. Juilland из Вашингтонского университета рассуждает таким образом: до тех пор, пока не очерчено различие между нормой и исключением, невозможно количественно установить, что есть норма и не-норма («Language», v. 30, стр. 318). Это заключение страдает недостаточностью понимания, что́ означает статистическая норма и что́ означает «ошибка» или исключение из нее. Если статистическую норму понимать как указание на статистическое множество (в вышеуказанном смысле), и «исключения» или ошибки — как отклонения от частот этого множества, то провести разграничение между «множеством» и «отклонением» от него вполне можно посредством количественного исследования. Это и есть сущность статистического заключения. Если отклонения эмпирических частот от вероятностей множества больше, чем при обычной случайной выборке...., то заключаем, что пограничная линия между «тождеством» и «различием» была смещена» [7].

Итак, Г. Хердан выдвигает понятие статистической нормы как некоего статистического множества, а исключения или «ошибки» рассматриваются как отклонение от частот этого множества. Количественный же анализ дает возможность нащупать пограничную линию между ними. Сам по себе этот тезис в наши дни не вызывает возражений, хотя несколько десятилетий назад Н. Трубецкому приходилось отстаивать идею о возможности применения стати-

[7] G. Herdan. Language as choice and chance, стр. 93.

стики в речи. Э. Цвирнер, которому возражал Трубецкой, рассуждал так: «Исследование конкретных речевых актов речи как самоцель бессмысленно и не нужно. В самом деле, языкознанию совершенно безразлично не только то, что наговорил в микрофон в определенное время в той или иной лаборатории какой-то там X, науке вообще нет никакого дела до того, что кто-то там однажды что-то сказал». Н. Трубецкой же считал, что язык действительно лежит «вне меры и числа» (ср. взгляды Г. Хердана!), тогда как речь по своей природе прежде всего количественна [8].

Принимая тезис Г. Хердана о количественной природе норм и речи, необходимо, однако, внести одно существенное ограничение, связанное с представлениями о дуализме нормы.

§ 4. В этом отношении важен тот подход к теории нормы, который отличает исследователей Пражского лингвистического кружка. Одно из основных достижений этой школы состоит в разграничении понятия нормы и понятия кодификации. В работах Б. Гавранка, М. Докулила, А. Едлички подчеркивалась необходимость различать действительность нормы, ее реальное состояние и представление о ней, материализованное в нормативной литературе — в грамматиках, справочниках, словарях. (Подробнее эти взгляды изложены в статье В. А. Ицковича «Норма и ее кодификация»).

«От объективно существующей нормы языка следует отличать ее кодификацию, т. е. установление правил употребления слов, правил словообразования, словоизменения, правил построения словосочетаний и предложений... Норма существует в любом коллективе. Кодификация же, осознанная и зафиксированная норма,— явление, свойственное только литературному языку» [9].

Эти два плана норм существенно и структурно различаются.

1. Идеал кодификации (I план) заключается в незыблемости, стабильности языковых установлений. Функциональные же и стилистические потребности языка создают необходимость его изменений. Поэтому кодифицированные нормы ретроспективны, обращены в прошлое, нормы

---

[8] Н. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 8.
[9] В. А. Ицкович. Языковая норма. М., 1967, стр. 7—8.

же в речевой деятельности (II план), напротив, обращены в будущее.

2. Кодификация как свод языковых правил может существовать отдельно от говорящих, и в такой отвлеченно законодательной форме, конечно, не имеет черт статистического множества, тогда как функционирующие нормы, т. е. нормы в действии, не могут существовать вне коллектива и в своем внешнем выражении имеют строение бесконечной статистической совокупности.

Нормы употребления в речи за вычетом кодификации подчиняются вероятностным закономерностям. До сих пор в регламентирующей сфере языка лингвисты не обращались к статистическим характеристикам, если не считать частотных словарей. Правда, в академической грамматике, как, впрочем, и в других учебных пособиях, в случае колеблющихся вариантов приводятся словесные количественные оценки типа «употребляется чаще», «реже», «обычно», «почти всегда» и под. В рекомендательных работах большой необходимости точных оценок нет: говорящему вовсе не надо думать о том, сколько раз в день он употребит форму *чая* и сколько *чаю*. Для практических целей важно ответить на вопрос (и каждый говорящий все-таки вынужден сделать этот выбор в момент речи), какой из существующих вариантов можно считать литературным.

§ 5. Математико-статистическое описание норм в речи может принести ощутимую пользу в спорных случаях, когда нормализаторы не знают существующей практики употребления вариантов, кроме самого общего представления о том, что 1) такие варианты имеются, 2) что традиционная грамматика и словари рекомендуют один из них.

Например, академическая грамматика рекомендует вариант *самоё* как традиционно-литературный. В наши дни даже корректоры, самые усердные блюстители чистоты и правильности речи, сплошь да рядом пропускают жизнелюби́вый вариант *саму* вместо *самоё* [10]. Когда в сектор культуры речи обращаются с вопросом, что же правильно, любая рекомендация (будь то совет употребить традиционный вариант или разрешение употреблять

[10] См.: Б. С. Ш в а р ц к о п ф. «Сам идет, самоё ведет». «Русская речь», 1967, № 6, стр. 60.

варианты по своему усмотрению) окажется легковесной, если не изучить детально, в том числе и количественно, характер соотношения этих вариантов, отношение к ним говорящих и т. д. Статистическое обследование может показать реальный перевес одного из вариантов, дать представление о возможной будущей судьбе каждого из них. Это поможет выйти из состояния беспомощного соглашательства, в котором кодификатор вынужден пребывать, пока реальное исследование не проведено. Появляется необходимость более углубленного и тщательного изучения категории вариантности и вариантов как предмета исследования. Согласимся, что варианты — это «параллельные средства речи, представляющие собой разновидности одного слова или словосочетания и отличающиеся при тожественной функции частичным несовпадением, обычно регулярным, своего звукового состава» [11] (варианты типа *trat — torot*, *пол — полу*, ср. *полночный* и *полуночный* и другие аналогичные; *огнь — огонь*, *меж — между*, *достичь — достигнуть* и мн. др.). Если попытаться отгородиться от просторечных и диалектных элементов и сделать оговорки, что в разряд изучаемых вариантов включаем только те из них, которые находятся в пределах литературного языка, круг вариантов значительно сузится. Сюда не войдут ни факты типа «дилехтор», «антиресный», ни факты типа «яблок», «инстру́мент» [12].

Варианты должны удовлетворять по крайней мере двум условиям. Первое, обязательное, условие состоит в том, что система двойного или тройного выражения одного и того же понятия должна быть принята в литературном языке. Само явление принятия составляет особую проблему и нуждается в специальном обосновании. В этом случае неоценимую услугу может оказать количественный анализ. Второе условие заключается в известной регулярности, повторяемости звуковых различий, наб-

[11] Р. М. Цейтлин. Употребление полногласных и неполногласных вариантов в художественной речи карамзинско-пушкинского времени. «Доклады и сообщ. филол. фак-та», кн. 8. М., 1949. — См. также введение к диссертации Р. М. Цейтлин на эту же тему, в котором дана более развернутая классификация вариантов (машинопись).

[12] О сложности понятия нормы и критерии нормативности см.: К. С. Горбачевич. Нормы литературного языка и толковые словари. «Нормы современного русского литературного словоупотребления». М.— Л., 1966.

людаемых внутри вариантных пар: *глас — голос*, *врата — ворота* и под.; *горьковец — горьковчанин*, *львовец — львовчанин* и под.; *застичь — застигнуть*, *достичь — достигнуть*, *постичь — постигнуть*; вариантные образования с *пол-* и *полу-*; вариантные образования форм и т. д. (более подробная классификация вариантов дана ниже, см. стр. 339).

Оба эти условия создают барьер, ограничивающий факты отмеченной вариантности от других типов вариаций, которые существуют в языке, хотя ясно, что непроходимой пропасти между указанными типами вариантов и всеми другими (назову их ниже) не существует. В частности, за порогом изучения в этом случае остаются речевые обмолвки, хотя сами по себе, как непредвиденные случаи замены слов, они могут стать предметом особого лингво-психологического анализа.

Не включаются в круг изучаемых также все окказиональные варианты, скажем, детские слова *кружинки* о снежинках, *стиховаренье* о стихотворении и под.; единичные поэтические вольности, удачные и неудачные. Обмолвки и окказионализмы, хотя и составляют резерв вариантных средств, но их изолирует единичность (и непринятость, и нерегулярность). В системе вариантов это иммигранты, чужаки. Труднее бывает определить, следует ли включить в разряд вариантов местные, территориальные или просторечные дублеты, которые служат приметами стиля или речи локальных группировок.

Критерий употребительности и широты распространения территориального или социального варианта в случаях их оценки оказывается едва ли не решающим.

Е. С. Истрина именно так и характеризует норму: «Норма определяется степенью употребления при условии авторитетности источников. То, что является вообще общеупотребительным, то и составляет норму языка» [13]. И в этом смысле использование математической статистики поможет создать тот теоретический фундамент, который ляжет в основание некоторых работ, связанных с нормализацией литературного языка.

Итак, частота языковых единиц составляет одну из наиболее существенных характеристик речи. В силу своей

---

[13] Е. С. Истрина. Нормы русского литературного языка и культура речи. М.— Л., 1948, стр. 19.

количественной и в то же время случайной природы речевая деятельность определяется закономерностями вероятностного характера. Статистическая норма есть коррелят статистического множества в речи. Частный выход статистической нормы составляют нарушения нормы в отдельных точках языковой системы. В целях нормализации наиболее перспективным является количественный анализ тождественных вариантов, не несущих смыслоразличительной нагрузки. Варианты должны удовлетворять условиям, определяющим их доступность статистическому исследованию.

Статистический метод как инструмент исследования, его возможности, поле применения. Задачи исследования

§ 6. Математико-статистические приемы исследования получают широкое признание не только в лингвистике, но и в смежных гуманитарных науках: психологии, социологии, экономике. Путь к математике закономерен. По словам К. Маркса, «...наука только тогда достигает совершенства, когда ей удается пользоваться математикой» [14]. Основное достоинство математической статистики состоит в том, что это метод индуктивного анализа, ведущий от фактов к обобщениям. Исследователем создается фундамент из систематизированных фактов, они выстраиваются в упорядоченную систему объективных количественных показателей.

«... как собрать факты? как установить их связь и взаимозависимость?

В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне

[14] П. Лафарг. Воспоминания о Марксе. М., 1957, стр. 11.

связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже...

.... надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно бы было опираться, с которым можно было бы сопоставлять любое из тех «общих» или «примерных» рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют ...в наши дни» [15].

Далеко не все спорные вопросы разрешаются с помощью подсчетов. Можно согласиться с Л. В. Щербой — универсальных методов нет, но в каждом из методов заложены ценные возможности, которые могут быть использованы [16].

В гуманитарно-социологических науках существует опасность переоценки математических приемов. Об этом, в частности, писал Н. Винер: «Математическая социология (социометрика) и математическая экономика, или эконометрика, страдают от неправильного понимания того, как следует применять математический аппарат в общественных науках и чего вообще можно ожидать от применения математических методов...

Мы должны привести количественные наблюдения окружающего нас мира в стройную систему, исходным пунктом которой служит эксперимент, а конечным — предсказание новых явлений.

Как ни труден отбор надежных данных в физике, гораздо сложнее собрать общую информацию экономического или социологического характера, состоящую из многочисленных серий однородных данных» [17].

В этом замечании речь идет о чистоте эксперимента. Действительно, если работа сделана недостаточно тщательно, ее выводы могут оказаться ложными. Поэтому справедлив афоризм, что статистика относится к роду тех наук, «служители которых должны развивать в себе самоограничение художника» [18]. Одной из сложных проблем лингвистики оказывается то, что на первый взгляд должно быть самым легким, — умение поставить полезные и выполнимые задачи. В некоторых же работах применение метода гелертерское: утонченные

---

[15] В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 30, стр. 350—351.
[16] Л. В. Щерба. Избр. работы по русскому языку. М., 1957, стр. 61—62.
[17] Н. Винер. Творец и робот. М., 1966, стр. 96, 97, 99.
[18] Д. Э. Юл и М. Дж. Кендэл. Теория статистики. М., 1960, стр. 28.

и отточенные математические приемы приходят в противоречие с замыслом работы — решаются вопросы обобщенные, лингвистически малоинтересные, даже общеизвестные.

Несоответствие между возможностями метода и самими задачами исследования иногда бывает резким до очевидности. Это дает оружие в руки критиков статистического метода. Нельзя признать несправедливым, например, упрек Б. Гавранка:

«Мы должны хорошо осознать, что чистая статистика может ввести в заблуждение. Например, что может дать для живого литературного употребления процент печатных форм существительных на *-ost*, *-t* в определенный период прошлого столетия или употребление наречия jedine, когда речь идет, например, о корректорской правке.

В других науках, особенно в психологии, также обнаруживается в настоящее время бесполезность «математического бешенства», которое при помощи многочисленных статистических выкладок и так называемых тестов устанавливает совершенно очевидные факты, которые можно проверить повседневным опытом»[19].

Вопрос о границах, в которых статистический метод может принести пользу, ставится не впервые. Он интересовал и ученых-традиционалистов, шедших в своих работах дорогой субъективных исследований, но понимавших, что за некоторыми пределами ограниченность субъективных впечатлений должна быть преодолена. Так, А. М. Пешковский в статье «10 тысяч звуков» писал о необходимости подсчетов в фонетике: «Исследователю чрезвычайно важно было бы иметь хоть какую-нибудь объективную мерку для установления самого факта преобладания того или иного звука. Между тем такой объективной мерки у него нет... Он судит исключительно интуитивно, на слух (если, что еще хуже, не на глаз). Ему кажется, что такого-то звука в тексте „много", а такого-то „мало"...».

В самом деле интуитивно отмечается только такого рода преобладание, которое, так сказать, «бьет в уши». Преобладание средней степени может остаться незаме-

---

[19] Б. Гавранек. Задачи литературного языка и его культура.— ПЛК, стр. 375—376.

ченным. Далее, степень преобладания остается во всяком случае, неизвестной. А между тем для сравнения отдельных произведений между собой и отдельных «инструментовок» между собой она должна иметь большое значение» [20].

Можно согласиться с В. В. Виноградовым, отмечавшим вслед за Б. В. Томашевским некоторую ограниченность статистического метода в сравнении с субъективным изучением языка: «1) площадь исследования сужена пределами, доступными данному методу, в то время как область субъективных впечатлений неограниченна», 2) «статистический метод подчинен «закону больших чисел», т. е. для достоверности методического исследования необходим достаточно богатый материал, и подобное исследование может отметить лишь общие, типические явления, в то время как субъективное чувство может дать ценные указания и на ограниченном поле» [21].

Второе замечание требует пояснений. Даже небольшие подсчеты могут дать материал для решения отдельных задач. В математической статистике существуют специальные разделы, разработанные применительно к изучению количественных признаков в малых выборках (подробнее об объеме выборки см. ниже.)

§ 7. В применении к проблеме нормы вопросы об объекте изучения, единице счета и задачах исследования могут быть поставлены следующим образом.

Как выше было отмечено, использование статистики наиболее перспективно прежде всего в области вариантных языковых средств. Варианты нуждаются в количественной оценке со стороны их употребления в речи.

При этом первостепенный интерес представляют именно те пары или те ряды, члены которых варьируются лишь своим соотношением не столько качественным, сколько количественным.

1. Разные лингвистические единицы (фонемы, формы, лексемы, сочетания слов) имеют свои относительные частоты: частота обращения этих единиц в речи различна. Типы их статистического распределения в сравнении

[20] А. М. Пешковский. Методика родного языка. Лингвистика. Стилистика. Поэтика. Сборник статей. М.— Л., 1925, стр. 167.
[21] В. В. Виноградов. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, стр. 205.

пока что специально не изучались [22]. Наиболее частотны фонемы и формы. Тождественные лексемы и сочетания слов по употребительности составляют другой класс частот. Иерархия частот самих единиц определяет возможности метода: более доступны статистическому изучению частые единицы, менее досягаемы самые редкие. При известных усилиях и редкие варианты поддаются статистическому описанию, однако необходимость в такого рода описаниях не так настоятельна, как в тех случаях, когда тождественные единицы составляют в речи действительное статистическое множество.

Поскольку варианты принадлежат к разным языковым типам единиц, различающимся по частоте обращения, статистическому анализу они поддаются также неодинаково. Так, по принадлежности к типам единиц различаются варианты:

1. Варианты произношения: *сʼнег* и *сʼнег*, *дожди* и *дожʼжʼи* и под.

2. Варианты словоизменения: *редакторы — редактора*, *в отпуску — в отпуске*, *брызгает — брызжет* и под. В «Вопроснике по современной русской морфологии» (М., 1963) помещено более 100 таких типов вариантных форм. Причем, приходится различать типы грамматических вариантов, скажем, варианты форм им. ед. у сущ. муж. р. (типа *тракторы — трактора* и под.) или варианты форм род. ед. у сущ. муж. р. в партитивном значении на *-а* и *-у* (*табака — табаку* и под.), с одной стороны, и, с другой стороны, самый репертуар лексем, колеблющихся внутри каждой грамматической формы.

Круг таких варьирующихся лексем изменчив, иногда на временно́м отрезке в 30—60 лет трудно с достаточной достоверностью установить его очертания. Не случайно, например, в партитивном значении род. ед. у сущ. муж.р. рекомендации в нормативной литературе разноречивы. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова отмечено 332 лексемы, которые принимают обе флексии *-а* и *-у*. В академической грамматике проводится до 100 таких слов. В наиболее авторитетном нормативном

[22] На эту тему имеются лишь отдельные работы (см.: Р. М. Фрумкина. О законах распределения слов и классов слов. Структурно-типологические исследования. М., 1962), которые в целом все же не дают общей картины различий в распределении языковых единиц.

словаре — справочнике «Русское литературное произношение и ударение» отмечено 210 слов, принимающих обе флексии.

В письменных текстах круг этих слов также не оставался неизменным. Так, в первой четверти XX в. в кулинарно-рецептурной литературе зарегистрировано более 90 слов, принимавших форму -на *у*, а в 50—60-е годы в этой же литературе отмечено только 15 слов, принимающих в род. ед. форму на *-у*.

3. Варианты словообразования: *резание — резка*, *прошивание — прошивка*, *львовцы—львовяне—львовчане*, *полтавцы — полтавчане* и под. Круг таких вариантов намечен в «Вопроснике по современному русскому словообразованию» (М., 1963).

4. Синтаксические варианты: варианты предложного управления типа *ехать на поезде*, *на троллейбусе — ехать в поезде*, *в троллейбусе — ехать поездом*, *троллейбусом*; *высота в 2 м*, *скорость в 30 км —высота 2 м*, *скорость 30 км*; *замечания по адресу кого-либо — замечания в адрес кого-либо* и т. д.; варианты беспредложного управления типа *ждать поезда — ждать поезд*; *не могут создать музея — не могут создать музей*; *две основные задачи— две основных задачи*; варианты согласования и примыкания типа *сто человек сидело — сто человек сидели*, *он был веселый — он был веселым*, *он был учитель — он был учителем* и под. В словаре грамматических вариантов, который подготавливается сектором культуры речи, отмечено более 100 типов подобных вариантов.

5. Лексические варианты: *интернациональный — международный*, *кинофильм — кинокартина*, *форум — съезд*,— *симпозиум* (см. «Вопросник по лексике современного русского языка», М., 1964) [23].

От словообразовательных, словоизменительных и синтаксических вариантов лексические варианты отличаются тем, что не составляют парадигмы, ряда слов, объединенных общностью грамматического значения. Их общность только функционально-стилистическая. По этому при-

[23] Особого внимания заслуживают фразеологические варианты типа *на босу ногу — на босую ногу*, *скинуть со счетов — скинуть со счета*. Грамматически и семантически не мотивированные, они ведут себя иначе, чем свободные единицы. Подробнее об этом см. в настоящем сборнике: Б. С. Шварцкопф. Единица фразеологического состава языка и норма.

знаку они могут быть объединены в поля слов, например, неполногласная возвышенная лексика в сравнении с общеупотребительной полногласной, поэтизмы в сравнении с прозаизмами, заимствованная книжная лексика в сравнении с нейтральными исконными вариантами и т. д.

Фонетические, словообразовательные и грамматические варианты, очевидно, к ним примыкают и синтаксические, по существу представляют собой семантические дублеты, лексические же варианты стоят насколько обособленно. Различия в употреблении вариантов в лексических парах более значительны, чем в грамматических. В этом отношении важны наблюдения И. С. Ильинской над употреблением вариантов в стихотворных произведениях пушкинской поры [24]. «Версификационные варианты словообразовательного характера по сравнению с лексическими версификационными вариантами представляли собой элементы семантически менее емкие. Большинство из них не обладало развитой системой значений, реже выступало в переносно-метафорических сочетаниях или в перифрастических выражениях... Лексические же варианты поддавались устранению из поэтической речи значительно труднее. Это различие, на наш взгляд, коренилось в различном характере семантики этих двух групп с вытекающими отсюда для них стилистическими последствиями».

Из всех типов перечисленных вариантов наиболее доступны количественному описанию грамматические варианты — морфологические, синтаксические и варианты словосложения, они достаточно частотны и в письменной, и в устной речи. Область же орфоэпических вариантов ограничена устной речью [25]. Словообразовательные же префиксальные и суффиксальные варианты, и лексические варианты, очевидно, легче поддаются статистическому изучению, если материал собирается методом опроса.

---

[24] И. С. Ильинская. Лексика стихотворной речи Пушкина. (М., 1970).

[25] Фонетистам приходится прибегать к специальным приемам, чтобы наблюдать варианты в условиях естественной речи, см. об этом: М. Я. Глозинская. В защиту одного приема фонетического обследования. «Развитие фонетики современного русского языка». М., 1966; М. В. Панов. О тексте для фонетической записи.— Там же.

В общем речевом потоке последние варианты, как правило, редки и разрозненны [26]. Количественный анализ этих вариантов по наблюдениям за устной и письменной речью затруднен, хотя и не невозможен.

§ 8. Классификация вариантов по их принадлежности к языковым типам единиц вряд ли целесообразна. Она интересна только с точки зрения относительной частоты вариантов одних типов сравнительно с другими, что определяет степень их доступности статистическому обследованию.

Г. О. Винокур предложил иную классификацию вариантов, с точки зрения их стилистического функционирования.

Так, в статье «О славянизмах в современном русском литературном языке» Г. О. Винокур раскрыл понятие «стилистического» славянизма, т. е. славянизма по употреблению в отличие от славянизма по происхождению. Развивая мысли Г. О. Винокура, Р. М. Цейтлин делает попытку классифицировать варианты по видам стилистических соотношений между членами пар [27]. «Варианты никогда не обладают одинаковыми стилистическими свойствами. Один член пары употребляется в самых разнообразных по жанру и тематике произведениях, в самых разнообразных словосочетаниях, а потому лишен определенного стилистического оттенка, является в данном отношении нейтральным, его следует назвать общеупотребительным. Второй член пары вариантов употребляется не во всех литературных произведениях, характеризует определенный и ограниченный круг текстов и выходит за его пределы только при определенных условиях. Этот вариант, в отличие от своей обратной параллели, обладает определенным стилистическим обертоном» [28]. Автор выделяет, с одной

[26] Частота вариантов естественной речи, иерархия этих частот и место каждого типа варианта в частотной сетке предполагается исследовать в упомянутом частотном словаре грамматических вариантов. Первые итоги работы над пробным словарем: заметная дифференциация частот вариантов по стилям. Так, в газете преобладают синтаксические варианты и варианты словосложения, в устных диалогах наиболее частотны прежде всего синтаксические варианты: префиксальные и суффиксальные варианты словообразования редки и в газетной, и в устной диалогической речи.

[27] См.: Г. О. Винокур. О славянизмах в современном литературном языке.— РЯШ, 1947, № 14; Р. М. Цейтлин, Указ. соч.

[28] Там же, стр. 37.

стороны, группы пар вариантов, в которых один член в паре резко стилистически окрашен (*блато — болото*, *брещи — беречь*, *шлем — шелом*), с другой стороны, пары, в которых варианты наиболее близки друг к другу в стилистическом отношении (*краткий — короткий*, *беспрестанный — бесперестанный* и под.).

Такой подход к вариантам кажется плодотворным. В основу классификации вариантов должны быть положены типы стилистической оппозиции[29].

§ 9. Можно предположить, что закономерности развития имманентны и универсальны, они почти не зависят от материального состава вариантов цепи. Варьируются ли синтаксемы, лексемы, морфемы или фонемы — стилистические закономерности, управляющие их поведением в речи, едины и обобщены. Когда языковые единицы лишаются значимых различий и приобретают черты тождественных единиц (т. е. различаются не по значению, а по употреблению), на смену смысловым оппозициям приходят оппозиции стилистические. Отношения между членами бывшей смысловой оппозиции меняются, вступают в иную фазу, фазу вариантности.

Понятие «закономерности» здесь приобретает особый смысл. Закономерности проявляют себя в данном случае не в форме причинно-следственных связей, а в форме взаимного воздействия, взаимных влияний, усиленных многократным повторением в речи одних и тех же ситуаций[30].

Можно заметить следующее:

1. Тенденция к стилистическому размежеванию (дифференциация вариантов по окрашенности).

Так, нейтральные и широко употребляющиеся в начале XIX в. неполногласные варианты в парах *брадатый — бородатый*, *позлатить — позолотить*, *хладеющий — хо-*

---

[29] См.: М. В. Панов. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики). «Развитие современного русского языка». М., 1963, стр. 19.

[30] Можно согласиться с пониманием языкового закона в формулировке В. Дорошевского: «Нашим словам «существует закон» соответствует объективно бесконечное множество повторяющихся явлений определенного типа. Закон земного притяжения — формула обобщения наблюдений над фактами падения тел, предопределяемыми в каждом отдельном случае этим законом». [«Несколько слов о понятии системы в языке (язык и шахматы)». — «Проблемы современной филологии. Сб. к 70-летию акад. В. В. Виноградова». М., 1965, стр. 124].

лодеющий, *средина — середина*, к 70—80 годам XIX в. стилистически резко размежевались. Неполногласные члены пар стали употребляться лишь в поэтической речи и приобрели те же стилистические черты повышенной поэтической лексики, которую уже в начале XIX в. имели другие неполногласные варианты (*блато*, *мрежа*, *врата* и под.). Другой пример словообразовательных вариантов. В поэзии начала XX в. среди прочих неологизмов резко участились случаи употреблений народно-поэтических и диалектных образований отвлеченных существительных с нулевым аффиксом — слов, «усеченных на древний лад»: *толщь*, *трясь*, *хмурь*, *сырь*, *нищь*, *алчь*, *близь*, *сонь*, *аль*, и под., параллельные соответствующим нейтральным общелитературным образованиям *толща*, *нищета*, *сырость*, *алчность*, *алость* и под. [31].

Мода распространилась и на образования от существительных *славь*, *грозь*, *чертъ*, *волчь* и др. (хотя, как считает В. В. Виноградов, их появление противоречит современным словообразовательным нормам).

Образование по народно-диалектному образцу новых слов и частое их использование в особом поэтическом окружении и контексте (стилистическая синтагматика) наложило теперь уже неизгладимый отпечаток — эти слова сейчас воспринимаются как собственно поэтизмы; народная и областная окраска даже у старых областных слов (*новь*, *стынь*, *крепь*, *кипень* и др.), если и не стерлась окончательно, то все же не воспринимается такой, какой она была, скажем, во времена Ф. И. Буслаева. В том же направлении к усилению контраста в стилистической окрашенности изменилось соотношение произносительных вариантов *тих*[ъи] и *ти*[х'ьи], строг[ъи] и стро[г'ьи], ломк[ъи] и *лом*[к'ьи].

«Первое характеризует сейчас высокий стиль, поскольку оно ассоциируется со сценической речью, освя-

[31] См. замечание о словах этого типа у Ф. И. Буслаева: «Древнерусский язык и областное просторечие любят имена жен. рода на -ь. Напр., в древнерусских памятниках: имена собирательные *погань* (поганые), *таль* (заложники), *чадь* (челядинцы), *дороговь* (дороговизна), *прямь* (откуда впрямь), *сыть*, *ярь* (яровой хлеб) и проч. В областном просторечье: в костр. *людь* (люди, собир.), в кур. *калъчь* (калеки, собират.), во влад. *лютъ* (лютость), в новг., тверск. *новь* (вымолоченный вскоре после жатвы хлеб), в олон., сиб., новг. *любь*: «ешь и пей до любi» (Рыбн. П) и т. д. (Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика. М., 1959, стр. 130, в прим.).

щено традицией; наконец — потому, что оно стало редкостью (следовательно, соотношение этих форм в настоящее время прямо противоположно их соотношению в XVIII — начале XIX в.)» [32].

Наблюдается и противоположная тенденция — к стилистическому сближению вариантов (нейтрализация книжной или разговорной окраски).

В частности, еще в 80-е годы XIX в. формы на *-ов* у единиц измерения в род. мн. были нормальны (*ваттов*, *вольтов*, *амперов*), усеченные же формы — разговорными. Затем общеупотребительная форма была вытеснена, нулевая же форма нейтрализовалась, более того, у большинства технических единиц измерения она стала господствующей.

Тот же процесс, но менее интенсивными темпами происходит с вариантами форм. род. ед. на *-а* и *-у* (в количественном значении). Еще в конце XIX — начале XX в. форма на *-а* в партитивном значении у вещественных существительных была по преимуществу книжной, форма на *-у* — разговорной. В настоящее время происходит нейтрализация книжной формы — она, вторгнувшись в устно-разговорные слои речи, приобрела права общеупотребительного нейтрального варианта.

2. Тенденция к временно́му параллелизму. По некоторым фактам можно предположить, что время, в течение которого происходят существенные количественные сдвиги в соотношении членов вариантных пар, может быть примерно одинаково у разных типов вариантов. Такой временно́й параллелизм наблюдается как у лексических, так и у грамматических вариантов.

Так, заметные количественные перемещения у неполногласных вариантов произошли за 30—40 лет (от 30—40-х годов к 70—90-м годам XIX в.) со сменой определенных поэтических школ.

Примерно такой же отрезок времени понадобился для крутого переворота в количественных соотношениях вариантных форм род. мн. у единиц измерения. Начался этот процесс в 80-е годы XIX в. и закончился по существу в первом десятилетии XX в., т. е. со сменой одного поколения физиков.

---

[32] Цит. по ст.: М. В. П а н о в. О стилях произношения, стр. 21—22.

Время наиболее бурных сдвигов вариантных форм в род. ед. (*-а, -у*) в деловой речи также укладывается в рамки тридцатилетия: активное падение форм на *-у* началось в 20—30-х годах XX в., а почти завершилось к 50-м годам нашего века. Однако в других стилях, в частности в драмах, под сильным влиянием разговорной речи процесс вытеснения форм на *-у* был более затяжным, он не кончился и в наши дни. Очевидно, время сдвигов находится в тесной связи с частотой вариантов: чем чаще в каком-то стиле употребляются варианты определенной лексической или грамматической категории, тем более бурно и активно протекают процессы сдвигов в их соотношении, если они поддержаны внутриязыковой тенденцией. Предположение о временной фазе количественных перемен нуждается в специальной проверке.

3. Пути распространения изменений. Процесс сдвигов в соотношении вариантов далек от прямолинейности. Он начинается в одних парах и лишь постепенно перекидывается на другие. К тому же процесс этот по разным жанрам и стилям речи протекает неравномерно и неодинаково. Обычно центральные позиции, укрепленные кодифицированной нормой, сдаются в последнюю очередь. Например, неполногласные варианты дольше всего держались в антологическом жанре.

Нулевая форма в род. мн. у единиц измерения прежде всего утвердилась в технических единицах, почти неупотребительных в общелитературном языке. В то же время бытовые единицы измерения, широко известные в обиходе (*грамм*, *килограмм*), до сих пор в письменной речи, благодаря деятельности редакторов, удерживают форму *-ов*.

В. А. Ицкович процесс вытеснения одного варианта другим дает схематически следующим образом:

«Первый этап — явление $А^1$ — норма, явление $А^2$ встречается только за пределами литературного употребления (в аффективной разговорной речи, в просторечии, в профессиональной речи и т. п.).

Второй этап — явление $А^1$ — норма, но явление $А^2$ начинает распространяться и в литературном языке — первоначально в устной форме языка.

Третий этап — явление $А^2$ — употребляется в устной и письменной форме литературного языка, наряду с явлением $А^1$, т. е. устанавливается в употреблении, оба явления сосуществуют на равных правах.

Четвертый этап — явление A^2 закрепилось в нейтральной письменной и устной речи, явление A^1 в нейтральной устной речи уже не употребляется, сохраняясь только в письменной речи.

Пятый этап — явление A^2 — единственная форма литературного языка, явление A^1 — за пределами литературной нормы.

Не всегда вытеснение одного явления другим происходит именно таким путем — схема показывает наиболее обычный процесс смены норм» [33].

Указанные закономерности в употреблении вариантов не абсолютны; проявляясь в большей или меньшей повторяемости тождественных языковых ситуаций, они носят вероятностный характер, т. е. составляют систему статистических предпочтений. Это дает возможность, используя математико-статистические приемы, ставить и решать задачи, полезные с точки зрения нормализации.

§ 10.1. Программа корреляционного анализа. Сложность заключается в том, что как и любое статистическое, т. е. повторяющееся, событие, варианты в своем поведении в речи зависят от множества факторов, случайных и неслучайных. Число факторов любого относительно сложного процесса, можно сказать, теоретически бесконечно. Но как бы ни были произвольны, индивидуальны и субъективны мотивы употребления вариантов, в массе общая картина отнюдь не произвольна и не случайна. Практически важно выделить наиболее существенные факторы, определяющие главное в процессе, так как в силу закона больших чисел, действие индивидуальных частных сил нейтрализуется, взаимно погашается. Предположим, мы принимаем для проверки рабочую гипотезу о том, что на вариативность могут оказывать наиболее существенное влияние следующие группы факторов [34]:

x_1 — возраст говорящих;
x_2 — социально-профессиональное положение в обществе, связанное с образованием говорящих и с их профессией;
x_3 — семейное положение, имеется в виду, скажем, принадлежность к семье интеллигентов, рабочих или служащих и под.;

[33] В. А. Ицкович. Указ. соч., стр. 48.
[34] Эти признаки сформулированы в анкетной части указанных выше вопросников. Данные морфологического вопросника получены и обработаны. Поэтому постановка этой задачи не только правомерна, она реальна.

x_4 — географическое положение и оседлый или кочевой образ жизни;

x_5 — степень знания других языков (родственных славянских или европейских);

x_6 — степень знакомства с массовыми коммуникациями (радио, телевидение, чтение газет).

Составляется матрица смежности этих признаков.

Теория корреляции позволяет рассчитать такие показатели, которые характеризуют исследуемые связи и с качественной, и с количественной стороны.

Проведенный корреляционный анализ поможет выделить группу существенных факторов и расположить их в порядке убывания величины коэффициента корреляции. Затем можно построить вероятностную модель взаимосвязи этих факторов. В этой модели вариант выступает в виде функции,а факторы, определяющие его движение,— в виде аргумента. В зависимости от значений аргументов получаем определенное значение функции. Значения будут верны с определенной степенью вероятности.

На основе этих данных можно построить многофакторную корреляционную модель, где будет произведена ранжировка факторов по кругу показателей. Таким образом могут быть установлены связи и зависимости разного рода:

степень влияния внешних факторов на вариантность, т. е. внешние факторы в этом случае будут охарактеризованы по силе их влияния на вариативность. Таким же способом может быть также дана характеристика внутрисистемных, например стилистических, факторов, т. е. проведен анализ связи внутриязыковых явлений.

Параллельно с задачами корреляционного анализа могут стоять:

а) задачи оценки некоторых статистических гипотез, на основе которых подтверждаются или опровергаются выдвинутые предположения;

б) задачи определения порога колебаний; построение доверительных интервалов для тех частот, которые, как выяснится в результате анализа, явятся наилучшей оценкой существующей в речи нормы.

2. Решение задач первого круга — многофакторный корреляционный анализ, определение основных параметров и т. д. должно лечь в основу задач второго круга, по своему значению непосредственно и прямо относящих-

ся к проблеме нормализации. Это задачи, связанные с выбором решений. Задачи такого типа рассматриваются в теории игр и решений — математическая дисциплина, которая сложилась за последние 20—30 лет [35].

Из серии задач на выбор решений существует разновидность, которая получила название «игры против природы», когда создается конфликтная ситуация и появляется необходимость принять решение, хотя не все объективные обстоятельства известны. Например, лингвисты предлагают правила, в обществе же складываются иные речевые навыки, язык развивается по своим внутренним закономерностям, не считаясь с предлагаемыми рекомендациями. В задаче требуется установить такой комплекс правил, при котором принятое решение наилучшим образом отражало бы ближайшее будущее языка и в то же время не противоречило принципу постепенности и непрерывности его развития.

Вот логика рассуждения в задачах такого типа. «Нужно сделать выбор в множестве действия A_1, A_2..., A_n, причем сравнительная желательность каждого действия зависит от того, какое из «состояний природы» S_1, S_2..., S_n имеет место...

Принимая решение, мы знаем, что верна одна из нескольких возможностей. Какая именно, мы должны решить... Дилемму можно пояснить простым примером, который мы заимствовали у Савиджа (1954). Ваша жена только что вылила пять хороших яиц на сковородку, когда вы входите и вызываетесь закончить приготовление яичницы. Рядом со сковородкой лежит шестое, неразбитое, яйцо, которое по какой-то причине нужно либо использовать для яичницы, либо совсем выбросить. Вы должны решить, что делать с этим неразбитым яйцом. Вероятно, не будет слишком большим упрощением сказать, что вы должны выбрать лишь между тремя действиями, а именно: вылить яйцо на сковородку, содержащую другие пять яиц, вылить его на блюдце для проверки и выбросить его без проверки. Каждое из этих трех действий в зависимости от состояния яйца будет иметь для вас некоторые последствия, скажем, такие, как указано в таблице [36].

[35] См.: Р. Д. Л ь ю с и Х. Р а й ф а. Игры и решения. М., 1961.
[36] Подробно этот тип задачи описан в указ. выше книге Р. Д. Льюса и Х. Райфы стр. 353—355).

Действие	Состояние яйца	
	Яйцо хорошее	Яйцо тухлое
Вылить на сковородку	Яичница из шести яиц	Пять хороших яиц загублено, а яичницы нет
Вылить на блюдце	Яичница из шести яиц, и нужно мыть блюдце	Яичница из пяти яиц, и нужно мыть блюдце
Выбросить	Яичница из пяти яиц, и загублено хорошее яйцо	Яичница из пяти яиц

Необходимость принятия решения появляется тогда, когда имеются хотя бы два варианта. В этом случае возникает по крайней мере тройственная возможность решения:

1) принять рекомендуемый традиционный вариант, отвергнуть нетрадиционный,

2) принять нетрадиционный вариант, отвергнуть традиционный,

3) принять и традиционный, и нетрадиционный вариант, не отвергая ни одного, узаконив существование обоих.

Принятые решения могут либо соответствовать каким-то образцам, разработанным ранее, либо быть оригинальными, т. е. соответствовать тем осуществленным решениям, которые противоречат принятым решениям-планам (кодификации).

Принятое решение обязательно должно удовлетворять сформулированным ограничениям, например, требованию однозначности, устойчивости, стилистической дифференцированности — словом всем тем требованиям, которые с нашей точки зрения необходимы и которые должны быть заранее нами сформулированы.

Формальный анализ целесообразности решения до сих пор не проводился. В грамматиках повторяется выбор предшествующих и соседствующих наиболее авторитетных грамматик. Говорящий же обычно выбирает то, что привычно в его среде, как «все» в его окружении.

Итак, предлагаемый количественный анализ позволит определить параметры для вариантов каждой группы. По

этим формальным количественным показателям варианты могут быть разделены на группы и подгруппы. Исходные параметры вносятся в программу решения. Детальность ее составления зависит от тщательности исследования. Проведенный анализ даст возможность имитировать изученное явление в его существенных фазах на электронно-вычислительных машинах (ЭВМ)[37]. «Читая» программу, машина решит судьбу вариантов. Изменяя те или иные исходные параметры, можно получить различные конечные результаты.

Программа обследования. Объем и тип выборки. Методика и техника счета. Анализ материала

§ 11. В предыдущей части были поставлены задачи и контурно очерчена их сущность. Их реальное выполнение требует большой подготовительной работы.

В целом статистическая работа распадается на следующие этапы:

1. Собирание первичных данных. Поскольку обследование речи — выборочное, особое значение приобретает техника отбора интересующих нас признаков.

2. Полученные первичные данные, по выражению Юла, должны быть «вылиты в определенную форму». На втором этапе важно продумать приемы упорядочения и группировки данных, способы уплотнения материала. С этим этапом связано продумывание техники подсчета данных.

3. Из всех стадий обследования наиболее важна последняя стадия обработки материалов: освещение и использование полученных количественных данных, сравнение одного ряда статистических данных с другим с целью открыть зависимость отношения между рядами цифр и

[37] Социологические и экономические задачи такого рода ставятся и решаются в Сибирском научном центре. Подробное описание этих работ см. в книге «Количественные методы в социологии» (М., 1966). Там, например, рассматриваются такие задачи, как количественные оценки в исследовании коллектива (личность и коллектив; руководитель, коллега, подчиненный); проблемы трудоустройства и выбора профессии; моделирование заработной платы рабочего и под.

воздействием предполагаемых факторов (см. постановку задачи).

Выработка предварительного плана статистического исследования требует целенаправленности и определенности на всех стадиях работы как в технике собирания первичных данных, так и в приемах группировки, уплотнения и распределения этих данных по таблицам.

Собирание первичных данных, техника отбора признаков

§ 12. Выборка не дает нам исчерпывающих сведений об исходной совокупности. Но даже если выборка и мала — она все-таки всегда что-либо говорит о совокупности. Чем больше выборка, тем полнее информация о генеральной совокупности. Соразмерность объема и пропорций выборки — одна из важнейших проблем лингвостатического исследования. Достаточность объема материала обеспечивает статистически надежные результаты. Результаты исследования могут быть ошибочными, если плохо составлена программа выборки, определен ее объем и самый ее тип.

Наша выборка представляется двусторонней: с одной стороны, из арсенала языка отбираются определенные языковые единицы, с другой стороны, обследуются группы людей, говорящих на этом языке. Если, например, речь идет о вопроснике, то, поместив в вопросник ограниченное число интересующих нас единиц, мы задаем таким образом объем языковый выборки. Поскольку нас интересует, как эти единицы употребляются в речи,— необходимо обследовать определенные общественные совокупности.

Отбор из социальной совокупности заключается в том, что нас интересует признаки в объеме анкетных сведений, приведенных в начале вопросника.

Каково должно быть число обследованных информантов? В каждом отдельном случае вопрос об объеме выборки решается по-разному. Трудно сказать, насколько велико должно быть значение n, чтобы получилось достаточно хорошее приближение. Выборка, состоящая из 1000 единиц, почти всегда достаточна по своему объему [38]. Для выборок меньше 100 единиц следует тщательно изу-

[38] Дж. Э. Юл и М. Дж. Кендэл. Указ. соч., стр. 445.

чать обстоятельства и действовать с осторожностью,— добавляют авторы.

При решении проблемы объема может быть использована техника кумулятивной выборки. Например, в обследованиях лексики (при определении частоты слов и отдельных значений) это обозначает, что к существующей первичной базе подсчитанных слов добавляют новые порции — 10 тыс., затем 20 тыс. слов и т. д. и определяется эффект такого добавления. Опыт подобной работы описан в книге Гуда «Методы исследования» (Нью-Йорк, 1959). Автор сообщает выводы: «Изучение материала показало, что можно прекращать выборку, набрав, примерно, от 60 тыс. до 90 тыс. слов письменного материала и к ним добавлять дополнительные данные. В исследовании словаря и словарных значений сравнение двух выборок в 100 тыс. ходовых слов указывает на малозначительные расхождения». В случае обследования форм, более частотных в речи, чем лексемы, выборка может быть еще меньше. Проведен пробный эксперимент с целью установить примерный порог выборки, допустимый при опросе. Сравнены данные из двух выборок — малой и большой. В малой выборке данные извлечены из 650, а в большой — из 3792 вопросников. Исследуется форма род. пад. мн. ч. у одного слова, испытывающего колебания в речи: *носков* и *носок*. Проводилась проверка, зависит ли употребление вариантов *носков — носок* от возраста людей, отвечающих на вопросник, связано ли различие в употреблении вариантов с возрастными поколениями?[39].

Данные из обеих выборок сведены в две идентичные таблицы (см. табл. 1, 2).

Сравним частоты, рассчитанные из таблиц для формы *носок* по этим двум выборкам (см. табл. 3).

По малой выборке в результате специальной проверки (см. указанную статью) было установлено, что различие в частоте не случайно, значимо только у первой старшей возрастной группы. У других возрастных групп (20-х,

[39] Описание материала, подробные расчеты и ход рассуждений по малой выборке см.: Л. К. Граудина. *Носков* или *носок*? (об одном приеме исследования).— ВКР, вып. VI. М., 1965, стр. 140—146.— Для большой выборки все расчеты аналогичны, поэтому в целях экономии места здесь приводятся только основные данные и выводы.

Таблица 1

	Конец XIX—начало XX в.		20-е годы	30-е годы	40-е годы	Суммы по горизонтали
Выборка 1 (из 650 вопросников)	*носок*	19	24	80	193	316
	носков	54	23	70	187	334
	Суммы по вертикали	73	47	150	380	650

Таблица 2

	Конец XIX—начало XX в.		20-е годы	30-е годы	40-е годы	Суммы по горизонтали
Выборка 2 (из 3729 вопросников)	*носок*	89	190	565	754	1598
	носков	258	243	727	903	2131
	Суммы по вертикали	347	433	1292	1656	3729

Таблица 3

	Конец XIX—начало XX в.	20-е годы	30-е годы	40-е годы
Выборка 1	0,261	0,510	0,533	0,512
Выборка 2	0,255	0,439	0,437	0,455

30-х и 40-х годов) различия в частоте несущественны и могут объясняться действием случайных факторов. Это означает, что по употребительности форм *носок* — *носков* резко разделяются только два поколения — старшее и нестаршее: поколению людей, родившихся в конце XIX—начале XX в., форма *носок* чужда, более молодые современники эту форму употребляют гораздо активнее. Резуль-

таты большой второй выборки не противоречат этим выводам. Гипотеза о значимости отличий старшей возрастной группы от всех других и относительном росте нулевой флексии у более молодых современников данными второй выборки также подтверждается. Но если бы мы попытались установить среднюю частоту употребления варианта *носок* в первой и во второй выборке для каждой возрастной группы — частоты, это видно из табл. 3, оказываются неравноценными. Степень состоятельности оценок во 2-й выборке выше, чем в 1-й.

Очевидно, для разных целей нужен разный объем выборки: для общей цели подтверждения или отвержения гипотезы о существенности или несущественности количественных различий бывает достаточна выборка в небольшом объеме. Для установления более точных параметров, например оценок частот в интервале, выборка должна быть увеличена. При расчете объема выборки обычно делается пробная выборка и по специальной формуле с заданными условиями определяется число n, т. е. количество наблюдений, необходимых, чтобы получить результат с определенной степенью точности [40].

В нашем случае может возникнуть такой вариант задачи. Проведено 73 наблюдения, в которых форма *носок* была названа или записана 19 раз (данные взяты из первой таблицы для информантов старшего возраста конца XIX — начала XX в.). Найти ориентировочно число наблюдений n, которое понадобится для того, чтобы с вероятностью $\beta = 0{,}9$ ошибка от замены вероятности эмпирической частотой (p^*) не превзошла бы 5%.

Вывод: выборка больше 100 единиц дает достаточно хорошее приближение по оценке частоты во второй таблице, где 100 может считаться состоятельной при заданной нами точности (см. условия выше).

Забота о представительности (репрезентативности) выборки заставляет заранее продумывать технику отбора

---

[40] Описание подобной задачи см.: Е. С. Вентцель. Теория вероятностей. М., 1962, стр. 324—325 (в учебнике приводится задача и способ определения приближенного числа n. Именно этот способ использован в настоящей работе). Существуют и другие способы определения объема выборки. См., в частности, следующие работы: Р. М. Фрумкина. Статистические методы изучения лексики. М., 1964; Л. П. Крысин. Русский язык по данным массового опроса. М., 1968, стр. 64.

интересующих нас признаков. Существуют три способа отбора:

а) отбор случайный (собственно случайный),

б) отбор по заранее намеченному принципу (направленный),

в) сочетание способов «а» и «б» (смешанный).

Случайность выборки состоит в том, что все единицы совокупности имеют равные шансы попасть в выборку.

При направленном отборе совокупность предварительно расчленяется на типические группы (доли или слои), после чего уже производится выбор из каждой группы. Например, если в плане обследования намечается опросить 30% филологов, а из 70% не-филологов — 50% рабочих и 20% сельской интеллигенции, выборка носит ярко направленный характер. При случайном же отборе мы должны каждый из обследуемых признаков поставить в равные условия, т. е. если нас интересует 5 признаков, то в выборке соответственно должно быть представлено 5 равных доль, причем внутри каждой доли случайность должна достигаться определенным способом. Установлено, что человек не способен осуществлять идеально случайный отбор [41]. Выработаны специальные приемы, как достигнуть случайности отбора. В частности, существует таблица случайных чисел, пользуясь которой исследователь может достаточно случайно отбирать элементы в выборку. Имеются характерные ограничения для каждого типа выборки: и случайная, и направленная выборки имеют достоинства и недостатки. По свидетельству Юла, «мнение современных статистиков склоняется в целом в пользу случайной, а не направленной выборки». «Направленный метод дает выборку более типическую... чем чисто случайный отбор. Случайная выборка дает значительные отклонения от средней, в то время как в направленной выборке этого не бывает. Это дает преимущества направленной выборке. Но одновременно следует отметить:

---

[41] Опыт: предложить кому-нибудь наудачу назвать 100 однозначных чисел, включая нуль, затем сосчитать названные нечетные. Если числа будут называться действительно случайно, то четных и нечетных цифр будет примерно поровну. Однако чаще наблюдается преобладание каких-нибудь одних.

а) чем больше становится объем случайной выборки, тем точнее она воспроизводит исходную совокупность, чего нельзя сказать о направленной выборке;

б) направленная выборка может точнее рассказать о среднем весе признака, но, вероятно, даст худшее представление об изменчивости его веса ...»[42].

И главное: «При направленной выборке опасность внесения ошибки гораздо больше, т. к. наблюдатель дает волю своему усмотрению». Предположим, надо отобрать из повозки несколько груш. Случайная выборка может дать нам несколько или очень больших или очень малых груш, хотя это маловероятно. Но если наблюдатель имеет возможность окинуть взглядом всю повозку, а затем выбрать — вероятнее всего, что он отберет средние по форме и величине груши. При такой направленной выборке мы получаем лучшее представление о среднем весе, зато при случайной — сможем точнее сказать об изменчивости веса во всей совокупности. На практике можно сочетать оба приема, сведя к минимуму недостатки каждого типа выборки.

В частности, опыт распространения морфологического вопросника представляет несовершенный тип смешанной выборки. Один пример с распределением вопросников среди социально-профессиональных групп общества.

Было разослано 20 тыс. вопросников. Опрашивались информанты, владеющие литературным языком. Вопросники распространялись примерно равными долями среди следующих групп населения: 1) интеллигенция с высшим образованием (были выделены группы с филологическим и нефилологическим образованием, писатели и журналисты); 2) студенты, т. е. лица с незаконченным высшим образованием, из них половина филологов, половина не-филологов; 3) служащие — лица, не имеющие высшего образования (сотрудники сферы обслуживания, конторские и торговые работники, военнослужащие, воспитатели и учителя без высшего образования, спортсмены и под.); 4) рабочие. Вопросники были разосланы на заводы Москвы и Подмосковья, Горького, Ленинграда, Риги, но получены в основном только вопросники, распространенные в Москве и Подмосковье (с заводов МЗМА, Шинного, Шарикоподшипникового, Мясокомбината, Трехгорки и с

[42] Дж. Э. Юл и М. Дж. Кендэл. Указ. соч.

подмосковных фабрик легкой промышленности). Из 20 тыс. разосланных вопросников получено было 5 тыс., из них для обработки было отобрано только 4 тыс.

В конечном итоге выборка по социально-профессиональному признаку осталась следующей:

Интеллигенты — 1238, из них группа филологов составила 342 человека, не-филологов — 805, писатели и журналисты — 64, остальные, не указавшие специальности, — 27. Самую большую группу заполненных вопросников составили ответы студентов — 1291 вопросник, из них студенты-филологи — 675 и не-филологи — 171; студенты, не указавшие специальности, составили группу в 445 человек. Среди служащих в итоге было собрано 925 вопросников. Рабочие возвратили заполненными 449 вопросников, прочие группы составили 97 человек. В процентном соотношении обследованная совокупность по социально-профессиональному признаку предстает в следующем виде: интеллигенты — 30,95%, студенты — 32,27%, служащие — 23,12%, рабочие 11,22%, прочие — 2,44%. Таким образом, по способу распространения выборка была случайной, по результатам — смешанного типа; направленность проявилась здесь в том, что наибольшую долю в выборке все же составили информанты с высшим или незаконченным высшим образованием (около 63%), т. е. основные носители литературного языка. Информанты с начальным и средним образованием (рабочие и служащие), среди которых вероятность появления разговорно-просторечных элементов более высокая, составили относительное меньшинство (примерно 37%).

Тем не менее даже и в таком неравноценном распределении выборка представляет собой определенный интерес: впервые массово обследуются информанты нелингвисты. Неизбежные недостатки выборки, в данном случае неравноправная представительность группировок, требует применения специальных статистических приемов для их сравнения.

Группировка данных. Техника подсчета

§ 13. Полученные первичные данные должны быть разобраны, расклассифицированы, подсчитаны, размещены по таблицам. На этой стадии работы встречаются

значительные трудности. Как наилучшим способом зарегистрировать полученную нами информацию, как правильно организовать систему большого числа единиц с тем, чтобы отдельные подсчитанные единицы или их сочетания могли бы быть быстро обнаружены и использованы. Наконец, больной вопрос о производительности труда: считать ли единицы вручную или имеется возможность привлечь на помощь вычислительные машины. Пример с вопросником. Прежде всего пришлось решительно отказаться от обработки вопросников рутинными способами разнесения одной единицы по одному признаку на отдельную карточку. Авторитетная критика этого непроизводительного метода приводится, например, в книге «Перфорированные карты и их применение в науке и технике» (под ред. Р. Кейси, Дж. У. Перри. М., 1963): «Старые формы картотек, по-видимому, изжили себя. Составленные по алфавиту или по номерам (т. е. по одному признаку), они дают видимый эффект только при числе карточек до нескольких сотен и с трудом поддаются обработке в количестве до нескольких тысяч. Необходимость учета по нескольким признакам заставляет заводить новые — дублирующие картотеки. Кроме того, расстановка вынутых и новых карточек на свои места является не только утомительной, но и очень ответственной операцией, не допускающей никаких ошибок, т. к. поставить карточку не на своем месте означает просто потерять ее.

Решение всех этих задач может быть достигнуто с позиции одной научной дисциплины, такой дисциплиной является документалистика, которая как специальность пережила второе свое рождение с появлением кибернетики» (стр. 646).

Следует, однако, заметить, что «перфокарты и близкие к ним приемы не могут делать все сложные проблемы простыми, но они в состоянии делать некоторые проблемы менее утомительными и трудоемкими».

В этой связи заслуживает внимания опыт механизированной обработки вопросника, о котором выше упоминалось. В 1963 г. в секторе современного литературного языка и культуры речи Института русского языка АН СССР в связи с работой над темой «Русский язык и советское общество» был подготовлен вопросник по современной русской морфологии (отв. ред. — И. П. Мучник). Цель вопросника — с новой стороны исследовать взаимодей-

ствие внутри- и внеязыковых факторов — определила его композицию и отбор материала. Основной темой явилась дублетность отдельных грамматических словоформ. Выбор определенного грамматического варианта может оказаться случайным, но чаще бывает связан с фактами биографии человека: его образованием, происхождением, возрастом и т. д. При массовых опросах закономерности должны обнаружиться.

Поэтому вопросник содержит две основные части, различающиеся по типу вопросов. Первая, анкетная, часть ставила целью собрать некоторые сведения об информанте, прежде всего о тех сторонах его жизни, которые, по предположению лингвистов, могут оказать влияние на его речевую деятельность. Это: возраст говорящего, свободное владение вторым языком, социально-профессиональное положение в обществе, образование и место, где оно получено; место, где прошло детство, места наиболее длительного пребывания, профессия родителей или воспитателей, их местное происхождение; степень знакомства с языком массовых коммуникаций (часто, ежедневно, несколько раз в неделю или изредка отвечающий смотрит телевизор, слушает радиопередачи). Всего — 10 таких вопросов.

Во второй, основной, части вопросника поставлены собственно языковые вопросы; отвечающий должен ответить в каждом конкретном случае, какие формы свойственны его речи [43].

В целом в вопроснике 311 вопросов (словоформ несколько больше).

По специальной программе вопросник был распространен среди разных слоев населения, в разных республиках, преимущественно среди городского населения. Было получено 5 тысяч заполненных книжечек. Предстояло обработать свыше полутора миллионов ответов.

В 1965 г. была предпринята первая попытка механизировать обработку вопросника. Работа проведена силами сотрудников Института русского языка АН СССР в содружестве с работниками машинно-счетной станции ЦСУ при Совете Министров СССР.

[43] Подробную характеристику вопросника, его композиции и частей см.: «Вопросники по современной русской морфологии и материалы их механизированной обработки». — В сб.: «Лингвистические источники. Фонды Института русского языка». М., 1967.

Суть обработки состояла в том, чтобы выделить различные социологические группы, заданные нам вопросами анкетной части вопросника, и к каждой из выделенных социологических групп прикрепить варианты ответов второй, лингвистической, части вопросника.

Из 5 тыс. вопросников к обработке было отобрано 4 тыс. Откладывались вопросники, в которых не было ответов на все разделы, вопросники с незаполненной анкетной частью и т. д.

Из анкетной части учитывались ответы на первые 10 вопросов; из лингвистической части было отобрано 210 наиболе существенных для работы вопросов (всего 220 вопросов).

Вся поступающая информация обрабатывалась на цифровых (счетно-перфорационных) вычислительных машинах.

Массив 80-колонных перфокарт составил 56 тысяч.

Все текстовые данные, встречающиеся при обработке материала, необходимо было представить в форме, которая «понятна» машинам, — в форме кода [44].

Коды должны быть полными, должны содержать наименьшее количество разрядов, должны легко запоминаться. Выбор и разработка кодов производится с учетом характера машин, на которых в дальнейшем будет обрабатываться информация.

При обработке вопросника были применены однозначные коды, которые отвечали всем необходимым требованиям.

Так, вопрос анкеты «На каких других языках Вы свободно разговариваете?» был зашифрован следующим образом:

Не владеет другим языком	— 0
Владеет славянским	— 1
Владеет европейским	— 2
Владеет неевропейским	— 3
Не ответил	— 5

Закодированная информация наносилась при помощи машин (перфораторов) на перфокарту по заранее заготовленному макету.

---

[44] Описание техники обработки на машинах принадлежит инженеру С. Н. Поляковой.

Макет перфорации — это точная схема размещения информации с документа на перфокарту с указанием места каждого разряда информации по колонкам.

Перфокарты содержат 80 колонок, в которые можно занести 80 однозначных кодов.

Макет перфорации признаков

№ п/п	Наименование признаков	№ колонок
1	Год рождения	1
2	Родной язык	2
3	На каких других языках Вы свободно разговариваете?	3
4	Образование и место, где оно получено	4—5
5	Профессия	6—7
6	Место, где прошло детство	8—9
7	Место наиболее длительного пребывания	10—11
8	Профессия родителей	12
9	Из какой местности они происходят	13—14
10	Часто ли (ежедневно, несколько раз в неделю, изредка) Вы слушаете радио, смотрите телевизионные передачи?	15
11	№ раздела вопросника	16

Таким образом, были нанесены на перфокарту признаковые данные анкетной части. В анкетной части вопросника по десяти пунктам было предусмотрено в сумме 63 группы (шесть возрастных групп, десять социально-профессиональных, десять территориальных и т. д.— см. ниже в таблицах). Оставшиеся колонки перфокарты использовались для размещения на перфокарты закодированных элементов 2-й части вопросника. В этой части вопрос по каждой словоформе содержал не более четырех ответов. Поэтому оставшиеся (после перфораций признаковых данных) колонки перфокарты были разделены на группы, содержащие четыре колонки. В каждую такую группу заносилось по одному варианту ответа. Положение единицы по четырехразрядной сетке и указывало на содержание ответа.

Один вариант ответа (*да*) — 1
Другой вариант ответа (*нет*) — 01
И тот, и другой варианты (и *да*, и *нет*) — 001
Не ответил — 0001

Например, если в третьем разделе на вопрос «Какое из приведенных словосочетаний Вам представляется более правильным?» — *мощные прожекторы* или *мощные прожектора* — в ответе была подчеркнута форма *прожектора*, вопрос шифровался 1, *прожекторы* — 01; если подчеркнуты обе формы — 001, если не подчеркнута ни одна — 0001. По языковой части вопросника было запрограммировано 840 ответов (по 4 ответа на 210 вопросов).

Перфокарты, подготовленные по соответствующему макету, поступили на дальнейшую механизированную обработку для получения таблиц (подробности о таблицах — ниже).

С помощью сортировальных машин информация, нанесенная на перфокарты, группировалась в определенном порядке. Так, для получения хронологической таблицы по годам рождения, перфокарты сортировались по колонке 1, а затем при пропуске через табулятор была составлена соответствующая таблица ответов на поставленные вопросы в хронологическом разрезе.

Таким же способом с некоторой пересортировкой были составлены и все последующие таблицы.

Получение таблиц заключило механизированную обработку первичных данных. Вместе с тем типы таблиц, представляющих собой существенную часть всей программы работ, составляются до сортировки отперфорированного массива.

Социологический аспект исследования предопределил композицию таблиц. Таблицы представляют собой, по терминологии статистиков, статистическое предложение, где в качестве подлежащего выступают группировки анкетной части (по слоям населения); подлежащее сочетается со сказуемым — вариантами ответов на языковую часть вопросника. Из большого количества возможных комбинаций-признаков выбраны те, которые обеспечивают постановку и возможность решения определенных задач.

Несмотря на то, что круг группировок был преднамеренно сужен, все-таки в одной таблице разместить все группировки было невозможно. Было решено строить таблицы по отдельным вопросам языковой части вопросника (всего 210 таблиц). Однако в каждой такой таблице 63 группировки анкетной части давали столь мелкое разбиение, что появилась необходимость давать их «круп-

ным планом» — по одному или чаще по двум пунктам анкеты. За основу был принят тип комбинированной таблицы; в такой таблице признаки анкеты представлены в сочетании, что не мешает, однако, рассматривать их и по отдельности.

Всего по анкетной части было запрограммировано девять разрезов (типов) таблиц. Таким образом, в итоге обработки получено 1890 табл. [45]

Анализ материала

§ 14. Полученные цифры не абсолютны; они не дадут абсолютного отражения существующих количественных соотношений. В частности, материал вопросников представляет собой выборку из бесконечной совокупности; в действительности количественные вариации дублетов находятся в текучем переменном состоянии.

Истолкование полученных первичных данных составляет сущность специального анализа.

Прежде чем перейти к образцам лингво-статистического анализа, необходима еще одна оговорка. Оценка нормы не должна исчерпываться материалами вопросника.

Неизбежные жесткие ограничения, сформулированные в программе опроса, вносят условное однообразие в процесс, где царят спутанность и переплетение психологических, социальных, исторических и иных предпосылок.

Психологическая эластичность, подвижность речевой реакции улавливается даже вопросником, хотя с точки зрения методики психологического анализа данный вопросник, может быть, и не был достаточно совершенным инструментом.

Изменение формы постановки вопроса может оказать заметное влияние на характер ответа.

Прибегая только к опросному методу, наблюдатель рискует оперировать искаженными данными. Поэтому в обследованиях с помощью анкеты необходимо попутно ставить психологические эксперименты, в которых оценивалась бы сама форма постановки вопроса. Надо создать шкалу ценностей для вопросов, чтобы наперед знать,

---

[45] Описание типов таблиц см. в сб. «Лингвистические источники. Фонды Института русского языка» (М., 1967).

с каким коэффициентом поправки можно доверять собранным с их помощью данным [46].

Идеальным, с точки зрения безыскусственности условий, в которых статистик имеет возможность собирать материал, является пассивное наблюдение за устной и письменной речью.

Как отмечалось выше, основная трудность в этом случае заключается в сложности организации представительной выборки по всем интересующим нас вариантам. Одни варианты достаточно употребительны, другие встречаются реже.

В целом сочетание активного и пассивного способов наблюдения если и не сведет к нулю, то все же нейтрализует и возместит недостатки каждого из них.

Попытка соединения трех разных приемов количественной оценки была предпринята в микроисследовании вариантов формы в род. ед. на *-а* и на *-у* [47].

Эта работа убедила в том, что сами источники познания литературной нормы представляют собой предмет разнородный и сложный. Е. С. Истрина в качестве одного из важнейших условий нормализации выдвигает авторитетность источников: «При наличии колебаний приходится обращаться к авторитетным источникам книжно-литературного языка — произведениям художественной литературы, лучшим образцам публицистики и передовой прессы, к материалам научной и деловой речи. Грамматики и словари строятся в основном из данных, собираемых из этих источников, и подтверждаются примерами — цитатами из них» [48]. Несколько иной, более широкий взгляд на источники нормы находим в работах лингвис-

---

[46] Подобные работы широко проводились психологами еще в 20-е годы. В частности, информантам задавались такие вопросы: — Есть ли у Вас дома телефон? Да. Нет. — Посещал ли отец среднюю школу? Да. Нет. — Имеешь ли счет в банке на свое имя? Да. Нет. Чтобы измерить степень надежности полученных ответов, прибегали к повторному опросу. Причем оба опроса очень близки по времени, в противном случае разница в результатах может быть следствием фактических изменений. Чем выше коэффициент корреляции, тем точнее измеряющий инструмент (описание опыта см.: М. С. Бернштейн. Методика и техника обследования среды в Америке. М., 1930).

[47] См.: «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 175—200.

[48] Е. С. Истрина. Указ. соч., стр. 19.

тов Пражского кружка. В частности, в этих работах опровергается тезис о «хорошем авторе»: нормы литературного языка не должны опираться только на узус лучших писателей.

По мнению Б. Гавранка, один источник — это «средняя литературно-языковая практика за последние 50 лет. При этом нельзя исключать и ту старую художественную и научную литературу, на основе которой в XIX в. подготавливалась современная стабилизация нормы языка» [49]. Следующим источником является «языковое сознание интеллигентных слоев, их языковая устная практика, не учитывающая, однако, индивидуального, местного колорита и арготизмов» [50].

Как видим, чешские лингвисты при установлении нормы предлагают исследовать, с одной стороны, письменную речь «средних» авторов, с другой стороны, устную языковую практику интеллигентных слоев населения. Письменные и устные формы литературного языка, предлагаемые для обследования, существенно различаются. Они идут во времени как бы двумя разными потоками, самостоятельно и внешне независимо. Письменная речь оставляет материальный след, устная — утрачивается бесследно, разумеется, если она не записана (ср. дневниковые записи, устные рассказы). Но даже если и записана, объем записанной речевой информации в обоих случаях несравним.

Как правило, устная речь мгновенна и непреднамеренна. По словам Есперсена, она выражает «нестесненные тенденции свободной жизни»; можно повторить вслед за Соссюром, что говорящий — король своей речи.

Письменные же формы литературной речи появляются в результате сознательного, обдуманного языкового творчества, проконтролированного не только пишущими, но также и людьми, издающими текст. Поэтому нормы литературного языка в одном случае бесконтрольны, в другом — строго обязательны. Эти черты обусловливают и строевые, и стилистические особенности обеих форм речи, они накладывают особый отпечаток и на самый характер выборки.

---

[49] Б. Гавранек. Общие принципы культуры языка.— ПЛК, стр. 395.
[50] Там же, стр. 396.

Здесь выборки из письменной и устной речи различаются как вырезанные кадры из художественного фильма и документального кино. Первые создаются режиссером-нормой и ее служителями, вторые — самой жизнью. Выборки из письменных текстов дают возможность воссоздать микроисторию вариантов на обоих концах временно́го отрезка, как, впрочем, и в других его точках. Это исследование по вертикали. Выборки же из устных форм речи достаточно надежно характеризуют лишь один конец изучаемого отрезка — современную речь. С известной долей ошибок можно воспроизвести особенности старой устной речи, как она существует в речевом сознании старшего поколения. Но в основном все же это исследование по горизонтали.

В отличие от письменной речи статистическое обследование разговорной речи носит массовый характер в том смысле, что социолингвистическая совокупность может насчитывать несколько тысяч человек. Данные же письменной речи представляют собой речевую деятельность сравнительно небольшого числа авторов (порядка десятков, в крайнем случае сотен, но не тысяч человек). К тому же, лишь немногие авторы, по преимуществу это известные писатели и журналисты, удостоены авторитетного права сохранять речевые вольности. В строгой и нейтральной речи (деловая, научная литература) речь авторов, как правило, унифицируется по принятым образцам. Автор вынужден подчиняться нормам, принятым редакторами и корректорами.

Вернемся к примеру. Количественный анализ форм род. ед. на *-а* и на *-у* был завершен определением частоты флексии *-у* (в %) в разных жанрах и стилях литературного языка. Современное употребление формы *-у* характеризуется следующими показателями (см. табл. 4).

Как видим из таблицы, в партитивном значении род. п., приметой которого в традиционной грамматике являлась форма *-у*, сейчас по существу преобладает форма *-а*. Правда, в разговорном стиле и в диалогах художественных произведений процент употребления флексии *-у* еще высок (до 50%), однако не настолько, чтобы это давало возможность говорить о существовании особого партитивного родительного падежа в русском языке. Основываясь на этих данных и учитывая тенденцию развития в соотношении форм *-а* и *-у*, очевидно, следовало бы реко-

Таблица 4

Конструкция	Книжно-деловая речь	Язык худож. литературы (диалог. речь)	Письм. ответ на заданный вопрос	Разговорная речь
С партитивно-выделительным значением:				
а) у вещественных сущ.	26,5	61,5	34,7	51,5
б) у отвлеченно-собирательных сущ. . .	—	40,9	37,9 (для сочет. *много народа, -у, много блеска, -у*)	—
Предложные конструкции с обстоятельственными значениями . . .	—	35,4		—
Фразеология		54,2		

мендовать форму *-а* как единственную полномочную представительницу род. падежа во всех его значениях и для всех стилей литературного языка. Флексия же *-у* в этом случае должна характеризоваться как второстепенная остаточная форма, свойственная прежде всего устной речи (в письменных же стилях она держится преимущественно в фразеологии).

В пробном стилистическом словаре грамматических вариантов предполагается провести формальную проверку правильности такой рекомендации на ЭВМ. С этой целью должна быть специально составлена программа нашей логической задачи. В программе будут учтены: 1) с одной стороны, рекомендации основных авторитетных работ нормализаторского характера, например «Словаря литературного произношения и ударения», «Словаря современного русского литературного языка» (в 17-ти томах); 2) с другой стороны, в программу будут введены вышеприведенные статистические данные, которые отражают современную практику употребления форм род. ед. на *-а* и *-у* в разных стилях литературного языка. На основе четко составленной программы и сформулированных условий логического анализа с помощью ЭВМ будет предпринята попытка формального выбора решения.

ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА НОРМУ В СОВЕТСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Б. С. Шварцкопф

1. Изложение проблем, связанных с нормой и нормализацией литературного языка, было бы неполным без очерка развития в советском языкознании теоретических взглядов на сущность языковой нормы вообще и нормы литературного языка в частности. Дело в том, что в лингвистической литературе содержится большое количество различных определений и характеристик сущности нормы, отражающих разный подход к этому явлению и разные его аспекты (при том, что в ряде работ авторы, не определяя понятия нормы, широко им оперируют). Однако в этом кажущемся разнобое можно видеть несколько линий теоретических поисков.

Академическая традиция в дореволюционном русском языкознании, идущая от А. А. Шахматова [1], вряд ли

[1] «... борьба с узаконенной употреблением неправильностью ... бесплодна»; «... странно было бы вообще, если бы ученое учреждение вместо того, чтобы показывать, как говорят, решалось указывать, как надо говорить» (А. А. Шахматов. Несколько замечаний по поводу записки И. Х. Пахмана. «Сб. ОРЯС», 1899, т. LXVII, № 1, стр. 32, 33). Ср.: «Признание узуса единственной реальной основой было свойственно в русской лингвисти-

была благоприятна для теоретической разработки проблемы нормы; она скорее способствовала исключению культурно-речевого и нормативного плана из сферы науки о языке, противопоставлению «научного языкознания» (как «объективной точки зрения на язык») — «нормативной точке зрения на язык» [2]. Объяснение этому дает Б. Гавранек: «В течение долгого времени проблемы языковой нормы, регулирования литературного языка и культуры языка считались темами, недопустимыми в языкознании. Это пренебрежение не было случайным. Тогдашние методы лингвистической работы, сосредоточенные на вопросе, откуда возникает в языке то или другое явление, но не на том, для чего оно служит, не давали научной базы для рассмотрения подобного рода проблем» [3].

В русле этих воззрений наметился взгляд на литературную нормативность («правильность») как на нечто условное; этот взгляд был отчетливо сформулирован Д. Н. Ушаковым: «Понятие правильности... условно: правильно то, что общепринято» [4]. «Условный» характер нормативного связывался с противопоставлением литературного языка (как «до известной степени искусственного») [5] — «народному», «местному», а последнее противопоставление в свою очередь — с «известным сознательным контролем», которому подчиняется каждый говорящий литературно [6]. Эта «сознательность» нормативной

ческой традиции академику А. А. Шахматову...» (В. Г. Костомаров. Культура языка и речи в свете языковой политики. «Язык и стиль». М., 1965, стр. 43—44).

[2] См. об этом: А. М. Пешковский. Объективная и нормативная точка зрения на язык.— Избр. труды. М., 1959; Д. Н. Ушаков. Русская орфоэпия и ее задачи. «Русская речь. Новая серия», вып. III. Л., 1928, стр. 5.

[3] B. Havránek. Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963, стр. 258.— Ср.: «... вопросы генезиса вытеснили вопросы направленности, а поиск предпосылок заменил исследование целей» (Р. Якобсон. Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами. «Новое в лингвистике», вып. IV. М., 1965, стр. 374).

[4] Д. Н. Ушаков. Русская орфоэпия и ее задачи, стр. 5.— О разграничении нормы и узуса см. далее, § 4.

[5] По свидетельству Р. А. Будагова, традиция рассматривать литературный язык как «искусственный» идет от младограмматиков (Р. А. Будагов. Общее языкознание в СССР за 50 лет. «Филол. науки», 1967, № 5, стр. 35).

[6] Д. Н. Ушаков. Краткое введение в науку о языке. М., 1915, стр. 7, 97; Н. Н. Дурново. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины). М.— Пг., 1924, стр. 58.

речи проявляется в самой возможности постановки вопроса о «правильности»» или «неправильности», в «стремлении говорящего так или иначе нормировать свою речь, говорить не просто, а как-то»[7].

Уже в содержащейся в статье А. М. Пешковского — первой по времени — характеристике сущности нормы («литературно-языкового идеала»[8]) был заложен тот акцент на социальной стороне понятия «норма», который характерен для ряда последующих характеристик и определений нормы[9]. При подобном акценте норма понимается как принятое обществом употребление, иначе — в применении к литературному языку — как «олитературенный» узус (о понятии «узус» см. дальше, § 4); подчеркивается, что норма — это «совокупность наиболее пригодных («правильных», «предпочитаемых») для обслуживания общества средств языка», «поддержанная и одобряемая обществом в его языковой практике»; всячески отмечается социально обусловленный характер образования (развития) нормы — она складывается «как результат отбора языковых элементов... из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки»[10].

[7] А. М. Пешковский. Объективная и нормативная точка зрения на язык, стр. 54.

[8] Формулировка А. М. Пешковского («литературно-языковой идеал») односторонне характеризует норму. Очевидно, что, кроме идеальной стороны (в сознании говорящих), норма имеет и материальную сторону: «образцы» литературной речи содержатся в «языковом материале» (см.: Л. В. Щерба. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании.— В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1960, стр. 302—303); в таком случае идеальная сторона нормы есть не что иное, как обобщение речевого опыта, извлеченное из «языкового материала».

[9] Ср. характеристику нормы А. М. Селищевым, вытекающую из понимания речи как «продукта деятельности социальной среды» и отталкивающуюся от основных черт социального явления (по Э. Дюркгейму): «Она воздействует на индивидуальное говорение. Она общеобязательна для отдельных членов общества, пользующихся одним языком» (А. М. Селищев. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). М., 1928, стр. 8).

[10] С. И. Ожегов. Очередные вопросы культуры речи.— ВКР, вып. I. М., 1955, стр. 15.— Ср. также: «Нормы языка — это общепринятые в общественно-речевой практике (в художественной литературе, в речи образованных людей, в сценической речи,

Такой подход к норме — как к исторически развивающемуся социальному явлению — имеет своим достоинством то, что он ставит задачу нормализации [11] современного литературного языка. Но он в известной мере и односторонен, так как при таком подходе остается не вскрытым механизм внутренней языковой обусловленности понятий нормы и нормативности. (Это, очевидно, имел в виду С. И. Ожегов, когда — прежде всего в связи с кодификацией произносительных и грамматических норм — подчеркивал необходимость решения проблем нормализации «не с позиций субъективной оценки, а на основе исследования исторических закономерностей и тенденций развития общенародного литературного языка» [12]). Наиболее очевидным это положение становится из критики в литературе критериев нормативности.

Само выдвижение критериев нормативности (соответствия нормам литературного языка) может рассматриваться как шаг вперед в осознании языковой сущности нормы. Ср., например, мнение Е. Д. Поливанова по этому вопросу: «Никакого объективного критерия «стандартности», или «правильности», того или другого диалекта (или говора) по сравнению с другими диалектами (или говорами) не существует. Нет никакой, например, возможности объективного доказательства того, что «рукам работать», «ногам дрыгать» — словосочетания неправильные, а «руками работать», «ногами дрыгать» — наоборот, правильные; что родительный падеж «путя» и творительный падеж «знамем» — неправильные, а «пути» и «знаменем» — правильные... понятие «правильности», или «стандартности», тех или иных языковых фактов (или диалектов в целом) фактически означает ни более ни менее, как привычность этих языковых фактов (и их совокупности — в виде «стандартного» диалекта) для той со-

---

на радио и т. п.) правила произношения, грамматики и словоупотребления» (С. И. Ожегов. От редактора. «Правильность русской речи. Трудные случаи современного словоупотребления. Опыт словаря-справочника». М., 1962, стр. 4); нормы — «правила, которые узаконены литературой, признаны обществом в качестве обязательных» (Б. Н. Голованин. Как говорить правильно. Заметки о культуре речи. Горький, 1966, стр. 31).

[11] Принятый в советском языкознании термин «нормализация» не тождествен кодификации (см. § 4) языковых норм: наряду с последней нормализация включает в себя также проблемы сознательного воздействия на развитие литературного языка со стороны общества (и прежде всего лингвистов).

[12] С. И. Ожегов. Очередные вопросы культуры речи, стр. 33. — Ср. также: С. И. Ожегов [рец.] Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. «Сов. книга», 1951, № 5, стр. 109.

циальной группы (внутри данного национального коллектива), на долю которой выпала историческая роль канонизации языковых норм» [13].

Критерии нормативности видят прежде всего в «степени употребления при условии авторитетности источников» [14] и в «традиционности» [15]. Так, недавно Ф. П. Филин писал о критериях «языковой традиции» и «языкового употребления»: «Эти основания являются решающими и в наше время и останутся таковыми неопределенно длительное время, как бы ни изменялись методы лингвистического исследования» [16].

Между тем С. И. Ожегову представлялись «недостаточными при установлении нормы критерии степени распространенности явления и «авторитет источника», даже взятые одновременно» [17]. Было отмечено, что распространенность явления не может служить критерием нормативности — это скорее условие, необходимое для признания явления нормативным: «Распространенной и часто повторяющейся может быть, как известно, ошибка» [18]. В противовес этому Е. Ф. Петрищева считает, что все критерии имеют вто-

---

[13] Е. Д. Поливанов. За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей. М., 1931, стр. 59.

[14] Е. С. Истрина. Нормы русского литературного языка и культура речи. М.— Л., 1948, стр. 19.— Ср.: «... те два авторитета, которые одни могут иметь решающее значение в вопросах языка, — это, во-первых, авторитет самого народа с его безыскусственным употреблением, во-вторых, авторитет писателей — представителей духовной и умственной жизни народа» (А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 33).

[15] Ф. П. Филин. Несколько слов о языковой норме и культуре речи.— ВКР, вып. VII. М., 1966, стр. 18.

[16] Там же, стр. 18—19.— Ср.: «В настоящее время получают распространение взгляды, согласно которым «правильность» и «неправильность» в выборе вариантных средств определяется только большей или меньшей употребительностью их в обществе. .. Однако более употребительное не всегда является образцом. Следует также учитывать культурно-исторические факторы, которые в ряде случаев оказываются решающими в нормативном отборе языковых средств» (Ф. П. Филин. О нормах и стилях литературного языка. «Проблема нормы и социальная дифференциация языка. Тезисы докладов». М., 1967, стр. 16—17). См. также: «Ф. П. Филин. Об изучении общественных функций языка. Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка», 1968, т. XXVII, вып. 4, стр. 285.

[17] С. И. Ожегов. Очередные вопросы культуры речи, стр. 14.

[18] Там же, стр. 14; см. также: В. А. Ицкович. О языковой норме. «Русский язык в национ. школе», 1964, № 3, стр. 9.

ростепенное значение — кроме критерия степени распространенности оценки в языковом сознании говорящих [19].

Сомнительность применения критерия авторитетности источника отмечают даже писатели; так, рассуждая о сочетаниях со словом *пара*, К. Федин пишет о неправомерности «вывода, что наличие или отсутствие какого-либо выражения у какого-нибудь литературного авторитета должно решать судьбу этого выражения» [20]. (Ср. также: с развитием цивилизации все «больше подвергается язык обработке и обдуманным изменениям. Ранее этим занимался узкий избранный круг представителей интеллигенции и «высшего общества»; тон задавали писатели, академики или двор. Теперь же за это дело берутся все, правильный язык демократизируется; престиж и авторитет перестали быть единственными рычагами живой речи»[21].)

Выдвигался также критерий «литературности», но он оказывается весьма неопределенным (ср., например: «„Литературно“ то, что является достоянием нормализованной системы литературного языка как более совершенной формации в сравнении с одновременно существующими местными диалектами и что в качестве таковой выступает всеобщим и обязательным образцом» [22]). Фактически этот критерий может быть сведен к традиционности: «Когда чью-либо речь характеризуют словами: «Он говорит литературно»,— то это именно и значит, что он говорит согласно традиционным нормам» [23].

Следует отметить здесь 9 критериев «языковой правильности», выдвинутых В. Дорошевским: 1) формально-логический, 2) национальный, 3) эстетический, 4) географический, 5) индивидуально-авторский, 6) исторический, 7) сценический, 8) школьный, 9) орфографический [24].

[19] Е. Ф. Петрищева. К вопросу о критериях нормативности.— ВКР, вып. VIII. М., 1967.— Ср.: «Здесь понятие «норма» употребляется в широком смысле, речь идет о норме языкового сознания коллектива ...» (Д. Брозович. Славянские стандартные языки и сравнительный метод.— ВЯ, 1967, № 1, стр. 5).

[20] К. Федин. Как мы пишем. М., 1966, стр. 60.

[21] Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, стр. 395.

[22] Р. Р. Гельгардт. О языковой норме.— ВКР, вып. III. М., 1961, стр. 23.

[23] Л. В. Щерба. Избр. работы по русскому языку. М., 1957, стр. 126.

[24] W. Doroszewski. Kryteria poprawności językowej. Warszawa, 1950.

Характерно, однако, что при постоянном подчеркивании о б я з а т е л ь н о с т и нормы (или, иначе говоря, ее характера общественного предписания) обычно характеристики или определения нормы и нормативности оставляют открытым вопрос о направленности этого предписания: и з в н е (от общества к языку) или и з н у т р и (из языка)? Сущность нормы с точки зрения ее языковой обусловленности, следовательно, оставалась невыясненной (что представляется особенно важным на фоне продолжающего оказывать влияние тезиса об условном характере языковой правильности).

В связи со всем сказанным стал проясняться общий недостаток указанных критериев нормативности: он состоял в их в н е ш н е м по отношению к языку характере. Возникла задача — найти внутриязыковой критерий нормативности. Насколько нам известно, впервые он был сформулирован В. В. Виноградовым: «Все то новое, развивающееся, что оправдано внутренними законами развития языка, с о о т в е т с т в у е т е г о с т р у к т у р е, опирается на живые тенденции народного творчества, на активные процессы в области грамматики, семантики, словоупотребления, словообразования и т. п., не может считаться «неправильным», не может отвергаться на основе индивидуальных вкусов и привычек...»[25]. Это положение нашло свое дальнейшее развитие в тезисе о «соответствии существующим в языке моделям» как «одном из условий признания нормативности языкового явления»[26].

Этот критерий нормативности уточняется и развивается для различных уровней языковой иерархии. Например: «Критерием правильности, «законности» для синтаксических новообразований, по-видимому, должны служить два момента: во-впервых, массовая и регулярная воспроизводимость; во-вторых, вхождение в систему в качестве такого ее звена, которое связано с другими звеньями системы и с ними взаимодействует»[27]; «...два условия нужны, чтобы рекомендовать одну из двух норм-соперниц. Одной распространенности недостаточно... Вслед за ее распространением может наступить ее

---

[25] В. В. В и н о г р а д о в. Задачи советского языкознания... — ВЯ, 1952, № 1, стр. 26 (разрядка моя.— *Б. Ш.*).

[26] В. А. И ц к о в и ч. О языковой норме, стр. 7.— Этот критерий, в числе прочих, подвергся критике со стороны Е. Ф. Петрищевой (ВКР, вып. VIII, стр. 35, 37).

[27] Н. Ю. Ш в е д о в а. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). М., 1966, стр. 12.

же быстрое исчезновение, если новшество не стимулировано общими тенденциями фонетического развития (и если ему не протекционируют социальные условия существования языка)»[28].

Таким образом, попытки преодоления некоторой односторонности взгляда на норму как на «литературный» узус (в связи с акцентом на социальной стороне понятия нормы) и соответственной односторонности критериев нормативности закономерно привели к признанию языковой обусловленности («соответствие моделям языка») нормативности явлений — но еще не самого понятия нормы.

2. Выявление обусловленности нормы системой языка (или, иными словами, установление взаимозависимости понятий «система» и «норма»)[29] оказалось возможным в общем языкознании, в так называемой теории уровней языка. В советском языкознании популярна теоретическая схема Э. Косериу (система — норма — речь)[30].

В схеме Э. Косериу система — это «система функциональных противопоставлений», «система возможностей» (стр. 174), охватывающая «*идеальные* формы реализации определенного языка, то есть технику и эталоны для соответствующей языковой деятельности» (стр. 175). Норма — это «система обязательных реализаций», она «соответствует не тому, что «можно сказать», а тому, что уже «сказано» и по традиции «говорится» в рассматриваемом обществе», и «включает *модели*, исторически *уже реализованные* с помощью этой техники и по этим эталонам»; таким образом, норма «соответствует

---

[28] М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1967, стр. 300.

[29] Ю. С. Степановым («Основы языкознания». М., 1966, стр. 101) было отмечено, что разграничение системы и нормы совпадает с проведенным Г. О. Винокуром разграничением «языкового строя» и «языкового употребления» (Г. О. Винокур. О задачах истории языка [1947]. «Избр. работы по русскому языку». М., 1959, стр. 221).

[30] См.: Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963 (страницы этой работы далее указываются в тексте в скобках). — О других схемах теории уровней см.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II; Ю. С. Степанов. Основы языкознания, стр. 99—101. — Ср. анализ концепции Л. Ельмслева «схема — норма — узус» в статьях: В. Т. Ковальчук. К критике некоторых теорий соотношений языка и речи. «Уч. зап. филол. ф-та Киргизск. ун-та», вып. 13. Фрунзе, 1964; Ю. А. Левицкий, Г. В. Петрова. Термины «язык» и «речь» в современном языкознании (их истолкование в метаязыке лингвистики). «Вестник Московского ун-та. Филология», 1966, № 6, стр. 23.

фиксации языка в традиционных формах» (стр. 175). Р е ч ь — это «конкретная речевая деятельность», «как «продукт» — это именно *текст*» (стр. 167). Эта схема может рассматриваться в плане «реализации возможностей» — как «система → норма → речь»: в этом плане норма у́же, чем система, поскольку она есть «выбор в пределах возможностей, предоставляемых функциональной системой» (стр. 174, 210, 229); норма представляется первой ступенью «реализации возможностей» системы, речь — второй. Противоположен указанному план абстрагирования — как «речь → норма → система»: в этом плане «норма шире, чем система» (стр. 174); норма представляется первой ступенью абстрагирования от речи («текста»), система — второй.

Так в теории уровней решается Э. Косериу проблема внутренней обусловленности нормы самим языком (системой).

Однако в теоретической схеме Э. Косериу имеется момент, допускающий неоднозначное толкование. Реализация возможностей системы отнесена к уровню нормы, однако оговаривается, что речь идет именно об «обязательной» реализации, соответствующей культурной традиции. Между тем в реальной языковой практике приходится иметь дело и с такими реализациями языковой системы, которые не имеют нормативного характера; в таком случае остается предположить, что эти последние реализации должны относиться к уровню речи.

Тогда возникает несоответствие между двумя планами анализа («реализации возможностей» и «абстрагирования»). Так как традиционные и нетрадиционные реализации системы распределены по разным уровням (первые — «норма», вторые — «речь»), т. е. по разным ступеням «реализации возможностей», то схема в этом плане должна быть видоизменена: не «система → норма → речь», а «система ↔ норма» и «система → речь». Переход же к непосредственной связи «система → речь» (при нетрадиционной реализации системы) предполагает невозможность анализа в плане абстрагирования («речь → норма → система»), что в принципе противоречит двуплановости схемы Э. Косериу.

Попытку разрешить это внутреннее противоречие теоретической схемы Э. Косериу предпринял Ю. С. Степанов (в схеме «структура — норма — речь», где понятие «структура» идентично «системе» у Э. Косериу). Он относит к уровню нормы обе разновидности реализации системы: «Все существующие реализации в совокупности образуют у р о в е н ь н о р м ы. Те же реализации, которые самим обществом признаны как правильные, образуют норму в уз-

ком смысле слова, норму как правильную речь...» [31]. Здесь понимание уровня нормы выступает одновременно и как широкое (все реализации) и как узкое (традиционные реализации).

Это же различие традиционных («правильных») и нетрадиционных (отступающих от «правильности») реализаций системы содержится и в другом (значительно менее удачном по формулировке) определении Ю. С. Степанова: уровень нормы «подразделяется на общепризнанные правильные реализации фонем, морфем, слов и типов предложений — это норма речи в собственном или узком смысле слова (или просто «норма») и не менее общепризнанные ошибки против того, что считается правильным, ошибки, которые по одному тому, что они общепризнанны, следует называть скорее отклонениями от нормы» [32].

Однако, как показывает опыт, такая нагруженность термина мало способствует как дифференциации понятий, так и исследованию специфики разграничиваемых явлений (ср. аналогичный прием — различение орфоэпии и фразеологии в широком и узком смысле слова).

Следует отметить, что ядром теоретической схемы Э. Косериу является разграничение системы (эталонов-моделей в отвлечении от конкретного материала) и ее реализации (или реализаций — т. е. тех же моделей в наполнении конкретным материалом). Это ядро привлекает к себе внимание и тех лингвистов, которые не следуют схеме Э. Косериу: отношение «система — ее реализация» может служить отправным пунктом для новых построений, имеющих целью теоретическое уяснение существа нормы.

Так, исходя из указанного отношения, В. А. Ицкович строит схему «система — структура — употребление» для характеристики понятия нормы [33]. Принципиальное отличие этой схемы от схемы

[31] Ю. С. Степанов. Основы языкознания, стр. 169.— Ср. также: Л. П. Крысин. К соотношению системы языка и его нормы.— РЯШ, 1968, № 2, стр. 17.

[32] Ю. С. Степанов. Французская стилистика. М., 1965, стр. 11.

[33] См. статью В. А. Ицковича «Норма и ее кодификация» в наст. сборнике; см. также: В. А. Ицкович. Языковая норма. М., 1968. Отметим неудачность применения термина «структура», уже «занятого» в лингвистической терминологии (ср.: структура — «взаимосвязанность элементов в плане иерархии уровней»; система — «взаимосвязанность элементов в пределах одного

Э. Косериу состоит в том, что понятие нормы, по В. А. Ицковичу, не входит в схему уровней. Норма не может быть сведена только к той части структуры, которая узаконена традицией; наряду с этим норма включает в себя «внемодельные» образования, которые никак не могут быть отнесены к реализациям системы, но являются элементами, закрепившимися в литературной традиции. Следовательно, понятие нормы н а к л а д ы в а е т с я на схему уровней, охватывая частично уровни структуры и употребления. Это отвечает двойственности природы нормы, с одной стороны — и главным образом — обусловленной языком (как реализации системы), а с другой — находящейся под сильным воздействием социальных факторов и узаконивающей в силу этого «внемодельные» образования. Но это же объясняет и роль нормы в развитии новых элементов системы (употребление → норма → система) [34].

Заслуживает быть отмеченной также попытка переосмыслить схему Э. Косериу на основе плана абстрагирования. Предложенная Н. Н. Коротковым схема «этапов анализа и описания языкового строя» ограничена рамками абстракции от «речи» (говорения): норма — система — структура. Первый этап (норма) противопоставлен второму (системе) отсутствием у первой и наличием у второй смыслоразличительной функции. Разграничение второго и третьего этапа — системы и структуры — базируется на принципе, выдвинутом А. А. Реформатским: «однопорядковость» элементов в системе и «разнопорядковость» — в структуре (см. определения системы и структуры в прим. 33). Норма, система, структура — таковы, по мнению Н. Н. Короткова, «последовательные ступени анализа строя языка — от явления к сущности и от менее глубокой сущности к более глубокой сущности». Сам первый этап — описание норм языка — должен максимально полно выявить вариантные средства и способы языка с учетом их диахронической перспективы [35].

3. Разграничение уровней системы и ее реализации имеет своим следствием теоретическую возможность соотносить понятие нормы с обоими уровнями. Так возникают понятия: норма системы и норма «структуры» [36]. Первые представляют собой нормы, которые «определяются сис-

уровня (яруса)».— А. А. Р е ф о р м а т с к и й. Принципы синхронного описания языка. «О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков». М., 1960, стр. 30). Следовало, вероятно, для названия соответствующего уровня подыскать иной, ненагруженный, термин.

[34] По определению Н. Ю. Шведовой, грамматическая норма «вводит соответствующие языковые единицы в системные отношения и связи с другими единицами языкового строя» (Н. Ю. Ш в е д о в а. О понятии синтаксического ряда. «Историко-филол. исследования. Сб. статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада». М., 1967, стр. 211).

[35] См.: Н. Н. К о р о т к о в. Норма, система и структура как этапы анализа и описания языкового строя. «Спорные вопросы грамматики китайского языка». М., 1963.

[36] См.: В. А. И ц к о в и ч. Норма и кодификация; О н же. Языковая норма, стр. 23—28.

темой русского языка в отличие от систем других языков»; их обязательность и невозможность вариантов приводят к практической невозможности их нарушений: «отступление от них означает, что человек не владеет данной языковой системой».

Второй тип норм — нормы, определяемые «структурой» языка, связанные с «ограничениями, накладываемыми на возможности, предоставляемые системой». Возможности нарушений этих норм — следствие заполнения «пустых клеток» (ср. хотя бы примеры «причастий будущего времени» в брошюре В. А. Ицковича «Языковая норма», стр. 21); следовательно, нарушение этих норм — употребление «того, чего нет в языке, но могло бы в нем быть».

Так соотнесение нормы с разграничиваемыми системой и «структурой» дает возможность подойти к проблеме построения типологии норм. Широко распространена (и теоретически и практически необходима) классификация норм по отнесенности их к различным уровням языковой иерархии (лексические, грамматические и т. п.); но эта классификация является по отношению к нормам не внутренней, а внешней. Рассматриваемая же типология является для норм внутренней, она основана на сущностном для норм признаке — «крепости норм», «степени обязательности и широты действия» [37].

В связи с этим ср. следующие наблюдения Л. В. Щербы: «... ощущение нормы, как и сама норма, может быть и слабее и сильнее в зависимости от разных условий, между прочим от наличия нескольких сосуществующих норм, недостаточно дифференцированных для их носителей, от присутствия или от отсутствия термина для сравнения, т. е. нормы, считаемой за чужую, от которой следует отталкиваться, и, наконец, от практической важности нормы или ее элементов для данной социальной группы». Указанные здесь факторы, влияющие на «крепость нормы»: вариантность самой нормы, наличие противопоставления другой норме, социальная значимость нормы как показателя степени владения языком или принадлежности к другой общественной группе,— еще не стали объектом специального лингвистического изучения. Кроме того, Л. В. Щерба указывает и на такую возможность нижней отметки на шкале «крепости нормы»: «Очень часто, особенно при смешении диалектов, норма может состоять в отсутствии нормы, т. е. возможности сказать по-разному. Лингвист должен будет все же определить границы колебаний, которые и явятся нормой» [38].

[37] В. В. Виноградов. Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР. М., 1955, стр. 57—58.

[38] Л. В. Щерба. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании, стр. 312.

Насколько актуальна задача построения типологии норм по сущностному признаку, свидетельствует и другая аналогичная попытка, сделанная Ю. А. Бельчиковым [39]. Им выделены три типа литературных норм: 1) «нормы, которые закрепляют и устанавливают — как общеобязательные — структурные черты, особенности языка» (регламентация таких явлений, как согласование определения с определяемым, сказуемого с глаголом, падеж дополнения при переходном глаголе); 2) «нормы, регламентирующие функционирование слов, фразеологических единиц, форм и конструкций в литературном языке в отличие от аналогичных явлений, распространенных в диалектах, в профессиональных или вообще социально ограниченных сферах языка... которые стоят за рамками литературного языка... Эти нормы как бы дополняют нормы первого типа»; 3) «нормы, которые устанавливают или регламентируют выражение смысловых или эмоционально-экспрессивных оттенков различными языковыми средствами» (например, творительный и именительный падеж сказуемого-существительного) (стр. 11).

Таким образом, эта классификация, при имеющихся в ней противоречиях (отсутствие единого принципа деления) и неполноте охвата, выделяет три несоотносительных категории норм, «неоднородных по характеру нормализуемых явлений» (стр. 10): 1) нормы, которые можно соотнести с «нормами системы» (в смысле В. А. Ицковича) — Ю. А. Бельчиков справедливо считает их «ядром, костяком норм», поскольку они «отражают внутрисистемные связи и отношения языка» (стр. 12); 2) нормы функционально-характерологические, противополагающие традиционные реализации системы нетрадиционным (противопоставление «литературное — нелитературное»); 3) нормы, регламентирующие использование в литературном языке семантико-стилистических вариантов.

Необходимо подчеркнуть тот факт, что Ю. А. Бельчиков выдвигает тезис о зависимости между характером нормы и характером отклонения от нее, в связи с чем встает также имеющий большую важность вопрос о типологии отклонений от норм. В работе выделены: 1) отклонения от норм первого типа — они квалифицируются как «грубые

[39] Ю. А. Бельчиков. О нормах литературной речи.— ВКР, вып. VI. М., 1965 (страницы указываются в тексте в скобках).

ошибки..., с которыми мириться нельзя» (стр. 12—13); 2) отклонения от норм второго типа — это «варианты или параллельные способы выражения по отношению к литературному языку» (стр. 13); 3) отклонения от норм третьего типа являются предметом рассмотрения практической стилистики современного русского литературного языка. Эта классификация отклонений от норм органически связана со степенью обязательности норм.

Попытка установить взаимосвязь между характеристикой нормы, степенью ее обязательности и характером отклонений от нее представляется перспективной, тем более, что отклонения от нормы, как и сама норма, органически связаны с характерными (системными) свойствами языковой единицы [40]. Очевидно, что дальнейшая теоретическая разработка этой проблемы нуждается в привлечении обширного конкретного материала.

Необходимость теоретического исследования отклонений от нормы была сформулирована Л. В. Щербой в связи с экспериментом и «отрицательным языковым материалом» [41]. Особое освещение получила эта проблема у Э. Косериу. В выявлении уровня нормы с помощью языковых навыков Э. Косериу различает позитивный момент («говорящий использует традиционные формальные и семантические схемы») и негативный («говорящий опознает как чужое все, не соответствующее его языку») [42]. Из этого нередко делается вывод о противопоставлении материальной и идеальной стороны нормы: «Материальная сторона нормы фиксируется в письменной речи, грамматиках и словарях, произношении и отборе слов и т. п. Существование же ее идеальной стороны доказывается уже тем, что ни одно явление нормы нельзя в целом слышать или записать на магнитофонную пленку — оно познается лишь относительно, относительно отклонений» [43].

4. Разработка проблем нормы и культуры речи в советском языкознании в значительной мере ориентируется

---

[40] Ср : «Наша устная речевая деятельность на самом деле грешит многочисленными отступлениями от нормы. ... все эти ошибки социально обоснованы; их возможности заложены в данной языковой системе...» (Л. В. Щ е р б а. О трояком аспекте языковых явлений..., стр. 311).

[41] Там же, стр. 308—309, 312.

[42] Э. К о с е р и у. Указ. соч., стр. 177—178.

[43] Ю. С т е п а н о в. Французская стилистика, стр. 11; то же см.: М. В. Ч е р е п а н о в. Система и норма в эволюции языка. «Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию», ч. II. Самарканд, 1966, стр. 429.

на идеи Пражской лингвистической школы [44]. Можно отметить влияние идей Пражской школы на советское языкознание с 30-х годов — точно так же, как и сама эта школа, по всей вероятности, испытывала влияние идей ряда советских языковедов (не говоря уже об общем «корне» этих идей — учении И. А. Бодуэна де Куртенэ, учениками которого были и некоторые члены Пражского кружка, и большинство советских лингвистов, разрабатывавших проблемы культуры речи, и о личных контактах тех и других).

Кратко перечислим основные аспекты теоретического осмысления сущности нормы в концепции Пражской лингвистической школы [45].

I. Признание объективного характера нормы, рассмотрение нормы «целиком как внутриязыкового явления» [46] и вытекающее отсюда различение нормы и кодификации. «Выработка понятия нормы и его отграничение от понятия кодификации принадлежит к числу наиболее выдающихся достижений новой теории и одновременно к наиболее плодотворным рабочим понятиям, связанным с изучением вопросов современного литературного языка» [47].

II. Органическая связь понятия нормы с изучением литературного языка и его функций (ср.: «...теоретическое познание современного литературного языка, то есть существующей его нормы» [48]). С этим связано углубление понимания нормы — разграничение понятий нормы литературного языка и узуса («нормы народного языка» как стихийно сложившегося привычного употребления):

А) «Норма литературного языка отличается от нормы народного языка... своим образованием (возникновением и развитием)» —

---

[44] Здесь следует оговорить сознательное нарушение хронологии в обзоре: теоретическая схема Э. Косериу была рассмотрена (в § 2) раньше, чем идеи Пражской лингвистической школы. Причина этой перестановки в изложении заключается в том, что значение схемы уровней Э. Косериу в основном ограничено решением одной задачи — выявления языковой обусловленности понятия нормы через соотношение «система — норма», тогда как Пражская школа выдвинула целостную концепцию функциональной сущности литературного языка и его норм: «Работы пражцев 30-х годов в области «языковой культуры» впервые заложили теоретический фундамент нормативно-лингвистической деятельности» (Т. В. Булыгина. Пражская лингвистическая школа. «Основные направления структурализма». М., 1964, стр. 122).

[45] Этот вопрос бегло затронут Н. А. Кондрашовым («Пражская лингвистическая школа». — РЯШ, 1968, № 2, стр. 13).

[46] B. Havránek. Studie o spisovném jazyce, стр. 258.

[47] А. Едличка. О пражской теории литературного языка. — ПЛК, стр. 547.

[48] ПЛК, стр. 394.

и прежде всего тем, что «лингвистика вмешивается в создание нормы литературного языка и в ее стабилизацию» [49].

Б) В силу специфики литературного языка «норма литературного языка является более осознанной и более обязательной, чем норма народного языка, а требование ее стабильности — более настоятельным» [50].

В) Норма литературного языка отличается от узуса и «своей структурой»: она «является более сложным комплексом языковых средств, чем норма народного языка, так как функции литературного языка более развиты и строже разграничены, чем функции языка народного»; норма литературного языка богаче и более дифференцирована по своим функциям не только в смысле запаса языковых средств, но и в смысле различного их использования» [51].

III. Распространение идеи функциональности (целевой установки) на понятия литературного языка и нормы [52] приводит к отказу от универсальной идеи «правильности»: «...функциональная критика не может оценивать языковые высказывания, руководствуясь определенными, заранее установленными критериями в зависимости от благозвучия, ясности или точности и пр.» [53] (аналогично отвергаются «требования исторической чистоты» и «принцип прямолинейной регулярности» [54]). Отсюда — обращение к функциональному критерию «пригодности» («адекватности сред-

---

[49] Б. Гавранек. Задачи литературного языка и его культура.— ПЛК, стр. 376—377 (см. также стр. 340, 341, 344—345).— Ср. тезис о возможности сознательного вмешательства в развитие языка в работах Г. О. Винокура и Л. П. Якубинского.

[50] Б. Гавранек. Задачи литературного языка и его культура, стр. 340 (см. также стр. 345).— Ср. сходные тезисы в работах А. М. Пешковского (Избр. труды, стр. 54—55), Г. О. Винокура («Проблема культуры речи».— «Русский язык в сов. школе», 1929, № 5, стр. 88) и Л. В. Щербы («Избр. работы по русскому языку». М., 1957, стр. 117, 126).

[51] Б. Гавранек. Задачи литературного языка и его культура, стр. 340, 376—377.— Ср. тезис А. М. Пешковского о «затрудненности понимания» в литературном языке в связи с «общей сложностью культурной жизни» («Избр. труды», стр. 57).

[52] Ср. у Л. П. Якубинского: «... моментом целевым (то, что в терминологии Московского лингвистического кружка обозначается словами «функциональность речи»)»; «Вообще «литературный язык» — это то понятие, которое особенно ярко подчеркивает необходимость функционального подхода к языку...» (Л. П. Якубинский. О диалогической речи. «Русская речь», вып. I. Пг., 1923, стр. 111, 116). См. также деление Г. О. Винокуром «культуры языка» на две сферы: 1) «учение о средствах языка» и 2) «учение о языковых заданиях, с точки зрения разнообразного применения языковых средств в каждом из них» (Г. Винокур. Культура языка. М., 1929, стр. 42).

[53] Б. Гавранек. Задачи литературного языка и его культура, стр. 374; ср. также: Р. Якобсон. Указ. соч.

[54] В. Матезиус. О необходимости стабильности литературного языка.— ПЛК, стр. 379, 382—383, 384—385.

ства цели высказывания»), к проблемам оценки языковых фактов и выдвижение «языковой критики» («критики конкретных языковых высказываний с точки зрения функциональной») [55].

IV. Для Пражской школы характерно «... принятие принципа вариантности языковых средств применительно к норме литературного языка». В идее вариантности пражцы видели разрешение конфликта между традицией и развитием языка [56]. Само «развитие нормы совершается именно благодаря вариантам, они являются, как правило, переходными формами от одного качества к другому». И в связи с развитием литературного языка «включение исторически обусловленных вариантов в норму должно рассматриваться как средство снять противоречие между статичной по своей сущности кодификацией и динамикой нормы, как средство отразить внутреннюю динамику нормы»; с этих же позиций выдвигается и критерий нормативности для новообразований: «компонентами нормы литературного языка считаются те новые элементы, которые являются правильными с точки зрения новой структуры» [57].

В последних положениях (III и IV) особенно четко проявляется антипуристическая сущность понимания нормы в работах Пражской школы.

Указанные теоретические положения Пражской школы далеко не в равной степени отразились в работах советских исследователей. Так, к числу наименее «популярных» относится идея функционального подхода к норме. Поэтому заслуживает быть отмеченной острая постановка вопроса о роли коммуникативной целесообразности в культуре речи [58].

---

[55] Б. Гавранек. Задачи литературного языка и его культура, стр. 374. Ср. тезис о роли оценки и «критики текста» в работах, Г. О. Винокур. Проблема культуры речи, стр. 91—92; Он же. Критика поэтического текста. М., 1927, стр. 25—26.

[56] А. Едличка. О пражской теории литературного языка, стр. 547—548, 552; см. также: A. Jedlička. On the problem of variability of literary norm. «VI. Mezinárodní sjezd slavistů v Praze 1968. Resumé přednášek, příspěvků a sdělení». Praha, 1968, стр. 88.

[57] А. Едличка. О пражской теории литературного языка, стр. 548, 553.

[58] В. Г. Костомаров, А. А. Леонтьев. Некоторые теоретические вопросы культуры речи.— ВЯ, 1966, № 5.— В некоторых, немногих работах учет «целевой установки» рассматривается, но изолированно от нормы, параллельно с ней (Л. П. Крысин. Русский язык по данным массового опроса. Проспект. М., 1968, стр. 11—12; Р. Р. Гельгардт. Помехи в понимании речевых сообщений.— РЯШ, 1968, № 3, стр. 3) или действие принципа целесообразности ограничивают сферой лексики и стилистики (Б. Н. Головин. Указ. соч., стр. 44—45).

Исходя из положения о том, что «нормативность явления может быть определена лишь в контексте, а не в условиях изоляции», В. Г. Костомаров и А. А. Леонтьев выдвигают тезис: функционально-стилистическая целесообразность «должна быть признана важнейшим критерием установления нормы». Отсюда делается вывод: «Правильность литературного выражения выступает функцией коммуникативно-стилистической целесообразности и, так сказать, соразмерности каждого данного высказывания...» [59]. Неправомерность этого вывода (при общей справедливости посылок) обусловлена забвением другого, не менее важного фактора —языковой традиции [60]. Если говорящий хочет быть понятым, он — сознательно или бессознательно — выбирает традиционные, привычные для собеседника языковые средства (так называемая «ориентация на чужое слово» [61]). В литературном употреблении таким привычным является, естественно, следование литературным нормам. В других языковых сферах следование традиции может выразиться в отходе от литературных норм и использовании узуса просторечия, диалекта и т. д. Именно в этом смысл приводимого в статье ответа акад. И. П. Бардина на вопрос об ударении в слове *километр*: «Когда как. На заседании Президиума Академии — *киломе́тр*, иначе академик Виноградов морщиться будет. Ну, а на Новотульском заводе, конечно, *кило́метр*, а то подумают, что зазнался Бардин» (стр. 5) — здесь налицо стремление к следованию языковым традициям различных собеседников. Таким образом, взаимодействие обоих факторов — коммуникативной целесообразности и языковой традиции — и и создает «соразмерность данного высказывания».

В связи со сказанным следует исправить весьма существенную неточность: в статье говорится о том, что Пражской школе «принадлежит приоритет в толковании «правильности» как соответствия языкового средства данной цели» [62]. Между тем, в работе Т. В. Булыгиной, на которую в этом месте ссылаются авторы, речь идет о «з а м е н е неопределенного критерия «языковой правильности» функционально-телеологическим критерием» [63]. Конечно, понятие «адекватности цели высказывания» значительно шире «правильности» (см. о различении «правильности речи» и «культуры речи» в статье Л. И. Скворцова «Норма. Литературный язык. Культура речи».

---

[59] В. Г. К о с т о м а р о в, А. А. Л е о н т ь е в. Указ. соч., стр. 5, 10.

[60] См. критику статьи В. Г. Костомарова и А. А. Леонтьева Ф. П. Филиным в связи с пониманием ими литературно-языковой нормы «только применительно к конкретно-речевым заданиям», что может привести к разрыву с традициями (Ф. П. Ф и л и н. Об изучении общественных функций языка, стр. 284—285).

[61] См.: М. М. Б а х т и н. Проблемы творчества Достоевского. Л., 1929, стр. 131—132.

[62] В. Г. К о с т о м а р о в, А. А. Л е о н т ь е в. Указ. соч., стр. 7.

[63] Т. В. Б у л ы г и н а. Указ. соч., стр. 122 (разрядка моя.— *Б. Ш.*).

Стремление В. Г. Костомарова и А. А. Леонтьева «рассматривать литературно-языковую норму только применительно к конкретным речевым заданиям» направлено на преодоление «конфликта между общеязыковым идеалом и литературным бытом» [64].

Реальную возможность такого конфликта иллюстрирует ход рассуждений Р. Р. Гельгардта, который — на основании противоречия между традиционными понятиями «общелитературная норма», «всеобщий образец» и пониманием того, что «действие литературной нормы, ее законодательная сила не распространяется с одинаковой строгостью или регулярностью на разные «жанры» устной и письменной речи»,— заключает: «В сущности „общелитературная норма" является так же, как и стандартность общего литературного языка, не столько фактом реальной действительности, сколько теоретическим постулатом» [65].

Некоторые теоретические положения Пражской лингвистической школы в настоящее время разделяются большинством советских лингвистов: разграничение нормы и кодификации (называемой обычно «нормализацией», см. прим. 11), вариантность нормы. Последнее положение было поддержано многими видными советскими языковедами [66], однако и до сих пор этот тезис не может считаться теоретически общепринятым, ср. такое компромиссное определение нормы: «это единственная возможность или предпочтительный вариант правильного, образцового применения слова, фразеологизма, формы, конструкции» [67], и далее: «Вспомним еще раз, что норма —

---

[64] В. Г. Костомаров, А. А. Леонтьев. Указ. соч., стр. 11.

[65] Р. Р. Гельгардт. Избр. статьи. Языкознание. Фольклористика. Калинин, 1966, стр. 30.— Ср. замечание Ф. Данеша: «Старый идеал (или скорее идол) механического, недифференцированного и абсолютного языкового единства неудовлетворителен» (F. Daneš. Dialektické tendence ve vývoji spisovných jazyků. «Československé přednášky pro VI. Mezinárodní sjezd slavistů». Praha, 1968, стр. 127).

[66] Например: «Очень часто норма допускает два способа выражения, считая оба правильными» (Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии.— Избр. работы по языкознанию и фонетике, т. I. Л., 1958, стр. 65); «... иногда даже приходится признать нормой самое наличие двух вариантов (хотя этого следует всячески избегать)» (Е. С. Истрина. Указ. соч., стр. 5).

[67] Ю. А. Бельчиков. Указ. соч., стр. 6.— Необходимо напомнить, что в схеме Э. Косериу «совпадение нормы с системой (когда система представляет единственную возможность реализации) есть лишь частный случай взаимодействия функциональной и

это жесткое «предписание» выбора из нескольких вариантов одного...» [68].

В концепции Пражской школы понятие языка (отграниченное от речи и противопоставленное ей формулой: «то, что существует еще до реализации, есть язык; то, что уже реализовалось, есть речь» [69]), рассматривается «как абстрактная система норм, которая является необходимым условием взаимопонимания, однако не имеет самостоятельной формы существования и может быть познана только на основе конкретных языковых высказываний» [70]. Такое понимание языка в свою очередь является базой для интерпретации нормы как начала, регулирующего взаимоотношение между языком и речью, иначе — как системы обязательных манифестаций языка в речи [71]. «Языковую норму,— пишет Б. Гавранек,— я понимаю как систему языка, взятую в плане ее обязательности в сфере языка — с задачей достичь намеченного в сфере функционирования языка» [72]. (При этом справедливо подчеркивание несовпадения, или неполного совпадения, противопоставлений «система норм — их речевое воплощение» и «система языка — речь» [73]).

«нормативной» структур языка. Обычно система представляет серию вариантов для ее реализации, что, собственно, и позволило разграничить понятия «системы» и «нормы» (Г. В. Степанов. О двух аспектах понятия нормы. «Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков». М., 1966, стр. 229).

[68] Б. Н. Головин. Указ. соч., стр. 41.

[69] См: Й. Вахек. Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964, стр. 269.

[70] «Сборник ответов на вопросы по языкознанию (к IV Международному съезду славистов)». М., 1958, стр. 52 (Б. Гавранек, К. Горалек, В. Скаличка, П. Трост).

[71] Такое или подобное ему определение нормы популярно в советской лингвистике, ср., например: «Сами нормы, видимо, следует понимать как весьма сложную систему обязательных манифестаций языка в речи...» (В. Г. Костомаров. Культура языка и речи в свете языковой политики, стр. 44); «Норма — общественное установление, регламентирующее использование языковых средств в процессе речевого общения» (Ю. А. Бельчиков. Указ. соч., стр. 7); «Норма... 1. Принятое речевое употребление языковых средств ...» (О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 270).

[72] B. Havránek. Studie o spisovném jazyce, стр. 258.

[73] В. Г. Костомаров, А. А. Леонтьев. Указ. соч., стр. 12.

С этой интерпретацией связана характеристика нормы с помощью заимствованного из математики понятия «инвариантность»: норма (как система обязательных манифестаций языка в речи) может быть представлена в виде отношения «инвариант — варианты» или, точнее, как «(идеальный) инвариант (в языке) — (реальные) варианты (в речи)», т. е. предполагается, что в содержании инварианта запрограммированы все возможности варьирования, развертываемые в конкретных актах речи (в каждом единичном — как результат выбора).

В таком случае мы приходим к понятию «нормативной вариантности единиц»[74]. Следуя Э. Косериу (согласно которому вариантность — категория, вытекающая из системы языка), Н. Н. Семенюк отмечает две функции нормы: 1) функция «реализации»: норма «определяет характер реализации тех структурных потенций, которые заложены в системе: степень продуктивности, распределение и функционирование возможных для данного языка моделей в определенной степени обусловливаются именно его нормами»; 2) функция «распределения»: в связи с тем, что «языковой системе свойственна известная избыточность формальных лингвистических средств, ведущая к появлению вариантности», норма «ограничивает, а также регулирует использование и употребление в языке различных изофункциональных средств». Таким образом, норма, «опираясь на устойчивые, константные элементы языковой системы, не в меньшей степени характеризуется и допустимыми в ее пределах колебаниями и вариантами». Отсюда следует вывод: «характеристика вариантности должна стать одним из необходимых звеньев в системе признаков, из которых складывается понятие литературной нормы»[75].

Однако в литературе можно встретить и иные характеристики нормы через понятие «инвариантность», отличающиеся от указанной тем, что норма в них отождествляется с системой языка как инвариантом. Можно было бы предположить, что возможность этого отождествления осно-

[74] А. А. Леонтьев. Слово в речевой деятельности. М., 1965, стр. 58.

[75] Н. Н. Семенюк. Проблема формирования норм немецкого литературного языка XVIII столетия. М., 1967, стр. 8, 9, 10. — В настоящем обзоре не рассматривается третья — «организующая» — функция нормы (Р. А. Будагов. Общее языкознание в СССР за 50 лет, стр. 38), так как характер этой функции в изложении автора не пояснен.

вывается на самóм общепринятом понимании инвариантности как области устойчивого в противопоставлении неустойчивому [76]; однако более вероятно, что это результат следования Ф. де Соссюру, в концепции которого понятия «язык», «система» и «норма» фактически совпадают [77]. Так, О. С. Ахманова определяет норму также и как «2. Язык, противопоставляемый речи как система (инвариант и т. п.), представляющая все многообразие речевых реализаций» (в свою очередь инвариант, по О. С. Ахмановой, есть «Эма как элемент абстрактной системы языка в отвлечении от ее конкретных реализаций...») [78].

Другой случай отождествления нормы с языком как системой инвариантов в негативной форме находим в публикациях Д. А. Кожухаря. Он утверждает: «Трудно согласиться..., что норма языка представляет собой систему инвариантов, которые вариативно используются в речи в зависимости от ситуации и коммуникативного задания. Такая трактовка равносильна вынесению вариантов за пределы нормы... Нельзя рассматривать язык как систему абсолютно жестких норм (инвариантов), а всех говорящих как своего рода „правонарушителей“» [79].

От допущения о тождестве нормы с системой инвариантов, т. е. с языком, Д. А. Кожухарь приходит к заключению о ненормативности в этом случае употребляемых в речи вариантов. Такой ход рассуждения — результат неправомерного усечения схемы «инвариант — варианты» (отображающий сущность нормы в плане регулирования отношения «язык — речь»): в этой схеме обе стороны предполагают одна другую и невозможны одна без другой. При этом Д. А. Кожухарь не замечает, что вступает в противоречие с собственным тезисом: контуры языковых

[76] У. Росс Эшби. Введение в кибернетику. М., 1959, стр. 109.
[77] См.: Г. В. Степанов. О двух аспектах понятия языковой нормы, стр. 229.
[78] О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов, стр. 271, 176.
[79] Д. А. Кожухарь. О понятиях «система» и «норма» в применении к языку. «Вопросы общего и романо-германского языкознания. Тезисы докладов IV научной конференции языковедов», вып. I. Уфа, 1965, стр. 20; см. также: Он же. К вопросу о характере языковой нормы. «Тезисы докладов научно-методической конференции ф-та иностранных языков Одесского ун-та». Одесса, 1964, стр. 4—5; Он же. Значение лабильности контуров языковой нормы. «Résumés des communications. X. Congrès international des linguistes». Bucarest, 1967.

норм являются гибкими, и эта «степень вариативности» (или «амплитуда колебаний границ нормы») создает своеобразный «запас прочности», необходимый для взаимопонимания[80]. Такое понимание характера нормы близко к формуле В. Матезиуса — «гибкая (эластичная) стабильность»[81].

5. Редко какая работа, если она касается проблем нормализации литературного языка или описания его норм, обходится без понятия «колебания нормы», но содержание его обычно остается весьма неопределенным, обозначая различные по широте явления (и выявляя связь с различными пониманиями языковой нормы).

Было бы естественным предположить, что понятие колебания нормы привлечет к себе внимание лингвистов в 20-е или 30-е годы, когда в литературном употреблении наблюдался значительный разнобой, а нормы литературного языка вследствие этого казались расшатанными. Однако рассмотрение этих вопросов в литературе того периода приняло в основном полемический характер (в связи с тезисом о так называемой «порче языка»), а проблема колебания нормы встала вплотную перед исследователями лишь в связи с исследованием сущности нормы и отклонений от нее — в работах теоретического и лексикографического плана. Наиболее четко эта проблема была поставлена в брошюре Е. С. Истриной «Нормы русского литературного языка и культура речи» (1948), не потерявшей своей актуальности до наших дней, и во вступительной части к словарю-справочнику «Русское литературное произношение и ударение» под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (М., 1959).

Колебание нормы принято связывать с наличием вариантности, дублетности (в таких случаях говорят о фактах, «создающих варианты и вызывающих колебания нормы»[82]). Колебания могут иметь место на разных уровнях

---

[80] Аналогичный тезис см.: O. von Essen. Norm und Erscheinung im Leben der Sprache. «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», 1956, Bd 9, H. 2.— Ср. также: в «складывающихся литературных языках... на первый взгляд иногда даже кажется, что нормы вовсе нет, а при ближайшем рассмотрении оказывается, что она просто очень широка» (Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии, стр. 65).

[81] ПЛК, стр. 381 и сл.

[82] Е. С. Истрина. Указ. соч., стр. 25; ср. также: С. И. Ожегов. Очередные вопросы культуры речи, стр. 22.

языковой иерархии; обычно они осуществляются аналогическим путем и идут «по определенному пути распространения более продуктивных образований за счет менее продуктивных»[83].

Ср. наблюдения С. И. Ожегова над колебаниями в орфоэпии: «... большое значение имеет вопрос о том, как конкретно осуществляются произносительные закономерности в словарном составе языка. Эти закономерности двояки. Одни универсальны (например, закономерности произношения звонких и глухих согласных, безударных гласных и т. п.). Осуществление других закономерностей может быть связано с определенными группами слов или грамматических форм (таковы, например, закономерности произношения твердого или мягкого согласного перед *е* в словах иноязычного происхождения). Закономерности этого рода всегда в движении. Именно в этой области возможно больше всего колебаний; стремление то к большему охвату подходящих случаев, то к ограничению представляет собой непрерывно развивающийся живой процесс»[84].

Обращение к понятию «колебания нормы» в лексикографии совершенно закономерно: «двоящиеся» (по выражению С. П. Обнорского) ударения и формы затрудняют работу по кодификации (отсюда естественное стремление составителей словарей всячески ограничивать вариантность в рекомендациях[85]). Под понятием «колебание нормы» составители «Русского литературного произношения и ударения» имеют в виду следующие достаточно четко выделенные явления:

1) Колебание как сосуществование нормативных (= в пределах литературного языка) вариантов. Оно может включать в себя две разновидности:

а) колебание как сосуществование равноправных литературных вариантов, например: *издалека́* и *издалёка*, мн. ч. кр. прил. *ви́дны* и *видны́*;

б) колебание как сосуществование неравноправных литературных вариантов (соотношение «литературный — допустимый» и «литературный — устаревший», может быть, точнее «устаревающий»), например: *шевели́шься* и доп. *шеве́лишься*, мн. ч. *волна́м*, *волна́ми*, *о волна́х* и

[83] Е. С. Истрина. Указ. соч., стр. 18, 21.

[84] С. И. Ожегов [рец.]. Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение, стр. 110.

[85] См., например, «Русское литературное произношение и ударение», стр. 4, 7 (следует оговориться, что, рассматривая содержание понятия «колебание нормы», я не касаюсь лексикографических принципов построения словаря).

доп. *вóлнам*, *вóлнами*, *о вóлнах*; мн. ч. *деньгáм*, *деньгáми*, *о деньгáх* — устар. *дéньгам*, *дéньгами*, *о дéньгах*, прош. вр. *собрáлся* — устар. *собрался́*.

2) Колебание как сосуществование литературного и нелитературного вариантов (последний представляет собой отклонение от нормы литературного языка), например: *посели́шься* — разг. *посéлишься*, *инструмéнт* (не *инстрýмент*) [86].

Существование функционально тождественных вариантов (1а) является, по мнению некоторых лингвистов, «уродливостью и исключением для литературного языка»; так весьма категорично оценивает эти варианты М. В. Панов: «Нормы... литературного языка построены не конъюнктивно (допускается и то и другое), а дизъюнктивно (допускается или то, или другое; в одних условиях одно, в других условиях другое)» [87].

Следует согласиться с более осторожной точкой зрения, которая различает «... с одной стороны, полные варианты, у которых, при известных формальных различиях, и значение, и функция совпадают, а с другой — варианты неполные, различающиеся не только своей материальной манифестацией, но также вторичными (преимущественно экспрессивно-стилистическими) оттенками значений, или, наконец, функционально, т. е. сферой использования». Для литературных языков в принципе характерен процесс перехода полных вариантов в неполные [88].

Указанное выше деление (равноправные нормативные варианты, неравноправные нормативные варианты, нормативный — ненормативный варианты) отражает различные точки зрения на понятие «колебание нормы»: первая — колебание нормы в узком смысле, вторая — колебание нормы в широком смысле. То, что оба эти явления одинаково обозначаются как «колебание нормы» [89], вызывает в лингвистической литературе протесты: «От категории вариантности норм следует строго отграничить случаи колебания норм, связанные с процессами взаимо-

---

[86] См. «Русское литературное произношение и ударение», стр. 3, 4, 7, 9—10.— Приношу искреннюю благодарность Н. А. Еськовой за предоставленные примеры.

[87] М. В. Панов. Русский язык. «Языки народов СССР. Индоевропейские языки». М., 1966, стр. 56.

[88] Н. Н. Семенюк. Некоторые вопросы изучения вариантности.— ВЯ, 1965, № 1, стр. 50, 55.

[89] Ср. также: «...вопрос о вариантах литературной нормы, т. е. допустимых границах отклонений от узаконенной нормы» (В. Н. Ярцева. Развитие литературных языков. «Теоретические проблемы сов. языкознания». М., 1968, стр. 63—64).

действия стилей, нелитературным влиянием и т. д., и случаи отклонения от норм, особенно в индивидуальном разговорном языке» [90].

Очевидно, что в первом случае (1а) налицо «нормативная вариантность», следовательно, о колебании нормы можно говорить во втором случае (1б). Кроме того, следует в каждом конкретном случае учитывать и частотность отмеченных фактов: от этого зависит, имеем ли мы дело действительно с регулярным явлением, т. е. с колебанием нормы, или с нерегулярным, следовательно, с колебанием литературного употребления (так могут быть квалифицированы многие случаи типа 2).

Однако при всем том эти разные точки зрения не должны рассматриваться как взаимно исключающие друг друга; наоборот, они дополняют друг друга, поскольку соответствуют различным этапам развития нормы современного языка.

В работах Пражской школы утвердился взгляд, согласно которому «развитие нормы совершается именно благодаря вариантам, они являются, как правило, переходными формами от одного качества к другому» [91]. Таким образом, сосуществование внутри нормы двух вариантов является лишь м о м е н т о м процесса развития данной нормы [92], развития, которое на последующем (не конечном!) этапе должно привести к избавлению от данного колебания — путем закрепления одного и вытеснения другого варианта или путем дифференциации вариантов.

Ср. следующий пример «специализации» вариантов: «Мы, лингвисты, привыкли говорить *диалектические особенности*, *диалектическая дифференциация* и т. п., производя слово *диалекти-*

---

[90] В. Г. К о с т о м а р о в, Культура языка и речи в свете языковой политики, стр. 47—48.

[91] А. Е д л и ч к а. О пражской теории литературного языка, стр. 553.

[92] Ср. такую «моментальную фотографию»: в современном русском языке колебание формы им. пад. мн. ч. *-ы* (*-и*) // *-а* (*-я*) охватывает разные группы существительных, в одних из которых вариант *-ы* (*-и*) вытеснен вариантом *-а* (*-я*), в других — оба варианта, являясь литературными, различаются сферой употребления, в третьих — нормативны варианты с *-ы* (*-и*) и ненормативны варианты с *-а* (*-я*), в четвертых налицо параллельные формы с семантической дифференциацией (см.: Я. Д о м и н. Существительные мужского рода на *-а* (*-я*) в именительном падеже множественного числа, «Русский язык в нац. школе», 1967, № 6).

ческий от *диалект*. Теперь, когда в нашей жизни приобрели большое значение такие сочетания, как *диалектическая философия*, *диалектический материализм*, когда мы говорим о *диалектической действительности* и т. п., получаются иногда двусмысленности в лингвистическом словоупотреблении, и мы, лингвисты, совершенно независимо один от другого ищем замены для нашего термина и колеблемся между *диалектными различиями* и *диалектальными различиями*»[93].

Условная «полная» схема этапов вытеснения одного варианта другим может быть представлена следующим образом: «1. $А^1$ — норма, $А^2$ — за пределами нормы нейтральной речи (в аффективной разговорной речи, в профессиональной речи, в просторечии и т. д.) 2. $А^1$—норма нейтральной письменной и устной речи, $А^2$ — распространяется в нейтральной устной речи. 3. $А^1$ и $А^2$ сосуществуют в нейтральной письменной и устной речи. 4. $А^2$ — в нейтральной письменной и устной речи, $А^1$ — только в нейтральной письменной речи. 5. $А^2$ — норма нейтральной речи, $А^1$ — за пределами нормы» [94].

Ср., например, следующие оценки лингвистов, отражающие различные этапы соотношения вариантов *самоё* и *само́*: 1) «*Самоё*. Вин. пад. жен. р. местоимения *сама*... Напротив, форма *саму*, нередко встречающаяся в печати, совершенно не согласна с живым языком и ничем не оправдывается» (Я. К. Грот. Филологические разыскания. СПб., 1873, стр. 596—597); 2) «... *самоё* более принято, чем *саму*, хотя и последнее встречается в печати» (В. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. СПб., 1911, стр. 94); 3) «В XX в. форма *самоё* оказалась почти полностью вытесненной формой *саму*» (А. Б. Шапиро. Изменения в формах местоимений. «Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века». М., 1964, стр. 578) [95].

В приведенной абстрактной схеме соотношения вариантов отражено следующее направление развития: появление «периферийного» (нелитературного) варианта, воздействующего на литературную норму своим функционированием в определенной сфере языка,— с постепенным расширением сферы действия этого варианта, с внедрением его в сферу литературного языка и последующим вытеснением ранее нормативного варианта. Такой путь развития нормы является наиболее типичным; характерно, что в лингвистической литературе обычно причину возникнове-

---

[93] Л. В. Щерба. Современный русский литературный язык [1939].— Избр. работы по русскому языку, стр. 127.

[94] В. А. Ицкович. О языковой норме, стр. 10—11; см. также: А. Б. Пеньковский. Об изучении процессов развития в живой диалектной речи. «Тезисы докладов на X Диалектологическом совещании». М., 1965.

[95] Подробнее о соотношении и развитии вариантов *самоё* — *само́* см.: Б. С. Шварцкопф. «Сам идет, самоё ведет». «Русская речь», 1967, № 6.

ния вариантности усматривают в воздействии некодифицируемых сфер языка на литературный язык[96].

Однако, как известно, на практике не всегда побеждает новый («периферийный») вариант. Поэтому более полной представляется схема, предложенная А. А. Леонтьевым, предусматривающая не две, а три возможности: 1) дифференциацию вариантов — семантическую или функциональную (закрепление в разных стилях или сферах языка); 2) «движение» в сторону вытеснения старого варианта новым; 3) «движение» в сторону вытеснения нового варианта старым (например: *доце́нт — до́цент*, *молодёжь — мо́лодежь*). Развитие нормы «предполагает временное сосуществование элементов и выбор одного из них»[97] (точнее — выбор или специализацию).

Таким образом, вариантность представляет собой определенный, ограниченный временем (хотя период действия вариантности может быть очень длительным) этап в развитии языкового средства и его нормы. Наличие же «равноправной» вариантности (динамическое равновесие функционально равноценных элементов) еще более ограничено во времени. При этом факт появления ненормативного варианта в какой-нибудь из некодифицируемых сфер языка содержит в себе в принципе возможность колебания, а рост распространенности «периферийного» варианта в различных сферах языка есть уже признак назревающего колебания нормы.

В. В. Виноградов отметил, что «понятие языковой нормы диалектически основывается на признаках устойчивости языковой структуры и динамики языкового развития»[98]. Сосуществование вариантов и является внешним показателем процессов развития, которые «беспрерывно

---

[96] См.: Е. С. И с т р и н а. Указ. соч., стр. 13, 15; С. П. О б н о р с к и й. Культура русского языка.— Избр. работы по русскому языку. М., 1960, стр. 288; «Грамматика русского языка», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 3.

[97] А. А. Л е о н т ь е в. Будущее языка как проблема культуры речи.— ВКР, вып. VIII, стр. 12.— Ср.: «... появление новообразований на какое-то время неизбежно ведет к дублетности, от которой язык всегда стремится освободиться» (Н. Ю. Ш в е д о в а. О понятии синтаксического ряда, стр. 213); см. также: К. С. Г о р б а ч е в и ч. Нормы литературного языка и толковые словари. «Нормы современного русского литературного словоупотребления». М.— Л., 1966, стр. 7.

[98] ВЯ, 1952, № 6, стр. 136.

создают дублетные формы и колебания, меняют соотношение правильного и неправильного»[99].

Наличие колебаний закономерно для любого периода развития языка. «Никакая нормализация не может до конца устранить колебания в литературной речи или обнаруживающиеся в ней неправильности. Колебания в нормах — обычное явление развивающегося языка»[100]. Колебания норм являются объектом теоретического изучения и практического воздействия культуры речи, однако их существование не может быть оправданием пуризма, ибо «культурные языки с древней традицией свидетельствуют, что наличие незначительных отклонений в формах вполне уживается с высокой языковой отшлифованностью»[101]. К тому же «процент колебаний в общем составе литературного языка совсем невелик»[102], что предполагает возможность фронтального изучения вариантности в современном русском языке[103], столь необходимого для описания реальных норм современного русского литературного языка.

6. Связь понятия нормы со стилистикой определилась уже в воззрениях Пражского лингвистического кружка — в понимании дифференциации литературного языка как следствия разграничения его функций; само понятие коммуникативной целесообразности предполагает учет сти-

---

[99] В. Г. Костомаров. Культура речи и стиль. М., 1960, стр. 12—13.

[100] С. И. Ожегов. Вопросы нормализации современного русского литературного языка. «Открытое расширенное заседание Ученого совета [Ин-та языкознания АН СССР] 13—16 июня 1955 г. Тезисы докладов и выступлений». М., 1955, стр. 17; ср. также: ПЛК, стр. 397; F. Daneš. Указ. соч., стр. 127.

[101] В. Матезиус. Указ. соч., стр. 385.

[102] Е. С. Истрина. Указ. соч., стр.—17. Ср.: «Процент слов, имеющих акцентные варианты, в русском языке, очень невелик (немногим более 1%)...» (Ф. П. Сергеев. О вариантах и колебании ударения в современном русском языке. «Вопросы общего и русского языкознания». Кишинев, 1964, стр. 20).

[103] О задачах исследования вариантности в связи с „ортологией" см.: О. С. Ахманова, Ю. А. Бельчиков, В. В. Веселитский. К вопросу о «правильности» речи.— ВЯ, 1960, № 2; О. С. Ахманова, В. В. Веселитский. О «словарях правильной речи» («dictionaries of usage»). «Лексикографический сборник», вып. IV. М., 1960; О. С. Ахманова, В. Ф. Беляев, В. В. Веселитский. Об основных понятиях „нормы речи" (ортология). „Филол. науки", 1965, № 4.

листических факторов. Проблема взаимосвязи «норма — стилистика» выступила на первый план благодаря работам акад. В. В. Виноградова.

Изучение стилистики современного русского языка мыслится В. В. Виноградовым как «база для обоснованного решения вопросов культуры речи»[104]; в неменьшей степени это относится и к проблемам нормы. Задачи нормализации требуют изучения «речевой жизни» общества в целом, т. е. «изучения норм языка на всех уровнях языковой системы в их отстоявшихся формах, противоречиях и вновь развивающихся тенденциях», с учетом разных сфер употребления [105]. Это обусловливает задачу взаимосвязи исследований в области нормы и стилистики: «Освоение и определение языковой нормы связано с теоретическим овладением всей системой стилей языка» [106]; в свою очередь, «анализ стилистических явлений опирается на понятие нормы и ее возможных вариаций» [107].

В. В. Виноградов отмечает, что «единство», «степень обязательности» и «широта действия» нормы варьируются не только в «разные периоды истории литературного языка» и «по отношению к разным сторонам языка»: они различны и в разных стилях [108]. Стилистическая дифференциация отражается и в кодификации: «Интенсивность и строгость нормализации неоднородны также в разных типах или стилях литературного языка» [109].

---

[104] В. В. Виноградов. Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры.— ВЯ, 1961, № 4, стр. 4.

[105] В. В. Виноградов. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания.— ВЯ, 1964, № 3, стр. 9.

[106] В. В. Виноградов. Задачи советского языкознания..., стр. 30.

[107] В. В. Виноградов. Итоги обсуждения вопросов стилистики.— ВЯ, 1955, № 1, стр. 66.

[108] Ср. замечания Л. В. Щербы о различии в обязательности литературной нормы в литературной («монологической») и разговорной («диалогической») речи («Избр. работы по русскому языку», стр. 116). Ср. также любопытные наблюдения над «ростом внутристилевой нормативности» в научном стиле — в статье: О. А. Лаптева. О некоторых синтаксических тенденциях в стиле современной научной прозы. «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., 1966.

[109] В. В. Виноградов. Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР, стр. 57.

Ср. характеристику Ф. П. Филиным нормы, повернутую в план стилистической дифференциации: «Норма — общепринятые в данном языковом коллективе на данном отрезке времени языковые средства, которые употребляются при любой речевой ситуации или преимущественно только в частных видах языкового общения». При этом разграничиваются стили и «формы существования языка», или «языковые подсистемы (язык науки, язык художественной литературы, производственные диалекты и т. п.)»., обладающие своими нормами. «Употребление специфических особенностей той или иной подсистемы в общем языке или в других подсистемах представляется нарушением нормы и вызывает стилистические эффекты» [110].

Однако изучение «речевой жизни» общества должно вестись не только в «историко-результативном» («нормативно-стилистическом, или инструктивно-регулятивном») аспекте, но и в «динамическом» («объективно-историческом») аспекте [111]. Таким образом, рассмотрение взаимосвязи нормы и стилистической системы примыкает к другой, более широкой задаче — изучению нормы в историческом аспекте. Так, «стилистическая оценка норм» должна вытекать «из ясного понимания исторических закономерностей развития языка»; в частности, процессы перемещения языковых средств из одного стиля в другой и изменения их стилистической окраски приводят к «видоизменению норм» [112].

Выдвигается актуальная для истории литературных языков задача — «определение понятия нормы для разных периодов в истории языка и для нашего времени» [113]. Это диктует необходимость выяснения «степени охвата... нормой в разные исторические периоды разных ярусов или уровней литературного языка, раскрытия социально-исторических условий и структурных качеств разных видов

---

[110] Ф. П. Филин. О нормах и стилях литературного языка, стр. 16. — Ср.: «...соотношение литературной нормы и ее многоступенчатых вариантов» (Э. Макаев. К методике сопоставительного изучения современных германских литературных языков. «Проблема нормы и социальная дифференциация языка»..., стр. 8).

[111] В. В. Виноградов. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания, стр. 6, 9.

[112] В. В. Виноградов. Задачи советского языкознания..., стр. 30. — См. характеристику указанных процессов в кн.: «Лексика современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 129—150.

[113] В. В. Виноградов. Задачи советского языкознания..., стр. 30.

или типов нормы»[114]. Например, в исследовании «От языка немецкой народности к немецкому национальному языку» М. М. Гухман «особо выделяет понятие «нормы», имеющее разное содержание на различных этапах развития литературного немецкого языка»[115]. Ср. также исторически-дифференцированный подход к понятию «областной вариант литературного языка» — в зависимости от эпохи, донациональной или национальной[116].

В связи с этим ставится проблема разработки «понятия нормы в историческом аспекте»[117].

Возможен и иной аспект постановки проблемы исторического подхода к норме. Так, Р. А. Будагов выдвигает понятие «тип нормы литературного языка», рассматривая две его разновидности: 1) обусловленную территориальными и историческими факторами (например, различие норм португальского и бразильского вариантов португальского языка) и 2) обусловленную особенностями функционирования языка в определенных исторических условиях (например, различие норм двух «разговорных» языков в в чешском)[118].

7. После некоторого перерыва в советском языкознании вновь наметился интерес к исследованию социального аспекта языковой нормы. «Среди советских языковедов в прошлом имело место преувеличение значимости со-

---

[114] В. В. Виноградов. Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпоху. М., 1963, стр. 8.

[115] В. Н. Ярцева. Развитие литературных языков, стр. 55.

[116] В. В. Виноградов. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967, стр. 92.— Ср. постановку проблемы областных вариантов применительно к русскому литературному языку (например: «Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры». М., 1968, стр. 190) и критику этого тезиса (Ф. П. Филин. Об изучении общественных функций языка, стр. 285); в данном случае спор идет главным образом вокруг системности этих «вариантов». Ср. также различение вариантов стандартного языка и «зон, возникающих в результате дифференцированного употребления отдельных языковых особенностей стандартного языка» (Д. Брозович. Славянские стандартные языки и сравнительный метод, стр. 18—19).

[117] В. В. Виноградов. Проблемы литературных языков..., стр. 43.

[118] Р. А. Будагов. Литературные языки и языковые стили. М., 1967, стр. 36—39, 372.

циальных факторов в развитии языка... За последние годы стала получать распространение другая крайность: язык стал рассматриваться только как замкнутая в себе система»,— отмечает Ф. П. Филин [119]. Принято считать это «результатом.. четкого разграничения сфер действия лингвистики внешней и лингвистики внутренней», сформулированного Ф. де Соссюром и ставшего «аксиомой для большинства современных языковедов» [120]; в том же направлении, по-видимому, могло действовать и влияние Пражской лингвистической школы, по признанию самих пражцев, «не учитывающей в достаточной мере взаимные связи между языком и обществом» [121]. Отмеченная тенденция коснулась и изучения проблемы нормы (ср. хотя бы : «Собственно лингвистическое определение понятия «норма», «нормированный язык» (должно быть лишено социальной окраски...» [122]). И только теперь стал заметен «поворот к социально-лингвистической тематике» (Ф. П. Филин) — в широком лингвистическом плане.

Осмысляя понимание нормы у Э. Косериу, Г. В. Степанов разграничивает два аспекта данного понятия: 1) «объективный» — связанный с «возникновением потенциальных возможностей различной реализации языковых средств, предоставляемых языком как системой» (проблема «система — норма»), и 2) «аксиологический» — связанный с «принятием, осознанием тех или иных средств языкового выражения как правильных, образцовых». И хотя в работах самого Э. Косериу внимание сосредоточено на первом аспекте [123], очевидно, что второй аспект не может быть сведен к «чисто языковым (структурным)

---

[119] Ф. П. Филин. Проблема социальной обусловленности языка. «Язык и общество. Тезисы докладов». М., 1966, стр. 4—5.

[120] В. Н. Ярцева. Проблема связи языка и общества в современном зарубежном языкознании. «Язык и общество». М., 1968, стр. 39.

[121] Б. Трнка и др. К дискуссии по вопросам структурализма.— ВЯ, 1957, № 3, стр. 51.

[122] С. С. Линский. О социальном аспекте языковой нормы. «Тези доповідей та повідомлення Міжвузівської конференції з питань теорії та методики викладання іноземних мов». Ужгород, 1964, стр. 31.

[123] Г. В. Степанов. О двух аспектах понятия языковой нормы, стр. 226, 227, 230.

проблемам»: «В самом факте отбора выступает историческая и социальная обусловленность общенародной нормы» [124].

В оживлении интереса к социологии языка значительную роль сыграли работа в Институте русского языка АН СССР над темой «Русский язык и советское общество» и деятельность Научного совета по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций». Знаменательно, что, ориентируясь на научно сформулированную реальную языковую политику, социолингвистика одну из своих задач видит — подобно культуре речи — «в значительном усилении сознательного воздействия общества на функционирование, развитие и взаимодействие языков» [125]. Правда, лингвистическая социология пока не продвинула сколько-нибудь заметно вперед теоретического исследования нормы; так, выдвинутая И. П. Мучником и М. В. Пановым в числе других языковых антиномий «антиномия узуса и возможностей языковой системы» [126] (или «антиномия системы и нормы» [127]) фактически остается в рамках концепции Э. Косериу.

Заслуживает быть отмеченной постановка М. М. Гухман и Н. Н. Семенюк вопроса о некоторых аспектах социологического изучения литературного языка. Среди них — задача «определения и изучения социальной основы литературных норм и социальной базы кодификационных процессов». Эта задача включает такие вопросы, как: 1) «соотношение между общественными сферами использования литературного языка и характером его норм»; 2) «границы социально обусловленного варьирования, допускаемого нормой конкретного языка» [128].

Внимание советских языковедов последнее время привлекает также опыт японских лингвистов, исследующих «языковое существование». Эта теория изучает обществен-

---

[124] М. М. Гухман. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку, ч. I. М., 1955, стр. 13.

[125] Ю. Д. Дешериев. Проблема функционального развития языков и задачи социолингвистики. «Язык и общество», стр. 62.

[126] «Лексика современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 25.

[127] Л. П. Крысин. К соотношению системы языка и его нормы.— РЯШ, 1968, № 2, стр. 17.

[128] М. М. Гухман, Н. Н. Семенюк. О социальном аспекте рассмотрения литературного языка. «Проблема нормы и социальной дифференциации языка (тезисы докладов)», стр. 7—8.

ную речевую практику, зависимость «языкового акта» от внеязыкового контекста (социальных условий) [129]. Данный аспект социологии языка возродил у советских лингвистов интерес к проблеме типологии речи [130] (выдвинутой еще Л. П. Якубинским [131]). И хотя типология речи рассматривает не понятие нормы непосредственно, а речевую деятельность в социальном плане, тем не менее уяснение модели функционирования системы в разнородных контекстах ситуации [132] могло бы иметь существенное значение для характеристики языковой нормы.

Последние годы характеризуются также формированием на стыке двух наук (психологии и лингвистики) новой научной дисциплины — психолингвистики, складывающейся, и прежде всего в работах А. А. Леонтьева, как общая теория речевой деятельности. И если пока еще проблема нормы не стоит в психолингвистике, то можно с достаточным основанием предположить, что задача построения полной модели речевого процесса [133] потребует от исследователей-психолингвистов выяснения места и природы языковых правил, являющихся бессознательным обобщением речевого опыта говорящих, и тем самым выдвинет нормативный аспект как одну из психолингвистических проблем [134].

Активизировавшаяся в последнее время работа в области социальной психологии привлекает внимание языковедов постановкой вопроса о роли нормы в соотнесении с «социальной ролью» индивидуума [135]. В частности, в

[129] См.: Н. И. Конрад. О «языковом существовании».— «Японский лингвистический сборник». М., 1959; С. В. Неверов. «Языковое существование» и методы его изучения. «Народы Азии и Африки», 1964, № 6; Он же. Об истоках теории «языкового существования».— «Историко-филол. исследования...».

[130] А. А. Холодович. О типологии речи. «Историко-филол. исследования ...»; Р. А. Будагов. О типологии речи. «Русская речь», 1967, № 6.

[131] Л. П. Якубинский. Указ. соч.

[132] О. С. Ахманова. Отличительные черты советского языкознания. «Проблемы современной лингвистики». М., 1968, стр. 7.

[133] См.: А. А. Леонтьев. Психолингвистика. Л., 1967; «Теория речевой деятельности (проблемы психолингвистики)». М., 1968.

[134] См. гл. 27 проспекта коллективной монографии «Основы теории речевой деятельности» («Материалы II симпозиума по психолингвистике». М., 1968, стр. 101).

[135] См., например: В. Б. Ольшанский. О некоторых механизмах взаимосвязи общества и личности (социально-психологическое исследование). Автореф. канд. дисс. М., 1968.

социальной психологии определился подход к норме со стороны предела ее функционирования [136]; с аналогичных позиций наметился подход к норме и в области семиотики (так называемая «семиотика запретов» [137]).

Можно предполагать, что многосторонний, комплексный подход к норме: широкий фронт работ по осмыслению вариантных способов выражения, заложенных в системе языка, намечающийся «стык» со стилистикой и, наконец, исследование социального аспекта нормы в связи с разнообразием экстралингвистических факторов и речевых ситуаций — поможет глубже уяснить основные черты языковой нормы и закономерные ее связи с другими сторонами языка. Необходимыми условиями для исследования этого широкого комплекса проблем, в частности, являются: «детальное описание системы норм (как различных уровней языка, так и отдельных функциональных стилей)...; изучение процессов, происходящих в устной и письменной разновидностях современного русского языка (прежде всего, в разговорно-просторечной сфере..., в деловой речи и языке газеты...); выявление «лингвистических вкусов» и выработка языковой политики нашего общества» [138].

Несомненно, что углублению теоретической разработки проблем языковой нормы должно способствовать также то, что в последние годы в советской лингвистике значительное внимание стало уделяться функциональной стороне языка; это обстоятельство нашло свое практическое выражение в оживлении интереса со стороны исследователей к весьма широкому кругу вопросов стилистики и культуры речи (как в русском языке, так и в других языках) [139].

---

[136] Б. Ф. Поршнев. Социальная психология и история. М., 1966, стр. 144.

[137] И. А. Чернов. О семиотике запретов (предварительное сообщение). «Труды по знаковым системам», III («Уч. зап. Тартуского ун-та», вып. 198), 1967.

[138] В. Г. Костомаров. Б. С. Шварцкопф. Работы по вопросам культуры русской речи (1962—1965).— ВЯ, 1965, № 4, стр. 128.

[139] В настоящем обзоре учтена литература, опубликованная до конца 1968.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЯ — «Вопросы языкознания». М.

ВКР — «Вопросы культуры речи», вып. I—VIII. М., 1955—1967.

ПЛК — «Пражский лингвистический кружок». М., 1967.

РЯШ — «Русский язык в школе» (до 1931 г.— «Русский язык в советской школе»). М.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

НОРМА И ЕЕ КОДИФИКАЦИЯ 9
В. А. Ицкович

НОРМА. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК. КУЛЬТУРА РЕЧИ 40
Л. И. Скворцов

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И ДИАЛЕКТЫ 104
Т. С. Коготкова

ЕДИНИЦА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА ЯЗЫКА И НОРМА 153
Б. С. Шварцкопф

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ И КУЛЬТУРА РЕЧИ 178
Г. А. Золотова

О СКЛОНЕНИИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ (МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП НА *-а* НЕУДАРНОЕ) 218
Л. П. Калакуцкая

НОВЫЕ СЛОВА, ИХ ПРИНЯТИЕ И НОРМАТИВНАЯ ОЦЕНКА (ПРОБЛЕМА НОВЫХ СЛОВ В КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОМ АСПЕКТЕ) 243
Г. И. Миськевич, Л. К. Чельцова

ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И ОБЩЕСТВЕННО-ГРУППОВЫХ ОЦЕНОК РЕЧИ 277
Б. С. Шварцкопф

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ И КУЛЬТУРА РЕЧИ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА) 305
В. П. Даниленко

НОРМА И СТАТИСТИКА 326
Л. К. Граудина

ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА НОРМУ В СОВЕТСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ 369
Б. С. Шварцкопф

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

*

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

*

Редактор издательства **Л. М. Гаврилова**
Художественный редактор **Т. П. Поленова**
Художник **А. А. Люминарский**
Технический редактор **И. Н. Жмуркина**

*

Сдано в набор 24/XI-1969 г. Подписано к печати 25/III—1970 г.
Формат 84×108¹/₃₂ Бумага № 1 Усл. печ. л. 21,42
Уч.-изд. л. 22,1 Тираж 7500 экз. Тип. зак. 3085
Цена 1 р. 58 к.

Издательство «Наука». Москва К-62, Подсосенский пер., д. 21
2-я типография Издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10